Артур Конан Дойл

Сквозь волшебную дверь

Мистические рассказы

ИЗДАТЕЛЬСТВО
КЛУБ СЕМЕЙНОГО ДОСУГА

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

В настоящей книге Конан Дойл – автор несколько необычных для читателя сюжетов. В первой части он глубоко анализирует произведения наиболее талантливых, с его точки зрения, писателей, как бы открывая «волшебную дверь» и увлекая в их творческую лабораторию. Во второй части книги читатель попадает в мистический мир, представленный, тем не менее, так живо и реально, что создается ощущение, будто описанные удивительные события происходят наяву.

- Артур Конан Дойл
  -
  - Сквозь волшебную дверь
    - I
    - II
    - III
    - IV
    - V
    - VI
    - VII
    - VIII
    - IX
    - X
    - XI
    - XII
  - Мистические рассказы
    - Рассказ американца
    - Капитан «Полярной звезды»
    - Большой эксперимент в Кайнплатце[39]
    - Кольцо Тота{471}
    - De Profundis[60]
    - Морское путешествие Джелланда
    - Игра с огнем
    - Дьявол из бондарни
    - Серебряное зеркало
    - Кожаная воронка
    - Ужас Пещеры Синего Джона
    - Как это произошло
    - Ужас в небесах
    - Задира из Брокас-холла
  - Комментарии
- notes

- Примечания
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21
  - 22
  - 23
  - 24
  - 25
  - 26
  - 27
  - 28
  - 29
  - 30
  - 31
  - 32
  - 33
  - 34
  - 35
  - 36
  - 37
  - 38
  - 39
  - 40
  - 41
  - 42
  - 43

- 44
- 45
- 46
- 47
- 48
- 49
- 50
- 51
- 52
- 53
- 54
- 55
- 56
- 57
- 58
- 59
- 60
- 61
- 62
- 63
- 64
- 65
- 66
- 67
- 68
- 69
- 70
- 71

○ Комментарии

- 1
- 2
- 3
- 4
- 5
- 6
- 7
- 8
- 9
- 10
- 11
- 12
- 13
- 14
- 15

- 16
- 17
- 18
- 19
- 20
- 21
- 22
- 23
- 24
- 25
- 26
- 27
- 28
- 29
- 30
- 31
- 32
- 33
- 34
- 35
- 36
- 37
- 38
- 39
- 40
- 41
- 42
- 43
- 44
- 45
- 46
- 47
- 48
- 49
- 50
- 51
- 52
- 53
- 54
- 55
- 56
- 57
- 58
- 59

- 60
- 61
- 62
- 63
- 64
- 65
- 66
- 67
- 68
- 69
- 70
- 71
- 72
- 73
- 74
- 75
- 76
- 77
- 78
- 79
- 80
- 81
- 82
- 83
- 84
- 85
- 86
- 87
- 88
- 89
- 90
- 91
- 92
- 93
- 94
- 95
- 96
- 97
- 98
- 99
- 100
- 101
- 102
- 103

- 104
- 105
- 106
- 107
- 108
- 109
- 110
- 111
- 112
- 113
- 114
- 115
- 116
- 117
- 118
- 119
- 120
- 121
- 122
- 123
- 124
- 125
- 126
- 127
- 128
- 129
- 130
- 131
- 132
- 133
- 134
- 135
- 136
- 137
- 138
- 139
- 140
- 141
- 142
- 143
- 144
- 145
- 146
- 147

- 148
- 149
- 150
- 151
- 152
- 153
- 154
- 155
- 156
- 157
- 158
- 159
- 160
- 161
- 162
- 163
- 164
- 165
- 166
- 167
- 168
- 169
- 170
- 171
- 172
- 173
- 174
- 175
- 176
- 177
- 178
- 179
- 180
- 181
- 182
- 183
- 184
- 185
- 186
- 187
- 188
- 189
- 190
- 191

- 192
- 193
- 194
- 195
- 196
- 197
- 198
- 199
- 200
- 201
- 202
- 203
- 204
- 205
- 206
- 207
- 208
- 209
- 210
- 211
- 212
- 213
- 214
- 215
- 216
- 217
- 218
- 219
- 220
- 221
- 222
- 223
- 224
- 225
- 226
- 227
- 228
- 229
- 230
- 231
- 232
- 233
- 234
- 235

- 236
- 237
- 238
- 239
- 240
- 241
- 242
- 243
- 244
- 245
- 246
- 247
- 248
- 249
- 250
- 251
- 252
- 253
- 254
- 255
- 256
- 257
- 258
- 259
- 260
- 261
- 262
- 263
- 264
- 265
- 266
- 267
- 268
- 269
- 270
- 271
- 272
- 273
- 274
- 275
- 276
- 277
- 278
- 279

- 280
- 281
- 282
- 283
- 284
- 285
- 286
- 287
- 288
- 289
- 290
- 291
- 292
- 293
- 294
- 295
- 296
- 297
- 298
- 299
- 300
- 301
- 302
- 303
- 304
- 305
- 306
- 307
- 308
- 309
- 310
- 311
- 312
- 313
- 314
- 315
- 316
- 317
- 318
- 319
- 320
- 321
- 322
- 323

- 324
- 325
- 326
- 327
- 328
- 329
- 330
- 331
- 332
- 333
- 334
- 335
- 336
- 337
- 338
- 339
- 340
- 341
- 342
- 343
- 344
- 345
- 346
- 347
- 348
- 349
- 350
- 351
- 352
- 353
- 354
- 355
- 356
- 357
- 358
- 359
- 360
- 361
- 362
- 363
- 364
- 365
- 366
- 367

- 368
- 369
- 370
- 371
- 372
- 373
- 374
- 375
- 376
- 377
- 378
- 379
- 380
- 381
- 382
- 383
- 384
- 385
- 386
- 387
- 388
- 389
- 390
- 391
- 392
- 393
- 394
- 395
- 396
- 397
- 398
- 399
- 400
- 401
- 402
- 403
- 404
- 405
- 406
- 407
- 408
- 409
- 410
- 411

- 412
- 413
- 414
- 415
- 416
- 417
- 418
- 419
- 420
- 421
- 422
- 423
- 424
- 425
- 426
- 427
- 428
- 429
- 430
- 431
- 432
- 433
- 434
- 435
- 436
- 437
- 438
- 439
- 440
- 441
- 442
- 443
- 444
- 445
- 446
- 447
- 448
- 449
- 450
- 451
- 452
- 453
- 454
- 455

- 456
- 457
- 458
- 459
- 460
- 461
- 462
- 463
- 464
- 465
- 466
- 467
- 468
- 469
- 470
- 471
- 472
- 473
- 474
- 475
- 476
- 477
- 478
- 479
- 480
- 481
- 482
- 483
- 484
- 485
- 486
- 487
- 488
- 489
- 490
- 491
- 492
- 493
- 494
- 495
- 496
- 497
- 498
- 499

- 500
- 501
- 502
- 503
- 504
- 505
- 506
- 507
- 508
- 509
- 510
- 511
- 512
- 513
- 514
- 515
- 516
- 517
- 518
- 519
- 520
- 521
- 522
- 523
- 524
- 525
- 526
- 527
- 528
- 529
- 530
- 531
- 532
- 533
- 534
- 535
- 536
- 537
- 538
- 539
- 540
- 541
- 542
- 543

- 544
- 545
- 546
- 547
- 548
- 549
- 550
- 551
- 552
- 553
- 554
- 555
- 556
- 557
- 558
- 559
- 560
- 561
- 562
- 563
- 564
- 565
- 566
- 567
- 568
- 569
- 570
- 571
- 572
- 573
- 574
- 575
- 576
- 577
- 578
- 579
- 580
- 581
- 582
- 583
- 584
- 585

Артур Конан Дойл
Сквозь волшебную дверь. Мистические рассказы (сборник)

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», издание на русском языке, 2010, 2011

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», перевод и художественное оформление, 2010

Никакая часть данного издания не может быть скопирована или воспроизведена в любой форме без письменного разрешения издательства

Сквозь волшебную дверь

I

Для меня не важно, ни сколько полок в вашем книжном шкафу, ни как часто вы наведываетесь в ту комнату, которую он украшает. Но зайдите в эту комнату, закройте за собой дверь, оставьте за ее порогом все волнения повседневности, погрузитесь в спокойствие, которое подарит вам общество великих мертвецов. И перед вами откроется волшебная дверь, ведущая в те благодатные края, куда нет входа вашим волнениям и горечи, где все вульгарное и мерзкое остается позади, и где, выстроившись рядами, вас ждут благородные молчаливые друзья. Окиньте взглядом этот строй. Выберите кого-то одного. Вам останется лишь протянуть к нему руку, и вместе вы отправитесь в мир грез. Наверняка стоящие рядами книги могли бы внушить страх, если бы их вид не был нам столь привычен. Ведь каждая из них – это мумифицированная душа, облаченная в саван из картона, кожи и печатной краски. Под каждой обложкой настоящей книги скрывается собранная в сгусток сущность человека. Личности их авторов превратились в расплывчатые тени, так же как тела их обратились в неосязаемый прах, но души их находятся в вашей власти.

Привычка порой заставляет нас забывать и о том, какое огромное, поразительное богатство находится в наших руках. Давайте представим, что неожиданно мы узнаем, будто на землю вернулся Шекспир и любому из нас он может в течение часа дарить свой ум и свое воображение. Как страстно мы будем искать встречи с ним! Но ведь он и так находится рядом с нами! Лучшее, что он может дать изо дня в день, только руку протяни. Но мы не думаем об этом и не снимаем с полки старый томик. Не важно, в каком настроении человек. Когда он пройдет через волшебную дверь, величайшие умы человечества разделят его с ним. Если он задумчив, его ждут короли мысли. Если он погружен в мечты, к его услугам мастера фантазии. Может быть, ему скучно? Тогда ему лишь стоит подать знак любому из великих рассказчиков, и кто-то из мертвых часами будет занимать его внимание. Мертвые – до того славная компания, что иногда, следуя за ними, начинаешь забывать о живых. Для многих из нас это действительно грозная опасность, ибо в обществе мертвых мы рискуем так и не научиться мыслить самостоятельно, так и не обрести собственную душу. И все же чужие приключения и чужие переживания лучше безвкусной и пресной, убивающей душу рутины, которую большей части человеческой расы дает современная жизнь. Лучше всего, когда мудрость и сила мертвеца

служат дополнением к жизни полной и активной.

Что ж, волшебная дверь открыта. Заходите ко мне, располагайтесь на зеленом диванчике, вон там, рядом со старой дубовой этажеркой с неровными рядами книг. Если хотите, можете закурить. Хотите, я расскажу вам об этих книгах? О, большего мне и не надо, ведь каждый из этих томов – мой близкий и дорогой друг, а разве может быть более приятная тема для рассказа? Остальные книги стоят вон там, но эти – мои любимые, те, которые я перечитываю и все время держу рядом с собой. Каждая из этих старых обложек вызывает у меня приятные воспоминания.

Ради некоторых из них мне пришлось чем-то пожертвовать, но от этого моему сердцу они стали только дороже. Видите ряд старых коричневых томов на нижней полке? Каждый из них – это один мой обед. Я покупал их в студенческие годы, когда своих денег у меня не водилось. На бутерброд и кружку пива мне выдавалось три пенса в день, но, к счастью, моя дорога в колледж пролегала мимо замечательного книжного магазинчика. Рядом с его входом стояла большая коробка, полная старых потрепанных книг, а над ней висела табличка, где сообщалось, что любую из них можно приобрести именно за ту сумму, которая обычно лежала у меня в кармане. Книги в коробке постоянно менялись, поэтому каждый раз, когда я приближался к этому месту, внутри меня разгоралась борьба между молодым телом, вечно чувствующим голод, и пытливым, всепоглощающим разумом. В пяти случаях из шести побеждало животное. Но когда верх брал разум, следовало пять захватывающих минут копания в старых альманахах, пособиях по шотландскому богословию, логарифмических таблицах, и наступал чарующий миг находки. Посмотрите на названия, и вы поймете, что я был не так уж плох в выборе. Четыре тома «Тацита» Гордона[{1}] (если есть хороший перевод, не стоит тратить время и силы на чтение оригинала), эссе сэра Вильяма Темпла[{2}], работы Аддисона[{3}], «Сказки бочки» Свифта[{4}], «История» Кларендона[{5}], «Жиль Блаз»[{6}], стихотворения Бэкингема[{7}] и Черчилля[{8}], «Жизнь Бэкона»[{9}]… Совсем неплохо для старой коробки с товаром по три пенса.

Но не всегда книги эти были в такой плебейской компании. Посмотрите на дорогую кожу переплета, на золотое тиснение на корешках. Когда-то они украшали полки какой-нибудь достойной библиотеки, и даже среди старых альманахов и молитвенников они сохранили следы былого величия, как увядшее шелковое платье в гардеробе обедневшей благородной дамы, которое сейчас навевает лишь грусть, а было время – приковывало к себе восхищенные взгляды.

В наши дни, когда выходят дешевые книги в бумажных обложках и существуют бесплатные библиотеки, чтение сделалось общедоступным занятием. Люди мало ценят то, что дается им без труда. Кому в наши дни знакомо то волнение, которое ощущал, спеша домой с шестью томами «Истории» Гиббона{10} под мышкой, Карлейль{11}, когда разум его испытывал голод, заставивший его прочитать их все в течение одного дня? Книга должна принадлежать только вам, чтобы вы могли почувствовать ее вкус. Если вам не пришлось потрудиться, чтобы добыть ее, вы никогда не испытаете внутренней гордости от обладания ею.

Если бы мне пришлось выбирать из этого ряда книгу, которая принесла мне наибольшее удовольствие и самую большую пользу, я бы указал вон на тот старенький томик, это «Очерки» Томаса Бабингтона Маколея{12}. Когда я вспоминаю свою жизнь, мне кажется, что эта книга была рядом со мной всегда. Она была моим другом в студенческие годы, она побывала со мной под жарким солнцем Золотого Берега{13}, она была частью моего скромного багажа, когда в Арктике я охотился на китов{14}. Славные шотландские гарпунеры ломали над ней голову, на одной странице еще видны темные маслянистые пятна, в этом месте второй механик взялся осилить «Фридриха Великого»{15}. Потрепанная, грязная, рассыпающаяся, эта книжка мне дороже любого тома с золотым обрезом в переплете из марокканской кожи{16}.

До чего прекрасен и богат тот мир, в который этот скромный ход приведет любого, кто неравнодушен не только к литературе, но и к истории! Мильтон{17}, Макиавелли{18}, Хеллем{19}, Саути{20}, Беньян{21}, Байрон{22}, Джонсон{23}, Питт{24}, Хэмпден{25}, Клайв{26}, Гастингс{27}, Чатам…{28} Целая вселенная для размышлений. Поняв каждого из них, до чего приятно и просто узнавать все, что находится между ними! Краткость и ясность слога, широта сравнений и отсылок, точность деталей околдовывают, пробуждают даже у наименее любознательного из читателей желание узнать больше. Если и Маколею не удастся вывести читателя на этот прекрасный путь, такой человек может вовсе оставить надежду ступить на него.

Когда я заканчивал колледж, эта книга (не именно этот экземпляр, поскольку у него был еще более ветхий предшественник) открыла мне целый новый мир. Раньше история была для меня скучным школьным предметом. И вдруг ненавистные задания открыли путь в волшебную страну, полную восхитительных красок и чудес, где добрый и мудрый проводник всегда ждал меня, чтобы указать верную дорогу. Его

великолепный стиль изложения захватил меня настолько, что я восхищался даже его недостатками… Сейчас, когда я начинаю думать об этом, мне кажется, что именно за эти недостатки я его и любил. У него нет ни одного слишком тяжеловесного предложения, ни одного слишком сложного противопоставления. Все легко и понятно. Мне доставляло удовольствие читать, что «безудержный хохот, раскаты которого прокатились от Тежу до Вислы[29], дал понять Папе, что эпоха Крестовых походов подошла к концу», и я испытывал радость, узнавая, что у леди Джернингхем была ваза, в которую люди складывали дурацкие стишки, и «мистер Дэш сочинял стихотворения, достойные вазы леди Джернингхем». Такие предложения наполняли меня смутным, но долгим ощущением счастья, как гармонии, которые врезаются в память музыканта. Взрослея, человек переходит на более простую литературную пищу, но до сих пор, когда я просматриваю «Очерки», я чувствую восхищение и изумляюсь таланту писателя, который любую, даже самую серьезную тему может сделать увлекательной, расцветив ее интересными подробностями. В них вы найдете и смелый мазок кистью, и тончайшую прорисовку. Ведя читателя по выбранной дороге, он неизменно указывает на те разветвления, которые встречаются по пути и заманчиво уходят в разные стороны. Можно получить неплохое, хотя и несколько отставшее от современности образование, если изучить все те книги, ссылки и намеки на которые имеются в «Эссе». Если какой-нибудь молодой человек на такое решится, мне было бы очень любопытно узнать, в каком возрасте он закончит эту работу.

Жаль, что Маколей не написал ни одного исторического романа. Я убежден, что это было бы великое произведение. Мне не известно, был ли он наделен талантом создавать вымышленных персонажей, но он точно обладал даром воскрешать на своих страницах живших в ту или иную эпоху известных личностей. Прочитайте хотя бы этот короткий простой отрывок, в котором он описывает Джонсона и воссоздает его окружение. Все очень кратко, но до чего образно и живо!

«Перед нами клубная комната. На столе – омлет для Ньюджента[30] и лимоны для Джонсона. Вокруг – те, чьи лица будут жить вечно на полотнах Рейнольдса[31]. Очки Берка[32], высокая и тощая фигура Лангтона[33], манерная усмешка Боклерка[34] и широкая улыбка Гаррика[35], Гиббон, барабанящий пальцами по табакерке, сэр Джошуа[36] со слуховой трубкой у уха. На переднем плане – та странная фигура, которая знакома нам с детских лет: богатырское тело, огромное тяжелое лицо, усеянное оспинами, коричневый сюртук, черные шерстяные

чулки, седой парик, грязные руки, ногти, обрезанные и обкусанные до самого мяса. Мы видим, как резко, словно в конвульсии, двигаются глаза и губы; мы видим, как эта махина медленно раскачивается из стороны в сторону. Мы слышим шумное дыхание, а потом раздается: “Сэр!”, “Что было потом, сэр?”, “Нет, сэр!”, “Вы не понимаете сути вопроса, сэр!”»{37}

Такое врезается в память навсегда.

Помню, когда мне было шестнадцать лет, я приехал в Лондон, и первое, что я сделал, освободившись от багажа, – отправился на могилу Маколея в Вестминстерское аббатство{38}, где он лежит в тени Аддисона рядом с прахом тех поэтов, которых он так любил. То было единственное, что привлекало меня в Лондоне. И, когда я думаю, чем я ему обязан, мне это не кажется удивительным. Эрудиция и тяга ко всему новому; мягкая, спокойная манера выражаться и широкий, свободный взгляд на жизнь, лишенный предрассудков и нетерпимости. Весь мой нынешний жизненный опыт полностью подтверждает мои тогдашние мысли о нем.

Как видите, справа от «Очерков» стоит четырехтомное издание «Истории». Припоминаете третью главу из нее, ту, в которой описывается Англия семнадцатого века? Это изумительное сочетание точности в фактах и легкости изложения для меня всегда было эталоном мастерства Маколея. Население городов, статистические данные о торговле, факты повседневной жизни – рука гения превращает все это в удивительное и захватывающее изложение. Порой кажется, что он смог бы и таблицу умножения сделать интересной, если бы имел на то желание. Давайте рассмотрим конкретный пример. Казалось бы, о том, что во времена, когда путешествия были не таким уж простым делом, оказавшийся в деревне лондонец чувствовал себя точно так же не в своей тарелке, как и деревенский житель, приехавший в Лондон, можно было бы и не говорить, это разумеется само собой, и упоминание об этом вряд ли может оставить в памяти читателя какой-то след. Но посмотрите, как об этом пишет Маколей. И это лишь один из сотен других параграфов, в которых обсуждаются сотни других тем!

«В удаленной от города деревне кокни{39} ощущал к себе такое же внимание, какое вызвала бы его персона, случись ему оказаться в краале{40} готтентотов{41}. С другой стороны, когда какой-нибудь землевладелец из Линкольншира{42} или Шропшира{43} появлялся на Флит-стрит{44}, отличить от местного населения его было так же легко, как турка или индийца. Его одежда, походка, выговор, то, как он смотрел на витрины магазинов, проваливался в сточные канавы, бегал за грузчиком

или стоял под проливным дождем, делало его превосходной мишенью для разного рода жуликов и зубоскалов. Забияки норовили спихнуть его с дороги в кювет, извозчики специально наезжали на лужи, чтобы окатить его мокрой грязью с головы до ног, воры совершенно спокойно изучали содержимое огромных карманов его кучерской хламиды, пока он завороженно наблюдал за пышной процессией, устраивавшейся в день вступления в должность лорд-мэра{45}. Любители поживиться за чужой счет липли к нему со всех сторон и представлялись ему исключительно честными и приятными людьми. Самые вульгарные и опустившиеся девицы, которых гнали даже с Люкнер-лейн и Уэтстоун-парка, выдавали ему себя за графинь и фрейлин. Если он спрашивал дорогу в Сент-Джеймс{46}, ему указывали путь, который приводил его в Майл-энд. Если он заходил в магазин, ему тут же сбывался самый залежалый товар, который никто другой не взял бы и даром: старые вышивки, медные кольца, поломанные часы. Если ему случалось заглянуть в приличную кофейню, над ним откровенно смеялись высокомерные хлыщи и острили студенты-юристы из Темпла{47}. Взбешенный и испуганный, вскоре он возвращался в свою деревню, и там, в окружении домочадцев и за разговорами с друзьями, находил утешение и постепенно забывал об обидах и унижениях, через которые ему пришлось пройти. Там он снова становился большим человеком и не встречал никого выше себя по положению, кроме тех случаев, когда во время ассизов занимал место рядом с судьей или когда во время сборов в составе отряда народного ополчения приветствовал лорда-наместника»{48}.

По большому счету, я назвал бы этот отдельно взятый отрывок лучшим из его «Очерков», хотя он и из другой книги. Я считаю, что «История» как единое произведение не достигает уровня его более коротких сочинений. Создается впечатление, что все это взято из горячего выступления какого-нибудь ревностного вига и что мнению противной стороны ему следовало бы уделить больше внимания и места. Некоторые из его «Очерков», несомненно, несут на себе отголосок его политических и религиозных ограниченностей. Лучшими же я назвал бы те, в которых он выходит на широкие поля литературы и философии. Среди моих любимых: «Джонсон», «Уолпол»{49}, «Мадам д'Арбле»{50}, «Аддисон», два великолепных индийских очерка о Клайве и об Уоррене Гастингсе. «Фридрих Великий» также, несомненно, должен стоять в ряду лучших. Лишь один очерк я бы исключил из этого сборника. Это убийственная критика Монтгомери{51}. Приходится думать, что у Маколея сердце было

слишком добрым, а душа слишком мягкой, раз он позволил себе такие нападки. Но плохая работа и сама пойдет ко дну, не стоит вместе с ней топить и ее автора. Хотя, если бы не она, мое мнение о Маколее было бы еще выше.

Я не знаю, почему разговор о Маколее всегда наводит меня на мысли о Вальтере Скотте, книгам которого (в выцветших обложках оливкового цвета), как видите, у меня отведена целая полка. Возможно, потому что восхищался я ими в равной степени и оба они оказали на меня одинаково большое влияние. А может быть, все дело в том, что в их умах и характерах столь много общего. Не видите между ними ничего общего, говорите? Но вспомните «Песни шотландской границы» Скотта{52}, а потом – «Песни Древнего Рима» Маколея{53}. Механизмы должны быть сходны, если производимые ими продукты настолько похожи. Это, кажется, единственные два поэта, которые могли бы писать стихотворения друг друга так, что никто не почувствовал бы разницы. Размах и напористость характерны для обоих. Какая у обоих страсть к военной теме и ко всему благородному! Слова очень простые и в то же время сильные. Но есть люди, которые силу и простоту слога не считают достоинством. Они полагают, что, если произведение просто для понимания, оно поверхностно, забывая при этом, что часто именно мелководный поток бывает мутным, а глубокая вода – прозрачной. Помните неумную критику Мэтью Арнольда{54} в адрес восхитительных «Песен Древнего Рима», когда он вопрошает «и это поэзия?», приведя в пример следующие строки:

> Дано ль погибнуть краше,
> Чем пред лицом врагов,
> За веру предков наших
> И прах святой отцов?[1]

Желая показать, что Маколей не обладает поэтическим даром, он доказал лишь то, что сам напрочь лишен чувства драматизма. Очевидно, его раздражают оголенность идеи и простота слога, хотя именно в них и заключается истинное достоинство этого произведения. Маколей передает простую, грубую речь обыкновенного солдата, который обращается к двум товарищам с призывом помочь в благородном деле. Любые высокопарные слова здесь были бы не к месту и шли бы вразрез с характером персонажа. Мне кажется, что такие строки в данном контексте как нельзя лучше соответствуют стилю баллады и обладают тем драматизмом и смысловой наполненностью, которые свидетельствуют о мастерстве поэта. Мнение Арнольда

подорвало мое доверие к его таланту критика, и все же я многое могу простить человеку, который написал:

> Залп еще один – и пусть,
> Когда глаза закрою,
> Мне суждено навек уснуть
> Под крепостной стеною[2].

Душевный порыв передан совсем неплохо.

Человеческое общество еще не научилось понимать истинную ценность простых благородных слов. Когда это случится, они будут начертаны прямо на стенах домов во всех подобающих местах, и передвижение по городским улицам будет сопровождаться непрерывным впитыванием прекрасных мысленных порывов и образов, которые проецируются в наши души с печатных страниц. Когда думаешь о том, что люди проводят столько времени на улицах, думая «ни о чем», тогда как столько прекрасного остается не востребованным, становится горько и обидно. И я не имею в виду тексты Священного Писания, поскольку не для всех они имеют одинаковое значение, хотя я не знаю, как иначе можно понять призыв Христа работать днем, ибо за днем приходит ночь, когда человек работать не может{55}. Я говорю о тех прекрасных мыслях (кто скажет, что они не вдохновенны?), которые можно взять из стихотворений сотен поэтов и использовать для сотен разных благородных целей. Правильная мысль, высказанная красивым языком, – ценнейшее сокровище, его нельзя прятать от глаз, его нужно выставлять напоказ, его нужно использовать. За примером далеко ходить не надо. Через дорогу от моего дома стоит поилка для лошадей. Обычная каменная поилка, проходя мимо такой, человек не чувствует ничего, кроме, разве что, смутного раздражения от ее уродливого вида. А если бы на ее передней стенке были начертаны слова Колриджа{56}:

> Тот молится, кто любит все —
> Создание и тварь;
> Затем, что любящий их Бог
> Над этой тварью царь[3].

Я мог ошибиться в цитате, поскольку у меня под рукой нет «Поэмы о старом моряке»{57}, но даже в таком виде разве не сделало бы оно лошадиную поилку предметом более полезным? Мне кажется, все мы делаем нечто похожее для себя. Думаю,

немного найдется таких людей, у которых каминная полка в кабинете не украшена каким-нибудь любимым изречением или цитатой. Еще лучше, если кредо несет на себе сердце. Слова Карлейла «Отдых, отдых… Разве меня не ждет целая вечность на отдых?» – хороший стимул для уставшего человека. Подобный подход нужно применить в масштабах всего общества, и тогда люди поймут, что мысль, высеченная на камне, так же прекрасна, как любой вырезанный узор, и что через глаза эта красота проникает прямиком в душу.

Впрочем, все это не имеет никакого отношения к прекрасным «Песням» Маколея, за исключением того, что, если вам нужны яркие примеры мужества и патриотизма, из них вы можете насобирать целый букет. Когда-то в детстве мне посчастливилось выучить песнь «Гораций» наизусть. И в моем восприимчивом уме она запечатлелась так, что и до сих пор еще я могу пересказать ее почти полностью. Голдсмит отмечал, что разговаривал Маколей, как человек, у которого на банковском счету тысяча фунтов, но состязаться с тем, у которого в кармане действительно лежит шесть пенсов, он не мог. Так и получается, что одна баллада, которая хранится в памяти, значит больше, чем целая полка книг, которые еще ждут своего часа. Но я хотел бы, чтобы вы переместили взгляд чуть дальше по полке, к оливково-зеленым обложкам. Это мое издание Скотта, но, прежде чем я перейду к нему, вам, разумеется, нужно немного отдохнуть.

II

Замечательно, когда вступаешь в жизнь, имея собственное небольшое собрание действительно хороших книг. Поначалу вы можете не понимать их значения. Вас может тянуть к дешевым романам, полным самых невероятных и безвкусных приключений. Вы, возможно, и будете отдавать предпочтение им, но потом вам это наскучит, и в какой-нибудь дождливый день вы решите заполнить пустоту одной из тех по-настоящему достойных книг, которые так терпеливо дожидались, когда вы обратите на них внимание. И в этот день, который станет началом новой эпохи вашей жизни, вы вдруг почувствуете разницу. Вы увидите, и для вас это будет как вспышка молнии в небе, почему одни романы называют чтивом, а другие – литературой. Вы и после этого будете возвращаться к своим былым увлечениям, но теперь у вас появится почва для сравнения. Вы не сможете оставаться такими, какими были раньше. Постепенно хорошие книги станут вам дороже, они начнут оказывать влияние на ваш развивающийся мозг, станут частью того лучшего, что в вас заложено, и со временем у вас будет теплеть на сердце от одного взгляда на их корешки, потому что вы, как и я сейчас, вспомните, как много они для вас значили, и от этого полюбите их еще больше. Да-да, именно оливковые корешки романов Вальтера Скотта на моей полке подтолкнули меня к этим высокопарным словам. Это первые книги, которые я купил… Задолго до того, как смог оценить и даже понять их. Но потом-то я понял истинную ценность этого сокровища. Совсем еще мальчишкой я читал их по ночам при робком свете свечи, когда вокруг было темно и страшно, отчего дух захватывало еще больше. Вы, возможно, заметили, что «Айвенго» из другого издания. Оригинальный том был оставлен в траве у ручья, упал в воду и через три дня был найден бесформенным и распухшим в грязи на берегу. Правда, прежде чем потерять его, я успел зачитать эту книгу до дыр. К тому же хорошо и то, что прошло несколько лет, прежде чем была куплена замена пострадавшему то́му, потому что до его потери я не мог побороть в себе желание перечитать его еще раз вместо того, чтобы взяться за что-то новое.

Помню, покойный Джеймс Пейн{58} рассказывал мне историю о том, как он и несколько его друзей-литераторов решили выяснить, какую сцену в художественной литературе каждый из них считает самой драматичной. Каждый написал свой вариант на листе, и когда их сравнили, выяснилось, что все три выбрали одну и ту же. Это оказался эпизод из «Айвенго», когда в Ашби де

ла Зуш{59} неизвестный рыцарь, проехав мимо галерей, где сидели зрители, ударил острым концом щит грозного храмовника{60}, что означало бой на смерть. Это и в самом деле восхитительная сцена. И разве важно, что храмовникам устав ордена запрещал участвовать в столь легкомысленных мирских забавах, как турниры. Привилегия великих мастеров – подменять истинные факты теми, которые нужны им, и неучтиво выступать против этого. Разве не Уэнделл Холмс{61} описывал буквоеда, входившего в гостиную вооруженным парой-тройкой фактов так, словно ведет с собой разъяренных бульдогов, которых готов спустить на любое проявление фантазии? Великий писатель не может ошибиться. Если Шекспир наделяет Богемию морским побережьем{62}, а Виктор Гюго английскому боксеру дает имя мистер Джим-Джон-Джек{63}, значит, так оно и есть, и на этом хватит. «В этом месте на железной дороге нет развилки», – сказал один редактор начинающему писателю. «А у меня будет», – ответил писатель, и он имеет на это право, если читатель поверит ему.

Но вернемся к «Айвенго». Что это за книга! Я считаю ее вторым по величине историческим романом, написанным на английском языке. Каждый раз, перечитывая его, я восхищаюсь им еще больше. Вообще, образы воинов у Скотта всегда в той же мере сильны, в какой слабы образы женщин (хотя есть и исключения), но в «Айвенго», где воины как всегда на высоте, романтическая фигура Ревекки не менее важна, чем остальные персонажи.

Скотт изображал сильных мужчин, поскольку сам был сильным мужчиной, ему это было интересно. Юных героинь он вводил в повествования, потому что того требовала традиция, и он не обладал достаточной смелостью, чтобы сломать ее. Лишь прочитав с десяток глав подряд, где присутствие женщин сведено до минимума (например, длинная часть романа от начала турнира до окончания того эпизода, где выступает брат Тук), мы начинаем понимать высоту романтического слога, который выдерживал он. Не думаю, что в современной литературе найдутся лучшие примеры.

Однако нельзя не признать, что романы Скотта в значительной мере грешат многословием. Бесконечные и ненужные введения – слишком толстая кожура, окружающая сочный плод. Сами по себе они красивы, остроумны и образны, но не имеют отношения и непропорциональны по отношению к тем историям, которые должны предварять. Как и о многом в нашей английской художественной литературе, о них можно сказать: все это хорошо, но не к месту. Отход от темы и неорганизованность

повествования – наши национальные недостатки. Вспомните Теккерея[64], который в свою «Ярмарку тщеславия» включил эссе на тему «Как прожить год, не имея денег», или Диккенса с его рассказами о привидениях[65]. С таким же успехом драматург может посреди спектакля выходить к рампе и начинать рассказывать анекдоты, пока актеры будут терпеливо дожидаться у него за спиной. Это неправильно, хотя нет ни одного великого писателя, который не грешил бы этим. Нам ужасно не хватает чувства формы, и Скотт грешил в этом отношении не меньше остальных. Но если думать не об этом, а о том, как он передает кульминационные моменты в своих произведениях, – кто может построить фразу лучше, кто подберет слова зажигательнее, чем сэр Вальтер? Помните, как отчаянный драгунский[66] сержант наконец встречается с жестоким пуританином[67], за голову которого назначено вознаграждение:

«– Значит, или ложе из вереска, или тысяча мерков![68] – воскликнул Босуэлл, обрушиваясь изо всех сил на Берли.

– Меч Господа и меч Гедеона![69] – прокричал Белфур, отбивая удар Босуэлла и отвечая ему своим».

Никакого пустословия. Дух каждого из героев, да и тех партий, которые они представляют, передан несколькими короткими меткими словами, которые надолго остаются в памяти. «Луки и секиры!» – кричали саксонские[70] варяги, когда на них шла арабская конница. Читатель чувствует, что именно так они и кричали в действительности. Боевые выкрики отцов этих людей были еще короче во время того долгого дня, когда под флагом «Красного дракона Эссекса»[71] они отступали под натиском нормандской кавалерии на пологом склоне у Гастингса[72]. «Вон! Вон!» – кричали они. Коротко, сильно, просто – этот крик выражал дух нации.

Присутствуют ли в этом высокие чувства? Или, наоборот, они приглушены и надежно упрятаны, потому что слишком глубоки, чтобы выставлять их напоказ? Возможно и первое, и второе. Однажды я встречался с вдовой человека, который в юности, когда служил младшим сигнальщиком, получил от старшины-сигнальщика знаменитый приказ Нельсона[73] «Англия ожидает, что каждый исполнит свой долг…» и передал его своей корабельной команде. На офицеров он произвел впечатление. На матросов – нет. «Долг! Долг! – бормотали они. – Мы и так его выполняем!» Любые более-менее возвышенные слова не поднимают, а ослабляют боевой дух британца. Их сердцу милее сдержанность. Немецкие войска могут идти в атаку, распевая псалмы Лютера. Французы доводят себя до исступления песнями, превозносящими славу и отечество. Нашим авторам военных

маршей не стоит сочинять нечто подобное или, по крайней мере, считать, что если они это сделают, такие произведения чем-то помогут британским солдатам. Наши военные моряки, обслуживающие тяжелые орудия на кораблях у берегов Южной Африки{74}, пели: «Еще кусочек сахарку для птички». Я видел, как один полк шел в бой, распевая «Лишь маленький кусочек»[4]. Вышеупомянутые сочинители военных маршей, если только они не обладают талантом и проницательностью Киплинга{75}, истратят попусту много чернил, прежде чем сумеют опуститься до такого же уровня и написать нечто подобное. В этом отношении русские не сильно отличаются от нас. Помню, я читал, что какой-то отряд поднимался на занятую врагами высотку и бойцы во все горло пели песню. Высотка была взята, остались в живых лишь немногие, но, когда смолкли выстрелы, песня по-прежнему звучала. Иностранный наблюдатель поинтересовался, что это за чудесный гимн, который вдохновил их на такой героизм, и, когда ему перевели бесконечно повторявшиеся слова песни, оказалось, что они пели про Ивана, который собирает в огороде капусту. Мне кажется, все дело в том, что для современных воинов простой монотонный звук служит тем же, чем для наших диких предков являлся бой тамтамов. Он словно гипнотизирует солдата и заставляет его упрямо идти вперед, не задумываясь об опасности.

Наши двоюродные братья по ту сторону Атлантики{76} точно так же склонны привносить комическое в самую серьезную работу. Возьмите песни: они пели их во время самой кровавой войны, в которую когда-либо ввязывалась англо-кельтская раса… Единственной войны, когда они сделали все, что было в их силах, и показали все, на что способны. «Марш, марш, марш»{77}, «Тело Джона Брауна»{78}, «Поход через Джорджию»{79} – все они полны юмора. Я знаю только одно исключение, и это самая потрясающая военная песня, которую я могу вспомнить. Даже человек, никогда не воевавший, вряд ли, прочитав ее слова, не почувствует прилив чувств. Конечно же, я имею в виду «Боевой гимн республики» Джулии Уорд Хоу{80}, начинающийся со строчки, которая исполняется хором: «Мои очи зрели славу тех, кто вышел из Христа». Если бы этот гимн пели на поле боя, результат, наверное, был бы потрясающим.

Долгое отступление, не правда ли? Но это худшее, что есть за волшебной дверью. Здесь нельзя высказать одну мысль, чтобы за ней не потянулась дюжина других. Но начал я с описания солдат у Скотта и говорил о том, что он не допускает ничего театрального, никаких поз, никакого героизма (именно тех вещей, которые больше всего ненавидит настоящий герой). Лишь

короткое, выразительное слово и простые мужественные поступки. Все высказывания и метафоры следуют из естественного хода мысли. Как жаль, что автор, столь тонко чувствовавший солдатский дух, оставил так мало описаний воинов – своих современников, возможно, лучших воинов, которых знала история. Да, его перу принадлежит жизнеописание великого солдата-императора{81}, но в биографии писателя это – пример литературной поденщины. Мог ли патриот-тори{82}, все воспитание которого подготовило его к тому, чтобы видеть в Наполеоне злого демона, сохранить непредвзятое отношение к этой теме? Но в те дни Европа была полна материала, который Скотт как никто другой мог бы с толком использовать для работы. Что бы ни отдали мы за его портрет какого-нибудь легкого кавалериста из эскадрона Мюрата{83} или гренадера{84} старой гвардии, написанный такими же смелыми мазками, как ритмейстер Дальгетти{85} или лучники из личной гвардии французского короля в «Квентине Дорварде»{86}.

Во время посещения Парижа Скотт, должно быть, встречался со многими из тех железных людей, которые в течение предшествующих двадцати лет в Европе считались воплощением ужаса и избавления одновременно. Нам воины, которые в 1814-м на узких улочках бросали на него косые взгляды, кажутся фигурами не менее интересными и романтическими, чем закованные в латы рыцари или надменные всадники из его романов. Зарисовка из жизни какого-нибудь ветерана наполеоновских войн и его взгляд на Железного Герцога{87} были бы для нас не менее интересны, чем воспоминания Дугалда Дальгетти о Тридцатилетней войне{88}. Жаль, но никто не понимает, что время, в котором он живет, тоже когда-то будет интересно. Чувства и пропорции перемешиваются, и близкая мелочь заслоняет далекое великое. В темноте не сложно принять светлячка за звезду. Представьте себе, что древние мастера рисовали трактиры или святого Себастьяна{89}, в то время как Колумб, можно сказать, на их глазах открывал Америку.

Я уже говорил, что считаю «Айвенго» лучшим романом Скотта, и мне кажется, что большинство со мной согласится. А какой его роман мог бы занять второе место? О мастерстве писателя говорит то, что среди остальных его произведений нет ни одного, которое кто-то из читателей не назвал бы достойным этой чести. Шотландцев больше привлекут те его произведения, в которых рассказывается об их соотечественниках или описывается жизнь в Шотландии. Такие книги, как «Пуритане», «Антиквар» и «Роб Рой»{90}, прекрасно передают колоритный народный шотландский юмор, и потому их можно объединить в

отдельную группу. Шотландские старухи – лучшая после воинов галерея образов, созданная им. Но нужно признать: положительные черты произведения, имеющие национальную основу, несколько ограниченны, что не позволяет такому произведению сравниться с тем, которое будет понятно всему миру. В общем и целом, на второе место я, наверное, поставил бы «Квентина Дорварда» благодаря широте затрагиваемых в этом романе тем, хорошей прорисовке образов главных героев и общеевропейской значимости описываемых событий и людей. Эта книга – прародитель всех тех романов «плаща и шпаги»{91}, которые составляют изрядную долю современной «легкой» литературы. Портреты Карла Смелого{92} и ужасного Людовика удивительно живописны. Этих заклятых врагов, наблюдающих травлю герольда псами и обнимающихся в порыве кровожадного веселья, я могу представить намного живее, чем многое, что видел собственными глазами.

Образ Людовика XI{93}, хитрого, жестокого, трусливого и склонного к суеверию, во многом основывается на его описании, оставленном Филиппом де Комином{94}, и противопоставленный ему грубоватый и воинственный Карл только подчеркивает его ничтожность. Нечасто бывает так, что реальные исторические персонажи выглядят именно так, как мы их себе представляем, но в Инсбруке{95} в церкви я видел изображения Людовика и Карла такими, словно они сошли со страниц романа Вальтера Скотта: Людовик – тощий и некрасивый аскет и Карл с головой профессионального боксера. Нас расстраивает, когда портрет человека не похож на тот образ, который складывается в нашем воображении, когда, например, в Национальной портретной галерее{96} под картиной, изображающей мужчину с благородным одухотворенным лицом, мы вдруг читаем, что это порочный судья Джеффри. Но иногда, как это было со мной в Инсбруке, мы, наоборот, чувствуем полное удовлетворение. У меня на каминной полке стоит фотография с портрета Ботвелла, мужа королевы Марии Стюарт{97}. Возьмите, рассмотрите хорошенько. Большая голова, подходящая для больших и коварных замыслов; сильное хищное лицо, способное подчинить себе чувствительную хрупкую женщину и наделенное чертами, говорящими о грубой силе; губы, за которыми словно прячутся кабаньи клыки; бородка, которая наверняка топорщилась, когда он впадал в ярость. Глядя на этот портрет, понимаешь, что за человек на нем изображен, и догадываешься, какую он прожил жизнь. Интересно, видел ли когда-нибудь Скотт оригинал этого портрета, который висит в родовом поместье Хэпбернов?{98}

Лично я всегда был очень высокого мнения о романе,

который одним из последних вышел из-под пера писателя и был довольно сурово встречен критикой. Я имею в виду роман «Граф Роберт Парижский». Я убежден, что если бы он был не последним, а первым в этой серии романов, он привлек бы к себе такое же внимание, как «Уэверли». Я вполне понимаю удивление одного знатока, который в восхищении и отчаянии воскликнул: «Я всю жизнь изучал византийское общество, а тут выходит книга какого-то шотландского адвоката, и у меня словно открываются глаза!» Многие могут с тем или иным успехом передать жизнь Англии времен нормандского завоевания или средневековой Франции, но воссоздать целую мертвую цивилизацию, сделать это так живо, тонко, детально и в то же время точно следуя историческим фактам, – это ли не проявление истинного гения? Здоровье Скотта начало ухудшаться еще до того, как он закончил работу над романом, но если бы вторая часть книги не уступала первой, если бы в ней были полные юмора эпизоды, сравнимые с тем, где Анна Комнин{99}, например, читает вслух описания подвигов своего отца, или такие полные сурового величия сцены, как высадка крестоносцев на берегах Босфора, это произведение заслуженно заняло бы место среди лучших.

Как бы хотелось, чтобы Скотт продолжил повествование и описал, чем закончился Первый крестовый поход{100}. Можно ли найти во всей истории другое событие, которое могло бы сравниться с ним? Ведь здесь есть все, что так редко встречается в исторических событиях: мы точно знаем, с чего все началось, что было потом, и чем все закончилось. От наполовину безумных проповедей Петра Пустынника{101} до падения Иерусалима. А какие люди возглавляли его! Чтобы достойно описать их жизнь потребовался бы гений уровня Гомера. Готфрид Бульонский{102} – прекрасный воин и предводитель. Боэмунд Тарентский{103} – грозный и коварный. Танкред{104} – странствующий рыцарь и мечтатель. Роберт III Куртгез{105} – полусумасшедший герой. Материала столько, что один человек просто не в состоянии его охватить. Может ли воображение, даже самое богатое, придумать что-нибудь более удивительное и захватывающее, чем подлинные факты истории?

Но какое великолепное братство составляют романы Вальтера Скотта! Ведь подумайте: чистая романтика в «Талисмане», изысканная зарисовка жизни на Гебридских островах{106} в «Пирате», превосходное описание английского быта елизаветинских времен{107} в «Кенилворте», богатый юмор в «Легенде о Монтрозе». И, самое главное, не забывайте, что, хоть автор их и жил в непростые времена грубых нравов, ни в одной из этих книг вы не найдете ни единого слова, которое могло бы

оскорбить даже самый чувствительный слух, и это говорит о том, каким поистине великим и благородным человеком был Вальтер Скотт и какой неоценимый вклад он внес в развитие литературы и всего человечества.

В связи с этим можно смело утверждать, что жизнь его заслуживает не меньшего внимания, чем его произведения. И вот она перед нами, на одной полке с его книгами. Локарт, разумеется, был не только его зятем, но и преданным другом. Идеальный биограф{108} должен быть совершенно беспристрастным человеком, питать уважение к своему персонажу и иметь твердое намерение во всем следовать правде. Наряду с остальными личностными качествами известного человека людям хочется знать и о его слабостях. Я не думаю, что кто-то из героев существующих жизнеописаний был действительно так безгрешен, как о нем пишут его биографы. Наверняка эти достойные люди могли и крепкое словцо обронить, и проводить взглядом милое личико, и откупорить вторую бутылку, когда стоило бы остановиться на первой, или сделать нечто такое, что сразу заставило бы нас понять: они сделаны из того же теста, что и все мы. Хотя, конечно же, биографам не стоит впадать и в другую крайность, как например одна леди, которая начала биографию своего покойного супруга словами: «Д. был ужасным человеком». Книги тех, кто пишет биографии, и их персонажи только выиграли бы, если бы краски на картине были ярче.

И все же, я уверен, никто не станет со мной спорить, если скажу, что чем больше узнаешь о жизни Вальтера Скотта, тем больше восхищаешься им. Он жил в эпоху всеобщего пьянства в стране, где пили все, и я не сомневаюсь, что бывали вечера, когда он позволял себе расслабиться при помощи такой порции горячего пунша, которая наверняка уложила бы под стол любого из его субтильных последователей. Правда, в последние годы бедняга был более воздержанным, ему приходилось пить ячменный отвар, приправленный соком, в то время как друзья его передавали друг другу графинчик. Но каким порядочным и достойным человеком он оставался! Его прекрасное чувство юмора находило выражение не в пустых словах, а в годах упорного труда и полной самоотдачи. Вы, безусловно, помните тот эпизод его жизни, когда он стал пайщиком одного издательства. Его участие в фирме скрывалось, и активно в ее деятельности он не участвовал. Но, когда она разорилась, ему был предъявлен иск. Никто не стал бы винить его, если бы он признал себя банкротом, что дало бы ему возможность через несколько лет снова стать состоятельным человеком. Тем не

менее, он взваливает груз ответственности на свои плечи и продолжает нести его до конца жизни, тратя свое время, здоровье и силы на то, чтобы честь его не была запятнана. Насколько мне известно, кредиторам он вернул почти сто тысяч фунтов… Это гигантская сумма. На ее сбор ушла жизнь.

А какой нечеловеческой трудоспособностью он обладал! Известно, что за год Скотт написал два больших романа. Только человек, который сам пробовал себя в сочинении художественной литературы, в состоянии понять значение этого факта. Помню, в какой-то книге воспоминаний (если напрячь память, кажется, это было у самого Локарта) я прочитал о том, как ее автор снимал комнаты на Касл-стрит в Эдинбурге и однажды вечером увидел в окне напротив силуэт человека. Весь вечер человек писал, и наблюдатель видел, как он, исписывая страницу за страницей, откладывал их в стопку на краю стола. Автор воспоминаний уходил по делам, возвращался, а человек в окне напротив все продолжал писать. На следующее утро ему рассказали, что там снимал комнаты Вальтер Скотт.

Лучше понять психологию писателя может помочь любопытный факт: два своих романа (и весьма неплохих) Скотт написал в то время, когда здоровье его было настолько слабым, что впоследствии он не мог вспомнить ни слова из написанного, и, когда их читали ему, он слушал так, будто это были произведения другого автора. Очевидно, тогда простейшие функции его мозга, такие как обычная память, временно бездействовали, а его главнейшая и сложнейшая способность (воображение в его высшем проявлении) не была затронута. Это поразительный факт. Над ним стоит глубоко задуматься. Он до определенной степени служит доказательством того ощущения, которое рано или поздно возникает у каждого творческого человека, а именно: творения его рождаются не в голове, не в сердце, а странным образом приходят откуда-то извне, и он является всего лишь передаточным звеном, которое записывает их на бумагу. Творческая мысль, зерно, из которого вырастает последующее произведение, вспыхивает в его голове в долю секунды. Он удивляется собственной идее и не может четко понять, как она зародилась или откуда пришла. В нашем примере мы видим, что человек, у которого парализованы все остальные функции мозга, создает превосходные произведения. Неужели мы в самом деле всего лишь проводящие трубы, подключенные к какому-то неизвестному бездонному резервуару? Одно можно сказать точно: нашими лучшими работами обычно становятся те, на которые мы тратим меньше всего сил.

И, развивая эту мысль, возможно ли заключить, что

ослабленный человек с нарушенной нервной системой, находясь в наихудшем физическом состоянии, является идеальным проводником для этих духовных течений? Старое высказывание гласит: «Высокий ум безумию сосед. Границы твердой между ними нет». Если даже не рассматривать понятия «гений», обычная способность человека работать творчески и то, как мне кажется, заставляет усомниться в крепости уз, связующих душу и тело.

Вспомните британских поэтов конца XVIII – начала XIX века: Чаттертон{109}, Бернс{110}, Шелли{111}, Китс{112}, Байрон. Бернс прожил дольше всех из этой плеяды, хотя ему было всего тридцать восемь, когда он умер, «сгорел», как печально пошутил его брат[5]. Шелли, правда, погиб от несчастного случая, а Чаттертон – от яда, но самоубийство само по себе является признаком психического нездоровья. Да, Роджерс{113} дожил почти до ста лет, но он в первую очередь был банкиром и лишь во вторую – поэтом. Вордсворт{114}, Теннисон{115} и Браунинг{116} превысили средний возраст поэтов, но по какой-то причине статистика продолжительности жизни романистов, особенно в последние годы, весьма печальна. В среднем они живут столько же, сколько рабочие, имеющие дело со свинцовыми белилами, и представители других опасных для здоровья профессий{117}. Рассмотрим один ужасающий пример. Сколько талантливых молодых американских поэтов ушло за несколько лет! Среди них автор замечательной книги «Дэвид Харум»{118} и Фрэнк Норрис{119}, человек, который, по моему мнению, мог бы стать величайшим писателем современности. Его роман «Омут» я считаю одним из лучших американских романов. Его также настигла безвременная смерть. Стивен Крейн{120}, замечательный поэт и писатель; Хэролд Фредерик, еще один талант. Есть ли в мире другое ремесло, которое в соотношении к количеству людей, им занимающихся, показало бы такой же результат ранних смертей? Можно упомянуть и наших английских писателей: Роберта Луиса Стивенсона, Генри Сетона Мерримена{121} и многих других.

Даже те великие люди, о которых обычно говорят, что они раскрыли свой талант полностью, на самом деле умерли слишком рано. Например, Теккерей. Несмотря на седую бороду ему было всего пятьдесят два; Диккенс дожил лишь до пятидесяти восьми. Так что трудовая деятельность сэра Вальтера, прожившего шестьдесят один год (правда, не стоит забывать, что первый свой роман он написал, когда ему было за сорок), к счастью для мира, продлилась дольше, чем у большинства его собратьев по перу.

Творчеством он занимался около двадцати лет, примерно столько же, сколько Шекспир. «Бард Эйвона»{122} – еще один

пример скоротечности жизни гения, хотя, насколько я знаю, он пережил всех своих родственников, которые не отличались особенной крепостью здоровья. Я думаю, он умер от какой-то нервной болезни – на это указывает то, что со временем подпись его становилась все более и более неразборчивой. Возможно, это была двигательная атаксия{123}, недуг, столь характерный для творческих людей. В числе его жертв Гейне{124}, Доде{125} и многие другие. Что касается появившегося намного позже его смерти мнения, будто умер он от горячки, вызванной запоем, то это полная ерунда, поскольку науке такой вид горячки неизвестен. Правда, даже умеренный запой может развить хроническое нервное заболевание и привести к трагическому концу.

И еще одно замечание о Вальтере Скотте, прежде чем мы оторвем взгляд от этого ряда зеленых томов, которые стали причиной сих словесных излияний и так далеко увели меня от темы. Ни один рассказ о нем не будет полным, если не упомянуть о его странной тяге к скрытности. Он неоднократно лгал, дабы скрыть тот факт, что это он является автором знаменитых романов, более того, многие его близкие друзья, которые общались с ним изо дня в день, даже не догадывались о том, что он – тот самый человек, о котором говорит вся Европа. Жена сэра Вальтера не была осведомлена о его денежных обязательствах, пока после краха фирмы Баллантайна не узнала, что они были ее пайщиками. Психолог может проследить проявление этой странной особенности его разума в многочисленных загадочных образах наподобие Фенеллы{126}, которые порхают из романа в роман и упорно не желают раскрывать своих тайн.

«Жизнеописание Вальтера Скотта» Локарта – грустная книга. Она оставляет тяжелый след в душе. Образ уставшего великана, борющегося за жизнь, отягощенного долгами, перегруженного работой, потерявшего жену, подорвавшего нервы, утратившего все, кроме чести, – один из самых волнующих в истории литературы. Но эти тучи расходятся, и нам остается главное – память о благородном человеке, который не согнулся под ударами судьбы, до конца шел по жизни с высоко поднятой головой и перед смертью не ныл. Ему были знакомы все человеческие чувства. Велика была его радость, и велик был успех, велико было его падение, и горька была скорбь. Но среди сынов человеческих не много сыщется более великих личностей, чем тот, кто покоится под большой могильной плитой в аббатстве Драйбург.

III

Оставим теперь романы цикла «Уэверли», выстроившиеся в длинный зеленый ряд, и «Жизнеописания Вальтера Скотта» Локарта, которые его замыкают. Над ними расположилась тяжелая артиллерия – большое издание «Жизни Сэмюэла Джонсона» Джеймса Босуэлла. Я не просто так упомянул о том, что это большое издание, поскольку все дешевые издания английских классиков имеют одну отрицательную черту. Если тема в достаточной степени стара или серьезна, лучше видеть перед собой крупный и разборчивый шрифт. В противном случае ни глаза, ни ум ваш не получат удовлетворения. Лучше заплатите немного больше и купите книгу, которую приятно и удобно читать.

Книга эта мне кажется интересной, даже захватывающей, но все же я не могу сказать, что мой голос звучит в хоре тех, кто превозносит до небес старого добродушного задиру. Мне трудно последовать совету самого Джонсона «выбросить из головы все, что вам раньше было известно на эту тему», поскольку, когда ты привык смотреть на Джонсона через «розовые очки» таких его почитателей, как Маколей или Босуэлл, трудно заставить себя снять их, протереть глаза и попытаться понять человека на основе его собственных слов, поступков и недостатков. У того, кто попытается это сделать, в голове останется причудливая смесь самых разных впечатлений, ибо на ум приходит лишь одно сравнение: это Джон Булль{127} литературы, карикатурный Джон Булль, у которого все качества, как положительные, так и отрицательные, выпячены и гипертрофированы. Колючая кожура на добром сердце, взрывной характер, заносчивость, замкнутость, отсутствие отзывчивости и проницательности, грубость восприятия, категоричность, бахвальство, закоснелая религиозность и все остальные недостатки грубого и жесткого Джона Булля, прапрадеда современного добряка Джонни.

Интересно, если бы не было Босуэлла, знали бы мы имя его друга? С шотландской настойчивостью он прививал всему миру собственное преклонение перед своим героем. То, что он сам восхищался им, вполне естественно, поскольку их связывала настоящая мужская дружба и полное доверие. Впрочем, для человека со стороны это не самый прочный фундамент, чтобы делать собственные выводы. Когда они встретились, Босуэллу было двадцать три, а Джонсону – пятьдесят четыре. Первый был жизнерадостным молодым шотландцем, почтительным и восприимчивым. Второй был типичным представителем старшего

поколения и уже достаточно известным человеком. С первой минуты знакомства Босуэлл преисполнился глубочайшего почтения к Джонсону, что, разумеется, не могло не повлиять на беспристрастность его оценок. Большей непредвзятости можно было бы ожидать, если бы речь шла об отце и сыне. И такие отношения они сохранили до самого конца.

Вслед за Маколеем к Босуэллу можно относиться несерьезно, но не случайно его «Жизнь Сэмюэла Джонсона» является лучшей из написанных на английском языке биографий. Он обладал редким литературным даром. Его понятный и живой стиль был более гибким и «английским», чем у самого его героя. Его литературное чутье не позволило ему допустить хотя бы один промах, вы не найдете ни единого примера дурного вкуса во всей огромной книге, в которой ему пришлось обходить бесчисленное множество подводных камней и ловушек. Говорят, что в жизни он был глупцом и пустым франтом. Возможно, но это означает, что, беря в руки перо, он становился другим человеком. Из всех тех многочисленных споров с Джонсоном, когда он все-таки решался попытаться настоять на своем, прежде чем громогласное «Нет, сэр!» отбивало у него эту охоту, как потом выяснялось, очень немного было таких, в которых он не был прав. В вопросе о рабстве он был не прав, но я могу с ходу назвать десяток других, в том числе таких важных, как американская революция{128}, Ганноверская династия{129}, религиозная терпимость и другие, где его мнение совпадает с общепринятым ныне.

Однако его талант как биографа проявляется в том, что он рассказывает именно о тех вещах, о которых читателю больше всего хочется знать. Как часто бывает так, что, прочитав чью-нибудь биографию, ловишь себя на мысли, будто не имеешь ни малейшего представления о том, каким этот человек был в обычной повседневной жизни. В данном случае это не так. Вот краткое описание Джонсона, не из «Жизни», а из другой книги, об их путешествии на Гебриды, у меня на полке они стоят рядом. Это не менее живой образчик его таланта. Вы позволите мне прочитать вам из нее небольшой отрывок?

«У него было большое, крепкое тело, я бы даже сказал, он был почти гигантом, к тому же из-за тучности он был неуклюж. Лицо его от природы напоминало лик античной статуи, но было испещрено шрамами – следами золотухи{130}. Тогда ему было шестьдесят четыре, и у него уже в значительной степени испортился слух. Зрение у него всегда было неважное, однако быстрота мысли вполне, даже с избытком возмещала слабость органов, и поэтому восприятие его всегда было быстрым и точным. У него подрагивала голова, иногда дрожь пробегала и по

всему телу примерно так, как это бывает при параличе. Его часто беспокоили судороги общей природы с тем расстройством, которое называется пляска святого Витта{131}. Носил он глухой костюм из грубой коричневой ткани с украшенными узорами из волоса пуговицами того же цвета, большой пышный седой парик, простую сорочку, черные шерстяные чулки и серебряные пряжки. Во время путешествий он надевал туфли и очень широкий и свободный коричневый камзол с карманами такими огромными, что в них можно было бы уместить оба тома его словаря»{132}.

Согласитесь, если после этого кто-то не поймет, что речь идет о великом Сэмюэле Джонсоне, в этом не будет вины мистера Босуэлла. И это всего один из десятка не менее живых портретов, которые можно отыскать в его книгах. Именно такие небольшие зарисовки с этого грузного неуклюжего здоровяка, вечно покряхтывающего, постанывающего, с аппетитом Гаргантюа{133}, двадцатью чашками чая в день, странной страстью к апельсиновой кожуре и привычкой пинать фонарные столбы на улице, больше всего по душе читателю, и очень может быть, что они принесли Джонсону большую известность, чем все его книги.

Ведь, в конце концов, о каких его сочинениях можно сказать, что они живы и сегодня? Разумеется, это не «История Расселаса, принца абиссинского», поскольку иначе как высокопарной романтикой это сочинение не назовешь. «Жизнеописание важнейших английских поэтов» – это всего лишь набор предисловий, а его журналы «Рамблер» – не более чем собрание очерков на злободневные темы. Есть еще огромный «Словарь», плод долгого и кропотливого труда, монументальная работа, но несопоставимая с понятием «гений». В поэме «Лондон» имеется несколько сильных строк, а в «Путешествии на Гебриды» – несколько ярких страниц. Можно еще упомянуть его многочисленные памфлеты на политические и другие темы. Вот почти все основные работы, составляющие его наследие, и нужно признать, что это не могло вознести его на то место, которое он занимает в английской литературе. Чтобы найти этому объяснение, необходимо обратиться к фигуре его скромного биографа, который стал объектом столь многих насмешек.

А речь Джонсона! Что делает ее такой особенной? Его четкая и ясная уверенность во всем, что он видит и о чем говорит. Между тем, что это, как не признак узкой ограниченности, особенности, не приемлемой для человека, наделенного воображением, который видит скрытый смысл любого вопроса и понимает, каким крошечным островком являются знания любого, даже самого образованного человека в океане бесконечного числа возможностей и вариантов, окружающих нас во всем?

Посмотрите, к чему это приводит. Разве когда-нибудь хоть один человек, даже самый скудоумный, был осужден за свои бесчисленные заблуждения и ошибки? Можно вспомнить замечание Бэджота{134} о том, что, если бы можно было собрать воедино познания самых ученых людей и наделить ими все человечество, это привело бы к распространению невероятнейших заблуждений. Когда однажды Джонсона спросили, куда исчезают зимой ласточки, подумав, покряхтев, гений литературы ответил: «Зимой ласточки спят. Они собираются в большие стаи, которые летают кругами над водой, а потом все разом бросаются в воду и спят на дне рек». Босуэлл незамедлительно зафиксировал слова корифея. Впрочем, если я не ошибаюсь, даже такой известный натуралист, как Гилберт Уайт{135}, имел определенные сомнения относительно ласточек. Однако некоторые суждения Джонсона о его коллегах-писателях удивляют куда больше. Уж в этом-то вопросе, казалось бы, можно было рассчитывать на взвешенное и основательное мнение, но тем не менее, людям нашего времени некоторые его оценки могут показаться, мягко выражаясь, удивительными. «У Шекспира, – говорил он, – нет ни одного места, где подряд шло бы шесть хороших строчек». Он нашел всего две сносных строфы в прекрасной «Элегии на сельском кладбище» Томаса Грея{136}, где даже самый злобный из критиков с трудом усмотрел бы две плохих. «Тристрам Шенди»{137} – однодневка. «Гамлет» – маловразумительная болтовня. «Путешествия Гулливера» – слабая вещь, да и вообще кроме «Сказки бочки» Свифт не написал ничего стоящего. Вольтер{138} был неучем; Руссо{139} – подлецом; деисты{140}, такие как Юм{141}, Пристли{142} или Гиббон, просто не могли быть честными людьми.

А его политические взгляды! Нам они кажутся карикатурными. Я думаю, что даже в его дни они были реакционными. «Бедняк не имеет чести». «Карл Второй{143} был хорошим королем». «Правительства должны исключать из государственной службы всех, кто не согласен с их политикой». «В Индии нужно поощрять занятие судей торговлей». «Торговля еще ни одну страну не сделала богаче». (Интересно, присутствовал ли Адам Смит{144}, когда было произнесено это заявление?) «Землевладелец должен прогнать тех арендаторов, которые голосуют не так, как он желает». «Увеличение зарплаты не принесет пользы работнику». «Когда баланс торговли против страны, маржа{145} должна выплачиваться наличными деньгами». Это лишь некоторые из его убеждений.

И наконец его предвзятость. Большинство из нас питает беспричинное отвращение к чему-либо. В минуты просветления

мы чаще всего не испытываем от этого гордости. То ли дело Джонсон. Если его лишить всех предубеждений, останется не так уж много. Он терпеть не мог вигов{146}. Он не любил шотландцев. Он питал отвращение к нонконформистам{147} (одну молодую леди, вступившую в их ряды, он назвал «мерзкой девкой»). Он презирал американцев. Другими словами, этот человек шел собственной узкой дорожкой, изрыгая пламя направо и налево. Маколей, живший после Джонсона, восхищался им, но, если бы им довелось встретиться в жизни, для Джонсона он стал бы воплощением почти всего ему ненавистного.

Нельзя сказать, что подобные взгляды основывались на каких-то принципах, или что он не пересматривал их, когда того требовали его личные интересы. И это еще одна из его слабых черт. В своем «Словаре» он называет пенсии и пенсионеров уловкой, при помощи которой правительство превращает наемных работников в рабов. Когда он писал это злополучное определение, вряд ли думал, что когда-либо этот вопрос коснется его самого, но, когда вскоре Георг III{148}, то ли руководствуясь политическими соображениями, то ли из сострадания предложил выплачивать ему пенсию, он без колебаний принял это предложение. Можно было бы предположить, что столь яркое выражение его убеждений является лишь следствием порывистости его натуры, но последний пример заставляет в этом усомниться.

Он был прекрасным собеседником, правда, разговор с ним, как правило, превращался в его монолог, довольно беспорядочное высказывание мыслей, во время которого слушателям позволялось разве что вставить пару замечаний. Да и можно ли вообще разговаривать на равных с человеком, которого приводит в ярость любая не совпадающая с его собственной точка зрения даже в самых важных вопросах жизни? Отстоял бы в споре с ним свои литературные взгляды Голдсмит, свой виггизм Берк или свой деизм Гиббон? Тогда не существовало твердой почвы для философской терпимости. Если он не мог спорить, он переходил на оскорбления, или, как говорил Голдсмит: «Если его пистолет давал осечку, он бил рукояткой». Перед лицом этого «носорожьего напора» любой спокойной дискуссии приходил конец. Наполеон как-то заметил, что, узнав о его смерти, короли скажут: «Уф!» Мне кажется, что люди, окружавшие Джонсона, тоже вздохнули с облегчением, когда наконец получили возможность спокойно обсуждать волнующие их темы и не опасаться, что разговор окончится очередной сценой, в которой «Что вы, нет, сэр!» очень скоро превращается в «И хватит об этом!». Весьма интересно было бы услышать какой-нибудь

дружеский разговор между такими людьми, как Берк и Рейнольдс, в котором они бы сравнивали обстановку в их знаменитом Литературном клубе в те вечера, когда там присутствовал грозный доктор Джонсон, с той, которая царила там без него.

Никакой анализ его характера не будет полным без упоминания о тяготах его юности и ранних средних лет. На душе его было не меньше шрамов, чем на лице. Джонсону было пятьдесят три, когда ему была назначена пенсия, но до этого вся жизнь его представляла собой настоящую непрекращающуюся борьбу за существование, в которой все, даже предметы первой необходимости, еда и крыша над головой доставалось с трудом. На его глазах от лишений умирали его собратья по перу. С детства он не знал, что такое счастье. В юности Джонсон был застенчивым полуслепым молодым человеком. Спал он на грязных постелях, носил несвежую одежду, кроме того у него постоянно подергивались руки и ноги, поэтому везде, где бы он ни находился, будь то на улицах Личфилда{149}, в корпусе Пемброк-колледжа{150} или в лондонских кофейнях, люди смотрели на него со смешанным чувством жалости и удивления. Этому гордому и чувствительному человеку каждый день его жизни, должно быть, приносил новые унижения. Подобное непростое испытание может либо сломать дух, либо озлобить, и, несомненно, именно в этом следует искать объяснение его грубости, его невнимания к чувствам других, что и подтолкнуло Босуэлла дать ему прозвище «Ursa Major»[6]. Если характер его был не прост, нужно признать, что сформировался он под влиянием мощных сил. Хорошее в нем было заложено от природы, плохим наградила тяжелая жизнь.

Он был наделен и прекрасными качествами. В первую очередь, обладал исключительной памятью. Он был жадным читателем, читал все, что попадалось, и запоминал все прочитанное. И не поверхностно или в общих чертах, как запоминаем прочитанное мы, а со всеми подробностями. Если речь шла о поэзии, он мог ее цитировать постранично хоть на латинском, хоть на английском языке. Такая память имела свои неоспоримые преимущества, но имела и свои минусы. Когда твой мозг забит таким количеством произведений других, найдется ли там место для своих собственных? Прекрасная память, как я считаю, часто губительна для самобытности, несмотря на существующие примеры обратного (например, Вальтер Скотт). Грифельная доска, на которой вы собираетесь писать, должна быть чиста. Есть ли у Джонсона хоть одна оригинальная идея? Он когда-нибудь устремлял взгляд в будущее или проливал новый

свет на те загадки, которые стоят перед человечеством? Перегруженный прошлым, он не имел на то возможности. Его разум не уловил первых сигналов, возвещающих о грядущих мировых преобразованиях. Он побывал во Франции за несколько лет до тех событий, которые можно назвать величайшим потрясением, когда-либо испытанных миром{151}. Там внимание его привлекло множество обычных повседневных вещей, но он так и не почувствовал запаха надвигающейся бури, который наверняка висел тогда в воздухе. Мы читаем о том, как некий дружелюбный месье Сантер{152} водил его по своей пивоварне и рассказывал, сколько его заводик производит пива в год. Это был тот самый сквернослов Санстерр, который бил в барабан, чтобы заглушить голос Людовика на эшафоте{153}. Этот пример показывает, насколько близко подступал он к краю бездны и каким близоруким сделала мудреца его ученость.

Из него вышел бы замечательный адвокат или священник. Кажется, ничто не могло закрыть ему дорогу в Кентерберийский собор{154} или к посту лорд-канцлера{155}. И в первом, и во втором случае его память, его ученость, его обостренная гордость и врожденное чувство долга и справедливости вознесли бы его на самую вершину. Разум его, хоть и имел определенные ограничения, работал отменно. И тому нет лучшего примера, чем его взгляды на вопросы шотландского закона, о которых сообщает нам Босуэлл и которые последний использовал перед шотландскими судьями. То, что человек со стороны, не имеющий специального образования, за столь короткое время смог создать такой огромный многогранный и острый труд, мне кажется, является лучшим примером tour de force[7], который можно отыскать в истории литературы.

Помимо всего прочего, он был еще и очень добрым человеком, и за это ему можно простить многие его недостатки. Он всегда был готов оказать помощь нуждающемуся, хотя сам никогда не имел полного кошелька. Комнаты его дома превратились в некую спасительную гавань, в которой не одно старое обветшалое судно встало на мертвый якорь. Среди них слепой мистер Леветт, язвительная миссис Вильямс, флегматичная миссис де Муле – все старые больные люди, в обществе которых он и проводил свои дни. Он всегда готов был поделиться гинеей с небогатым знакомым, и не было такого малоизвестного поэта, которого он считал не достойным того, чтобы посвятить ему свою очередную книгу, и посвящения эти были такими же несдержанными и громкими, как и сам их автор. Он был грубоватым добряком, который мог привести в дом какого-нибудь несчастного прохожего, встреченного на улице, и,

когда думаешь об этом, возникает желание забыть о суровом докторе Джонсе из Литературного клуба или, по крайней мере, простить его за догматизм и педантизм.

Мне всегда было интересно знать, что выдающиеся люди думают о старости и смерти. Это – своего рода проверка того, насколько развитой и цельной была их жизненная философия. Юм увидел смерть издалека и встретил ее со скромным спокойствием. Разум Джонсона содрогнулся, узрев такого страшного оппонента. В последние годы его письма и разговоры превратились в сплошной крик ужаса. Но то была не трусость, поскольку он был одним из самых мужественных людей, которые когда-либо жили на этой планете. Храбрость его не знала границ. То была неуверенность в своих духовных силах, соединенная с верой в существование иного мира, которую более человечная и либеральная теология несколько смягчила. Как странно видеть, что он так отчаянно цеплялся за свое тело с его подагрой{156}, астмой, пляской святого Витта и шестью галлонами{157} водянки{158}. Чем может привлекать существование, каждый день которого состоит из восьми часов стонов в кресле и шестнадцати часов сопения в кровати? «Я бы отдал одну из ног за еще один год жизни», – говорил он. И все же, когда настал последний час, он встретил его с мужеством и простым достоинством. Вы можете говорить о нем что угодно, можете не любить его, но нельзя открыть эти четыре серых тома и не почувствовать умственный толчок, не ощутить желание узнать об этом человеке, о его душе и внутреннем мире больше. И поверьте, после этого вы станете лучше и мудрее.

IV

Рядом с джонсонианой стоят мои Гиббоны, два издания, как видите. Дело в том, что первое издание я посчитал настолько плохо изданным и неудобочитаемым, что не удержался и купил новый шеститомник «Истории», изданный Бери{159}. Когда читаешь эту книгу, ничто не должно отвлекать или раздражать. У вас перед глазами должен быть красивый четкий шрифт, светлая бумага, не громоздкая обложка. Эта книга не раскроется полностью тому, кто не обладает жаждой знаний, желанием вникнуть в самую суть истории. Приступая к чтению, запаситесь классическим атласом и записной книжкой, это позволит вам читать не торопясь, вдумчиво, когда нужно, возвращаясь к прочитанному, чтобы лучше понять причины и связь событий прошлого. Эта книга не захватит вас с головой. Вы не будете зачитываться ею до утра и не пропустите назначенную встречу днем, но вы почувствуете легкое успокаивающее удовольствие от ее чтения, и потом, дочитав ее до конца, поймете, что она дала вам нечто такое, что навсегда останется с вами, нечто существенное, нечто такое, что сделает ваш мир глубже и шире.

Если бы меня на год отправили на необитаемый остров и позволили взять с собой только одну книгу, мой выбор несомненно пал бы на нее. Вдумайтесь только, насколько огромна широта охватываемых ею тем, сколько пищи для размышлений заключено в этих томах. В них рассказывается о тысяче лет истории мира; написано все глубоко, хорошо и в точном соответствии с данными науки; позиция автора широко философична, стиль – безупречен. Для современного читателя он может показаться выспренним, но не стоит забывать, что Гиббон жил в те времена, когда тяжеловесная риторика Джонсона исковеркала нашу литературу. Я не могу сказать, что помпезность слога Гиббона мне неприятна. Текст должен быть серьезен и полнозвучен, когда описывается продвижение римского легиона или дебаты в греческом сенате. Это помогает вам почувствовать глубину, перенестись в прошлое и более живо представить значимость события. Перед вами – воюющие народы, столкновения цивилизаций, взлеты и падения династий, конфликты вероисповеданий. Вы безмятежно парите над ними, и, пока эта величественная панорама проплывает под вами, взвешенный и спокойный голос негромко объясняет вам истинное значение того, что вы видите.

Это самая величественная из всех историй, когда-либо написанных. Начинается она с описания положения дел в

Римской империи, когда у власти были первые цезари{160} и когда она считалась хозяином мира. Перед вами проходит череда императоров, в которых странным образом соединялись величие и распутство, а иногда и преступное безумие. Разложение империи началось с ее вершины и длилось веками. Возникновение новой религии не оказало большого влияния на людей, представлявших верховную власть, поскольку, несмотря на принятие христианства, римская история по-прежнему писалась кровью. Новое вероисповедание стало лишь еще одной причиной для ссор и вражды между уже существующими религиями, и религиозные войны превзошли по жесткости любые межнациональные распри.

А потом подули мощные ветра извне, из далеких уголков мира, разрушительные ураганы, которые ворвались и вихрем пронеслись над старым порядком, оставив после себя разруху и хаос, но в итоге очистили старый, погрязший в пороках и разврате мир. Ураган этот, зародившийся где-то к северу от Китая{161}, неожиданно сделал то, что вполне может произойти еще раз. Человеческий вулкан взорвался, и по Европе прокатились разрушительные потоки лавы. Поразительнее всего то, что не завоеватели вторглись и в конечном итоге погубили Римскую империю, а охваченные страхом беженцы, которые, подобно испуганному стаду скота, шли вперед, не разбирая дороги и сметая все на своем пути. Это было безумное и драматическое время, время формирования тех наций, которые населяют Европу в наши дни. Народы, подобно песчаным бурям, шли с севера и востока и, встречаясь в этом сумасшедшем хаосе, перемешивались, закалялись и крепли. Легкомысленный галл{162} приобрел спокойную размеренность франка{163}, уравновешенный сакс получил определенную утонченность от норманна, в итальянца вдохнули новую жизнь лангобард{164} и остгот{165}, развращенный грек стал мужественнее и серьезнее благодаря магометанину. Повсюду незримая рука смешивала семена, что происходит и сегодня, с той лишь разницей, что место войн заняла эмиграция. К примеру, не надо обладать даром пророка, чтобы понять, какие мощные силы зреют по ту сторону Атлантики. Когда в англо-кельтский бульон добавляются итальянские, мадьярские и скандинавские специи, невозможно предугадать, каким будет на вкус этот суп из человеческих качеств.

Но вернемся к Гиббону. Следующий этап – перемещение центра империи из Рима в Византию{166}. Точно так же когда-нибудь центр англо-кельтской мощи может оказаться не в Лондоне, а где-нибудь в Чикаго или Торонто. Потом

удивительная волна магометанства, которая пришла с юга, накрыла Северную Африку и распространилась направо и налево, от Индии с одной стороны до Испании с другой, пока наконец не подкатила прямо к стенам Византии, бывшей тогда оплотом христианства, и не стала тем, чем является сейчас, – европейской твердыней мусульманства.

Обо всем этом повествует рассказ, который охватывает половину известной истории мира, и все это может стать частью вас при помощи упомянутых выше атласа, карандаша и записной книжки.

Когда все так захватывающе интересно, что трудно выбрать примеры, меня всегда притягивает момент появления на исторической сцене новых народов. Это почти так же интересно, как узнавать о юности великого человека. Вы наверняка помните, как заявили о себе русские, когда в двухстах ладьях они спустились по великим рекам к Византии, где столкнулись с имперскими галерами{167}. Поразительно, что прошло уже тысяча лет, а русские до сих пор добиваются того, в чем не преуспели их далекие предки. А турки? Возможно, вы вспомните, как своей неслыханной жестокостью они удивили мир. Тогда у императора пребывала миссия из нескольких турок. Город с наземной стороны был обложен варварами, и азиаты получили разрешение принять участие в ближайшем бою. Когда открылись ворота, из них первым вылетел на лошади турок, сразил стрелой одного из варваров, бросился к нему и стал пить его кровь. Это повергло в такой ужас товарищей убитого, что они не смогли дать достойный отпор столь дикому врагу. Таким образом, два народа прибыли к этому городу, которому суждено было на многие века стать оплотом одного и заветной целью другого.

Узнавать о новых народах интересно, но узнавать об исчезнувших народах еще интереснее. В этом есть что-то такое, от чего разыгрывается воображение. Давайте, например, вспомним вандалов, которые завоевали север Африки. Это было германское племя. Голубоглазые, светловолосые люди пришли откуда-то с берегов Эльбы. Они так же неожиданно поддались эпидемии переселения, которой в то время была охвачена половина мира. Они шли вдоль линии наименьшего сопротивления, которая всегда ведет с севера на юг и с востока на запад. Вандалы двинулись на юго-запад. Возможно, причиной этого перемещения была обычная любовь к приключениям, ведь на тех тысячах миль пути, которые они преодолели, было множество мест, где они могли бы осесть, если бы цель их заключалась только в этом. Они прошли через юг Франции и покорили Испанию, пока наконец самые отчаянные из них не добрались до Африки и не заняли

старую римскую провинцию. Два-три поколения они владычествовали там (похожее положение занимали англичане в Индии), пока Римская империя не показала, что среди затухающих угольков еще теплится огонь. Велизарий высадился в Африке и отвоевал провинцию{168}. Вандалы оказались отрезанными от моря и вынуждены были бежать в глубь материка. Куда же исчезли эти светлые волосы и голубые глаза? Может быть, их уничтожили негры, коренные жители тех мест, или они просто растворились в чернокожей расе? Путешественники, возвращавшиеся с угандийских Лунных гор, рассказывали о том, что им встречались негроиды со светлыми глазами и волосами. Может быть, это и есть потомки тех самых исчезнувших германцев?

Это наводит на мысль о похожей истории, связанной с потерянным поселением в Гренландии. Для меня это тоже всегда было одной из самых романтических загадок истории… Особенно тогда, когда я всматривался через плавучие льды в берега Гренландии, проплывая то место, где, возможно, когда-то находился «хутор Песчаный Берег». Это было древнее скандинавское поселение, основанное колонистами с Исландии, которое превратилось в довольно большой город, настолько большой, что его жители обратились в Данию с просьбой прислать им епископа. Было это в четырнадцатом веке. Отправившийся к ним епископ так и не смог до них добраться, ему помешали климатические изменения – пролив между Исландией и Гренландией был перекрыт льдами. С тех пор никто не знает, какова дальнейшая судьба этих древних скандинавов, которые, между прочим, в то время были самым культурным и развитым народом в Европе. Возможно, они были уничтожены эскимосами, презренными скраэлингами{169} или же слились с ними, а может быть, и продолжили жить самостоятельно. До сих пор еще очень мало известно об этой части гренландского берега. Было бы очень интересно, если бы какой-нибудь Нансен{170} или Пири{171} натолкнулся на остатки старой колонии и обнаружил там замерзшее тело какого-то представителя давно исчезнувшей цивилизации.

Но снова вернемся к Гиббону. Каким должен быть ум, замысливший и после двадцатилетней работы воплотивший в жизнь этот гигантский труд! Не осталось ни одного мало-мальски известного античного автора, ни одного византийского историка, ни одного монаха-хроникера, который не был бы включен в работу и не занял бы соответствующего места в этой огромной структуре. Великое усердие, великое упорство, великое внимание к частностям требовалось для этого, но коралловый полип тоже

обладает всеми этими качествами, и каким-то образом внутри собственного творения историк оказался так же забыт, как то маленькое существо, которое строит огромные рифы. Среди тысяч тех, кто знает работу Гиббона, найдется лишь один, кто хоть что-то знает о самом Гиббоне.

И, по большому счету, это оправдано. Есть люди, которые превосходят по значимости свою работу. Работа их представляет всего лишь одну из граней их личности, а та может иметь и десяток других, не менее замечательных проявлений, которые вместе составляют единое сложное и неповторимое существо. Но Гиббон таким не был. Это был удивительно спокойный человек, ум которого, похоже, совершенно вытеснил из его тела эмоции. Я не припомню ни одного великодушного поступка, который бы он совершил, похоже, ничто не могло вызвать в нем страсть, кроме истории, разумеется. Здравая рассудительность его не бывала омрачена человеческими чувствами, по крайней мере, такими, которые не находились бы под его строгим контролем. Можно ли представить себе что-нибудь более достойное похвалы… или менее привлекательное? По настоянию отца он расстается с любимой девушкой и описывает это так: «Как поклонник, я вздыхаю, но, как сын, склоняю голову перед отцовской волей». Его отец умирает, и он пишет: «…сыновние слезы редко льются долго». Ужасы Французской революции пробудили в его душе только ощущения жалости к себе, поскольку его любимое место отдыха в Швейцарии наводнили несчастные беженцы. Так какого-нибудь ворчливого лондонского джентльмена могло бы раздражать обилие туристов на улицах города. Когда Босуэлл говорит о Гиббоне, в его голосе неизменно слышно раздражение, даже когда он не упоминает его имени. И когда узнаешь, какую жизнь прожил великий историк, становится ясно, почему.

Я думаю, очень мало было людей, от рождения в столь полной степени наделенных всеми необходимыми задатками ученого, – таких как Эдвард Гиббон. У него было все, чтобы стать великим человеком науки: неутолимая жажда знаний, безмерное прилежание, прекрасная память и тот глубоко философский характер, который позволяет возвыситься над фанатизмом убеждений и стать беспристрастным критиком человеческих дел. Да, в то время в нем видели всего лишь яростного противника религиозной мысли, но воззрения его известны современной философии и в наши более либеральные (и более целомудренные) дни не покоробили бы ничьих взглядов. Возьмите вон тот том энциклопедии и посмотрите на последние предложения в статье, описывающей возникавшие вокруг его имени разногласия. «И не нужно основываться только на

знаменитых пятнадцатой и шестнадцатой главах, – пишет его биограф, – поскольку в наше время ни один поборник христианства не станет отрицать правдивость утверждений Гиббона. У христиан может вызвать недовольство отсутствие упоминания некоторых косвенных обстоятельств, которые оказали влияние на общую картину, также они могут возразить против того, что их вере отведено недостаточно места в его работе. Но теперь, по крайней мере, они соглашаются, что нападки оказались не такими уж злобными, как было принято считать ранее, и постепенно осознают, что могут позволить себе признать: описываемые Гиббоном второстепенные причины, сыгравшие свою роль в становлении и укоренении христианства, действительно не заслуживают полного доверия. Дело в том, что, как неоднократно признавался историк, его подача этих второстепенных причин практически не касается вопроса о естественном или сверхъестественном появлении христианства». Все это хорошо, но в таком случае как быть с тем фактом, что почти век имя историка подвергалось нападкам? Не настала ли пора принести извинения?

Физически Гиббон был настолько же тщедушен, насколько огромен был Джонсон. И все же в их фигурах имелось забавное сходство. Джонсон в ранней юности переболел золотухой, которая исказила его черты и оставила на теле следы от язв. Гиббон кратко, но довольно ярко описывал собственное детство:

«Меня непрерывно преследовали приступы летаргии{172} и лихорадки, склонность то к чахотке, то к водянке, сокращение нервов, глазная фистула{173}, к тому же меня однажды укусила собака, которую очень сильно подозревали в бешенстве. Во всей округе не было такого врача, который не лечил бы меня, гонорары докторам растворялись в счетах, присылаемых аптекарями и хирургами. Были времена, когда я глотал лекарств больше, чем пищи, и тело мое до сих пор носит на себе нестираемые следы ланцетов, вскрытых гнойников и прижиганий».

Довольно невеселый рассказ. Дело в том, что в те времена в Англии были очень распространены наследственные хронические заболевания. Какова в этом роль охватившей Англию примерно за сто лет до этого эпидемии пьянства, я не берусь судить, так же как не могу проследить связь между слабостью здоровья и ученостью. Остается только сравнить то, что пишет о себе Гиббон, с нервным подергиванием Джонсона, его испещренным шрамами лицом и пляской святого Витта, чтобы понять, что оба этих величайших английских писателя своего поколения стали жертвами плохой наследственности.

Интересно, сохранился ли хоть один портрет Гиббона, сделанный во время, когда он служил младшим офицером в Южно-Хэмпширском{174} добровольческом отряде? С маленьким телом, огромной головой, круглым полнощеким лицом, в вычурном военном мундире, он, должно быть, выглядел очень необычно. Более нелепую картину трудно себе представить. Отец его – человек совсем иного склада, и по его настоянию бедному Гиббону пришлось записаться в солдаты против своей воли. Началась война, полк был мобилизован, и невезучий ученый к своему полному смятению встал под ружье. Три года он провел на военной службе, пока не закончились военные действия, и на это время он был оторван от своих книг, о чем громко и горько сожалел. Южно-Хэмпширский добровольческий отряд, может быть, на свое счастье, так ни разу и не встретился с врагом, чем вызвал иронию даже со стороны самого Гиббона, но за те три года жизни в палатках его люди наверняка имели больше поводов посмеяться над своим капитаном – книжным червем, чем он над ними. Пальцы его куда крепче сжимали перо, чем эфес сабли. На его беду, во время солдатской жизни у Гиббона появилась привычка каждый день пить, вернее сказать, напиваться, которая была вызвана примером полковника и наградила подагрой. «Потерянные часы не вознаграждались каким-либо удовольствием, – говорит он. – Мою душу постепенно и незаметно разъедало общение с неотесанными офицерами, которым одинаково недоставало образования и манер». Трудно себе представить Гиббона, разгоряченного вином, сидящего за одним столом с выпивохами сквайрами{175}. Однако он признает, что, сколь ни тяжела была для него армейская служба, в целом она оказала благодатное воздействие на его жизнь. Она снова сделала его англичанином, укрепила физически, направила мысли в новое русло. Ему как ученому она даже была полезна. В одном его известном и весьма показательном высказывании есть такие слова: «Дисциплина и передвижение современного батальона позволили мне глубже понять устройство римских фаланг и легионов{176}, а капитан хэмпширских гренадеров не был бесполезен для меня как для историка».

Если мы не знаем всех подробностей жизни Гиббона – это не его вина, поскольку о себе он написал ни много ни мало шесть книг, разных по содержанию, но одинаково плохих. Чтобы написать хорошую автобиографию, нужно обладать большим сердцем и большей душой. Из всех сочинений это – самое сложное, поскольку для такого дела требуются такт, осмотрительность и откровенность, сочетание, которое встречается крайне редко. Гиббон, несмотря на полученное за

границей образование, во многом был типичным англичанином, наделенным сдержанностью и самоуважением, присущими этой нации. Ни один британец еще не написал честную автобиографию, другими словами, не существует ни одной хорошей британской автобиографии. Энтони Троллоп{177}, возможно, справился с этой задачей не хуже остальных, но из всех форм литературы автобиография менее всего соответствует национальному гению. Нельзя представить себе английского Руссо, не говоря уже об английском Бенвенуто Челлини{178}. Впрочем, некоторым образом это можно считать положительной чертой нации. Если мы и натворили столько же зла, сколько наши соседи, то, по крайней мере, мы в достаточной степени наделены совестью, чтобы стыдиться этого, и не стремимся выставить это напоказ.

Слева от Гиббона стоит прекрасно изданный лордом Брейбруком «Дневник» Сэмюэла Пипса{179}. По правде говоря, это величайшая автобиография, написанная на английском языке, хотя автор ее такой не задумывал. Когда мистер Пипс скрупулезно записывал каждую пришедшую в голову за день необычную или дерзкую мысль, он был бы немало удивлен, если бы кто-то сказал ему, что он делает работу, уникальную для нашей литературы. И все же эта «нечаянная» автобиография, созданная для личных целей и явно не предназначавшаяся для публикации, занимает то же почетное первое место в этой области литературы, что и книга Босуэлла среди биографий или сочинение Гиббона среди историй.

Англичане боятся обнажать душу даже ради того, чтобы написать хорошую автобиографию. Нас возмущает обвинение в национальном лицемерии, но среди всех остальных народов мы наименее откровенны в отношении своих чувств… Некоторых из них в особенности. Например, чувств, имеющих отношение к делам сердечным, которые столь важны для понимания личности любого мужчины и оказывают огромное влияние на его жизнь. Какое место должны они занимать в автобиографии? Возможно, в случае Гиббона их отсутствие мало что значит, поскольку, за исключением его страсти к будущей мадам Неккер (протекавшей под надзором его отца), сердце историка никогда не доставляло ему хлопот. Дело в том, что, когда британский писатель рассказывает о себе, он хочет выглядеть достойно, но, чем достойнее выглядит человек, тем менее он интересен. Руссо мог выставлять себя сентиментальным дегенератом. Челлини мог считать себя влюбчивым негодяем. Если они не выглядят достойно, то можно сказать, что это делает их живее и интереснее.

В Пипсе самое интересное то, что он выставляет свою персону крайне незначительной, в то время как в действительности он, скорее всего, был человеком сильного характера и к тому же многого добился в жизни. Разве могло бы ему прийти в голову, что все эти записанные мысли и замечания, перечисления блюд, съеденных за обедом, и бытовые мелочи будут интересны именно своей «мелкостью»? Благодаря этому читатель представляет какого-то странного персонажа пьесы, суетливого, замкнутого на себе, оживленного с женщинами и спокойного с мужчинами, фата и хвастуна, не разбирающегося в политике и религии, болтливого мелочного сплетника. И все же, если в быту Пипс и был самым обычным «земным» человеком, то, рассматривая всю его жизнь в целом, понимаешь, что он не так уж прост. Этот чиновник морского ведомства был прилежным работником, неплохим оратором, прекрасным писателем, талантливым музыкантом и крупным библиофилом, собравшим три тысячи томов (по тем временам это большая частная библиотека). Он был достаточно патриотичен, чтобы передать все свое собрание университету. Пипсу можно многое простить, если вспомнить, что он единственный из всего морского ведомства работник, который не покинул своей пост во время Великой лондонской чумы{180}. Он мог быть трусом (чего греха таить, он им и был), но обладал таким чувством долга, которое неизменно превозмогало трусость.

Однако самое загадочное в Пипсе – это то, зачем вообще ему понадобилось взваливать на свои плечи этот огромный труд. Что побудило его записывать шифрованными символами не только все подробности своей повседневной жизни, но даже самые большие свои грехи, такие, которые любой другой человек попытался бы поскорее забыть? Дневник велся почти десять лет и был прекращен, потому что кропотливая работа над ним стала слишком большим напряжением для глаз и грозила испортить зрение. Я думаю, что под конец он уже мог легко писать своим шифром и читать его так же свободно, как обычный текст. Но, даже если это так, составление этих огромных рукописных томов было титаническим трудом. Может быть, это была попытка оставить о себе память, которая выделила бы его из прочих бесчисленных сынов человеческих? В таком случае он должен был бы оставить кому-нибудь указания относительно того, как поступать с ними, как он это сделал в случае со своей библиотекой, которую завещал передать в Кембридж. Он мог бы указать точную дату, когда после его смерти дневник можно прочитать. Тем не менее ничего подобного сделано не было, и если бы не упорство и талант одного текстолога, эти шесть томов до сих пор пылились бы нерасшифрованными где-то на верхней

полке его библиотеки. Следовательно, работа эта не предназначалась для общественности. Какова же была его цель? Я вижу только один ответ: эти записи были для него своего рода справочником, к которому он мог обращаться, если требовалось что-то вспомнить. В его характере прослеживается определенная склонность к методичности и порядку: он любил по многу раз пересчитывать деньги, составлять каталоги своих книг или опись имущества. Можно допустить, что и систематическая запись поступков, и даже проступков, носила тот же характер, выросла из нездоровой страсти к аккуратности. Объяснение не самое лучшее, но найти другое трудно.

Читателя «Дневника» Пипса может удивить, какой музыкальной нацией были в те времена англичане. Создается такое впечатление, будто буквально каждый умел играть на каком-то инструменте, а многие и на нескольких. В дни правления Карла II было не так уж много такого, чему мы могли бы завидовать, но в этом они, похоже, нас превзошли. И речь идет о действительно хорошей музыке, музыке величественной и нежной, с достойными словами. Этот культ был последним отголоском того периода истории, после средневековья и до Реформации{181}, когда, как я где-то читал, английские церковные хоры считались лучшими в Европе. Довольно странно для государства, которое в течение последних ста лет не породило ни одного великого мастера.

Какие могли произойти национальные изменения, которые привели к тому, что музыка в стране пришла в упадок? Может быть, жизнь стала настолько серьезной, что песне просто не осталось места? На юге бедняки поют, просто чтобы согреться душой. В Англии же, увы, если бедный человек поет, это означает только то, что он пьян. И все же утешением служит то, что семена былых достоинств все еще лежат в земле, и, если их возделывать, со временем они дадут ростки. Если в старые дни католицизма лучшими были наши церковные хоры, то мне кажется, что сейчас наши оркестры можно назвать лучшими в Европе. По крайней мере, так писали немецкие газеты по случаю недавних гастролей одного из хоров с севера Англии. Но, к сожалению, читая Пипса, нельзя не задуматься о том, что, по сравнению с его днями, сейчас музыка в Англии переживает не лучшие времена.

V

Между Сэмюэлом Пипсом и Джорджем Борроу[182], между этими двумя полюсами человеческого характера, разница огромна… И все же на полке с моими любимыми авторами они стоят рядом. Я всегда считал, что в Корнуолле есть что-то удивительное. Этот длинный полуостров, далеко врезающийся в океан, притягивает к себе самые странные предметы и держит их там в оторванности от мира, пока они не вплетаются в ткань корнийского народа. Что это за удивительный народ тихо живет на той суровой земле, время от времени рождая великих людей, столь не похожих на англичан внешностью и поведением! Это не кельты и не потомки древних иберов[183]. Их корни лежат дальше и глубже. Разве не похожи они на семитов, финикийцев[184], кочевников Тира[185] с гордыми южными лицами и восточным воображением, которые в незапамятные времена покинули голубое Средиземноморье и поселились на гранитных берегах Северного моря?

Откуда удивительное лицо и притягательная личность Генри Ирвинга?[186] Каким сильным, каким прекрасным, каким «неанглийским» он был! Мне известно лишь то, что его мать была корнуоллкой. Где истоки удивительного пылкого воображения сестер Бронте[187], столь отличного от холода их предшественниц, типа мисс Остин?[188] И снова мне известно лишь то, что мать их была корнуоллкой. А откуда странная неземная внешность Джорджа Борроу: орлиная голова, возвышающаяся над могучими плечами, прекрасное смуглое лицо и светлые волосы? Откуда у этого человека королевская внешность и удивительные умственные способности, позволившие ему занять свое неповторимое место в литературе? Его отец был корнуоллцем. Да, есть что-то странное, непонятное и великое в огромном полуострове на юго-западе Англии. Борроу мог называть себя восточным англом, «английским англичанином», как он любил говорить, но можно ли считать случайным совпадением, что именно тот восточный англ, в жилах которого текла корнийская кровь, обладал такими удивительными качествами? Рождение его случайно, но качества уходят корнями в глубину веков.

Есть такие авторы, имена которых заставляют меня содрогнуться, – они настолько плодовиты, что я даже не надеюсь когда-нибудь иметь возможность сказать, что хорошо знаком с их творчеством. Поэтому я их вовсе не читаю. Например, Бальзак, наследие которого составляет более ста томов. Мне говорили, что

некоторые из его произведений – шедевры, а некоторые – откровенная халтура, но никто не знает точно, что чем считать. Подобные ему авторы взваливают на плечи читателя неподъемный груз. Из-за того, что он просит слишком много, возникает желание вообще ничего ему не давать. Дюма относится к той же категории. Я подхожу к этому гигантскому наследию, пробую кое-что на вкус, но дальше не иду. Но Джорджа Борроу в подобном никто не сможет упрекнуть. Даже у самого ленивого читателя уйдет не больше месяца на то, чтобы прочитать все, что он написал. «Лавенгро», «Библия в Испании», «Цыганский барон» и, наконец, если вам захочется углубиться в его творчество, «Дикий Уэльс». Всего лишь четыре книги… Не слишком много для серьезного автора. Но в англоязычном наследии они занимают особенное место.

Борроу был странным человеком, фанатичным, полным предрассудков, упрямым, склонным к мрачности и совершенно непредсказуемым. Надо сказать, что подобный список не делает ему чести. Между тем у него было одно великое и редкое качество. До конца дней своих он сохранил ощущение великого чуда и загадки, которую представляет собой жизнь, то детское ощущение, которое затухает так быстро. И он не просто сам сохранил его, Борроу обладал достаточным литературным талантом, чтобы и читателей своих заставить вспомнить его. Читая его книги, ты невольно смотришь на мир его глазами, но среди того, что эти глаза видели, а уши слышали, нет ничего, что можно было бы назвать скучным или банальным. Все, что он видел, таинственно, мистично, наделено скрытым смыслом. Если он описывает разговор с прачкой, в его словах ты чувствуешь что-то завораживающее, а в ее ответах – что-то необычное. Если он встречает кого-то в трактире – прочитав его рассказ об этом, ты пожелаешь узнать о том человеке побольше. Въезжая в город, он (а вместе с ним и читатель) видит не ряды обычных домов или грязные улицы, а что-то очень необычное, чудесное: извилистую реку, величественный мост, старинный замок, тени мертвых. Каждый человек, каждый предмет был для него не вещью как таковой, а символом, напоминанием о прошлом. Глядя на человека, он видел не внешний облик, а внутреннюю суть. У его собеседника валлийская фамилия? В ту же секунду человек отходит на второй план, и автор отправляется в прошлое и уносит тебя за собой, к древним бриттам{189}, наступающим англосаксам, бардам{190}, Оуайну Глендуру{191}, горным всадникам и тысяче других захватывающих вещей. Может быть, у него датское имя? Тогда Борроу оставляет его в современности, а сам летит к гигантским черепам Хайта{192} (в скобках замечу, что

я бывал в Хайте, достаточно внимательно осматривал эти черепа, и мне они показались значительно меньше среднего человеческого размера), к викингам, берсеркерам{193}, варягам, вспоминает Харальда Сурового{194} и коварство Папы Римского. Для Борроу все дороги ведут в Рим.

Но как прекрасен его слог! Читая Борроу, ты слышишь каждое предложение, все трепещет, дышит, живет.

Если вы обладаете даром слышать музыку текста, вы поймете, что в каждой написанной им строчке есть музыка. Возьмите главу из «Лавенгро», где описано, как вопящий ужас охватил его душу, когда он жил в лагере в лощине. Человек, который так написал, достоин стоять в одном ряду с Беньяном и Дефо. Посмотрите, как просто написано и какое за этим кроется искусство! Обратите внимание, какой странный эффект производит продуманное повторение слова «лощина», которое слышится снова и снова, как главная нота. Или возьмите отрывок о Британии в конце одной из его лучших книг «Библия в Испании». Я очень не люблю цитировать эти шедевры и делаю это лишь потому, что мои скромные силы не всегда позволяют мне описать всю их красоту. И все же, чего бы это ни стоило, позвольте мне напомнить вам эти превосходные строки вдохновенной прозы:

«О, Англия! Много пройдет лет, прежде чем солнце твоей славы опустится за волны вечной тьмы! И хоть мрачные, зловещие тучи уже клубятся вокруг тебя, но все же, все же, если будет угодно Его воле, Всемогущий рассеет их, разгонит своею рукою и пожалует тебе будущность более долгую, но и более светлую и славную, чем твое прошлое! А если уготован тебе конец, то пусть будет он благородным, величественным, достойным имени той, кого называют Старой Королевой Морей! И если ты опустишься на дно, если тебе суждено утонуть, охваченной огнем и залитой кровью, в раскатах оглушительного грохота, пусть с тобой пойдут на дно другие народы. Из всех судеб да убережет тебя Господь от медленного, позорного гниения, от жалких насмешек твоих презренных врагов, которые хоть и завидуют тебе и ненавидят тебя, все так же тебя боятся, пусть даже против воли, уважают и почитают тебя… Изгони лжепророков, которые видят лишь суету и ложь; которые расшатывают твои стены; которым видится мир там, где мира нет; которые вкладывают силу в руки злых и наполняют печалью сердца добродетельных. Сделай же это и не страшись за последствия, ибо либо конец твой будет велик и завиден, либо Господь продлит твое владычество на воде до скончания времен, о Старая Королева!»

Или возьмите описание боя с Огненным Жестяником. Этот эпизод слишком велик, чтобы приводить его полностью, но прочитайте его, сами вчитайтесь в каждое слово. Кто еще мог написать так сильно, кратко, хлестко? Я сам видел множество прекрасных боев, несколько международных поединков, на которые великие державы выставляли своих лучших бойцов, но это описание Борроу оставило у меня в голове более живые воспоминания, чем любой из них. Это настоящая магия литературы.

Борроу и сам был прекрасным бойцом. Именно таким его и знали в нелитературных кругах… В кругах, которые немало удивились бы, узнав, что этот человек пишет книги. При его физических данных (ростом он был шесть футов три дюйма{195} и обладал резвостью оленя) он был грозным соперником. Но вдобавок к этому Борроу был еще и умным боксером, хотя, как я от кого-то слышал, стиль ведения боя у него был несколько беспорядочный. Но до чего же он любил бокс и боксеров! Вы наверняка помните его краткие и точные словесные портреты своих героев. Если нет, я должен привести пример, а если все же помните, думаю, не откажетесь перечитать это еще раз.

«Вот Крибб, чемпион Англии и, возможно, самый сильный человек в своей стране; вот он стоит, этот огромный массивный человек, с лицом, удивительно напоминающим львиную морду. А вот и Белчер-младший, не могучий Белчер – тот отправился к праотцам, – но Белчер-тевкр{196}, один из ученейших бойцов ринга, которому не хватало лишь силы, чтобы стать первейшим из первейших; вот он, воскресший в памяти моей, тонкий стройный, с пронзительным, полным решимости взглядом; еще и сейчас он прохаживается передо мной своей упругой походкой точно так, как и в тот вечер.

Навстречу ему – какой контраст! – идет мрачный, свирепый Шелтон, который и слова учтивого никому не скажет, но зато мастер по части крепких ударов – крепких! Шутка сказать – одно искусное движение его могучей руки, и он способен выбить дух из великана. А этот человек, который гуляет, заложив руки под фалды своего коричневого фрака? Он небольшого роста и выглядит кем угодно, только не тем, кто он на самом деле, а между тем это король легкого веса, как его называют, – сам Рэнд, грозный Рэнд, в чьих жилах течет ирландская кровь, что, впрочем, не пошло ему ни во вред, ни в пользу; а неподалеку от него стоит его последний противник – Нед Тернер, который, хоть и потерпел от него поражение, все же продолжает считать себя не хуже других, – в чем, пожалуй, он и прав, так как противник превзошел его лишь немногим, – и, уж во всяком случае, «шентльменом

повоспитанней», в чем он, безусловно, прав, так как он уэльсец. Но как же мне перечислить их всех? Их собрался там не один десяток, и каждый мастер здесь грозен на свой лад: и Бульдог Хадсон, и бесстрашный Скроггинз, который в свою очередь побил Сэма Жида. Там и черный Ричмонд, впрочем, нет, его там не было, но знал я его хорошо, это был самый опасный из негров, несмотря на сломанное бедро. Был там и Перселл, который мог победить лишь тогда, когда чувствовал, что его вот-вот одолеют. Был там – но кого назвать мне под конец? Ну хотя бы тебя – я уверен, что ты, последний из этой могучей семьи, еще ступаешь по нашей земле, где дай Бог тебе жить и поживать еще многие годы, ты, истинный сын английской земли, Том из Бедфорда, суровый, как зима, и ласковый, как весна.

Привет тебе, Том из Бедфорда, или как тебе еще там угодно называться, Весной или Зимой! Привет тебе, шестифутовый англичанин с карим глазом, достойный носить шестифутовый лук под Флодденом, где йомены Англии одержали победу над шотландским королем, его кланами и рыцарями{197}. Привет тебе, последний из английских кулачных бойцов! Много одержал ты побед на своем веку, и победы эти не были куплены желтым металлом»[8].

Эти слова идут от сердца. Нескоро наступят те времена, когда из крови нашей исчезнет страсть к бою, которая досталась нам от наших предков! В мире, где не будет места войне, мы сможем искоренить ее из себя, но в мире, который вооружен до зубов, это наша последняя и единственная гарантия будущего. Ни численность наша, ни богатство, ни воды, которые окружают нас, не смогут обеспечить нашу безопасность, если хотя бы раз дух наш утратит старое железо. Звучит, возможно, варварски, но кто знает, с какими формами варварства нам придется столкнуться? Ясно лишь одно: во всем этом огромном мире рассчитывать на жалость и снисхождение не стоит.

Довольно любопытными были взгляды Борроу на литературу и литераторов. И издателей, и собратьев-писателей он ненавидел одинаково сильно. Я не припомню, чтобы хоть в какой-то из его книг мне встретилось хотя бы слово похвалы кому-нибудь из современных писателей или авторов предшествующего поколения. О Саути он отзывался с таким чувством, которое многие приняли бы за чрезмерную теплоту, но во всем остальном Борроу, живший, когда блистали в полную силу Диккенс, Теккерей и Теннисон, предпочитал обращать свой взор на какого-нибудь безызвестного датчанина или валлийца. Мне кажется, причина этого в том, что его гордый дух был надломлен неудачами, которые преследовали его в молодости, и медленным

признанием. Он ощущал себя вождем племени и, когда племя его не заметило, сам в презрении от него отвернулся. Взгляните на его гордое, чувствительное лицо, и вам все станет понятно.

Возвращаясь в мыслях к прошлому и говоря о боксе, я вспоминаю один понравившийся мне случай. Мой друг читал посвященный боксу роман «Родни Стоун»{198} одному знаменитому австралийскому боксеру, который был прикован к постели смертельной болезнью. Умирающий гладиатор слушал внимательно, и особый профессиональный интерес у него вызывали эпизоды, в которых описывались схватки. Мой друг дошел до того места, где молодой непрофессиональный боец дерется с грозным Берксом. Беркс вымотан, но отказывается слушать своего секунданта. Секундант непрофессионала, старый опытный боксер, дает советы своему подопечному, как вести бой. «Ну все, черт побери, сейчас он его точно уложит!» – закричал в этом месте разволновавшийся больной. И это ли не лучшая похвала для автора?

О моем собственном пристрастии к рингу свидетельствует вон то трио в коричневых обложках, которое очень уместно разместилось рядом с книгами Борроу. Это трехтомник «Искусство кулачного боя», который я много лет назад получил от своего старого друга, Роберта Барра{199}. Эта книга – прииск, в котором золотые самородки встречаются на каждом шагу. Но увы! Жуткий спортивный сленг тех дней, вялая и ненужная витиеватость слога, неуместные шутки и раздражающая привычка выделять в каждом предложении по несколько слов наклонным шрифтом делают ее чтение нелегким занятием. Даже самые отчаянные безжалостные бои, достойные людей, прошедших Альбуэру{200} и Ватерлоо{201}, описанные подобным слогом, становятся скучными и вульгарными. Нужно обратиться к Вильяму Хэзлитту{202}, который дает описание боя между Фанфароном Гэзменом и Бристольским Быком, чтобы почувствовать истинный дикий накал схватки. Даже в виде печатного текста это настолько впечатляет, что только самый черствый читатель не вздрогнет, представив себе этого внушающего ужас правшу, который отправил гиганта в нокдаун, превратив его лицо в «красное месиво от брови до челюсти». Но даже если бы не было Хэзлитта, только совсем бедное воображение не смогли бы всколыхнуть поступки скромных героев, которые когда-то жили на земле, а теперь сохранились лишь на этих мало кем читаных страницах. То были очень колоритные люди. Мужчины с сильным характером и духом, достигшие пределов человеческого мужества и выдержки. На обложке золотым тиснением на коричневом фоне изображен

Джексон, «Джентльмен Джексон», Джексон с благородным лицом и фигурой богатыря, Джексон, который мизинцем поднимал 88-фунтовый груз.

Вот как описывал этого человека один из его знакомых:

«Я и сейчас представляю его таким, каким он был в 1884-м, когда я увидел его на Холборн-хилл{203} идущим к Смитфилду. На нем был алый фрак с золотыми петлями для пуговиц, кружевное жабо, небольшой белый шарф, воротничка не было (тогда их еще не изобрели), круглая шляпа с широкой черной лентой, кожаные бриджи с длинными шелковыми шнурками, полосатые белые шелковые чулки, легкие туфли с пряжками. Его бледно-голубой атласный жилет украшали белые узоры. И невозможно было, глядя на его мощную грудь, благородные плечи, узкую талию, большие, но не слишком, бедра, напоминающие по форме столбы балюстрады{204}, и´кры, изящные, но не хрупкие лодыжки, крепкие ступни и необычно маленькие ладони, не подумать о том, что в его лице природа послала на землю образец человека. Он быстро шел по улице, притягивая к себе завистливые взгляды мужчин и восхищенные взоры женщин».

Очень живое описание, описание, которое действительно помогает представить то, что хотел передать автор. Прочитав это, понимаешь, почему даже в воспоминаниях о тех славных днях среди всех Тонни, Биллов и Джеков неизменно значится мистер Джон Джексон. Он был другом и тренером Байрона и половины родовитых лондонских бонвиванов{205}. Это Джонсон в пылу боя схватил еврея Мендозу за волосы, после чего у боксеров стало принято стричься очень коротко. Внутри книги есть портрет Броутона, одного из известнейших боксеров восемнадцатого века. Этот скромный человек мечтал лишь об одном: дослужиться от флангового до офицера дворцовой стражи. У него имелся и свой биограф, добрый капитан Годфри, который писал интересно, но, так сказать, простовато. Вот, например, такой отрывок:

«Он часто замирает, как фехтовальщик, и наносит удары сериями; он не отходит назад, открываясь, чтобы отбить удар противника и нанести ответный удар рукой без использования веса тела. Нет! Броутон смело и уверенно идет вперед, встречает встречный удар, отбивает его защитной рукой, потом, собрав всю силу выпуклых мускулов и помогая руке крепким телом, наносит противнику сильнейший удар, в который вкладывает весь свой вес».

От галантного капитана можно было бы ожидать большего. Бедный Броутон! Он бился слишком часто. «Черт возьми! Вы же проиграли!» – выкрикнул во время одного из поединков

присутствовавший королевский герцог, когда от ударов лицо Броутона распухло так, что он перестал видеть. «Я не проиграл, ваше высочество, я просто не вижу противника!» – крикнул ослепленный герой. Увы, жизнь на ринге не отличается от жизни за его пределами. Старая волна с шипением уходит в гальку, а на ее место приходит новая, молодая. «Молодость всегда возьмет верх», – говорили немногословные опытные боксеры, но до чего грустно становится, когда ты видишь, как уходят старые чемпионы! Мудрый Том Спринг, Бедфордский Том, как называет его Борроу, в расцвете сил благоразумно ушел из бокса непобежденным. Крибб тоже навсегда остался чемпионом. Но Броутон, Слэк, Белчер и остальные – их конец был одинаково трагичен.

У профессиональных боксеров последние дни чаще всего складывались необычно и неожиданно, хотя, как правило, до преклонного возраста они не доживали, поскольку невоздержанность в жизни и изматывающие тренировки расшатывали их здоровье. Их губила популярность среди мужчин и женщин, и в конце концов король ринга становился жертвой самого опасного из легковесов, туберкулезного микроба или какой-нибудь другой столь же смертельной, а то и заслуживающей еще меньшего уважения бациллы. Самый хрупкий из зрителей имел больше шансов в жизни, чем великолепный юный атлет, которым он восхищался. Джем Белчер умер в 30, Хупер – в 31, Цыпленок Пирс – в 32, Тернер – в 35, Хадсон – в 38 лет, Непревзойденный Рэнделл – в 34 года. У тех, кому все же случалось дожить до зрелых лет, жизнь порой делала самые неожиданные повороты. Галли, как известно, разбогател и стал депутатом реформистского парламента{206} от Понтефракта{207}. Хамфри стал успешным торговцем углем. Джек Мартин превратился в убежденного трезвенника и вегетарианца. А у Джема Уорда, Черного Бриллианта, открылся недюжинный художественный талант. Крибб, Спринг, Ланэн и многие другие стали успешными владельцами пабов и трактиров. Но необычнее всего, должно быть, сложилась судьба Броутона, который на старости лет не пропускал ни одного аукциона, на котором продавали старинные картины и прочее bric-a-brac[9]. Один из былых его почитателей, увидев как-то Броутона на торгах, описывал его как молчаливого престарелого джентльмена в старомодном костюме с каталогом в руке… Броутон, ужас Англии, превратился в безобидного тихого коллекционера.

Многие из них, что не так уж удивительно, умирали насильственной смертью, некоторые сами укорачивали себе век. Но никто из лучших боксеров не умер во время боя. Ближе всех

смерть на ринге подошла к Саймону Бирну. Удивительной и трагической была судьба этого мужественного ирландца, который имел несчастье стать причиной смерти своего противника, Ангуса Маккея, а после встретил собственную смерть от рук Глухого Берка. Но ни Бирна, ни Маккея нельзя назвать действительно выдающимися боксерами. Если говорить о профессиональном боксе, создается такое впечатление, что человеческая машина постепенно утрачивает выносливость и становится более чувствительной к сотрясениям и ударам. Вначале смертельные исходы поединков были явлением чрезвычайно редким. Постепенно эти трагедии стали случаться все чаще, и сейчас, несмотря на то что бои теперь проводятся в перчатках, мы то и дело с ужасом слышим об очередной смерти на ринге и думаем, что, может быть, суровая забава наших предков действительно слишком груба для более высокоорганизованного поколения. И все же можно вспомнить, что за последние два или три года во время охоты и стипль-чеза{208} людей погибло больше, чем за два века существования бокса.

Многие из этих людей положили свои силы, принесшие им славу, на алтарь служения родине. Крибб, если я не ошибаюсь, служил в военно-морском флоте. Так же как и ужасный карлик Скроггинз (у него были могучие грудь и плечи, но очень короткие ноги), который много лет благодаря исключительно сильному удару удерживал первенство, пока карьеру его не оборвал осторожный валлиец Нед Тернер, чью карьеру в свою очередь прервал прекрасный ирландец Джек Рэнделл. Шоу, едва ли не лучший из тяжеловесов, был изрублен на куски французскими кирасирами{209} во время одной из первых атак у Ватерлоо. Жестокий Беркс пал героической смертью во время взятия Кадахоса. Жизни этих людей послужили символом того, что в те дни раздираемому войной миру было нужно больше всего, – несгибаемой стойкости. Вспомните Джема Белчера, прекрасного отважного Джема, этого Байрона бокса… Однако этот очерк не посвящен истории бокса. То, что интересно одному, может навести ужасную тоску на другого. Давайте отставим эти три грубых, жестоких и захватывающих тома в сторону и вернемся к темам более возвышенным.

VI

Какие из рассказов, написанных на английском языке, можно считать лучшими? Неплохая тема для беседы! Я уверен в одном: действительно хороших рассказов намного меньше, чем действительно хороших произведений больших форм. Чтобы вырезать камею{210}, требуется мастерство намного более тонкое, чем для того, чтобы высечь статую. Но самое удивительное в этом то, что два совершенства не только отделены друг от друга, но даже противоборствуют. Талант в одном вовсе не подразумевает таланта в другом. Великие мастера нашей литературы, такие как Филдинг{211}, Скотт, Диккенс, Теккерей, Рид{212}, не оставили ни одного выдающегося рассказа, возможно, с единственным исключением – «Рассказ слепого странника Вилли» из романа Скотта «Редгонтлет». С другой стороны, гениальные мастера малых форм (Стивенсон, По{213}, Брет Гарт{214}) великих романов не писали. Великий спринтер редко бывает хорошим стайером{215}.

Итак, если бы вам пришлось набирать свою команду, кого бы вы выбрали? Выбор не так уж велик. Давайте для начала определим критерии отбора. Нас интересует сила, новизна, краткость и захватывающий сюжет; произведение должно быть таким, чтобы после его прочтения, в голове остался четкий, ясный отпечаток. В рассказах Эдгара По есть все. К слову, это именно его томик в зеленой обложке, следующий по порядку на моей любимой полке, повернул мои мысли в данном направлении. По я считаю величайшим мастером рассказа в истории литературы. Его разум был чем-то вроде лопнувшего стручка, горошины из которого разлетелись во все стороны. Из них выросли почти все современные виды рассказов. Вспомните, чего он достиг, работая в своей обычной удивительной, непринужденной манере. Он редко когда возвращался к уже достигнутому, предпочитая покорять новые высоты. Это ему обязана своим существованием разросшаяся до ужасающих размеров братия сочинителей детективов. Quorum pars parva fui[10]. Каждый из них может найти в этом жанре собственную нишу, но все они появились из превосходных рассказов месье Дюпена{216}, поражающих своей силой, немногословностью, драматическим накалом. Ведь, в конце концов, острота ума – это то единственное качество, которым должен обладать идеальный сыщик. После того как он ею обзавелся, последующим поколениям писателей оставалось лишь следовать указанному направлению. Но По изобрел не только жанр детективного рассказа. Все поиски сокровищ и

чтения криптограмм[217] берут начало в его «Золотом жуке», так же как все псевдонаучные романы в духе Верна и Уэллса имеют прообраз в виде романа «С Земли на Луну» и рассказа «Правда о том, что случилось с мистером Вальдемаром». Если бы каждый писатель, получающий гонорар за произведения, навеянные тем или иным рассказом По, отдавал бы десятую часть на строительство памятника своему вдохновителю, сей монумент вырос бы до размеров пирамиды Хеопса[218].

И все же в своей команде я бы выделил ему всего два места. Одно – за «Золотого жука», второе – за «Убийство на улице Морг». Я не вижу, как можно было бы сделать эти рассказы еще лучше. Но больше из его рассказов «совершенно» идеальным я бы не назвал ни одного. Эти два имеют ту соразмерность и глубину, которых не хватает остальным. Ужас и необычность основной идеи усилены холодным спокойствием рассказчика и главного действующего лица (в первом случае Леграна, во втором – Дюпена). Все сказанное можно отнести и к Брету Гарту, еще одному из великих мастеров короткого рассказа, которому забег на длинную дистанцию оказался не по силам. Он напоминает одного из своих золотоискателей, который наткнулся на богатое месторождение, но золотой жилы так и не нашел. Как это ни печально, но месторождение оказалось не таким уж богатым, хотя золото в нем было чистейшим. «Счастье ревущего стана» и «Компаньон Теннесси», как мне кажется, по праву достойны занять свое место среди бессмертных шедевров. Правда, в них столько диккенсовского, что они могут даже показаться пародией на этого мастера, и тем не менее они имеют ту симметрию и законченность короткого рассказа, которых сам Диккенс так и не достиг. Тому человеку, который, взяв в руки книгу с этими двумя рассказами, не прочитает их на одном дыхании, я не завидую.

А как же Стивенсон, спросите вы. Разумеется, он тоже заслужил два места, ибо кто лучше него понимал, каким должен быть короткий рассказ? Я считаю, что он за свою жизнь написал два шедевра, и оба они – рассказы, хотя один из них и выходил отдельной книгой. Первый из них – это рассказ «Странная история доктора Джекила и мистера Хайда». Вне зависимости от того, как вы воспринимаете его – как прекрасное повествовательное произведение или как удивительно глубокую и точную аллегорию, – это превосходное сочинение. Вторым я назову «Дом на дюнах» – драматическое повествование, которое можно назвать образцовым. Когда я читал это произведение в «Корнхилл мэгэзин»[219], оно так глубоко отпечаталось в моей памяти, что спустя много лет, перечитывая его в виде отдельного издания, я тут же заметил два небольших изменения

первоначального текста (оба не в лучшую сторону). Изменения были небольшими, но для меня достаточно выразительными, как сколы на идеальной статуе. Несомненно, только очень хорошее произведение искусства может так врезаться в память. Конечно же, у Стивенсона есть еще дюжина рассказов, по сравнению с которыми лучшие работы иных писателей покажутся литературной халтурой, и все они в той же степени наделены тем обаянием стиля Стивенсона, о котором мы поговорим позже. И все же только за этими двумя я признаю истинное совершенство, что и дает им право быть включенными в нашу команду.

Кто еще? Если не будет дерзостью назвать имя современника, я, конечно же, с радостью приму в свою команду Редьярда Киплинга. Энергия, лаконичность, драматизм, присущие его стилю, его необыкновенная способность заставлять трепетное пламя повествования неожиданно вспыхивать неистовым огнем – все это делает его достойным того, чтобы называться великим мастером. Но на чем же остановить выбор? Собрание его рассказов богато и разнообразно, и многие из них можно было бы назвать лучшими. Память подсказывает мне, что наибольшее впечатление на меня произвели «Барабанщики передового и тылового», «Человек, который хотел быть королем», «Человек, который был» и «Сновидец». Пожалуй, для своего списка я выберу первых два.

Эти рассказы заслуживают критики и в то же время представляют для нее определенную трудность. В крикете великим бэтсменом{220} считается тот, который играет не так, как все, который позволяет себе то, в чем отказано рядовым игрокам, но, несмотря на пренебрежение правилами, добивается блестящей победы. То же происходит и здесь. Мне вообще кажется, что модель этих произведений представляет собой огромную опасность для тех молодых писателей, которые захотят повторить ее. Здесь есть и отступление от темы (самое страшное из недостатков короткого рассказа), и определенная бессвязность, и разнокалиберность, которая выражается в том, что неторопливо развивающееся повествование вдруг уходит далеко вперед несколькими предложениями. Но гений перевешивает эти недостатки, примерно как великий крикетист, который может не отбить простейший удар, но справится с самым сложным. Здесь есть и напористость, и богатство красок, и полнокровное уверенное мастерство, которые оправдывают все. Да, ни одна команда бессмертных не будет полной, если в нее не будут включены хотя бы два произведения Киплинга.

Кого еще назвать? Натаниела Готорна{221} я никогда не относил к числу лучших. И, я уверен, что дело тут не в нем, а во

мне – я всегда ожидал больше, чем он мог дать. Чтобы произвести впечатление, его рассказы слишком утонченны, слишком изысканны. Могу даже сказать, что на меня большее впечатление произвели рассказы его сына Джулиана{222}, хотя я и понимаю, за что старший из писателей получил артистическую славу, и чувствую очарование его стиля. Еще один претендент – Эдвард Джордж Бульвер-Литтон{223}. Его «Лицом к лицу с призраками» – лучший рассказ о привидениях, который я читал. Поэтому и его стоит включить в мой список. В одном из старых номеров «Блэквуда»{224} мне попался рассказ «Метемпсихоз», который произвел на меня такое глубокое впечатление, что я бы и его хотел включить в список лучших, хотя и прочитал много лет назад. Еще один рассказ, который имеет все признаки великого произведения, – «Джон Криди» Гранта Аллена{225}. Рассказанная таким хорошим языком история с такой философской основой заслуживает места среди лучших. Несколько первоклассных рассказов, соответствующих высшим стандартам, есть среди последних работ Уэллса{226} и Квиллера-Коуча{227}. «Старый Оэсон», небольшой рассказ из «Нотс энд кроссес», тоже вполне заслуживает того, чтобы быть выделенным.

Все эти поучительные разговоры начались с того, что взгляд мой упал на зеленую обложку старого томика Эдгара По. Могу сказать точно: если бы меня попросили назвать несколько книг, которые оказали на мою жизнь самое большое влияние, эта уступила бы только «Очеркам» Маколея. Я прочитал ее в юности, когда ум мой был очень впечатлительным, и тогда она подстегнула мое воображение, показала, каким благородным и сильным может быть искусство повествования. Возможно, то влияние, которое оказывает По, нельзя назвать исключительно положительным. Он слишком сильно направляет мысли на путь странного и нездорового.

Сам По был человеком мрачным, невеселым и малообщительным, склонным к гротеску. Ему по душе были любые проявления ужасного. Его читатель должен быть наделен противоположными качествами, иначе По может оказаться опасным другом. Мы знаем, на какие опасные дороги и в какие коварные трясины заводил писателя его странный ум, пока это не закончилось тем, что однажды серым октябрьским утром его нашли умирающим на дороге в Балтиморе{228}. И был он тогда в том возрасте, который у мужчин считается расцветом сил.

Я уже говорил, что для меня По – величайший в мире автор коротких рассказов. Ближайшим его соперником я считаю Мопассана{229}. Великий нормандец{230} по силе и оригинальности уступал американцу, но от природы обладал

талантом и имел врожденное чутье, которое позволяло ему добиваться нужного эффекта, что делает его великим мастером. Он писал рассказы, потому что не мог этого не делать. Для него это было так же естественно, как яблоне рождать яблоки. Сколько в его рассказах души, чувствительности, художественности! Насколько тонко и с каким вкусом все подано! Какой чистый и живой стиль, напрочь лишенный той избыточности, которая является камнем преткновения для многих англоязычных писателей!

Я не могу упомянуть Мопассана, не вспомнив о том, что можно назвать либо вмешательством высших сил, либо поразительным совпадением, которое произошло в моей жизни. Путешествуя по Швейцарии, посетив разные места, я побывал и на перевале Жемми, где огромная скала разделяет французский и немецкий кантоны{231}. На вершине этой скалы находится небольшая гостиница, где остановилась наша группа. Нам рассказали, что гостиница эта работает круглый год, но зимой примерно на три месяца она становится полностью отрезанной от мира, потому что добраться до нее можно только по крутым горным тропам, которые под снегом делаются непроходимыми и по ним нельзя ни подняться, ни спуститься. Из гостиницы видны огни в долине внизу, и все же те, кто в ней живут, ощущают такую оторванность, как если бы находились на Луне. Это настолько необычно, что не могло не разбудить мое воображение, и вскоре я уже стал придумывать сюжет для рассказа, в котором в подобном замкнутом месте должны были столкнуться люди совершенно противоположного склада, питающие друг к другу отвращение, но вынужденные оставаться рядом, что постепенно приводит к трагической развязке. Продолжая путешествовать, я примерно неделю обдумывал эту идею.

К концу этого времени я уже возвращался домой через Францию. Мне нечего было читать, поэтому я купил сборник рассказов Мопассана, который раньше мне никогда не попадался. Первый рассказ назывался «L'Auberge» («Гостиница»). Просмотрев первую страницу, я, к своему изумлению, заметил слова «Kendersteg» и «перевал Жемми». Разумеется, я тут же прочитал рассказ, и по мере приближения к концу удивление мое все возрастало. Действие его проходило в той самой гостинице, в которой побывал я. Сюжет разворачивался вокруг группы людей, оказавшихся замкнутыми в едином пространстве из-за снегопада. Все совпадало с тем, что придумал я, только Мопассан еще ввел в повествование злую собаку.

Разумеется, источник вдохновения в данном случае очевиден. Он тоже побывал в той гостинице, и под этим впечатлением

мысли его направились в то же русло, что и мои. Все это вполне объяснимо. Но самое удивительное в данной этой истории то, что во время этой поездки из всех продававшихся во Франции книг я выбрал именно ту, которая не дала мне опозориться на весь свет. Кто бы поверил, что я для своего рассказа не украл сюжет у Мопассана? Я не думаю, что в данном случае можно говорить о простом совпадении. Этот случай – один из нескольких подобных, которые произошли в моей жизни и заставили меня поверить во вмешательство высших сил, добрых, существующих вне нас, которые стараются нам помогать. Старый католический догмат об ангеле-хранителе не только прекрасен, но и, как я считаю, заключает в себе зерно истины.

А может быть, дело в том, что, выражаясь языком современной психологии, наше подсознательное ego, или, выражаясь языком современной теологии, наше астральное «я» способно видеть и передавать в мозг то, чего мы не в состоянии заметить при помощи обычных чувств? Однако путь этот слишком долог, чтобы мы на него сворачивали.

Мопассан при желании мог соперничать с По в царстве странного и необычного, в котором американец считается непревзойденным. Вы читали рассказ Мопассана, который называется «Орля»? Это достойнейший пример diablerie[11]. Но круг тем француза, разумеется, намного богаче. Он наделен тонким чувством юмора, которое как будто помимо его желания пробивается в некоторых его рассказах, но дает им всем особый приятный привкус. Однако даже после всего сказанного разве кто-нибудь усомнится в том, что строгий и ужасный американец – фигура более великая и самобытная?

Раз уж мы заговорили о «страшных» рассказах в американской литературе, вы читали Амброза Бирса?{232} У меня есть его сборник «В гуще жизни». Это был довольно самобытный писатель. Чтение его рассказов нельзя назвать приятным времяпрепровождением, но они оставляют след в душе, а это является показателем мастерства их автора.

Меня всегда интересовало, откуда у По его стиль? Лучшие работы его дышат грозным величием, словно они высечены на полированном черном янтаре, который был доступен только ему. Не побоюсь сказать, что, если я сниму с полки его книгу, практически на любой странице я смогу найти пример, который даст вам понять, о чем я говорю. Ну вот:

«Да, прекрасные сказания заключены в томах Волхвов – в окованных железом печальных томах Волхвов. Там, говорю я, чудесные летописи о Небе и о Земле и о могучем море – и о Джиннах, что завладели морем и землей и высоким небом. Много

мудрого таилось и в речениях Сивилл{233}; и священные, священные слова были услышаны встарь под тусклой листвой, трепетавшей вокруг Додоны{234}, – но, клянусь Аллахом, ту притчу, что поведал мне Демон, восседая рядом со мною в тени могильного камня, я числю чудеснейшей из всех!»

Или это предложение: «И тогда мы семеро в ужасе вскочили с мест и стояли, дрожа и трепеща, ибо звуки ее голоса были не звуками голоса какого – либо одного существа, но звуками голосов бесчисленных существ, и, переливаясь из слога в слог, сумрачно поразили наш слух отлично памятные и знакомые нам голоса многих тысяч ушедших друзей»[12].

Разве в этом не чувствуется строгое достоинство? Ни один писатель не может взять и придумать стиль. Он всегда следует какому-то влиянию или, как происходит чаще всего, нескольким влияниям. Установить, из какого родника черпал вдохновение По, я так и не смог. Впрочем, если бы Хэзлитт или Де Квинси{235} стали писать «страшные» рассказы, они скорее всего породили бы нечто подобное.

Теперь же, с вашего разрешения, перейдем к прекрасному изданию романа «Монастырь и семейный очаг», который стоит слева от По.

Просматривая свои беспорядочные наброски к этому эссе, я заметил, что назвал «Айвенго» вторым лучшим историческим романом девятнадцатого века. Осмелюсь предположить, многие пальму первенства отдали бы «Истории Генри Эсмонда»{236}, и я вполне понимаю эту позицию, хотя и не разделяю. Я признаю красоту стиля, выдержанность образов, исключительную точность в передаче духа эпохи королевы Анны{237}. Наверное, не было написано ни одного исторического романа, автор которого знал бы описываемое время столь же досконально. Но, сколь ни велики эти достоинства, для романа они не являются главными. Для романа главное – занимательность, хотя Аддисон как-то язвительно заметил, что главное предназначение романов – это чтобы у кондитеров никогда не заканчивалась бумага. «Эсмонда» я считаю очень интересным в тех местах, где описывается кампания в Южной Шотландии, когда на сцену выходит бездушный и беспринципный герцог Мальборо, и в тех случаях, когда являет свой зловещий лик лорд Мохэн. Но в нем есть и затянутые пассажи, которые читаются с гораздо меньшим интересом. Чтобы считаться действительно выдающимся, роман должен держать читателя в напряжении от начала до конца. «Айвенго» не отпускает ни на минуту, и именно этим он как роман лучше «Эсмонда», хотя как литературное произведение последний более совершенен.

Итак, если бы я обладал тремя голосами, я бы все их отдал роману «Монастырь и семейный очаг», назвав его не только лучшим историческим романом, но и вообще лучшим романом, написанным на английском языке. Я прочитал почти все значимые иностранные романы девятнадцатого века и могу сказать (только от своего имени и в пределах своей начитанности), что только «Война и мир» Толстого произвела на меня такое же впечатление, как эта книга Чарльза Рида. Для меня они стоят на вершине художественной литературы девятнадцатого столетия. Надо сказать, что у них есть много сходного: чувство пространства, количество действующих лиц, то, как персонажи появляются и уходят. Правда, англичанин более романтичен, а русский более реалистичен и серьезен, но оба романа велики.

Подумайте, что делает Рид в своем романе. Он словно берет читателя за руку и уводит за собой в средние века, и это не обычные театральные декорации, этот мир дышит, люди, его населяющие, так же реальны и человечны, как пассажиры омнибуса{238} на Оксфорд-стрит{239}. Он переносит его в Голландию, показывает ему не только живописцев и бедняков, но и саму жизнь. Он ведет его вдоль длинного Рейна, этого спинного мозга средневековой Европы, знакомит с зарождением печатного дела, первыми ростками свободы, жизнью великих торговых городов Южной Германии, положением дел в Италии, артистическими мастерскими Рима, церковными институтами на заре Реформации. И все это изложено прекрасным ярким и живым языком и умещается в одной книге. Помимо широкой панорамы средневековой Европы, в романе показан и внутренний мир самого главного героя – Герхарда. Его возвышение, падение, возрождение и достойный жалости трагический финал делают этот роман поистине великим. Я считаю, что благодаря характерному для романа соединению широкого воображения и глубочайших познаний он стал неповторимым явлением нашей литературы. Чтобы лучше понять, каким образом Чарльз Рид добывал из грубой руды исторических фактов благородный металл, который переплавлял в словесную форму воображения, можно сначала прочитать автобиографию Бенвенуто Челлини, а потом уж взяться за картину средневековой жизни Рима, написанную Ридом. Прекрасно, когда писатель имеет достаточное усердие, чтобы добывать факты. Но дар умело использовать эти факты встречается намного реже. Точность, лишенная педантизма, – вот идеал, к которому должен стремиться сочинитель исторических романов.

Чарльз Рид – одна из самых удивительных фигур в нашей

литературе. Ему почти невозможно найти соответствующее место. Его лучшие работы возносят его на самую вершину, а худшие – низводят до уровня пошлых суррейских мелодрам, но в лучших есть слабые места, а в худших – сильные. В шелковое полотно Рида всегда вплетены хлопковые нити, а в хлопковую пряжу – шелк. Но, несмотря на все недостатки, человек, написавший, кроме великого романа, о котором говорилось выше, «Никогда не поздно исправиться», «Чистоган», «Нечестная игра» и «Гриффит Гонт», достоин того, чтобы стоять в одном ряду с нашими лучшими романистами.

В книгах Рида я чувствую его сердце. Такого не встретишь больше ни у кого. Он по-настоящему любит своих героев и героинь и в той же степени ненавидит своих же негодяев. Это захватывает и заставляет читателя испытывать такие же чувства. Никто кроме него не говорил так тепло о душе и красоте своих героинь. Уметь нарисовать прекрасный и правдоподобный женский портрет – редкий дар… Особенно для писателей-мужчин. Если в литературе девятнадцатого века есть девушка прекраснее Джулии Додд, я не имел удовольствия с ней встречаться. Писатель, из-под пера которого вышел и столь тонкий и возвышенный портрет, и такие колоритные образы, как разбойники в «Монастыре и семейном очаге», имеет талант редкостный по своей широте. Перед Чарльзом Ридом я всегда готов снять шляпу.

VII

Хорошо, что волшебная дверь закрыта. За ней – наш полный забот мир с его надеждами и страхами, чаяниями и разочарованиями; мир, в котором болит сердце и не знает покоя разум. Но здесь, где вы, удобно устроившись на зеленом диванчике, осматриваете стоящие на полках длинные ряды молчаливых и добрых друзей, вас ждет спокойствие для духа и отдохновение для разума в обществе великих мертвых. Научитесь любить их, научитесь восхищаться ими; научитесь понимать, что означает знакомство с ними, ибо, пока вы этого не сделаете, величайшее утешение и успокоение, которое дает Бог людям, не осенит вас своей благодатью. Здесь, за волшебной дверью, вы найдете покой, здесь вы можете позабыть о прошлом, насладиться настоящим и приготовиться к будущему.

Вы, сидящие со мной на этом зеленом диванчике, уже знакомы с верхней полкой, на которой выстроились потрепанный Маколей, аккуратный Гиббон, желтовато-коричневый Босуэлл, оливково-зеленый Скотт, пестрый Борроу и вся остальная компания, стоящая рядом с ними. К слову, каждому хочется, чтобы его самые близкие друзья дружили и между собой. Но за что Борроу так не любил Скотта? Ведь, казалось бы, благородный и романтический дух должен был покорить этого огромного скитальца, но нет слов более обидных и злых, чем те, которые младший из них бросал в адрес старшего. Дело в том, что Борроу был заражен опасным вирусом, отравлен ядом, который разрушил его способность видеть. Он был религиозным фанатиком, сектантом, для которого не существовало добродетели вне его понимания великой тайны. Какой-нибудь язычник, забрызганный кровью берсеркер или колдун-друид{240} находил отклик в его душе, но современник, человек одной с ним веры, который отличался от него лишь тонкостями проведения тех или иных обрядов или толкованием некоторых священных текстов, сразу же становился для него воплощением зла, не заслуживающим проявления милости. Поэтому Скотт с его благоговением перед старыми традициями стал ему ненавистен. Как бы там ни было, Большой Борроу не был жизнерадостным человеком, и я не припомню, чтобы он отозвался добрым словом хоть об одном из своих собратьев по перу. Только среди бардов Уэльса и скальдов{241} из исландских саг{242} он мог найти родную душу, хотя кто-то заметил, что таким образом этот сложный человек всего-навсего хотел сообщить миру о том, что владел валлийским и норвежским языками. Но здесь, за волшебной дверью, не

должно быть места злости… И все же терпение к нетерпимости – это ли не венец добродетели?

На этом хватит о верхней полке, тем более что я посвятил ей уже шесть разделов. Но мы не закончим на этом, поскольку, как видите, вторая полка тоже занята книгами, так же как и третья, и все они одинаково дороги моему сердцу и одинаково громко взывают к моей памяти и чувствам. Наберитесь терпения и приготовьтесь выслушать мой рассказ о старых друзьях, о том, почему я их люблю и что они для меня значат. Возьмите любую книгу из этого ряда, и вместе с ней вы возьмете частичку моего разума, очень маленькую, конечно, но важную и неотъемлемую часть того, чем я являюсь. Наследственные импульсы, личный опыт и книги – вот те три силы, которые формируют человека. Мы говорим о книгах.

На второй полке собраны, как видите, романисты восемнадцатого века, точнее те из них, кого я считаю важнейшими. В конце концов, если не принимать во внимание несколько отдельных книг («Тристрам Шенди» Стерна, «Векфильдский священник» Голдсмита и «Эвелина» мисс Берни), остаются всего три автора, достойных обсуждения, и все они в свою очередь написали всего по три книги. Но это замечательные произведения. Таким образом, тот, кто прочитает всего девять томов, может считать, что достаточно полно представляет себе эту важнейшую и во многом определяющую область английской литературы. Три автора – это, разумеется, Генри Филдинг, Сэмюэл Ричардсон{243} и Тобайас Джордж Смоллетт{244}. Их книги: «Кларисса Харлоу», «Памела» и «Чарльз Грандисон» Ричардсона; «Том Джонс», «Джозеф Эндрюс» и «Амелия» Филдинга и «Перегрин Пикль», «Гемфри Клинкер», «Родерик Рэндом» Смоллетта. Перед нами все лучшее, что было создано этими титанами, которые озарили середину восемнадцатого века… Книг всего девять, поэтому давайте обсудим их все по порядку и проверим, сможем ли мы сейчас, через полтораста лет, пролить свет на то, какие цели ставили перед собой их авторы, а также понять, помогли ли им в этом их творения своей непреходящей ценностью. Маленький толстяк-книгопечатник из Сити{245}, беспутная душа благородных кровей и грубоватый шотландский корабельный хирург – вот та необычная троица, которую мы будем сравнивать, те люди, которые господствуют в художественной литературе своего века и благодаря которым жизнь и типы того времени знакомы нам, пятому поколению живущих после них.

Это не та тема, в которой должно проявлять догматизм, поскольку я понимаю, что каждый из этих писателей разными

людьми воспринимается по-разному. Кого бы из этих троих читатель ни назвал своим любимым писателем, он всегда отыщет аргументы, чтобы обосновать свой выбор. Нет, я не думаю, что найдется много таких, кто посчитает Смоллетта писателем того же уровня, что остальные двое. С точки зрения этики он грубоват, но грубость его сопровождается удивительно сочным юмором, который веселит больше, чем отточенное остроумие его соперников. Помню, как в детстве я, еще неоперившийся птенец – puris omnia pura[13], – читал «Перегрина Пикля» и хохотал до слез над главой «Доктор устраивает пир по образцу древних, которому сопутствуют различные забавные происшествия». Повзрослев, я перечитал ее, и она оказала на меня точно такое же воздействие, хотя скрытая в ней грубость на этот раз была мне более понятной. Юмор этот, грубый примитивный юмор, был сильным местом Смоллетта как писателя, но во всем остальном он не выдерживает сравнения ни с Филдингом, ни с Ричардсоном. Его видение жизни намного у́же, персонажи не столь разнообразны, сюжет не так проработан, а мысли менее глубоки. Я совершенно уверен, что он заслуживает третье место.

А как быть с Ричардсоном и Филдингом? Вот уж действительно поединок гигантов. Давайте по очереди рассмотрим характерные особенности каждого из них, а потом сравним друг с другом.

Им обоим присуща одна особенность, редкий и тонкий дар, который в каждом был развит в высшей степени. Оба они могли создавать прекрасные женские портреты, их женские персонажи – лучшие в истории нашей литературы. В восемнадцатом веке женщины такими и были, но мужчины того времени получали больше, чем заслуживали. Женщины были наделены таким очаровательным и скромным чувством собственного достоинства, были столь человечны и пленительны, что даже сейчас они считаются идеалом женственности. Узнав их, нельзя не почувствовать восхищение и уважение к ним и одновременно презрение и отвращение к тому стаду грубых свиней, которое их окружало. Памела, Хэрриет Байрон, Кларисса, Амелия и Софья Вестерн – все они в равной степени прекрасны, и это не привлекательность невинной и бесцветной девушки, простоватой куклы девятнадцатого века, а внутренняя красота характера, который складывается из живого ума, ясных и строгих принципов, истинно женских чувств и обаяния. В этом отношении обоим писателям можно присудить одинаковое количество очков, поскольку я не могу отдать предпочтение ни одной из этих прекрасных созданий. Невысокого роста толстый типограф и потертый прожигатель жизни представляли себе прекрасную

женщину одинаково.

Но их мужские образы! Увы, мужчины у них настолько же отвратительны, насколько прекрасны женщины. Говорить, что все мы можем поступать так, как поступал Том Джонс (а я слышал такое мнение), – это крайняя форма извращенного лицемерия, которое делает нас хуже, чем мы есть на самом деле. Гнусная клевета на весь мужской род заявлять, что мужчина, который любит женщину, обычно неверен ей, и самая страшная клевета – утверждать, что неверность эта должна проявляться в той форме, которая вызывала такое негодование доброго Тома Ньюкома{246}. Том Джонс был не больше достоин касаться подола платья Софьи, чем капитан Бут – быть парой Амелии. Среди мужских образов Филдинга нет ни одного достойного, за исключением разве что сквайра Олверти. Этот шумный, добродушный здоровяк из плоти и крови – лучшее, что ему удалось создать. Есть ли в его мужчинах хоть какие-то высокие качества, одухотворенность, благородство? Тут, по-моему, плебей-типограф представлен в гораздо более выгодном свете, чем аристократ. Сэр Чарльз Грандисон – человек весьма благородный. Его, возможно, слегка портит слишком уж заботливое к нему отношение со стороны создателя, но все равно он настоящий джентльмен с возвышенной душой и высокими устремлениями. Если бы он женился на Софье или Амелии, я бы не стал возражать против этого брака. Даже неотступный мистер Б. и любвеобильный Ловелас, несмотря на определенные отклонения, были мужчинами благородного склада с зачатками совести и могли бы стать достойными людьми. Несомненно, Ричардсон изображал и мужчин более возвышенных. Мало кто может сравниться с его Грандисоном.

На мой взгляд, из всех троих Ричардсон был самым глубоким и тонким писателем. Он тщательно прорисовал характеры своих героев и проанализировал человеческое сердце, причем сделал это в таком легком стиле и на таком простом английском, что, читая его книги, можно этого даже не ощущать. Лишь хорошенько подумав, начинаешь понимать всю глубину и точность его анализа. Он не опускается до тех театральных сцен драк, пощечин и многозначительных взглядов, которые оживляют, но и опошляют многие страницы Филдинга. Филдинг, конечно же, более широко смотрел на жизнь. Он был лично знако́м и с высшим обществом, и с самыми низами, которых его спокойный и уравновешенный соперник не мог или не хотел знать. Его картины жизни лондонских бедняков, сцены в тюрьме в «Амелии», воровские притоны в «Джонатане Уайльде», дома предварительного заключения для должников и городские трущобы так же достоверны и реалистичны, как и у его друга

Вильяма Хогарта[247] (самого британского из британских художников, так же как Филдинг – самый британский из британских писателей). Однако самые яркие и наиболее присущие человеку качества сильнее всего проявляются в самых тесных кругах. И автор трагедий, и комедиограф все, что ему нужно, найдет в отношениях двух мужчин и одной женщины. Итак, несмотря на определенную ограниченность кругозора, Ричардсон прекрасно знал и тонко чувствовал материал, необходимый ему для работы. Памела – идеальная женщина, добродетельная и скромная. Кларисса – истинная леди. Грандисон – образцовый джентльмен. Вот те три персонажа, которых Ричардсон щедро одарил своей любовью. И теперь, сто пятьдесят лет спустя, я не знаю, где искать более убедительные образы.

Нужно признать, что Ричардсон довольно многословен, романы его избыточно длинны. Но кто решится его сокращать? Он любил вести рассказ спокойно и размеренно. То, что романы его имеют форму писем, облегчило ему задачу. Сначала читатель видит перед собой «его» письмо другу, в котором «он» рассказывает о том, что происходит. В то же время «она» пишет своей подруге, и мы узнаем «ее» взгляд на те же события. Оба друга в свою очередь отвечают, и нам предоставляется возможность узнать их замечания и советы. Все становится понятно задолго до конца произведения. Поначалу подобная манера повествования может показаться достаточно утомительной, особенно если вы привыкли к более легкому стилю, с фонтаном остроумия в каждой главе. Но постепенно она воссоздает атмосферу, в которой обитают герои, вы начинаете понимать, что их волнует, узнаете их глубже, чем любых воображаемых персонажей художественной литературы. Книги его в три раза длиннее обычных, но не жалейте время. К чему спешка? Лучше прочитать один шедевр, чем три книги, которые не оставят в вас никакого следа.

В жизни этого последнего из спокойных веков не было места суете. Вы думаете, что читатель восемнадцатого столетия, живущий в загородной усадьбе, имея под рукой несколько писем и еще меньше газет, мог жаловаться на объем книги, или ему могла прискучить счастливая Памела или несчастная Кларисса? В наши дни только при очень благоприятных условиях можно обрести ту восприимчивость, которая была свойственна указанному времени. Маколей описывает один из таких примеров, когда в Индии, в каком-то горном лагере, где книги были редкостью, он предложил для чтения свою копию «Клариссы». Результат был вполне ожидаем. В подходящей

обстановке Ричардсон вызвал в лагере настоящий ажиотаж. Люди не расставались с мыслями о его романе днем, обдумывали его по ночам. В конце концов этот эпизод превратился в факт литературной истории, который те, кто пережил его, не могли забыть до конца своих дней. Ричардсон доступен каждому. Его прекрасный стиль настолько выверен и в то же время настолько прост, что нет ни одной страницы, которая не была бы понятна простой служанке и не вызвала бы восторг ученого литературоведа.

Естественно, повествование, изложенное в виде писем, имеет и свои недостатки. Скотт использовал этот прием в романе «Гай Мэннеринг». Есть и другие достойные примеры, однако в данном случае живость рассказа достигается благодаря добродушию и доверчивости читателя. Кажется, что все эти постоянные уточнения и пространные объяснения натянуты, в реальной жизни они не могли быть так записаны. Негодующая и всклокоченная героиня не могла усесться за письменный стол и спокойно, вдумчиво, подробно описать историю своего спасения. Ричардсон справляется с этой задачей как никто другой, и все равно чувствуется фальшь. Филдинг, повествуя от третьего лица, разорвал цепи, сковывавшие его соперника, и получил доселе невиданную свободу и власть над своими персонажами.

И все же в целом на чаше моих весов перевешивает Ричардсон, хоть я и понимаю, что на каждого согласного со мной найдутся сотни оппонентов. Во-первых, помимо всего уже сказанного, Ричардсон имеет одно неоспоримое преимущество: он был первым. Первопроходец всегда имеет преимущество перед подражателем, даже если подражатель в чем-то и превзошел своего предшественника. Ричардсон, а не Филдинг, является родоначальником английского романа. Он первым понял, что даже без романтических интриг и странных фантазий захватывающий сюжет можно найти в обычной повседневной жизни и что изложить его можно обычным повседневным языком. В этом его величайшее достижение. Филдинг до такой степени был его подражателем, или, возможно, даже точнее будет сказать, пародистом, что весьма смело (если не сказать нагло) позаимствовал персонажей из «Памелы» несчастного Ричардсона для своего первого значительного романа «Джозеф Эндрюс», причем использовал их для того, чтобы осмеять. С точки зрения литературной этики, это все равно, что Теккерей написал бы роман, в который ввел бы Пиквика{248} и Сэма Уэллера{249}, чтобы показать несовершенство этих персонажей. Поэтому неудивительно, что даже тихий типограф разгневался и упрекнул своего противника в беспринципности.

Мы подошли к болезненному вопросу морали. Определенной группе критиков свойственно весьма извращенное понимание этого вопроса. Похоже, они считают, что существует некая тонкая связь между аморальностью и искусством, как будто изображение или трактование отрицательного является отличительной чертой истинного художника. Изображать или трактовать темную сторону жизни не так уж сложно. Напротив, это настолько просто, и во многих проявлениях она настолько полна драматизма, что порой трудно бывает не поддаться искушению и не обратиться к ней. Это самый простой и дешевый способ сделать хорошую мину при плохой игре. Сложность не в том, как это сделать, а в том, как этого избежать, ведь, по большому счету, не существует причин, по которым писателю стоило бы перестать быть порядочным человеком или писать для женских глаз такое, за что он справедливо получил бы пощечину, если бы сказал это женщине вслух. Как же быть с утверждением: «Мир нужно изображать таким, каков он на самом деле»? Но кто сказал, что это верно? Ведь мастерство истинного художника заключается именно в сдержанности и умении выбрать. Да, в более грубые времена великие писатели не отличались сдержанностью, но тогда и сама жизнь имела меньше ограничений. Мы живем в наше время и должны придерживаться его законов. Но должна ли литература полностью отказаться от изображения этих сторон жизни? Ни в коем случае. Наша благопристойность не должна превращаться в ханжество. Все зависит от того, с каким отношением к этому подходить. Тому, кто захочет поговорить об этом, не найти лучших книг для анализа, чем произведения трех великих противников: Ричардсона, Филдинга и Смоллетта. О пороке можно говорить достаточно свободно, если это нужно для того, чтобы обличить его. Писатель, который делает это, – моралист, и лучшего примера, чем Ричардсон, тут не найти. Далее, о пороке можно вспомнить не для того, чтобы осудить его или вознести, а просто потому, что он присутствует в нашей жизни. Такой писатель – реалист, и таким был Филдинг. В пороке можно увидеть повод для веселья, и писателя, склонного к подобному, можно назвать грубым юмористом. Этот термин вполне применим к Смоллетту. И наконец, порок можно одобрять. Тот, кто это делает, – безнравственный человек, и во времена Реставрации{250} таких среди писателей было немало. Однако из всех существующих целей, подталкивающих писателя затрагивать эту сторону жизни, та, которую преследовал Ричардсон, наиболее достойна, и никто лучше него не справился с этой задачей.

Филдинг был не только великим писателем, но и великим

человеком. Он был намного благороднее любого из своих героев. Он взялся в одиночку очистить Лондон, который в те дни был самой опасной столицей в Европе, городом, в котором царило полное беззаконие. Картины Хогарта дают представление о том, каким был Лондон в дофилдинговские времена: уличные хулиганы, высокородные еры[251], пьянство, низость, мерзость, бандитские притоны с потайными люками, выходящими на реку, через которые в воду выбрасывали трупы. Это были настоящие авгиевы конюшни[252], но несчастный Геракл был слаб и хил, физически он больше подходил для больничной палаты, чем для выполнения такой задачи. Надо сказать, что борьба эта стоила ему жизни, потому что умер он в сорок семь лет, доведя себя до полного изнеможения. Расстаться с жизнью он мог и при более драматических обстоятельствах, поскольку был весьма известен в бандитских кругах и самолично возглавлял поисковые отряды, когда какой-нибудь мелкий преступник за жалкую плату раскрывал местоположение очередного вертепа. И все же он справился с этой задачей, и менее чем за год Лондон из средоточия порока стал тем, чем он остается до сих пор, – самой законопослушной столицей Европы. Кто еще оставил после себя монумент более достойный и величественный?

Если вы хотите увидеть более «человечного» Филдинга, обратитесь не к романам, в которых его истинная доброта и мягкость слишком часто скрыты за напускным цинизмом, а к «Дневнику путешествия в Лиссабон». Он знал, что здоровье его окончательно подорвано, а годы сочтены. В такие дни перед лицом самой грозной из всех реальностей обнажается сущность человека, у него больше нет поводов для притворства или позерства. И все же, находясь на пороге смерти, Филдинг проявил спокойное, благородное мужество и верность своим идеям, что показало, какая исключительная личность скрывалась под саваном его ранних недостатков.

Прежде чем закончить этот несколько нравоучительный разговор, я бы хотел сказать несколько слов о еще одном романе, написанном в восемнадцатом веке. Согласитесь, я до сих пор не был столь многоречив, но обсуждаемое время и предмет заслуживают того. Я пропускаю Стерна, потому что не питаю особой любви к его витиеватому стилю. О романах мисс Берни я не говорю, поскольку считаю их женским повторением великих предшествовавших ей мастеров. Но роман Оливера Голдсмита[253] «Векфильдский священник» вполне заслуживает небольшого отдельного разговора. Вся эта книга, как и остальные произведения писателя, пронизана прекрасными человеческими качествами. Человек со злым сердцем не смог бы ее написать, так

же, как человек со злым сердцем не смог бы написать «Покинутую деревню». Как странно, Джонсон на старости лет взялся покровительствовать Голдсмиту и поучать его, тогда как и в поэзии, и в прозе, и в драме был на голову ниже этого скромного ирландца. Но в данном случае мы имеем пример исключительной терпимости по отношению к фактам жизни. В книге Голдсмита все показано в истинном свете, ничто не замалчивается. И тем не менее, если бы я хотел указать какой-нибудь молодой и неопытной девушке книгу, которая подготовила бы ее к жизни, не ранив при этом ее деликатных чувств, мой выбор несомненно пал бы на «Векфильдского священника».

На этом простимся с романистами восемнадцатого столетия. Им отведена отдельная полка на моей этажерке и отдельный уголок в моем сознании. Вы можете годами даже не вспоминать о них, но потом какое-нибудь случайное слово или мысль заставляет вас обратить на них взор, ощутить радость от того, что у вас есть эти книги и что вы знаете их. Но давайте теперь обратимся к тому, что, возможно, заинтересует вас больше.

Если бы в бесплатных английских библиотеках можно было бы провести сравнительное статистическое исследование, чтобы выяснить, какие из романистов пользуются наибольшим спросом у читателей, я почти не сомневаюсь, что мистер Джордж Мередит{254} занял бы одно из последних мест. Но, с другой стороны, если бы можно было собрать вместе большое количество писателей и попросить определить, кого из коллег по цеху они считают величайшим и оказавшим на них наибольшее влияние, я в той же степени уверен, что Мередит получил бы полное превосходство голосов. Его единственным соперником мог бы стать мистер Томас Харди{255}. Таким образом, перед нами встает любопытная задача – попытаться понять причину столь неоднозначного отношения к его заслугам и разобраться, какие его качества оттолкнули от него стольких читателей, но привлекли тех, чье мнение заслуживает особого внимания.

Причина, которая приходит на ум первой, – его исключительное своеобразие. Широкая публика читает для того, чтобы получать удовольствие. Писатель читает для того, чтобы увидеть свое искусство в новом свете. Чтение Мередита – это не просто развлечение, это интеллектуальное упражнение, своего рода умственная гантель, которой можно развивать мыслительную силу. Пока вы его читаете, ваш разум находится в постоянном напряжении.

Если вы доверитесь моему чутью, подобно тому как охотник доверяет нюху своей собаки, то поймете, что замечания эти навеяны моим любимым романом «Испытания Ричарда

Феверела». Вон он, притаился в дальнем углу. Это прекрасная книга. Я не устаю восхищаться ее мудростью и остроумием. Может быть, это не самая характерная работа писателя, возможно, кто-то посчитает другие его романы более глубокими, но это именно та книга, которую я предложу новичку, еще не знакомому с этим автором и не проникшемуся его очарованием. Думаю, я бы отдал ей третье место после «Ярмарки тщеславия»{256} и «Монастыря и семейного очага», если бы мне пришлось назвать три романа викторианской эпохи{257}, которые я люблю больше всего. Книга, насколько я помню, впервые была напечатана в 1859 году. Трудно поверить, но второе издание вышло только через двадцать лет! Этот факт мало говорит о проницательности критиков или читателей.

Однако следствия без причины не бывает, какой бы ничтожной эта причина ни казалась. Что помешало книге обрести известность? Несомненно, дело в стиле, которым она написана. И это несмотря на то, что он спокоен и сдержан и не содержит той избыточности и пестроты, которые столь характерны для последующих работ писателя. Но в то время подобное считалось новшеством, что и заставило публику и критиков отвернуться от нее. Наверняка она была воспринята как попытка автора привлечь к себе внимание (что примерно за двадцать лет до этого произошло с Карлейлом), хотя нельзя забывать, что для гения стиль является такой же его органичной и неотъемлемой частью, как цвет глаз. Как сказал Карлейль, это не рубашка, которую при желании можно снять или надеть снова, это кожа, которая дается раз и навсегда. Как описать его странный, мощный стиль? Наверное, правильнее всего будет привести его собственные слова, когда он говорил о Карлейле с arriere pensee[14], что все это вполне может быть сказано и о нем самом.

«Стиль его любимого автора был похож либо на древнюю архитектуру, либо на полное запустение, таким свободным и грубым он казался. Стиль, напоминающий бурю, носящуюся по саду и с жутким завыванием срывающую то там, то здесь сочные плоды. Предложения, не имеющие начала и вдруг обрывающиеся на полуслове и разлетающиеся брызгами, подобно волнам, которые разбиваются о скалистый берег; ученые слова, протягивающие руку уличным выражениям; ударения, падающие беспорядочно, как косые лучи солнца, что пробиваются сквозь плывущие по небу тучи. Все страницы словно переворошены ветром, вся книга – как электрический разряд»[15].

Какое превосходное описание, какой образчик стиля! До чего яркое впечатление оставляют слова «все страницы словно переворошены ветром»! И как суждение о Карлейле, и как пример

Мередита, этот отрывок одинаково превосходен.

Итак, мы отдали должное «Ричарду Феверелу». Признаюсь, я искренне верю в проницательность публики. Действительно, хорошая работа редко остается незамеченной. Произведения литературы, как вода, всегда находят истинный уровень. Мнение складывается медленно, но в конце концов оценка будет вынесена, и она будет правильной. Я уверен, что, если бы критики в один голос назвали какую-нибудь плохую книгу шедевром, а хорошую объявили недостойным внимания чтивом (что, к сожалению, происходит достаточно часто), их мнение продержалось бы лет пять, но потом все стало бы на свои места. Шеридан{258} как-то сказал, что, если бы все блохи в его постели действовали сообща, они смогли бы столкнуть его с кровати. Не думаю, что любое единодушие критиков сможет вытолкнуть из литературы хорошую книгу.

Среди не столь очевидных достоинств «Ричарда Феверела» (простите нудное многословие увлеченного человека) – настоящая россыпь афоризмов, достойных того, чтобы занять место среди английских крылатых выражений. Смотрите, как тонко замечено: «Если, помолившись, ты чувствуешь, что стал лучше, это значит, что твоя молитва услышана»; или вот: «Целесообразность – вот мудрость человека, справедливость же – мудрость Бога»; а это: «Все хорошие мысли идут от сердца». «Так кто же из нас трус?.. Тот, кого потешают промахи человечества», – тоже прекрасно сказано. Здоровым оптимизмом наполнены слова: «Существует один-единственный путь, которым душа постигает счастье: ей надо взойти на вершину мудрости, и она увидит оттуда, что все в этом мире имеет свое назначение и служит на благо человеку». В более игривом настроении: «Мужчине легче цивилизовать кого угодно, только не женщину». Но хватит. Закончим на этом, потому что цитировать «Ричарда Феверела» можно бесконечно.

По соседству с этим романом, как видите, длинным рядом выстроились его братья. Среди них есть и итальянцы: «Сандра Беллони» и «Виттория», тут же «Рода Флеминг», которая поразила Роберта Луиса Стивенсона, есть здесь и роман «Карьера Бючемпа», посвященный политике минувших дней. Ни один великий писатель не станет размениваться на современную политику. Это все равно что писать портрет красавицы в модном платье. Мода меняется, поэтому красота ее будет устаревать вместе с картиной. Но той же полке стоят и изящный роман «Диана», и «Эгоист» с бессмертным Виллоуби Паттерном – вечным образцом мужского себялюбия, и «Гарри Ричмонд», первые главы которого мне представляются одним из лучших

образцов прозаического письма в английской литературе. Этот великий писатель мог бы овладеть любой литературной специальностью, которая была востребована в его время. Романистом он стал случайно. В елизаветинские времена он был бы великим драматургом, при королеве Анне – великим очеркистом, но какой бы он ни избрал метод выражения, его великий ум и великая душа оставили бы свой след.

VIII

Мы оставили позади великих романистов восемнадцатого века (Филдинга, Ричардсона и Смоллетта) вместе с их основательностью и дерзостью, искренностью и грубостью. Как видите, они привели нас к концу полки. Вы еще не устали? Готовы перейти к следующей? В таком случае, давайте спустимся к следующему ряду, мне есть что вам рассказать, хотя, если вы родились без той любви к книгам в сердце, которая является одним из величайших Божьих даров, вам мой рассказ может показаться скучным. Если у вас ее нет, то обращаться к книжному чутью того несчастного, кто лишен его, это все равно что играть музыку глухому или водить по музею дальтоника.

В самом углу стоит старый том в коричневой обложке. Как он попал туда, я не имею понятия, потому что это одна из книг, выуженных из коробки у двери книжной лавки в Эдинбурге, купленная за три пенса. Остальные ее потрепанные братья собрались в амфитеатре, но эта каким-то образом пробралась в благородное общество, занимающее места в партере. Но книга эта достойна небольшого рассказа. Возьмите ее, пролистайте. Видите, какая она тяжелая, какая у нее плотная кожаная обложка? А теперь откройте форзац. «Ex libris Guilielmy Whyte. 1672», – гласит выцветшая бледно-желтая чернильная надпись. Интересно, кем был этот Вильям Уайт, и чем занимался он во времена «Веселого монарха»?{259} Судя по угловатому почерку, это мог быть какой-нибудь прагматичный адвокат. Год печати 1642, так что издана она примерно в то время, когда отцы-пилигримы только отправлялись в свой новый американский дом{260}, и голова первого Карла еще крепко сидела на плечах{261}, хотя, несомненно, слегка шла кру́гом от того, что происходило вокруг. Книга на латинском (правда, Цицерон{262} вряд ли бы восхитился такой латынью) и посвящена законам ведения войны.

Я так и представляю себе какого-нибудь педантичного Дугалда Дальгетти, прячущего эту книгу под латами или в седельной сумке и сверяющегося с ней при каждом удобном случае. «Ага, колодец! – восклицает он. – Интересно, а его можно отравить? Проверим». Извлекается книга, грязный указательный палец медленно опускается по странице. «Ob fas est aquam hostis venere»[16], – и так далее. «Так-так, не разрешается. Но в амбаре засели враги, что с ними делать? Заглянем в книгу». «Ob fast est hostem incendio»[17], – и так далее. «Ага! – восклицает он, – Мы можем их поджарить. Шевелись, Амброзий, тащи сено, доставай трутницу»{263}. Собрание законов ведения войны было серьезным

делом в те дни, когда Тилли брал Магдебург{264}, а Кромвель{265} вынужден был оставить свое хозяйство и взяться за меч. Да и сейчас, во время какой-нибудь долгой кампании, когда люди грубеют и озлобляются, такая книга была бы весьма полезной. Многие из этих законов непреложны, и еще не прошло и ста лет с тех пор, как высоко дисциплинированные британские войска заявили свои ужасные права в Бадахосе и Сиудад-Родриго{266}. Недавние европейские войны были столь быстротечными, что дисциплина и человечность в рядах войск просто не успели разложиться, но и в наши дни любая затяжная война покажет, что природа человека неизменна.

Видите вон тот ряд книг, который занимает большую часть полки? Это моя гордость, собрание военных мемуаров наполеоновских войн. Существует предание о том, как один неграмотный миллионер поручил торговцу разыскать и купить по одному экземпляру всех книг на любых языках, в которых бы рассказывалось о Наполеоне. Он думал, что они займут шкаф в его библиотеке, но был премного удивлен, когда через несколько недель получил от своего торговца записку, в которой тот сообщал, что приобрел уже сорок тысяч томов и спрашивал, что ему делать: отправлять то, что уже есть, или дождаться, когда будет собран полный комплект. Не берусь утверждать, что цифры точны, но это, по крайней мере, говорит о том, насколько неисчерпаема эта тема и как легко можно заблудиться среди огромного лабиринта литературы, посвященной наполеоновскому вопросу, потратив на ее изучение годы и так и не получив какой-либо ясности. Впрочем, можно попытаться охватить какую-нибудь отдельно взятую область (как это сделал я с военными мемуарами), и тут есть надежда обрести некоторую законченность.

Вот, например, воспоминания барона де Марбо{267}, первые военные мемуары в истории. Это полное трехтомное французское издание с красно-золотой яркой и débonnaire[18], как и его автор, обложкой. Вот он, на одном из фронтисписов{268}, изображен капитаном его любимых chasseurs[19]. Приятное круглое мальчишеское лицо. А вот он и на другом: бульдожья физиономия полного генерала. Волосы поседели, но взгляд все такой же отчаянный. Мне было больно слышать, когда кто-то поставил под сомнение подлинность мемуаров де Марбо. Гомер может раствориться в толпе первобытных бардов, даже Шекспира могут сбросить с трона какие-нибудь последователи Бекона{269}, но живой, искренний, неподражаемый де Марбо! Его книга – лучшее из изображений солдат наполеоновской армии, которые, на мой взгляд, намного интереснее своего великого

предводителя, хотя его я, конечно же, считаю самой выдающейся фигурой в истории. Но эти солдаты, с их огромными киверами{270}, шерстяными ранцами, стальными сердцами, что это были за люди! И какая огромная внутренняя сила должна быть во французском народе, если он мог двадцать три года подряд почти без перерыва лить кровь своих сынов!

Столько времени понадобилось для того, чтобы выработать весь тот горящий фермент, который Революция оставила в сердцах этих людей. И все равно огонь в них не погас, потому что последняя битва, в которой приняли участие французы, была самой лучшей. Как бы мы ни гордились победой нашей пехоты у Ватерлоо, лавровые ветви в этом эпическом сражении должны быть отданы французской кавалерии. Они наголову разбили лучшие части нашей конницы, они несколько раз захватывали наши артиллерийские позиции, они смели с поля боя почти всех наших союзников, пока наконец не отошли назад, не растратив ни капли боевого духа. Почитайте «Мемуары» капитана Гроноу, эту легкую книжицу в желтой обложке – вон она стоит, – которая живее изображает ту эпоху, чем любые претенциозные тома. Вы поймете, какое искреннее восхищение вызывали действия французской конницы у наших офицеров.

Заглядывая в историю, нужно признать, что мы не всегда были хорошими союзниками или великодушными боевыми товарищами. В первом случае вина лежит на нашей политике, где одна политическая партия только рада разрушить то, чего добилась другая. Авторы последнего нашего международного договора столь же непреклонны, как и тори при Питте{271} и Каслри{272} или виги во времена королевы Анны, но рано или поздно им на смену придут новые политики. В конце войн Мальборо{273} мы, сославшись на изменившиеся внутригосударственные условия, неожиданно объявили о мире, чем поставили наших союзников в довольно шаткое положение. Так же мы поступили и с Фридрихом Великим, то же повторилось бы и в наполеоновские времена, если бы к власти пришел Фокс{274}. Что касается наших боевых товарищей, то как же мало добрых слов было сказано нами в адрес удивительной стойкости, которую проявила прусская армия под Ватерлоо! Нужно почитать француза Гуссе{275}, чтобы понять их истинную роль. Вспомните Блюхера{276}, армия этого семидесятилетнего старика, накануне была разбита, и тем не менее он находит в себе силы пообещать помощь Веллингтону, даже если для этого ему самому придется сесть в седло. И он выполнил свое обещание.

В битве при Ватерлоо потери пруссаков были не намного меньше наших. Хотя, читая наших историков, вы об этом не

узнаете. В то же время наши бельгийские союзники подвергаются незаслуженной критике. Многие из них воевали прекрасно, и если бы не помощь бельгийской пехотной бригады в решающий момент битвы, исход сражения мог бы быть иным. Из британских источников вы этого также не узнаете. А наши португальские союзники! Это превосходная армия, и Веллингтон жалел, что у него не было хотя бы десятка тысяч таких молодцов при Ватерлоо. Именно португальцы первыми поднялись на стены Бадахоса. Заслуги их так и не были признаны, что можно сказать и об испанцах, поскольку, несмотря на то что поражения их были частыми, их непреодолимое упорство сыграло огромную роль в решающей битве. Нет, я не думаю, что нас можно назвать желанными друзьями, но мне кажется, что это обвинение применимо ко всей нашей истории.

Нужно признать, что «Мемуары» Марбо грешат некоторой неточностью, иногда трудно поверить, что все было именно так, как описывает он. Даже у Левера{277} не найти таких отчаянных приключений и безрассудных подвигов. Сомнений нет, иногда он приукрашал события. Может быть, вы вспомните его приключения во время битвы при Эйлау{278} (по крайней мере, мне кажется, что он описывает именно эту битву), когда его контузило пушечным ядром, упавшим прямо ему на шлем, и как его лошадь вцепилась зубами в лицо русского офицера, который бросился его добивать. Это был знаменитый боевой конь, до того рьяный, что люди боялись к нему подходить, он бросался на все, что видел, пока наконец Марбо, который купил его за какую-то ничтожную сумму, не успокоил этого демона, впихнув ему в пасть горячую баранью ногу, когда тот попытался его укусить. Нужно быть очень доверчивым человеком, чтобы верить всем этим рассказам. И все же, думая о тех сотнях битв и стычек, через которые должен был пройти этот офицер наполеоновской армии, о том, каким обыденным делом война должна была стать для человека, который всю жизнь, от первого темного волоска на губе до первой седины на висках, только то и делал, что воевал, было бы слишком самонадеянно брать на себя право судить о том, что могло или не могло случиться с ним за время службы. Как бы там ни было, будь то правда или вымысел (мне все же кажется, что правда, но слегка приукрашенная в самых ярких местах), из всех книг, стоящих на моих полках, «Мемуары» доблестного Марбо – одна из тех, с которыми я меньше всего хотел бы расстаться.

Я остановился именно на этой книге, потому что считаю ее лучшей, но на этой полке нет ни одной, которая не была бы по-своему интересна. Марбо передает точку зрения офицера. Так же, как де Сегюр{279}, де Фезенсак{280} и полковник Гонвилль,

служившие в разных родах войск. Однако тут есть и воспоминания рядовых, и, надо сказать, они даже более красочны. Вот, к примеру, письма старого доброго Когнье, гренадера из старой гвардии, который научился писать и читать только после окончания войны. Лучшего солдата не видело поле брани. Сержант Бургонь со страшным описанием той жуткой русской кампании{281}. Бравый Шевилле – трубач егерей, с его дотошным пересказом всего, что он видел. Для него ежедневный «combat»[20] был событием, отрывавшим его от решения действительно важных вопросов, например, что бы раздобыть на обед и ужин. Записки этих простых солдат – изумительное чтение.

Британец, который поймет, что это были за люди, не сможет не задуматься, а что было бы, если бы сто пятьдесят тысяч таких, как Когнье и Бургонь, под начальством какого-нибудь Марбо во главе с величайшим за всю историю капитаном в расцвете сил высадились в Кенте?{282} Несколько месяцев такая опасность существовала и даже считалась неминуемой. Все корабли из Ла-Манша были бы отправлены на погрузку в Булонь{283}, где это искусство за долгие годы было настолько отточено, что любое боевое судно полностью, до последней лошади, грузилось за два часа. В любой день Певенси{284} мог быть полностью оккупирован французскими войсками. Что потом? Нам известно, чего Гумберт с небольшим отрядом добился в Ирландии{285}, и история эта не вселяет надежды. О завоевании, конечно же, речь не шла, в той обстановке это было невозможно, но Наполеон никогда и не хотел завоевывать Британию. Он заявлял об этом публично. В действительности он замышлял пройти по ней огненным вихрем, чтобы англичане еще много лет были заняты восстановлением из руин своих городов, а не тратили силы на континенте, постоянно нарушая его планы.

Портсмут{286}, Плимут{287} и Ширнесс{288} в огне. Лондон либо стерт с лица земли, либо за него потребован колоссальный выкуп. Это наиболее вероятный вариант развития событий. А потом с объединенным флотом покоренной Европы, бесчисленными армиями и бездонной казной, пополнившейся деньгами, полученными от Англии, он мог бы обратиться к завоеванию Америки, которая вернула бы Франции ее прежние колонии и сделала его властелином мира. Если бы удача отвернулась от него, и он бы встретил свое Ватерлоо на холмах Саут-Даунса{289}, он бы сделал то, что уже делал в Египте{290} и России: поспешно вернулся бы во Францию, где собрал бы новые силы для очередного покорения Европы. Несомненно, его ставка в этой игре была огромной – сто пятьдесят тысяч лучших солдат, но

в случае проигрыша он мог себе позволить сыграть еще раз, а если бы победил – сорвал бы банк. Игра стоила свеч… Но завоевание мира было остановлено. Маленький Нельсон одним ударом ограничил власть Наполеона над сушей.

На верхней полке вон того ящичка есть предмет, который многое вам объяснит. Это копия медали, которую Наполеон собирался выпустить в день взятия Лондона. Она отлита из приготовленного клише. Это прекрасное доказательство тому, что намерения его не были пустыми словами, он действительно готовился к покорению Англии. На одной стороне медали – его лик, на второй – Франция удушает и повергает на землю странное создание с рыбьим хвостом, которое символизирует вероломный Альбион{291}. «Frappé a Londre»[21] и «La Descente dans Angleterre»[22] начертано на ней. Медаль, которая должна была увековечить завоевание, теперь служит сувениром, напоминающим о поражении. Но все могло быть иначе.

Кстати, о бегстве Наполеона из Египта. Вам никогда не попадалась книжица, которая называется, если я правильно помню, «Перехваченные письма»? Нет, на этой полке ее нет, но одному моему другу повезло больше. Книга эта показывает почти невероятную ненависть, которую питали друг к другу два народа в конце восемнадцатого века, что выражалось даже на обывательском уровне. В данном случае речь идет о перехваченной британцами почтовой сумке с письмами от находившихся в Египте французских офицеров их друзьям на родине. Несомненно, английское правительство опубликовало их (или, по крайней мере, допустило их публикацию) для того, чтобы поглумиться над их чувствами. Можно ли представить поступок более низкий? Впрочем, кто знает, что послужило причиной таких отношений? Я сам видел разорванную и сожженную сумку с британской почтой, которая валялась там, где ее оставил бурский генерал Девет{292}, но представьте, насколько изощренней была бы подлость его поступка, если бы он не уничтожил, а опубликовал те письма. Это был бы, что называется, удар ниже пояса. Что касается французов, я читал те письма, и, признаться, испытывал при этом чувство вины, хоть все они написаны более ста лет назад. Но, в общем, они говорят лишь о том, что авторы их почти все были людьми благородными и достойными. Другое дело те, кому они были адресованы, и именно в этом нужно искать корень зла, заставивший Британию совершить столь недостойный поступок. Если говорить о злодеяниях с другой стороны, можно вспомнить арест всех несчастных британских туристов и коммерсантов, которым случилось оказаться во Франции в 1803 году, когда была

возобновлена война[293]. Ничего не подозревавшие люди приехали, чтобы немного развеяться и сменить обстановку. Это им удалось в полной мере, поскольку железная ладонь Наполеона опустилась на них, и в семьи свои они вернулись только в 1814 году. Чтобы совершить такое, нужно обладать воистину каменным сердцем и стальной волей. Вспомните, как он поступил с захваченными в плен моряками. Обычно в таких случаях производят обмен военнопленными, но по какой-то причине он отказался поступать подобным образом. Все запросы британского правительства были оставлены без внимания, кроме тех, в которых речь шла об офицерах высших рангов. Отсюда и нехватка рук на кораблях, и страшные тюремные бараки в самой Англии, и муки наших пленных в Вердене[294]. Какой несокрушимой преданностью должны были обладать скромные французы, чтобы ни на секунду не усомниться в истинности всего, что творил автор всех их великих несчастий! Борроу в «Лавенгро» очень ярко описывает английские тюрьмы, в которых их содержали. Вот отрывок:

«Удивительно странный вид имели эти гигантские бараки с их голыми стенами, без окон и решеток, и крутыми крышами, откуда местами была выбрана черепица. Сколько раз мне приходилось видеть, как из этих отверстий выглядывали десятки угрюмых лиц, чтобы после опостылевших стен тюрьмы насладиться видом просторов, открывавшихся с этой высоты. Плохое было жилье в этих бараках, и много тоскливых взоров тянулось с этих крыш в сторону милой Франции. Немало пришлось натерпеться несчастным пленным, и на многое могли бы они пожаловаться – к стыду Англии будь это сказано, Англии, вообще столь милостивой и щедрой. Падалью, которую им давали в паек, и хлебом, до которого не решались дотронуться даже собаки, грех было бы кормить даже самого жестокого врага, раз уж он был в плену и беспомощен. А такова – увы! – была еда в этом лагере. А чего стоили обыски, или, вернее, безжалостные налеты, именуемые на местном жаргоне «охотой на соломенные плетенки», когда на поиски запрещенных предметов, которые заключенные изготовляли, чтобы как-то облегчить свое безрадостное существование, в бараки сгоняли целые батальоны красных мундиров и те с примкнутыми штыками приступали к погрому, конфискуя и разрушая все скудные удобства, которыми пыталась скрасить себе жизнь хитрая на выдумки нужда. А потом все это триумфальное шествие с жалкими трофеями и – гнуснее всего – отвратительный костер на плац-параде, пожиравший всю собранную контрабанду под полными ненависти взглядами сотен глаз, уставившихся с крыш; «ура» солдат, нередко тонущее в

потоке проклятий, извергаемых сверху, или полных дикой воинственности возгласов: “Vive l’Empereur!”»[23]

Это короткое описание захваченных в плен солдат наполеоновской армии. Есть еще одно достойное упоминания описание того, как вели себя раненные на поле боя наполеоновские ветераны. Следующий отрывок взят из воспоминаний капитана Мерсера о битве при Ватерлоо. День битвы он провел, поливая картечью французскую кавалерию с расстояния от пятидесяти до двухсот ярдов{295}, потеряв две трети своей батареи. Утром следующего дня он пошел осмотреть результаты своей жуткой работы.

«В Гугомоне я удовлетворил свое любопытство и стал подниматься обратно на холм, когда мое внимание привлекла группа раненых французов, даже не сама она, а спокойная, полная достоинства и по-военному сухая речь, с которой один из этих людей обращался к остальным. Я не могу, подобно Ливию{296}, вложить в уста своего героя возвышенную речь и, разумеется, не могу привести точные слова, но смысл их сводился к тому, что они должны стойко переносить страдания и не жаловаться, подобно детям или женщинам, на те превратности войны, к которым должен быть готов каждый солдат. Но самое главное, он призывал их помнить, что вокруг них англичане и что поэтому они тем более должны не показывать подобное, недостойное солдат отсутствие силы духа, которое унизит их в глазах противника.

Тот, кто это говорил, сидел на земле рядом с воткнутой в землю пикой. Это был старый воин с густой косматой седой бородой, придававшей ему сходство со львом. Улан{297} из старой гвардии, он наверняка участвовал во множестве битв. Обращаясь к своим, он одной рукой размахивал в воздухе, вторая, оторванная у запястья, лежала рядом с ним на земле. В одном месте его тело пробило ядро (возможно, картечь), еще одно сломало ему ногу. Страдания его после ночи, проведенной в таком состоянии, должно быть, были невыносимыми, но по нему этого не было видно. Вел он себя, подобно римскому или, возможно, индейскому воину, и речь свою, думаю, закончил словами: “Посмотрите на меня! Мне что ли легко? ”»

Какая огромная моральная ответственность для одного человека! Но его собственный разум, очевидно, не был чувствителен к моральной ответственности, иначе он бы ее не вынес. И все же, если вы действительно хотите понять характер Наполеона… Впрочем, такой серьезный вопрос требует отдельного разговора.

Но, прежде чем закрыть военную тему, я бы хотел в защиту

своей страны, в противовес эпизоду с письмами, привлечь ваше внимание вот к этому шеститомному изданию «Истории Напьера». Это история войны на Пиренейском полуострове, изложенная тем, кто прошел ее от начала до конца, и ни в одной другой книге вы не встретите более благородного отношения к врагу. Мне порой даже кажется, Напьер, что называется, перегибает палку, поскольку восхищается не только доблестью солдат, воевавших против него, но и характером и целями их главного предводителя. Дело в том, что он был политическим последователем Чарльза Джеймса Фокса и сердце его было отдано врагу даже в те минуты, когда он вел на них в атаку свои войска. Как показывает история, позиция людей, разогретых определенными политическими разногласиями в своем страстном желании обрести свободу, отворачивающихся от собственной страны (которая в действительности являлась самой свободной страной своего времени) и ищущих поддержку у величайшего военного тирана, кажется откровенно глупой.

Но, если политические взгляды Напьера и кажутся странными, то как полководец он был очень талантлив, и сочинение его заслуживает всяческого уважения. В его книге есть отдельные места (например, описание штурма Бадахоса, выступление английских фузилеров{298} у Альбуэры, продвижение французских войск у Фуэнтес д'Оноре), которые запоминаются на всю жизнь. Эта книга – достойный памятник величественной главе в истории Британии. Последнее предложение в ней гласит: «Так закончилась великая война, а с ней ушла в прошлое и память о той службе, которую сослужили своей стране ее ветераны». Участвовала ли Англия хоть в одной войне, о которой нельзя было бы сказать того же?

Приведенная мною цитата из книги Мерсера натолкнула меня на мысль о военной литературе, посвященной Англии тех лет. Она не так многочисленна, разнообразна и единодушна, как французская, но не менее интересна. Я заметил, что, если я оказываюсь в большой библиотеке и не знаю, за что взяться, обычно, после примерно получасового колебания и рассматривания обложек, я снимаю с полки книгу военных мемуаров. Человек более всего любопытен, когда он настроен серьезно, и серьезнее всего он бывает настроен, когда на кону стоит его жизнь. Однако из всех военных, отдавших дань литературе, интереснее всего те, которые увлечены своим делом и в то же время достаточно культурны, чтобы видеть суть своей работы в ее истинном свете и с пониманием относиться к более тонким чувствам остального человечества. Таким человеком был и Мерсер, хладнокровный боец, дисциплинированный и

мужественный (однажды, когда у него между ног со свистом пролетел осколок разорвавшейся бомбы, он даже не пошевелился), и в то же время задумчивый философ, питающий слабость к размышлениям наедине с самим собой, любящий детей и цветы. Его описание великой битвы, увиденное глазами командира артиллерийской батареи, стало классическим. Многие другие солдаты Веллингтона оставили о ней воспоминания. Горец Энтон, стрелок Харрис, Кинкайд из того же рода войск. У меня есть чудесная книга, в которой собраны их воспоминания под прекрасной редакторской обработкой доктора Вильяма Генри Фитчетта{299}. Поистине удивительно, что этих героев прошлого воскресил для нас скромный священник нонконформист из Австралии, но это великий пример сплоченности британской расы, которая в пятидесяти разбросанных по всему миру уголках все еще скорбит над этим эпизодом истории и гордится им.

И, прежде чем я прекращу свою довольно беспорядочную и слишком уж затянувшуюся болтовню, еще одно слово о тех двух одинаковых красных томах, которые стоят в самом конце полки. Это «Жизнь Веллингтона» Вильяма Максвелла, и я не думаю, что вы не найдете лучшей или написанной более живым языком биографии. Прочитавший ее почувствует к этому великому воину то, что чувствовали его ближайшие последователи, – не восхищение, а уважение, тем более, что сам он меньше всего хотел чтобы им восхищались, и отнюдь не приветствовал этого. «Не будьте дураком, сэр!» – ответил он одному доброму соплеменнику, который выкрикнул несколько восторженных слов, когда увидел его. Веллингтон был довольно необычным человеком, грубым и черствым. Самый бездушный охотник и тот любит своих собак, но Железный Герцог не только не проявлял какой-то любви к тем людям, которые служили ему, но даже презирал их. «Все они – отбросы общества, – говорил он. – Все английские солдаты записались в армию только для того, чтобы пить. Это факт. Исключительно для того, чтобы пить». Отдавая приказания, он почти всегда сопровождал их изрядной долей необоснованных упреков, и это тогда, когда героические действия его армии заслуживали самой высокой похвалы. После окончания войн он встречался со своими бывшими боевыми товарищами почти исключительно по службе, когда того требовали дела. И все же, случись очередная война, каждый воин его армии, от генерал-майора до простого барабанщика, хотел бы видеть своим командиром его. Как сказал один из них: «Вид его длинного носа стоил тысячи штыков на поле боя». Они сами не были неженками, и им не было дела до любезностей, пока удавалось гнать француза и в хвост, и гриву.

На войне это был проницательный и осторожный человек, но в обычной жизни ум его был достаточно ограничен. Как государственный деятель он всегда служил примером безграничной преданности долгу, самопожертвования и бескорыстия. Однако он был яростным противником расширения прав католиков, билля о реформе парламентского представительства и всего того, на чем строится наша нынешняя жизнь. Он так и не смог понять, что пирамида должна стоять на основании, а не на вершине, и что, чем больше пирамида, тем шире должно быть основание. Даже в военном деле он противился любым изменениям, и мне неизвестно ни об одном улучшении, которое появилось бы по его почину в течение всех тех лет, когда авторитет его был поистине безграничен. Порка, это унизительное наказание, которое лишало человека самоуважения и ломало дух, неудобное обмундирование, которое сильно замедляло продвижение войск, старые казенные правила устава – все это для него было незыблемо. С другой стороны, он противился введению ударно-капсюльного замка в мушкетах, оснащенных старыми кремниевыми замками, которые были сложнее и не так надежны. Ни в военном деле, ни в политике он так и не сумел заглянуть в будущее.

Между тем, когда читаешь его письма и депеши, иногда удивляешься остроте его мысли и решительности слога. Вот, например, как он пишет о перебежчиках, которые время от времени покидали его части и дезертировали в очередной осаждаемый им город. «Они знают, что мы их найдем, потому что, когда это место окажется в наших руках, мы обязательно их найдем, рано или поздно. Но их внезапно охватывает сильнейшее желание спать на сухой постели и под крышей, которому они не могут противиться. В душе англичанина всегда берет верх внезапный порыв! К нашим дезертирам на другой стороне относятся очень плохо. Во Франции к ним относились, как к скоту, как к рабам. Только англичанин с его неумением справиться со своими порывами способен пойти на такое. Эта же черта характера заставляет некоторых наших дворян вступать в разговоры с возницами дилижансов{300}, тем самым уподобляясь им». Как же часто я вспоминаю слова «в душе англичанина всегда берет верх внезапный порыв», когда вижу новое тому подтверждение!

Но я не хочу заканчивать рассказ о великом герцоге брюзжанием. Пусть лучше мое последнее предложение о нем напомнит вам о его скромной и лишенной излишеств жизни, о голом поле без ковра и маленькой походной кровати; о его неизменной вежливости, которая заставляла его не оставлять без

ответа все, даже самые скромные письма; о его безграничном мужестве, о несгибаемой силе духа, о чувстве долга, которое превратило всю его жизнь в служение тому, что казалось ему величайшими державными интересами. Сходите в собор Святого Павла{301}, зайдите в темный склеп, постойте рядом с его огромным гранитным саркофагом и в тишине этого строгого места вспомните те дни, когда маленькая Англия одна встала на пути величайших воинов и величайшей армии, которая когда-либо существовала в мире. И тогда вы почувствуете, за что боролся этот мертвец, и станете молиться, чтобы среди нас нашелся еще один такой, если тучи сгустятся вновь.

Вы, конечно же, заметили, что литература, посвященная битве при Ватерлоо, хорошо представлена в моей скромной военной библиотечке. Я думаю, что из всех книг, в которых изложен личный взгляд на те события, лучшей является «Письма» Сайборна. В ней Генри Тейлор Сайборн собрал воспоминания участвовавших в битве офицеров, которые были получены в виде писем его отцом – военным историком Вильямом Сайборном в 1827 году. Мемуары Гроноу также написаны весьма живо и интересно. Среди книг, описывающих битву с позиций стратегии и тактики, больше всего мне нравится произведение Гуссе. Изложенное с точки зрения француза, оно описывает действия наших союзников лучше, чем любой английский или немецкий источник. Впрочем, какой угодно рассказ о таком масштабном сражении будет захватывающим.

Веллингтон как-то обмолвился, что битве при Ватерлоо придают слишком большое значение, можно подумать, будто британская армия до этого никогда не участвовала в битвах. Сказано в его духе, но в действительности британская армия никогда не участвовала в сражениях, от которых зависел окончательный исход великой европейской войны. Самое важное в этом событии и заключается в том, что битва эта стала последним актом затянувшейся драмы и до самого закрытия занавеса никто не знал, чем закончится пьеса. «Еще немного, и мы бы побежали», – такими словами охарактеризовал ее победитель. Поразительнее всего то, что на протяжении двадцати пяти лет непрекращающихся боев не произошло сколько-нибудь заметного улучшения военной техники и методов ведения боя. По крайней мере, с 1789 по 1805 год ни в первом, ни во втором изменений не было. Орудия, заряжающиеся с казенной части, тяжелая артиллерия, броненосцы – все эти великие военные изобретения были сделаны в мирное время. Существуют совершенно очевидные и в то же время настолько полезные вещи, что просто поразительно, почему до них никто не додумался

раньше. Например, сигнализация, флажковая или световая посредством гелиографа{302}, могла коренным образом изменить исход многих наполеоновских войн. Принцип семафора{303} был хорошо известен, и Бельгия, с ее многочисленными ветряными мельницами, идеально подходила для его использования. Но в течение четырех дней, пока проходили боевые действия под Ватерлоо, этот принцип не использовался, и все планы ведения боев с обеих сторон постоянно находились под угрозой срыва, и в конце концов, в случае французов, эта нехватка согласованности, добиться которой было так просто, привела к краху. День 18 июня временами был солнечным, и маленькое четырехдюймовое{304} зеркало, при помощи которого Наполеон мог бы поддерживать связь с маршалом Груши{305}, могло полностью изменить историю Европы. Да и сам Веллингтон очень страдал от нехватки информации, чего можно было так легко избежать. О присутствии французской армии стало известно утром 15 июня совершенно неожиданно, поэтому было делом чрезвычайной важности как можно скорее сообщить об этом в Брюссель Веллингтону, чтобы он мог успеть собрать рассеянные части в одном месте и занять самые выгодные оборонительные позиции. Но был отправлен всего один курьер, и это жизненно важное сообщение было получено только в три часа дня при том, что расстояние между двумя пунктами составляло тридцать миль{306}. Когда 16 июня Блюхер был разбит у Линьи, Веллингтону было крайне важно знать ход его отступления, чтобы не дать французам вклиниться между ними{307}. Прусский офицер, посланный с необходимым донесением, был ранен и так и не добрался до пункта назначения. Веллингтон узнал о планах пруссаков только на следующий день. Удивительно, от каких мелочей зависит история!

IX

Созерцание моего маленького отряда французских военных мемуаров навело меня на мысли о самом Наполеоне, и, как видите, книг о нем у меня тоже немало. У меня есть его жизнеописание Вальтера Скотта, но его нельзя назвать хорошим, поскольку талант писателя слишком дорогого стоил, и он не разбрасывался им на подобные произведения. Но вот три тома доктора Бурьена{308}, того самого Бурьена, который так хорошо его знал. Может ли кто-нибудь знать человека лучше, чем его лечащий врач? Написаны и переведены они прекрасно. Далее, Меневаль{309}, терпеливый Меневаль, который долгими часами должен был записывать то, что ему диктовали с обычной разговорной скоростью, и при этом еще следить, чтобы все было написано разборчиво и без ошибок. По крайней мере, его хозяин вряд ли мог упрекнуть его в неаккуратности письма, нам ведь известен эпизод, когда собственноручно написанный Наполеоном отчет о затратах на очередную кампанию лег на стол президента сената и почтенный муж принял его за схему боевых действий. Меневаль пережил своего хозяина и оставил о нем прекрасные глубоко личные воспоминания. Есть воспоминания Констана Вери{310}, также написанные в точном соответствии с пословицей «господин не может быть героем для своего лакея». Но среди всех живописных и ужасных портретов Наполеона больше всего запоминается сделанный человеком, никогда не видевшим его, который содержится в книге, посвященной не ему. Я имею в виду рассказ о нем в первом томе «Les Origines de la France Contemporaine»[24] Ипполита Тэна{311}. Прочитав его один раз, уже не забудешь никогда. Подобное достигается благодаря прекрасному, и, как мне кажется, необычному приему. К примеру, он не просто говорит прямыми грубыми словами, что Наполеону была присуща средневековая итальянская хитрость, а приводит ряд документов, рассказывает об определенных случаях, которые подтверждают это. Затем, шаг за шагом укрепив в вашем сознании эту идею, он переходит к следующей черте его характера, холодному любвеобилию, потом говорит о его работоспособности, о детском упрямстве или о каком-то ином качестве, и все это сопровождает примерами. Вот хотя бы, вместо того чтобы сказать, какая превосходная память была у императора, он приводит следующий случай: начальник артиллерии представил ему полный список всех имеющихся во Франции орудий, тот просмотрел его и заметил: «Все верно, только вы пропустили два орудия в форте возле Дьепа»{312}.

Таким образом, постепенно вырисовывается полный и окончательный портрет, который вписывается в память несмываемыми чернилами. Под конец в вашем сознании складывается фигура поистине великая и удивительная, фигура ангела… Ангела тьмы.

Взяв на вооружение метод Тэна, рассмотрим один пример, и пусть он сам говорит за себя. Наполеон оставил дополнение к своему завещанию, в котором отписывал часть своего наследства человеку, пытавшемуся убить Веллингтона. Поступок, достойный средневекового итальянца. Наполеон был не больше корсиканцем[313], чем англичанин, родившийся в Индии, – индусом. Почитайте о жизни семейств Борджиа[314], Сфорца[315], Медичи[316] и о тех сладострастных, жестоких, коварных покровителях искусств и талантливых правителях маленьких итальянских городов-государств, в том числе и Генуи, выходцами из которой были Бонапарты. Вам сразу станет понятно, какая кровь текла в жилах этого человека, вам тут же откроются все его стигматы[317]: внешнее спокойствие, внутренняя страсть, снег на вершине вулкана – все то, что было так характерно для тиранов его родины, учеников Макиавелли, только возведенное до уровня гения. Вы можете пытаться обелить его, но вам не удастся закрасить пятно, оставшееся на нем после того, как с его ведома и по его хладнокровному попустительству был уничтожен его благородный соперник герцог Энгиенский[318].

Еще одна книга, которая дает превосходный портрет этого человека, – «Мемуары» мадам де Ремюсат. При дворе она встречалась с ним ежедневно и не раз имела возможность окинуть его проницательным взглядом. Если женщина умна и не ослеплена любовью, более безошибочного критика не сыскать во всем мире. Если вы прочитаете те страницы, вам покажется, что вы знаете его так, будто сами встречались и разговаривали с ним. Поразительная смесь маленького и большого, его огромное воображение и удивительная невежественность, откровенная самовлюбленность, раздражительность, грубость, особенно в общении с женщинами, его дьявольская страсть играть на слабых местах того, с кем ему приходилось иметь дело, – все эти качества делают его одной из самых колоритных фигур в истории.

В большинстве книг на моей полке говорится о Наполеоне времен его наивысшего величия, но вон там – видите? – стоят три томика. Это описание тех томительных лет, которые он провел острове Святой Елены[319].

Есть ли человек, у которого не вызовет жалость посаженный в клетку орел? Но все же, когда играешь на большие ставки, надо

быть готовым к большому проигрышу. Именно по приказу этого человека во рву Венсенского замка был расстрелян французский принц крови{320}, который мог помешать ему занять престол. А разве сам он не представлял опасности для каждого трона в Европе? Зачем нужно было столь суровое заточение на острове Святой Елены, спросите вы? Но вспомните, до этого он уже был заточен и сумел освободиться. За то, что в тот раз с ним обошлись так мягко, поплатились жизнью пятьдесят тысяч человек. Но сейчас все это забыто, и люди, думая о последних годах Наполеона, представляют себе этакую возвышенную картину: современного прикованного к скале Прометея, терзаемого грифами тяжких дум. Следовать чувствам всегда намного легче, чем разуму, особенно, когда не обходится без дешевого благородства и великодушия «на расстоянии». Между тем разум настаивает на том, что строгость, проявленная Европой к Наполеону, не была местью, и Надсон Лоу{321}, губернатор острова Святой Елены, всего лишь пытался оправдать доверие, которое оказала ему родина.

Да, Лоу выпала незавидная роль. Если бы он был мягок и не особенно строг, все было бы хорошо, но существовала опасность второго побега со всеми вытекающими последствиями. Если бы он проявил жесткость и рвение, его сочли бы за мелочного тирана. «Я рад, что вы занимаете свой пост, – сказал один из генералов Лоу. – Теперь я могу хорошенько отдохнуть». Пост этот находился на острове Святой Елены, и из-за того, что Лоу был на посту, могла хорошенько отдохнуть вся Европа, включая саму Францию. Но за это ему пришлось поплатиться собственным добрым именем. Величайший комбинатор в мире, не имея иного выхода своим силам, устремил их все на то, чтобы очернить своего тюремщика. Вполне естественно, что тот, кто привык повелевать, не мог смириться с тем, что теперь ему самому приходилось подчиняться. Вполне естественно также, что люди сентиментального склада, которые не слишком проникли в суть вопроса, готовы понять и принять точку зрения императора. Однако печальнее всего то, что сами англичане поддаются воздействию столь однобокого представления и бросают на съедение волкам человека, который честно служил своей стране на неспокойном и опасном посту, проявляя редкое чувство ответственности. Таким людям я напомню замечание Монтолона{322}: «Даже ангел небесный не удовлетворил бы нас». Кроме того, им хорошо бы вспомнить и о том, что сам Лоу, имея такой богатый материал, не использовал его. «Je fais mon devoir et suis indifférent pour le reste»[25], – сказал он. И это не пустые слова.

Французская литература, столь богатая во всех направлениях,

мемуарами богаче всех остальных стран, и речь идет не только об эпохе Наполеона. Когда происходило хоть что-нибудь, заслуживающее интереса, обязательно находилась добрая душа, которая знала об этом все и готова была сохранить память об этом событии для вечности. Наша история намного беднее на эти любопытные дополнительные источники информации. К примеру, возьмите наши военно-морские силы времен наполеоновских войн. Их роль была эпохальной. Почти двадцать лет море было последним приютом для Свободы. Если бы наш флот был разбит, вся Европа превратилась бы в единую деспотию. Тогда все были настроены против нас, под нажимом этой ужасной руки многие народы воевали против своих же прямых интересов. На воде мы сражались с французами, испанцами, датчанами, русскими, турками и с нашими американскими родственниками. За время, пока тянулась эта борьба, мичманы успевали стать капитанами, адмиралы – впасть в старческое слабоумие. Чем же может нас побаловать на эту тему литература? Романы Фредерика Марриета{323}, многие из которых автобиографичны, письма Нельсона и Катберта Коллингвуда{324}, биография лорда Кокрейна…{325} Вот, пожалуй, и все. Жаль, что Коллингвуд написал так мало – он обладал определенным литературным талантом. Помните его звучное обращение к своим капитанам во время Трафальгарской битвы? «Прискорбная смерть лорда виконта Нельсона, герцога Бронте, главнокомандующего, который пал в бою двадцать первого числа на пороге победы, покрытый славой, и память о котором вечно будет дорога британскому флоту и британскому народу; чье верное служение чести короля и интересам державы навсегда останется блестящим образчиком поведения настоящего британского моряка… Возложенная на мои плечи честь сердечно поблагодарить…», etc., etc[26].

Для такого послания – весьма достойное предложение, тем более, что писалось оно, когда вокруг царил полный переполох и тонули корабли.

Впрочем, для такой благодатной почвы урожай на удивление скуден. Несомненно, наши моряки были слишком заняты делом, чтобы думать о составлении мемуаров, и все же довольно странно, что среди многих тысяч не нашлось и десятка таких, кто понимал, каким сокровищем были бы их воспоминания для потомков. Я думаю о старых трехпалубниках, гниющих в портсмутском порту. Что, если бы они смогли поведать нам свою историю, их рассказ стал бы той самой недостающей главой нашей литературы.

Французам так повезло не только с воспоминаниями о

Наполеоне. Эпоха правления Людовика XIV[326], которая почти столь же интересна, оставила даже больше прекрасных образчиков мемуарного жанра. Когда начинаешь углубляться в этот вопрос, их количество просто поражает. Создается впечатление, будто буквально каждый при дворе «короля-солнца»[327] делал все, что было в его (или ее) силах, чтобы выставить напоказ жизнь своих соседей. Самый очевидный пример – мемуары Сен-Симона[328]. Из всех известных мне описаний времен королевы Виктории они дают нам наиболее полную и подробную картину эпохи. Есть еще Сен-Эвремон[329], который почти столь же исчерпывающ. Вас интересует точка зрения благородной дамы? Есть письма мадам де Севинье[330] (восемь томов), возможно, лучшая серия писем, которая когда-либо была написана женской рукой. Вам любопытно было бы почитать признания какого-нибудь повесы того времени? Есть полные распутства и непристойности сочинения дюка де Роклора[331] (чтение это не для детской комнаты и даже не для будуара, но, тем не менее, это странное и очень живописное описание того времени). Все эти книги тесно связаны, поскольку в них описываются одни и те же персонажи. Почитав их, получаешь полное представление о том, что это были за люди, что они любили и что ненавидели, какие плели интриги, и чем это заканчивалось. Если у вас нет желания так глубоко вникать во все это, вам достаточно поставить на свою полку «Двор Людовика XIV». Это прекрасное краткое описание тех же событий, вернее даже их квинтэссенция, поскольку все пикантное оставлено в стороне. Есть еще одна книга (вон та большая на нижней полке), между коричневыми с золотым тиснением обложками которой собраны все эти люди. Это довольно дорогое издание (оно стоило мне нескольких соверенов[332]), но разве не приятно иметь портреты столь удивительной плеяды: Людовик, преданная Франсуаза де Ментенон[333], хрупкая мадам де Монтеспан[334], епископ Боссюэ[335], Фенелон[336], Мольер[337], Расин[338], Паскаль[339], Конде[340], Тюренн[341] и все святые и грешники той эпохи. Если хотите сделать себе подарок и вам попадется «Двор и времена Людовика XIV», о потраченных деньгах вы не пожалеете.

Что ж, мой терпеливый друг, я, должно быть, уже утомил вас своей любовью к мемуарам, наполеоновским и остальным, которые сухим историческим хроникам придают человеческую живость. Я не хочу сказать, что история непременно должна быть суха. Наоборот, это самая интересная тема в мире, повествование о нас самих, о наших предках, о человеческой расе, о тех событиях, которые сделали нас тем, чем мы есть, и о том мире, где (если взгляды Вейсмана верны[342]) может играть роль даже

микроскопическое движение того тела, которое каждому из нас в данный миг случилось населять. Но, к сожалению, умение накапливать знания и расставаться с ними – вещи совершенно разные, и лишенный воображения историк может стать разве что составителем неплохого альманаха. Хуже всего то, что, когда у человека есть и воображение, и фантазия, когда он может вдохнуть жизнь даже в истлевшие кости, сухие педанты обязательно обвиняют его в том, что он сходит с проторенной дороги и потому обязательно не прав. Таким нападкам подвергался и Джеймс Фруд{343}, и в свое время Маколей. Но наступят времена, когда о тех педантах никто уже и не вспомнит, а историков этих все так же будут читать. Если меня спросят о том, как, по-моему, должна быть написана идеальная работа по истории, думаю, я укажу на два ряда книг вон на той полке. Первые несколько томов – это «История нашего времени» Джастина Маккарти{344}, следующие – «История Англии восемнадцатого столетия» Вильяма Лекки{345}. Любопытно, что оба автора – ирландцы, и что, невзирая на противостояние враждебно настроенных политиков и жизнь во времена, когда ирландский вопрос стоял особенно остро, и первый, и второй обратили на себя внимание не только завидным литературным даром, но и той широкой терпимостью, которая охватывает весь спектр затрагиваемых ими проблем. Вы не найдете ни одного примера, где та или иная тема рассматривалась бы не с точки зрения философа-аналитика, а с позиций предвзятого поборника религиозной идеи.

Кстати, об истории. Вы не читали работ Фрэнсиса Паркмена? {346} Я бы назвал его одним из лучших историков, и в то же время его имя мало кто слышал. Родился он в Новой Англии{347} и писал большей частью о ранних американских поселениях и о французской Канаде, поэтому вполне можно понять, почему в Англии его почти не знают. Но даже среди американцев я встречал немало тех, кто не читал его. Вон те четыре тома в зеленых с золотом обложках – это его «Иезуиты в Канаде» и «Фронтенак»{348}. Но у него есть и другие достойные работы: «Пионеры Франции», «Монкольм и Вульфи», «Открытие Великого Запада» и т. д. Когда-нибудь, я надеюсь, на этой полке будут стоять все его сочинения.

Подробнее остановимся на одном из них, «Иезуиты в Канаде». Напиши Паркман только одну эту книгу, и то он заслужил бы известность. И с каким благородным величием отдает дань этому замечательному ордену автор, который сам получил пуританское образование! Он показывает, с каким рвением вдохновенные воины креста прибыли в Канаду, как раньше они прибывали в

Китай и все остальные места, где их подстерегали опасности и возможная страшная смерть. Мне безразлично, какой веры придерживается человек, и вообще, христианин ли он, но, прочитав это правдивое повествование, он не сможет не почувствовать, что все лучшее, что только можно найти в святости и религиозном рвении, было присуще этим удивительным людям. Это были настоящие пионеры цивилизации, поскольку помимо догм они несли дикарям высшую европейскую культуру, и своим примером показывали, как честно, просто и благородно может жить человек. Франция посылала мириады храбрецов на поля сражений, но и она за всю свою славную историю не видела мужества более стойкого и героического, чем то, которое проявили обитатели миссии на землях ирокезов.

Книга повествует об их благородной жизни и заканчивается рассказом об их покорной смерти. Об этом даже сейчас нельзя читать без содрогания. Фанатизм может толкнуть человека в бездну исступления, как это было с ордами Махди у Хартума{349}, но, когда человек спокойно и хладнокровно живет такой неблагодарной жизнью и, не дрогнув, встречает столь жуткую смерть, возникает ощущение, что это то же чувство, только возведенное в высшую степень. У каждой конфессии есть свои великомученики, и это страшная истина, потому что она заставляет задуматься о том, что многие тысячи людей отдали свои жизни по ошибке. Но эти люди, жертвуя собой, приносили жертву чему-то более важному, самой идее подчинения тела и абсолютному господству духа.

История Исаака Жога{350} – лишь одна из немногих, но ее стоит вспомнить ради того, чтобы показать дух тех людей. Он тоже был миссионером среди ирокезов, и его добрейшие прихожане подвергли его таким мучениям и пыткам, что его искалеченная фигура приводила в ужас самих краснокожих. Ему удалось вернуться во Францию, но не для того, чтобы отдохнуть или набраться сил, а потому, что ему необходимо было получить особое разрешение совершать мессу. Католическая церковь запрещает калекам выступать в роли священника, так что дикари своими ножами сделали даже больше, чем думали. Жог получил разрешение и был направлен к Людовику XIV, который спросил иезуита, может ли он чем-нибудь отблагодарить его. Наверняка собравшиеся придворные ожидали, что Жог попросит назначить себя следующим епископом, когда это место освободится. Но тот попросил о том, что считал для себя величайшей милостью, а именно, чтобы его отправили обратно в миссию к ирокезам. Дикари отметили его возвращение тем, что сожгли его

заживо[{351}].

Паркмана стоит почитать хотя бы ради описания индейцев. Возможно, самое странное в них и самое непонятное – это их малочисленность. Ирокезы были одним из самых больших союзов племен, в их состав входило пять народов. Эти охотники за скальпами небольшими группами кочевали по тысячам квадратных миль девственной земли. Но есть достаточно оснований сомневаться, что эти пять народов сообща могли бы выставить хотя бы пять тысяч воинов на поле боя. И такая же картина характерна для всех остальных североамериканских племен, обитавших как на востоке, так и на севере, и на западе. Их численность всегда была невелика. И все же все эти бескрайние земли с благодатным климатом и обилием пищи они считали своими. Что помешало им густо заселить эту территорию? Это можно принять за поразительный пример того, что весь ход истории подчинен какому-то высшему замыслу. В тот самый час, когда старый мир трещал по швам, открылся новый, пустой мир. Если бы Северная Америка была так же заселена, как Китай, европейцы смогли бы основать какие-то поселения, но им бы не удалось захватить целый континент. Бюффон[{352}] как-то заметил, что в Америке творческое начало природы никогда не било ключом. Он имел в виду богатство флоры и фауны по сравнению с остальными участками суши на поверхности Земли. Является ли малочисленность индейцев подтверждением этого факта или этому есть какое-то другое объяснение – вопрос, ответ на который мои скромные научные познания найти не в силах. Если вспомнить о тех несметных стадах бизонов, которые когда-то покрывали западные равнины, или посмотреть, сколько сейчас живет канадцев французского происхождения с одной стороны материка и темнокожих – с другой, становится понятно, что неразумно предполагать, будто могут существовать какие-то географические причины, мешающие природе быть здесь столь же богатой, как в любом другом уголке Земли. Впрочем, эта тема достойна отдельного разговора, поэтому, с вашего разрешения, я оставлю ее, и мы продолжим путешествие по моим книжным полкам.

X

Хм, как сюда попали эти две небольшие книги? Понятия не имею. Это «Песнь о мече» и «Книга стихов» Вильяма Эрнеста Хенли{353}. Они должны были стоять вон там, среди моего скромного собрания поэзии. Может быть, я сам и поставил их туда, чтобы всегда иметь под рукой, потому что очень люблю этого автора, и его прозу, и его поэзию. О, это был удивительный человек, человек, куда более великий, чем его произведения, и такой же великий, как некоторые из них. Я редко встречал людей более интересных и деятельных. Проведя какое-то время в его обществе, ты будто сам заряжался энергией, как батарея в генераторной станции. Он заставлял тебя чувствовать, как много еще несделанного и как здорово иметь возможность чем-то заниматься, пробуждал в тебе потребность взяться за работу немедленно, сию же секунду. Имея тело и силу гиганта, он был жестоко лишен возможности пользоваться этой силой, поэтому изливал ее в пламенных словах, в горячем сочувствии, во всех доступных человеку чувствах. Если бы все то время и вся та энергия, которая уходила у Хенли на поддержку других, была потрачена им на самого себя, он наверняка обессмертил бы свое имя. Но старания его не были потрачены впустую, ибо все те, кому он протянул руку, несут на себе следы его влияния, и сейчас добрый десяток «вторых Хенли» укрепляют позиции нашей литературы.

Как жаль, что в свои лучшие времена он написал так мало, ибо эта малая толика – лучшее, что есть в современной литературе. Мало кому из поэтов удавалось вложить в шестнадцать строк такое величие и такое благородство, которым дышит его «Invictus»{354}, начинающийся со знаменитого четверостишия:

> В глухой ночи без берегов,
> Когда последний свет потух,
> Благодарю любых богов
> За мой непобедимый дух.

Это великая поэзия и образчик великого мужества, поскольку слова эти написаны человеком, который несколько лет из-за болезни провел в больницах, человеком, которого скальпель хирурга резал, словно ножницы садовника – неровно выросший куст.

Судьбою заключен в тиски,
Я не кричал, не сдался в плен,
Лишенья были велики,
И я в крови – но не согбен[27].

Это совсем не то, что леди Байрон назвала «мимической скорбью» поэта, это скорее вызов сжигаемого на костре индейского воина, чья гордая душа может заставить застыть корчащееся от боли тело.

В Хенли как будто жили два совершенно разных поэта. Один – громогласный гигант, склонный к героическим величественным образам и возвышенным словам. Так написана «Песнь о мече» и многое другое, что напоминает дикое пение какого-нибудь северного скальда. Второй (и, как мне кажется, более для него характерный и лучший с поэтической точки зрения) – утонченный, искусный и вдумчивый поэт, который рисует небольшие, но удивительно выразительные картины тщательно выверенными и уравновешенными словами. Так написан цикл «В больнице», а вот «Лондонские добровольцы» занимает промежуточное место между двумя стилями. Как, неужели вы не читали «В больнице»? Тогда побыстрее возьмите этот сборник и прочитайте его как можно скорее. Хорошо это или плохо, но наверняка в нем вы откроете для себя нечто неповторимое. Вы не найдете (по крайней мере, я не нахожу) ничего, с чем это можно было бы сравнить. Голдсмит и Крабб{355} писали о жизни в четырех стенах, но их величественный, если не сказать монотонный метр утомляет современного читателя. Но у Хенли все живет, все образно, драматично. Его стихотворения говорят сами за себя. Будь прокляты все еженедельные газеты и остальные молниеотводы, поглотившие энергию такого человека! Хенли оставил после себя всего около пяти тоненьких брошюр своих произведений.

Впрочем, все это – отклонение от темы, потому что на этой полке не должны были находиться эти книги. Этот уголок отведен под хроники. Вот стоят три тома, которые расскажут вам об интереснейшем периоде французской (читай, европейской) истории. К счастью, каждый из них начинается как раз с того периода, на котором заканчивается предыдущий. Первый из них – это Жан Фруассар{356}, второй – Ангерран де Монстреле{357} и третий – Филипп де Комин. Все три вместе представляют собой прекрасный рассказ из первых уст, охватывающий более ста лет истории. В летописи человечества это довольно большой период.

Фруассар как всегда прекрасен. Если вам не по душе

средневековый французский (который только специалист может читать с удовольствием), можете почитать лорда Бернера, английский которого почти так же архаичен, но очарователен, или же можете обратиться к современному переводу, например вот к этому, выполненному Джонсом. Прочитав одну страницу из лорда Бернера, получаешь истинное удовольствие, но, мне кажется, что читать толстые тома, написанные архаичным стилем, – занятие довольно утомительное. Лично я предпочитаю современный перевод, но даже с ним понадобится немалое терпение, чтобы осилить до конца оба тома.

Интересно, мог ли этот старый каноник{358}, живший при дворе Филиппы Геннегау{359}, представить себе истинное значение своей работы, приходило ли когда-нибудь ему в голову, что придет такой день, когда его книга станет единственным достоверным источником сведений не только о его времени, но обо всем институте рыцарства в целом? Боюсь, что, на самом деле, его единственной целью, скорее всего, было получить какое-нибудь вполне мирское поощрение из рук кого-то из тех многочисленных баронов и рыцарей, имена и деяния которых он перечисляет. К примеру, Фруассар пишет, что, когда он прибыл в английский двор, у него с собой было его сочинение, заключенное в прекрасную обложку. Можно не сомневаться, что куда бы он ни направился, у него всегда была с собой такая книга, которая, вполне возможно, служила дорогим подношением для принимающего его хозяина. Кто знает, какого ответного подарка можно ждать от благородного рыцаря за книгу, в которой увековечена его собственное доблесть?

Впрочем, если оставить позади причины написания этого труда, нужно признать, что работа была проделана основательная. В живом, разговорном, многословном стиле каноника есть что-то, напоминающее Геродота{360}, только точностью изложения фактов он превосходит грека. Если учесть, что жил он в то время, когда появились и были приняты с полным доверием путевые заметки Джона Мандевиля{361}, точность и аккуратность Фруассара заслуживают искренней похвалы. Возьмите, скажем, его описание Шотландии и шотландцев. Кто-то отдаст предпочтение Жану Лебелю{362}, но мы их не будем сравнивать. В четырнадцатом веке, человек, описывающий Шотландию, вполне мог позволить себе кое-что приукрасить, но мы видим, что по большому счету рассказ его вполне правдив. Гэллоуэйские{363} пони, оладьи из пресного теста, волынки – все так, как в жизни. Жан Лебель участвовал в приграничной войне с Шотландией{364}, и Фруассар получил свои сведения от него, но он пытался расширить их, и его правдивость дает нам повод

довериться его рассказу даже в тех местах, которые мы не имеем возможности проверить в других источниках.

Но самое интересное в работе Фруассара – это та часть, в которой он рассказывает о современных ему рыцарях, их поступках, привычках и поведении. Да, к тому времени, когда старый каноник писал свои хроники, звезда рыцарства уже клонилась к закату, и все же он еще успел застать многих из тех, кто считался цветом рыцарского сословия. Эти люди читали его книгу (по крайней мере, те из них, кто умел читать), поэтому мы можем не сомневаться, что записанное в ней – не плод воображения, а точный и правдивый портрет воинов, живших в XIV веке. Записи в хронике Фруассара всегда последовательны. Если проанализировать приведенные слова и высказывания рыцарей (я этим занимался), бросается в глаза, что все они однотипны, из чего можно сделать вывод, что именно так разговаривали те люди, которые воевали у Креси{365} и Пуатье{366} в те времена, когда французский и шотландский короли находились в заключении в Лондоне{367}, а Англия, возможно, достигла величайшего военного величия в своей истории.

Одним эти рыцари отличаются от того образа, который создали наши романисты. Если почитать величайшего сочинителя рыцарских романов Вальтера Скотта, создается впечатление, что все средневековые рыцари – мускулистые силачи в расцвете сил: Бриан де Буагильбер, Реджинальд Фрон де Беф, Ричард, Айвенго, герцог Роберт и все остальные. Но у Фруассара многие из самых известных рыцарей – это старые слепые калеки. Чандосу{368}, лучшему кавалеристу своего времени, было за семьдесят, когда он погиб от удара в голову с той стороны, с которой еще раньше лишился глаза. Он был близок к этому возрасту, когда у Наваретты{369} выехал из строя английского войска и в поединке убил лучшего испанского воина молодого Мартена Феррару. Молодость и сила, конечно же, были важны, особенно там, где необходимо было носить тяжелые латы, но во время боя верхом сила благородного коня возмещала старческую дряхлость наездника. И сейчас во время охоты какой-нибудь немощный старичок, оказавшись в знакомом седле, может дать фору иному юному атлету. То же самое происходило и у рыцарей, и те из них, кому удавалось дожить до преклонного возраста, во время очередной битвы имели возможность проявить свой опыт, свое умение управляться с оружием и, самое главное, свое бесстрашие.

Нельзя отрицать, что, несмотря на глянец рыцарства, многие из этих воинов были жестокими и безжалостными варварами. На войне такой человек не знал пощады, кроме тех случаев, когда

была надежда получить за врага выкуп. Впрочем, несмотря на свирепость, он был беззаботен, как ребенок, играющий в страшную игру, где льется кровь и люди умирают по-настоящему. К тому же он придерживался определенного кодекса чести и чувства его при встрече с равным по классу были искренними и благожелательными, даже когда они встречались на поле брани. Тогда противники не испытывали личной неприязни или даже ненависти, как это бывает сейчас, когда, скажем, француз воюет с немцем. В разговоре противники, наоборот, были вежливы и любезны друг с другом. «Могу ли я освободить вас от какой-либо клятвы?» или «Не хотели бы вы узнать, кто из нас лучше владеет оружием?» Они могли прервать бой для отдыха, и в это время спокойно беседовать, обмениваясь комплиментами в адрес доблести друг друга. Когда шотландец Ситон устал отбиваться от группы французских рыцарей, он сказал: «Благодарю вас, господа. Благодарю!» – и ускакал прочь. Один английский рыцарь – «ради собственных успехов и во славу своей дамы» – поклялся, что поскачет к славному городу Парижу и коснется его оборонительной стены копьем изнутри. Эта история очень характерна для тех времен. Когда он галопом подъехал к стенам Парижа, стоящие там французские рыцари увидели, что англичанин связан клятвой и не тронули его, даже сказали, что восхищаются подобным мужеством. Однако когда рыцарь тот поскакал обратно, на дороге ему встретился невежественный мясник с топором на длинном древке, который этим простым орудием сбил рыцаря с лошади и прикончил. Что было дальше, хроникер не описывает, но я уверен, что мясник тот горько пожалел о своем поступке, потому что французские рыцари не стали бы сложа руки смотреть, как представитель их ордена, пусть даже из вражеского лагеря, погибает от руки плебея.

Филипп де Комин как хроникер нам ближе и потому более понятен, чем Фруассар. Но сочинитель исторических романов найдет в этой каменоломне немало камней для постройки собственного маленького здания. Наверняка, «Квентин Дорвард»{370} сошел со страниц де Комина. История Людовика XI и его отношения с Карлом Смелым, странная жизнь в Плесси-ле-Тур{371}, льстивые придворные, брадобрей, палач, астрологи, перемежение безумной жестокости и рабских предрассудков – все это здесь есть. Можно было бы подумать, что такой монарх уникален, что подобное сочетание странных качеств и чудовищных преступлений просто не может повториться, но сходные причины порождают сходные результаты. Почитайте «Жизнь Ивана Грозного» Валевского{372}, и вы узнаете, что веком позже в России правил монарх, который был еще более

беспощаден, но жизнь его проходила точно так же, вплоть до мелочей. Такая же дьявольская жестокость, такое же суеверие, такие же астрологи, такие же советчики-простолюдины, такая же резиденция, расположенная вдали от больших городов, – схожесть удивительная. Если вам показалось мало жестокости грозного Ивана, почитайте жизнеописание великого Петра того же автора. Что это за страна! Какая череда монархов! Кровь, снег и сталь! И Иван, и Петр убили своих сыновей. И все это замешано на религии, отчего становится еще страшнее. Попади наш Генрих VIII{373} в Россию, там его посчитали бы мудрым и добрым правителем.

Раз уж речь зашла о романах и рыцарях, взгляните вон на ту книгу в потрепанной обложке. Это «Хроника покорения Гранады»{374} Вашингтона Ирвинга{375}. Мне не известно, откуда черпал он материал (думаю, из испанских хроник), но войны между маврами и воинами-христианами были одним из самых ярких примеров рыцарства. Я не могу назвать другую книгу, которая передавала бы красоту и романтизм той эпохи лучше. Шлемы конных воинов с копьями сверкают над темными шеренгами. Красные костры полыхают на скалах, грозное спокойствие закованных в броню христиан, благодушная снисходительность и бесстрашие пестро разодетых мусульман. Если бы Вашингтон Ирвинг не написал ничего другого, эта книга и так стала бы непременным атрибутом любой библиотеки. Я люблю все его книги, потому что никто не писал более чистым и свежим языком, чем он, но все же «Хронику покорения Гранады» я перечитываю чаще всего.

Давайте на секунду вернемся к историческим романам. Вот стоят рядом две необычные книги, которые вносят привкус новизны. Это произведения зарубежных писателей, каждый из которых, насколько мне известно, написал всего лишь две книги. В этом зеленом с золотом томе – обе работы померанца{376} Вильгельма Мейнхольда{377} в прекрасном переводе леди Уайльд: «Колдунья Сидония» и «Янтарная ведьма». Более странного взгляда на средние века я не встречал нигде. Необычные подробности простой повседневной жизни неожиданно перемежаются совершенно дикими проявлениями жестокости. Самые странные и варварские вещи преподносится как нечто естественное и обыденное. Один эпизод производит особенное впечатление и запоминается надолго, а именно тот, в котором палач торгуется с жителями деревни по поводу того, сколько ему должны заплатить за то, что он подвергнет пытке молодую ведьму. В результате он поднимает цену с одной бочки яблок до полторы на том основании, что уже не молод, ревматизм

замучил, мол, тяжело ему наклоняться и напрягаться. Сделать это нужно на пригорке, замечает он, «чтоб и детишкам видно было». И «Сидония», и «Янтарная ведьма» дают такую картину средневековой Германии, которой я не встречал более нигде.

Но Мейнхольд – представитель ушедшего поколения. Другой автор, наделенный свежим взглядом и большим талантом, – Дмитрий Мережковский{378}. Если я не ошибаюсь, он еще молод, и карьера его только начинается. «Воскресшие боги. Леонардо да Винчи» и «Смерть богов. Юлиан Отступник» – это две его книги, которые мне удалось раздобыть, но картины Италии эпохи Ренессанса в первой и Рима периода упадка во второй я считаю шедеврами художественной литературы. Признаюсь, читая их, я испытал удовольствие, поняв, насколько мой разум восприимчив к новым впечатлениям, ведь самая большая опасность, с которой сталкивается человек по мере взросления, заключается в том, что привязанность к старым вкусам может не оставить места для нового и заставить считать, будто дни великих достижений остались позади, хотя в действительности дело в том, что это его бедный мозг начинает окостеневать. Чтобы понять, насколько широко распространена эта болезнь, достаточно раскрыть любую критическую газету. Впрочем, вся история литературы свидетельствует: так было всегда, и, если молодого автора обескураживают неблагоприятные сравнения, он должен помнить, что такова участь всех его собратьев по перу с самого начала. Лучшее, что он может сделать, – это не обращать внимания на критику и попытаться соответствовать своим высоким стандартам, оставив остальное на суд времени и читателей. Рядом с моими книжными полками, как видите, висит лист с коротеньким стишком, который в минуты тревоги может успокоить начинающего писателя и указать ему на правильный путь:

Критик дает добро – нам все равно!
Критик ругается – зря надрывается!
Сам приложи старание – … на понимание!

XI

До сих пор о героях и благородных рыцарях я говорил в прошедшем времени, но их дни еще не прошли. Когда на Земле не останется белых пятен, когда будет усмирен последний дикарь, когда будет переплавлена последняя пушка и мир погрузится в безмятежное и невообразимо скучное спокойствие, люди будут вспоминать наши времена и восхищаться нашей жизнью и – да-да! – нашим мужеством, точно так же, как мы сейчас восхищаемся теми, кто жил задолго до нас. «Удивительны свершения этих людей, которые имели в своем распоряжении лишь примитивные орудия и инструменты!» – вот что они скажут, прочитав о наших исследованиях, о наших экспедициях и о наших войнах.

А теперь взгляните на первую книгу на моей полке, где собраны рассказы о путешествиях. Это «Плавание “Сокола”» Эдварда Фредерика Найта{379}. Природа не зря вложила такую душу в тело с такой фамилией[28]. Прочитайте его книгу и скажите, есть ли что-нибудь столь же захватывающее у Гаклюйта{380}. Двое обычных людей, не моряков (если не ошибаюсь, адвокатов), выходят на набережную в Саутгемптоне{381}, там к ним присоединяется еще один юноша, они садятся в маленькую яхту и отправляются в плавание. И куда же они приплыли, спросите вы? В Буэнос-Айрес! Оттуда они направляются в Парагвай, потом опять попадают в Вест-Индию{382}, продают свое суденышко и возвращаются домой. Можно ли ожидать большего от мореплавателей елизаветинских времен? Испанские галеоны{383}, которые могли бы нарушить спокойствие подобного путешествия, уже не бороздят моря. Но, если бы бороздили, я думаю, наши мореплаватели получили бы свою долю дублонов{384}. Но насколько благороднее должно быть сердце человека, который отправляется в такое путешествие не в погоне за золотом, а из-за любви к приключениям, поддавшись зову моря! Старый дух еще живет, его не скроют ни цилиндры, ни сюртуки, ни прочие прозаические декорации, которые, возможно, тоже будут казаться романтическими, когда прошедшие века превратят их лишь в смутное воспоминание.

Еще одна книга, в которой показаны романтика и героизм, сохранившиеся на нашей земле, – это «Путешествие “Дискавери” в Антарктиду» Роберта Скотта{385}. Написанная простым, характерным для моряков языком, без попыток добавить красок или преувеличить, она тем не менее (или тем более) оставляет глубокий след в душе читателя. Эта книга будто раскрывает глаза

на лучшие качества, присущие британцам. У каждого народа есть свои храбрецы. У каждого народа есть люди, которые не могут сидеть без дела. Но среди них есть такой тип людей, которые соединяют в себе храбрость и энергию со спокойной сдержанностью и мальчишеской веселостью, и это лучший тип людей. В экспедиции Скотта вся команда пропиталась духом своего капитана. Никто не дрожал, никто не жаловался, все тяготы встречались с шуткой, все были настроены только на одно: успех предприятия. Когда читаешь столь подробный рассказ о столь долгих лишениях, становится как-то стыдно показывать свое недовольство обычными повседневными неурядицами. Почитайте, как люди Скотта, ослепленные, оциноженные, упрямо шли к своей цели. Сможете ли вы после этого жаловаться на жару или пыль на проселочной дороге?

Это одна из слабостей современных людей. Мы слишком много жалуемся. Жалобы не кажутся нам чем-то постыдным. Но были времена, когда дело обстояло иначе. Жалобы считались уделом женщин. Мужчина неизменно должен оставаться сто́иком, которого мелкие неудобства не могут заставить волноваться. «Похоже, вы замерзли, сэр», – сказал английский джентльмен, окидывая сочувствующим взглядом французского émigré[29]. Бывший дворянин в изношенном сюртуке, гордо выпрямившись, отвечает: «Сэр, джентльмену не бывает холодно». Забота о других должна идти рука об руку с самоуважением. Подобная сдержанность и утаивание боли – это noblesse oblige[30] характеристики настоящего мужчины, которые в наше время стали чем-то большим, чем обычная традиция. Люди должны относиться к этому серьезнее. Тот мужчина, который прыгает от боли с порезанной ногой, или машет руками, разбив костяшки пальцев, достоин не жалости, а презрения.

Американцы, как и мы, англичане, считают исследование Арктики благородным занятием. Давайте возьмем с полки следующую книгу. Это «Арктическая служба» Адольфуса Грили{386}, и она достойна соседства с «Путешествием “Дискавери”» Скотта. В ней есть несколько очень запоминающихся эпизодов. Особенно та часть, в которой описывается, как двадцать с лишним человек лежат на ужасной, почти отвесной скале и умирают один за другим от холода, голода и цинги. По сравнению с этим меркнут все наши мелкие трагедии. Или как голодный не меньше остальных командир экспедиции читает лекцию об абстрактной науке, чтобы отвлечь мысли умирающих людей от их страданий. Какая ужасная картина! Тяжело страдать от холода, тяжело мучиться от голода, непросто жить в темноте, но те люди смогли прожить в таких

условиях шесть месяцев, и то, что кто-то из них выжил, чтобы рассказать об этом, – истинное чудо. Сколько чувства в словах несчастного умирающего лейтенанта: «Как… это… тяжело…» – простонал он и отвернулся к стене.

Англо-кельтская раса всегда тяготела к индивидуализму, и все же никто другой так не понимает, что такое дисциплина. Ни в римских или греческих анналах, ни даже на залитых лавой караульных постах в Помпеях{387} вы не найдете лучшего примера служению долгу, чем тот, который продемонстрировали молодые новобранцы британской армии в Беркенхеде{388}. Экспедиция Грили дала еще один пример, который мне кажется не менее замечательным. Если вы читали книгу, наверняка вам запомнился тот эпизод, когда в живых осталось всего восемь несчастных, которые от голода и слабости уже почти не могли двигаться, семеро вытащили восьмого на лед и расстреляли за нарушение дисциплины. Вся мрачная процедура была выполнена по правилам, с подписанием всех необходимых документов, так, словно проводилась перед Капитолием в Вашингтоне{389}. Преступление его, если не ошибаюсь, заключалось в том, что он украл и съел ремень, скреплявший две части саней, предмет не более аппетитный, чем шнурок ботинка. Впрочем, надо отдать должное капитану, который упомянул, что это была одна из серии мелких краж, которые могли привести к гибели всей экспедиции.

Я могу признаться: все, что касается арктических морей, мне особенно интересно. Тот, кто хоть раз побывал в тех таинственных краях, которые одновременно могут быть и самым прекрасным, и самым страшным местом на всей земле, уже никогда не сбросит с себя их чары. На границе изведанного мира я стрелял уток, летящих на юг, и находил в их желудках камни, которые они проглатывали на тех берегах, где никогда еще не ступала нога человека. Непередаваемый воздух, большие скованные льдом озера синей воды, чистое небо, которое у горизонта становится светло-зеленым, а потом холодно-желтым, шумные общительные птицы, огромные водные животные, укрытые толстым слоем подкожного жира, похожие на больших слизняков тюлени, кажущиеся совершенно черными на фоне ослепительной белизны льда… Тот, кто это видел, будет снова и снова возвращаться туда в снах, только грезы эти будут казаться чем-то бóльшим, чем просто причудливый сон, настолько все это не похоже на обычный привычный нам мир. А поймать «рыбу», весящую сто тонн и стóящую две тысячи фунтов!.. Но я увлекся.

Впрочем, все это укладывается в мое повествование, поскольку привело нас прямиком к следующему тому на полке.

Это «Плавание “Кашалота”» Фрэнка Буллена{390}, книга, полная романтики таинственного моря, вековечную гладь которого нарушают только вторгающиеся в него корабли пришельцев. Это рассказ об охоте на спермацетового{391} кита, которая проводится в открытом море и не имеет ничего общего с той охотой на льду, которой я семь месяцев учился в Гренландии. Боюсь, что оба этих северных вида охоты уже отошли в прошлое, ибо зачем человеку в поисках смазочного масла рисковать жизнью, если можно просто пробуравить скважину в земле? Нам повезло, что этим промыслом занимался один из наиболее мужественных авторов, писавших о жизни моряков. Буллен как писатель, в своих лучших проявлениях поднимается до очень больших высот. Чтобы привести пример, возьму с полки следующую книгу, это его «Морские идиллии».

Тот, кто способен слышать «музыку» прозы, поймет, о чем я. Эти простые и прекрасные слова взяты из чудесного описания затянувшегося штиля в тропических широтах:

«Перемена, необычная и нездоровая, произошла с синей гладью моря. Оно больше не отражало, как в прозрачном зеркале, роскошь солнца, прелесть серебристой луны или блеск бесчисленных созвездий. Подобно пепельной серости, которая затемняет лик умирающего, туманный, маслянистый покров затянул недавнюю красоту поверхности океана. Вода стала гнилой, стоячей и смрадной. От мутной воды поднимались ядовитые миазмы – дыхание разложения, которые прилипали к нёбу и заглушали все остальные чувства. Вытолкнутые какой-то неведомой силой из непостижимых глубин, к поверхности поднимались жуткие фигуры, стеклянно моргающие от непривычного света, на который они променяли привычную им мглу; странные существа, обрамленные пушистой покачивающейся бахромой, похожей на водоросли, шестифутовые медузы, прозрачные тела которых покрыты похожими на глаза разноцветными пятнами; извивающиеся червеобразные формы, существа столь эфемерные, что тают от солнечного света, растворяются, словно их и не было. А ниже лениво проплывали еле заметные огромные бледные тени, наполнявшие смутно знакомым ароматом странный легкий запах, который висел вокруг нас».

Прочитайте всю главу о тропическом затишье или прочитайте другую, «Восход солнца, увиденный с “вороньего гнезда”», и вы не сможете не согласиться, что это одни из лучших образцов описательного языка в современной англоязычной литературе. Если бы мне предложили собрать морскую библиотечку из дюжины томов, я бы непременно включил в нее и

«Плавание “Кашалота”», и «Морские идиллии» Буллена. Что еще? Тут уж дело вкуса. Наверняка «Том Кингл» Майкла Скотта, надеюсь, мальчишкам еще интересны акулы, пираты, плантаторы и отчаянные приключения, которых полно в этом замечательном романе. «Два года на палубе» Ричарда Даны[392]. «Потерпевшие кораблекрушение» и «Отлив» Стивенсона – для них я бы тоже нашел место. Кларк Рассел заслуживает того, чтобы отвести ему отдельную полку, но его «Крушение “Гросвенора”» достойно особого внимания. Конечно, обязательно должен быть представлен Фредерик Марриет, из него я бы выбрал «Мичмана Изи» и «Питер Симпл». Можно добавить что-нибудь из Мелвилла[393], например, сейчас почти забытые «Тайпи» или «Ому» (обе посвящены жизни на Таити[394]). Из современных я бы добавил «Мужественные капитаны» Киплинга, «Морской волк» Джека Лондона и «Негр с “Нарцисса”» Джозефа Конрада[395]. Этого хватит, чтобы ваш кабинет превратился в каюту и вам стал чудиться шелест прибоя и грохот бурунов, разбивающихся о скалистые берега. О, как же этого иногда не хватает, когда жизнь становится слишком пресной и старая кровь викингов начинает бурлить в венах! Без сомнения, это заложено в каждом из нас, потому что любой, кто живет на острове, имеет в своем роду предков, которые приплыли туда на длинной боевой ладье или на короткой и широкой рыбачьей лодке. Еще больше морской соли должно быть в крови американцев, если вспомнить, что на всем бескрайнем материке нет ни одного человека, предки которого не пересекли бы три тысячи миль океана, хотя в центральных штатах живут миллионы и миллионы их потомков, никогда не видевшие моря.

Я упомянул, что «Ому» и «Тайпи», книги, в которых моряк Мелвилл описывает свою жизнь среди островитян на Таити, забылись слишком быстро. Каким прекрасным и интересным занятием могла бы оказаться для какого-нибудь наделенного хорошим вкусом и широко мыслящего критика работа по поиску забытых книг, достойных воскрешения. Интересно было бы взглянуть на томик, в котором перечислялись бы и сами книги, и их достоинства, но еще интереснее было бы почитать материал, который такой томик предварял бы. Я совершенно уверен, что есть множество хороших книг, которые на время позабылись или остались незамеченными в мирской суете. Вот, скажем, имеет ли шанс быть замеченной книга какого-нибудь молодого писателя, вышедшая в свет в момент общественного волнения, когда внимание всей страны захвачено каким-нибудь важным событием? Сотни мертворожденных книг появились на свет подобным образом, неужели среди них не было ни одной

достойной? Не так давно вышла книга молодого писателя, которому нет еще и тридцати. Это «Падение Ковендена» Снайта, и вряд ли ей суждено выйти вторым изданием. Или, к примеру, «Восемь дней» Форрестера. Этой книги вы уже не купите. Даже если вам удастся разыскать ее в библиотеке, считайте, что вам повезло, хотя лучшего описания сипайского восстания{396} вы не найдете нигде. А вот еще одна книга, о которой вы, я ручаюсь, не слышали. Это «Из жизни животных» Джорджа Герберта Пауэлла. Нет, это не рассказы о кошках и собаках, это собрание очень интересно изложенных историй, в которых затрагивается тема животного начала в человеке. Если вы в литературе ищете что-то новое, эта книга для вас. Вышла она десять лет назад и совершенно не известна. Если на одной маленькой полке я смог указать три книги, сколько же еще неоткрытых звезд имеется в вечной темноте!

Позвольте мне на миг вернуться к тому, с чего я начал. Я говорю о романтике путешествий и примерах героизма в современной жизни. На моей полке стоят два посвященных научным исследованиям тома, которые наделены этими качествами в полной мере. Я не знаю лучших книг, которые вы могли бы вложить в руки молодому человеку, если хотите воспитать, во-первых, благородство и силу духа и, во-вторых, любовь и интерес ко всему, что касается природы. Первая из этих книг – «Путешествие натуралиста вокруг света на корабле “Бигль”» Чарльза Дарвина. По одной этой книге путевых заметок, вышедшей задолго до «Происхождения видов», любой проницательный читатель должен был понять, что в научном и литературном мире появилась новая величина, наделенная могучим умом и другими редкостными качествами. История еще не знала такого всеобъемлющего разума. Ничто не укрылось от его пристального внимания, ни малое, ни великое. На одной странице он рассматривает особенности строения паутины какого-нибудь крошечного паука, а на следующей приводит доказательства уседания материковых плит и вымирания тысяч видов животных. Поражает и его огромная эрудиция: ботаника, геология, зоология, все эти науки взаимодействуют и представляют одну неразрывно связанную систему. Поразительно, как такому молодому человеку (Дарвину было всего двадцать три, когда в 1831-м на геодезическом{397} судне «Бигль» он отправился в кругосветное путешествие) удалось накопить в себе такой огромный объем знаний! Очевидно, его талант был сродни музыкальному гению великих композиторов, который проявляется интуитивно в самом раннем детстве. Другой чертой характера Дарвина, неожиданной для столь ученого мужа,

является полное презрение к опасности. Это его качество так хорошо скрыто, что приходится читать между строк, чтобы разглядеть его. Когда великий натуралист был в Аргентине, вся земля вокруг того поселения, где он жил, находилась под властью конных отрядов индейцев, которые ненавидели белых и не щадили никого, кто попадал к ним в руки, но Дарвин проехал четыреста миль между Баия-Бланка{398} и Буэнос-Айресом, хотя даже бесстрашные гаучо отказались сопровождать его. По сравнению с каким-нибудь неизвестным жучком или еще не описанной мухой опасность или возможная страшная смерть для него были не заслуживающими внимания пустяками.

Вторая книга, на которую я ссылался, это «Малайский архипелаг» Альфреда Уоллеса{399}. Между этими людьми есть странное сходство. Смелость, как физическая, так и научная, мягкая настойчивость, широта кругозора и всеохватность знаний, страсть к изучению природы. Уоллес интуитивно понял и описал в письме Дарвину причину естественного отбора как раз в то время, когда тот готовил к выходу книгу, основанную на двадцати годах работы, в которой излагал те же идеи. Что должен был чувствовать Дарвин, когда читал то письмо? Но ему нечего было бояться, потому что у его книги не было более восторженного почитателя, чем тот, кто в некотором смысле предвосхитил ее. Уоллес – яркий пример того, что в науке, так же как и в религии, есть свои герои. В Папуа{400} он должен был исследовать жизнь и виды райских птиц, и за годы странствий по этим островам полностью изучил их фауну. В одном из примечаний в его книге указывается, что папуасы, населяющие территории, где обитает райская птица, – убежденные каннибалы. Только представьте себе, каково это годами жить бок о бок с такими соседями! Молодой человек, прочитавший эти две книги, обязательно станет богаче как умственно, так и духовно.

XII

Вот мы и добрались до последнего séance[31]. В последний раз, мой терпеливый друг, я прошу вас расположиться поудобнее на стареньком зеленом диванчике, устремить взгляд на дубовые полки и приготовиться слушать мои разглагольствования об их содержимом. В последний раз… И все же, бросая взгляд на ряды корешков, я понимаю, что не рассказал даже об одной десятой тех книг, которым я чем-то обязан и к которым испытываю чувство благодарности, не высказал даже одной сотой из тех мыслей, которые проносятся у меня в голове, когда я смотрю на них. Впрочем, это, может быть, даже и хорошо, поскольку человек, который сказал все, что мог сказать, наверняка сказал слишком много.

Позвольте мне ненадолго взять на себя роль наставника. Я перехожу на этот строгий (о, прошу вас, не называйте его педантским!) тон, потому что глаза мои остановились на уголке, в котором располагается мое небольшое собрание научных трудов. Мне хотелось сказать, что, если бы я выступал в роли советчика для молодого человека, который только начинает жизнь, я бы порекомендовал ему один вечер в неделю отводить научному чтению. Если он достаточно настойчив, то, начав чтение в двадцать, к тридцати годам он овладеет всеми необходимыми знаниями, которые помогут ему достойно пройти по любой дороге, на которую его выведет жизнь. Советуя заниматься научным чтением, я не имею в виду, что он должен давиться пылью старых сухих учебников, углубляться в изучение подгрупп чешуекрылых{401} или зубрить классификации двудольных растений. Все эти скучные тонкости – колючие кусты в чудесном саду науки, и будет глупо перед началом прогулки по нему совать в него голову. Держитесь от него подальше, пока не обойдете все лужайки и не исследуете все тропинки. По этой же причине избегайте учебников, которые отбивают охоту к знаниям, займитесь лучше популярной наукой, которая так привлекательна. Не стоит надеяться стать специалистом во всех этих разнообразных областях знаний. Гораздо лучше получить о них общее представление и понимать, как они между собой связаны. Например, достаточно лишь немного узнать о геологии, чтобы любая каменоломня, любой железнодорожный туннель превратился в предмет интереса. Немного зоологии поможет вам удовлетворить любопытство и узнать, как называется и к какому отряду принадлежит эта коричневая ночная бабочка, которая сейчас вьется вокруг лампы. Немного ботаники – и вы узнаете

каждый цветок, который может попасться вам во время загородной прогулки, и испытать щекочущее чувство любопытства, случись вам заметить еще незнакомый. Немного археологии – и вы будете знать, что скрывается под старыми курганами на английских полях, или мысленно дорисуете контур древнего римского лагеря{402}, остатки которого виднеются на холмах. Немного сведений из астрономии заставят вас более внимательно всматриваться в небо, научат отличать близкие нам планеты, движущиеся по собственным орбитам, от далеких звезд, и чувствовать великий порядок, красоту и величие материальной вселенной, которые являются верным признаком того, что за всем этим стоит сила духовная. Как человек науки может быть материалистом, для меня так же непонятно, как и то, как человек верующий может ограничивать всесилие Создателя. Покажите картину, написанную не художником, покажите бюст, сотворенный не скульптором, дайте послушать музыку, сочиненную не композитором, и тогда можете начинать говорить мне о вселенной, созданной не Творцом вселенных, и мне все равно, каким именем вы Его назовете.

Вот стоит «L'Atmosphere» Фламмариона{403}, прекрасное, хотя и слегка испорченное непогодой издание в красной с золотым тиснением обложке. Эта книга имеет историю, которая мне дорога. Ее в качестве гонорара за врачебную помощь отдал мне молодой француз, умиравший от лихорадки у западного побережья Африки. Взгляд на нее уносит меня в судовую каюту, заставляет вспомнить маленькую койку и желтоватое лицо с большими печальными глазами, глядящими на меня с тоской и надеждой. Бедный мальчик, боюсь, он так и не увидел больше свой любимый Марсель.

Возвращаясь к разговору о популярной науке, я хочу сказать, что не знаю лучших книг, которые могут пробудить интерес и дать общее представление о предмете, чем произведения Сэмюэла Лэнга{404}. Трудно себе представить, что мудрый savant автор этих книг был в то же время энергичным управляющим железнодорожной компании. Много выдающихся ученых начинали с очень прозаических профессий. Герберт Спенсер{405} был железнодорожным инженером, Уоллес – геодезистом, но чтобы человек, наделенный таким мощным научным умом как Лэнг, всю свою жизнь посвятил скучной рутинной работе и оставался в этой упряжке до глубокой старости, не утратив при этом способности воспринимать любую свежую идею и впитывать в себя каждый сгусток мысли, – факт поистине удивительный. Почитайте его книги, вы узнаете много нового.

Рассказывать о недавно прочитанных книгах – прекрасное

времяпрепровождение. Возможно, вы возразите, что слушатели могут с этим не согласиться. Никого не хочу обидеть, но мне кажется, что это гораздо интереснее любого привычного нам разговора «о пустяках». Делать это, конечно же, надо с определенной долей такта и осмотрительностью. Меня на эти замечания натолкнуло упоминание Лэнга. Однажды за table d'hôte[32] или где-то еще я обратил внимание на одного человека, который рассказывал о найденных в долине реки Сомма{406} каменных орудиях доисторических людей. Мне эта тема была хорошо знакома, что я и показал, вступив в разговор. Потом я вскользь упомянул о каменных храмах Юкатана{407}, он тут же подхватил и стал развивать эту тему. Затем он перешел на древнеперуанскую цивилизацию{408}, но я не отставал. После этого я заговорил об озере Титикака{409}, и он продемонстрировал, что осведомлен в этой области не хуже моего. Он стал рассказывать о человеке четвертичного периода{410}, но и тут я ему не уступил. Мы все больше и больше удивлялись широте и глубине познаний друг друга, как вдруг меня осенило. «Вы читаете "Происхождение человека" Сэмюэла Лэнга!» – воскликнул я. Так и было – по случайному совпадению я тоже как раз в то время читал эту книгу. Мы лили друг на друга воду, которую черпали из одного источника.

В конце моей научной полки стоит большое двухтомное издание. Книгу эту даже сейчас некоторые ретрограды от науки называют спорной. Это «Человеческая личность и ее жизнь после смерти тела» Фредерика Майерса{411}. На мой взгляд, лет через сто книга эта будет считаться фундаментом, на котором было построено здание новой науки. Где еще между четырех обложек вы найдете подобный пример безграничной терпеливости, усердия, мудрости, интуиции, полета мысли, который позволил собрать тысячи разрозненных фактов и соединить их в единую стройную и непротиворечивую систему? Дарвин был не более страстно увлечен зоологией, чем Майерс – исследованиями в неуловимой и неопределенной области психического. Вся его теория – настолько новая и оригинальная, что для нее еще даже не разработана своя терминология («телепатия», «подсознание» и т. д.) – навсегда останется памятником остроте мысли, выраженной прекрасным языком и основанной на четких, выверенных фактах.

Даже намек на научную мысль или научный подход придает особую прелесть произведениям в любой области литературы, и не имеет значения, насколько мало общего с действительными исследованиями это имеет. Например, По в своих рассказах часто использовал этот прием, хотя в его случае «научность» – не более

чем иллюзия. Жюль Верн так же, рассказывая о самых невероятных вещах, добивался поразительно достоверного эффекта благодаря глубоким и точным познаниям. Однако ярче всего это заметно в другой, более легкой литературной форме – эссе, где несерьезные мысли находят аналогии и иллюстрации в истинных фактах, одно влияет на другое, и комбинация их представляется читателю особенно пикантной.

Мне не найти лучшего примера, чем вон те три маленьких томика, которые составляют бессмертную серию Уэнделла Холмса. Это «Самодержец», «Поэт» и «Профессор за обеденным столом». В них тонкая, осторожная, изящная мысль всегда находит поддержку в аналогии или косвенном намеке, что указывает на широту познаний автора. Это чудесная работа, толковая, остроумная, душевная и непредвзятая. Если бы на Елисейских Полях{412}, как раньше в Афинах, свободно выступали философы, я бы, несомненно, примкнул к группе слушателей, с улыбкой слушающих незамысловатые и шутливые речи этого бостонского{413} мудреца. Я полагаю, что постоянное влияние науки (особенно медицины) еще с ранних студенческих лет привило мне такую любовь к этим книгам. Никогда я не понимал и не любил так сильно человека, которого ни разу в жизни не видел, как в случае с Уэнделлом Холмсом. Одним из самых моих горячих желаний было встретиться с ним, но, по иронии судьбы, в тот город, где он жил, я попал как раз вовремя, чтобы успеть возложить венок на его свежую могилу. Перечитайте его книги, и, уверяю вас, вы удивитесь, насколько они современны. Как и «In Memoriam» Теннисона, эта работа появилась за полвека до своего времени. Можно наугад открыть любую страницу, и почти наверняка на ней вы найдете какой-нибудь абзац, который поразит вас широтой взглядов автора, отточенностью фраз и неповторимым талантом незаметно, но и с большим юмором вплетать в повествование аналогии и отсылки к другим произведениям. Вот к примеру отрывок (в книге можно найти еще дюжину ничуть не хуже), в котором соединяются все перечисленные достоинства:

«Помешательство часто является своего рода формой логики для перенапряженного сильного ума. Слаженный мыслительный механизм ломает собственные шестеренки и рычажки, если в него вдруг попадает нечто такое, что останавливает его или заставляет идти обратным ходом. Ум слабый не обладает достаточной силой, чтобы причинить себе вред. Тупость часто не дает человеку потерять рассудок. В сумасшедших домах нередко можно встретить людей, которых помещают туда в результате так называемых умственных расстройств на религиозной почве.

Признаюсь, к таким людям я отношусь с бóльшим уважением, чем к тем, кто придерживается с ними одних взглядов, но сохраняет при этом здравый рассудок и наслаждается жизнью за стенами психиатрических больниц. Любой порядочный человек просто обязан сойти с ума, если у него имеются хоть какие-то убеждения… Все, что можно назвать грубым, жестоким, варварским, все то, что лишает надежды жизнь большинства людей, а, возможно, и целых рас, все, что предполагает необходимость уничтожения инстинктов, данных нам для того, чтобы их подавлять (неважно, как вы назовете это, неважно, кто об этом говорит, факир{414}, монах или дьякон), все это, если попадает в рассудок, должно вызвать помешательство у каждого думающего и уравновешенного человека».

Довольно свежая мысль для унылых пятидесятых, не правда ли? Университетскому профессору нужно было обладать изрядной долей морального мужества, чтобы высказать ее.

Как эссеист для меня он стоит выше Чарльза Лэма{415}, поскольку в его работах присутствуют и истинное знание, и практическое знакомство с жизнью, которые отсутствуют у витающего в облаках лондонца. Я не хочу сказать, что Лэм не талантлив, посмотрите, на той же полке у меня стоят его «Очерки Элии», и они, как видите, довольно зачитаны, так что Холмса я ценю больше вовсе не потому что не люблю Лэма. Они оба превосходны, просто Уэнделл Холмс всегда затрагивал именно те струны, которые пробуждали ответные вибрации в моей душе.

Для меня эссе – самая отталкивающая форма литературы, если только оно не написано легко и мастерски. Мне оно всегда чем-то напоминает школьные сочинения: вначале пишешь название, а потом излагаешь все свои мысли на эту тему. Даже Стивенсону, которым я восхищаюсь, в подобных видах работы, несмотря на обычную для него оригинальность мысли и необычность формы изложения, с трудом удается увлечь за собой читателя. Впрочем, его «Люди и книги» и «Virginibus Puerisque»{416} – замечательные примеры того, чего можно добиться вопреки неотъемлемым и неизбежным трудностям поставленной задачи.

Но его стиль! Эх, если бы Стивенсон понимал, насколько прекрасен и самобытен его данный Богом стиль, сколько в нем живой энергии, он бы не тратил силы на то, чтобы овладеть другими. Меня наводит на грусть известная история о том, как он пробовал подражать то одному автору, то другому, метался в поисках лучшего. Лучшее – всегда то, что дано тебе от природы. Когда я вижу, как критики дружно аплодируют Стивенсону-подражателю, мне он начинает напоминать человека,

наделенного собственными прекрасными волосами и громоздящего на голову парик. Как только язык Стивенсона делается изощренным, его тут же становится неинтересно читать. Но, как только он возвращается к искреннему английскому, с четко подобранным словом и коротким острым предложением, становится понятно, что в нашей современной литературе сравнить его не с кем. В этом крепком простом обрамлении редкое веселое слово сверкает, как ограненный алмаз. К действительно хорошему стилисту подходит определение, которое Бо Брюммель{417} дает хорошо одетому человеку: он должен быть одет так, чтобы никто не замечал его наряда. Если стиль обращает на себя внимание, скорее всего, с ним что-то не в порядке. Это затемнение бриллианта, отвлечение внимания читателя от сущности на форму, от того, что хотел сказать автор, на самого автора.

Нет, у меня нет Эдинбургского издания Стивенсона{418}. Если вы думаете сделать кому-нибудь такой подарок, я бы вам этого не советовал, потому что, мне кажется, лучше иметь Стивенсона в разных книгах, чем в одном многотомном издании. Для любого писателя качество важнее количества, и Стивенсон – не исключение. Я уверен, что друзья, которые чтут его память и распоряжаются его наследием, имели четкие указания, как печатать это издание, возможно даже, оно было составлено еще до его трагической смерти. И все же, по большому счету, мне кажется, лучшее, что можно сделать, дабы увековечить память писателя – это произвести тщательный отбор его произведений, по которым о нем будут судить в будущем. Каждая слабая веточка, каждый недоразвитый отросток должен быть отрезан, пусть останутся только здоровые, сильные, сочные ветви, чтобы дерево могло простоять еще долгие годы. Какое ложное впечатление может сложиться у какого-нибудь критика, который будет жить через несколько поколений, если ему придется выбирать один из полудюжины томов этого издания. Подумайте, с каким замиранием сердца мы бы следили за тем, как он, гадая, с чего бы начать, водил бы пальцем по корешкам, как бы мы молились про себя, чтобы выбор его пал на то, что все мы так любим: «Новые арабские ночи», «Отлив», «Потерпевшие кораблекрушение», «Похищенный», «Остров сокровищ». Эти книги никогда не утратят очарования.

Две последние книги можно назвать лучшими в своем жанре, и, как видите, «Похищенному» и «Острову сокровищ» отведено особое место на моей полке. «Остров сокровищ» лучше с точки зрения сюжета, но «Похищенный» имеет более непреходящую ценность как прекрасное описание жизни северо-запада

Шотландии после последнего восстания якобитов{419}. В каждом из романов есть яркий, притягательный герой. В первом это Долговязый Джон Сильвер, во втором – Алан Брек. Конечно же, Сильвер с его лицом, широким, как окорок, и крошечными сверкающими, как стеклышки, глазами, – король всех морских разбойников. Обратите внимание, каким образом автор добивается нужного эффекта: сам рассказчик почти никогда не дает оценку Сильверу, впечатление складывается на основании сравнений, недомолвок или непрямых отсылок. Жуткого Билли Бонса преследует страшная мысль об «одноногом моряке». Капитан Флинт, сообщается нам, был храбрым человеком, и «никого он не боялся, кроме Сильвера. Он, знаешь, мягко стелет, этот Сильвер…»[33] Или еще, когда говорит сам Джон: «Одни боялись Пью, другие – Флинта. А меня боялся сам Флинт. Боялся меня и гордился мной… Команда у него была отчаянная. Сам дьявол и тот не решился бы пуститься с нею в открытое море. Ты меня знаешь, я хвастать не стану, я добродушный и веселый человек, но, когда я был квартирмейстером, старые пираты Флинта слушались меня, как овечки». И вот так, шаг за шагом, перед нами появляется личность вкрадчивого, но жестокого и своевластного одноногого дьявола. Для нас он не порождение вымысла, а живой человек, из плоти и крови, с которым нам приходится иметь дело. Именно в этом заключается смысл приема непрямого описания, к которому прибегает автор для создания этого образа. А сами джентльмены удачи! Насколько просты и в то же время сильны маленькие штрихи, которые передают их привычки, образ мыслей и действий. «Я хочу жить в капитанской каюте, мне нужны ихние разносолы и вина», или: «Вот если бы ты поплавал с Билли, тебя не пришлось бы окликать два раза. Билли никогда не повторял приказаний, да и другие, что с ним плавали…» Морские разбойники в романе «Пират» тоже великолепны, но им не хватает той «человечности», которую мы видим здесь. Пройдет очень много лет, прежде чем Долговязый Джон потеряет свое место в морской приключенческой литературе, «уж я верно говорю»!

Стивенсон находился под большим влиянием Мередита, что заметно даже в этих книгах: архаичное или необычное слово (но всегда к месту), короткие и емкие описания, хлесткая метафора, немного отрывистая речь. И все же, несмотря на схожесть, каждый из них достаточно самобытен, чтобы можно было говорить о собственной школе. Все их ошибки, или, вернее, недочеты, не в форме подачи, а в общем подходе. Они пишут только о необычном и исключительном в жизни. Они словно совершенно не учитывают женские вкусы. Их книги – вершина литературы для

мальчиков, из разряда тех захватывающих сочинений, которыми зачитываются в юности in excelsis[34]. Но они настолько хороши, свежи, колоритны, что на какой бы ограниченный круг ни были рассчитаны эти романы, они вполне заслуженно занимают свое высокое место в литературе. Нет причин, по которым «Остров сокровищ» для подрастающего поколения двадцать первого века не мог бы стать тем, чем был «Робинзон Крузо» для детей века девятнадцатого.

Современный «мужской» роман, затрагивающий исключительно более жесткую, активную сторону жизни, описывающий скорее не внутренний мир героя, а те ситуации, в которые он попадает, является своего рода реакцией на злоупотребление темой любви в художественной литературе. Эта фаза жизни в ее традиционном видении, заканчивающаяся, как правило, браком, уже достаточно избита и приелась, и нет ничего удивительного в том, что порой проявляется тенденция уйти в противоположную крайность и придавать ей намного меньше значения, чем она на самом деле имеет в делах мужчин. В британской художественной литературе в девяти книгах из десяти любовь и замужество преподносятся как смысл и цель жизни, хотя мы знаем, что в действительности это не всегда так. В жизни большинства мужчины брак – это лишь эпизод, да, имеющий огромное значение, но всего лишь эпизод, один из многих. Его паруса наполняются и другими сильными ветрами: работа, жизненные устремления, дружба, преодоление опасностей, неистребимых житейских трудностей. Все это оказывает не меньшее влияние на мужскую мудрость и смелость. Любовь часто играет лишь второстепенную роль в жизни мужчин. Сколько есть таких, кто доживает до смерти, так и не узнав этого чувства! Поэтому нас раздражает, когда любовь постоянно преподносится как самое важное, что есть в жизни, и поэтому среди писателей определенной школы (безусловным главой которой является Стивенсон) появляется склонность вовсе избегать этого источника интереса. Если бы любовные отношения всегда складывались так, как между Ричардом Феверелом и Люси Десборо, тогда, конечно же, дело обстояло бы иначе, но, чтобы любовь снова вызвала интерес, за нее должен взяться мастер, у которого хватило бы мужества пойти против устоявшихся условностей и искать вдохновение в реальной жизни.

Одним из самых характерных для Стивенсона приемов является включение в повествование броских и необычно построенных форм речи. Никто другой не сравнится с ним в умении обращаться с эпитетами. Почти на каждой странице мы находим слова и выражения, которые поражают нас новизной и в

то же время совершенно точно передают тот смысл, который вкладывал в них автор. Например: «Метнул убийственный взгляд». Впрочем, начинать цитировать опасно, поскольку примерам нет конца. Иногда он промахивается, но такие случаи редки. К примеру, «стрельнуть глазами» не всегда означает то же самое, что «посмотреть», а «хихикать» вместо «посмеиваться» несколько режет слух, хотя это слово употреблял сам Чосер{420}.

Следующим по порядку идет удивительное умение филигранно подбирать необычные и очень точные сравнения, которые притягивают внимание и стимулируют воображение. «Голос у него был хриплый, как скрип заржавленного замка». «Я увидел, как она пошатнулась, словно ветер согнул ее». «Смех его прозвучал так фальшиво, словно надтреснутый колокол». «Охрипший, каркающий голос дрожит, как натянутый канат». «Мои мысли кружились, как веретено». «Удары мотыги раздавались в могиле глухо, как рыдания». «Эти тайные, преступные мысли все время выглядывали в его разговорах, словно из зарослей». Что может быть лучше таких прямых и понятных сравнений?

По большому счету, главной особенностью Стивенсона является его врожденное умение короткой, немногословной фразой произвести на читателя нужное впечатление. Он заставляет вас представлять, что происходит, яснее, чем если бы вы видели это собственными глазами. Вот несколько из таких словесных зарисовок, взятых наугад из сотен подобных:

«… неподалеку от него стоял Макконнэхи, разинув рот от изумления и взявшись рукой за подбородок, как тупица перед трудной задачей».

«И таков был ребячливый задор Стюарта, что он бежал за нами больше мили, и я не мог удержаться от смеха, когда, обернувшись, увидел его на вершине холма. Он держался за левый бок, сердце у него чуть было не лопнуло от быстрого бега».

«Когда Баллантрэ обернулся ко мне, лицо у него было все в морщинах, кожа обтягивала челюсти, как у человека, близкого к голодной смерти. Он не говорил ни слова, но все в нем выражало один вопрос».

«Если вы сомневаетесь, посмотрите на него, посмотрите, как он корчится и давится смехом, как изобличенный вор».

«Он смерил меня воинственным взглядом, и резкое слово готово было сорваться с его уст».

Могут ли предложения быть ярче?

Об удивительном и неповторимом стиле Стивенсона-прозаика можно еще долго говорить, упомянув между делом, что он первым ввел в литературу образ, который можно назвать

«злодей-урод». Правда, мистер Уилки Коллинз{421} описал одного господина, который был лишен всех конечностей, да вдобавок еще и носил имя Мизеррimус Декстер, но Стивенсон использовал этот образ так часто и с таким успехом, что мы вправе отдать пальму первенства ему. Если не говорить о мистере Хайде, который является воплощением уродства, есть ужасный слепой Пью, Черный Пес без двух пальцев на руке, одноногий Джон Сильвер и зловещий законоучитель, который слеп на оба глаза, но стреляет на звук и крушит все вокруг своим посохом. В романе «Черная стрела» тоже есть жуткое существо, которое ходит, нащупывая дорогу палкой. Несмотря на то что он прибегал к этому приему довольно часто, делал он это так мастерски, что нужный эффект достигался всегда.

Можно ли назвать Стивенсона классиком? Это громкое слово. Классиком зовут писателя, произведения которого навечно входят в национальную литературу, и, как правило, классиками становятся те, которые уже лежат в могилах. Кто при жизни мог бы назвать классиком По или Борроу? Католики своих святых канонизируют только через сто лет после их смерти. То же происходит и с нашими литераторами. Ответ на этот вопрос дадут наши внуки, но я не думаю, что пылкие юноши когда-нибудь перестанут читать приключенческие романы Стивенсона, и не думаю, что забудется его короткий рассказ «Дом на дюнах» или поразительная притча «Странная история доктора Джекила и мистера Хайда». Прекрасно помню, как жадно и с каким интересом читал я в конце семидесятых – начале восьмидесятых его ранние рассказы в «Корнхилле». Тогда по старой и несправедливой традиции имя автора было не принято указывать, но любой человек, чувствующий прозу, понимал, что они вышли из-под одного пера. Лишь спустя годы я узнал, кто был их автором.

У меня есть и сборник стихотворений Стивенсона, он стоит там, в небольшом шкафчике. Как жаль, что как поэт он написал слишком мало! Большинство – это не более чем шутки прихотливого ума. Но одно из них, несомненно, имеет право называться классикой, поскольку, я считаю, это – лучшая повествовательная баллада девятнадцатого века. Если, конечно же, я не ошибаюсь, и «Поэма о старом моряке» вышла в самом конце восемнадцатого века. Этому tour de force мрачной фантазии Колриджа я бы отдал первое место, но мне неизвестно, что в поэзии девятнадцатого века может сравниться по романтическому обаянию, красоте слога и скрытой силе с поэмой «Тикондерога». Есть еще его бессмертное «Завещание». Двух этих произведений достаточно, чтобы отвести ему отдельное место среди наших

лучших поэтов, так же как достаточно знать, каким был характер этого человека, чтобы он навсегда остался в наших сердцах. Нет, я не встречался с ним, но среди вещей, которыми я дорожу больше всего, есть несколько писем от него, присланных мне из Самоа. Словно с далекой сторожевой башни он пристально наблюдал за тем, что происходит в литературной среде, и всегда был первым, кто протягивал руку молодому, пробивающему себе дорогу писателю, поскольку обладал великой проницательностью и был наделен великим чувством сострадания, которые позволяли ему по достоинству оценить работу другого человека и облагородить ее своим наставлением.

Что ж, мой терпеливейший друг, вот и пришел час расставания. Надеюсь, мои короткие поучения не слишком утомили вас. Если благодаря мне вы узнали что-то новое, используйте эти знания и передайте их другим. Если же нет – ничего страшного, просто я зря потратил слова, а вы – время. В моих рассказах могут быть ошибки, но разве не имеет права рассказчик немного ошибиться в цитате? Мои суждения и выводы могут очень отличаться от ваших, а то, что люблю я, может вызывать отвращение у вас, но я точно знаю, что мысли и разговоры о книгах несут пользу, к чему бы они ни привели. Но дверь только начала открываться, и вы еще находитесь в волшебной стране. Увы! Дверь можно закрыть, но ее нельзя запечатать. Звон колокольчика или телефон вырвут вас обратно в беспокойный мир вечной работы, людей и ежедневных хлопот. Но что делать, такова жизнь. Здесь лишь ее отражение. И все же теперь, когда дверь открыта настежь, не выйдем ли мы вместе, не взглянем ли смело в лицо судьбе с сердцами, ставшими храбрее благодаря отдыху, спокойствию и дружбе, которые мы нашли за Волшебной Дверью?

Мистические рассказы

Рассказ американца

– Да, странная история, – говорил он, когда я открыл дверь в комнату, где собирался наш небольшой полулитературный кружок. – Только я могу вам и куда более странные истории рассказать, куда более странные. Из книг-то ведь всего не узнаешь, сэры, это точно. Понимаете вы, такие люди, какие по-английски все только по-правильному говорят да образование высокое имеют, в тех местах, куда меня заносило, не бывают просто. А вот люди погрубже, которые говорить, может, правильно не умеют, а писать так и того меньше, вот те такого видели, что, если бы рассказать вам, у вас, европейцев, волосы бы зашевелились от удивления. Это уж вы мне поверьте, уважаемые сэры!

Звали его Джефферсон Адамс, кажется. Я точно знаю, что его инициалы Д. А. (они до сих пор еще видны на верхней правой панели двери нашей курительной комнаты, где он их вырезал ножом). Еще он оставил наследие в виде узоров из коричневых пятен на турецком ковре, куда сплевывал табак, но, помимо этих напоминаний о себе, американский рассказчик исчез из нашей памяти. Он озарил привычное веселье наших встреч, как сверкающий метеор, и улетел дальше во внешнюю тьму. Однако в тот вечер гость из Невады{422} был в ударе. Мне оставалось лишь спокойно раскурить трубку, сесть в ближайшее кресло и приготовиться слушать, не перебивая.

– Не подумайте только, – продолжил он, – я ничего такого против вас, ученых голов, не имею. Я люблю и всячески уважаю парней, которые знают наперечет всех зверей и все растения, от черники до гризли, по их названиям иностранным, которые, пока выговоришь, челюсть свернуть можно, да только, если вам в самом деле интересная история нужна, что-то такое посмачнее, вам с китобоями говорить надо или с пионерами Дальнего Запада, следопытами или парнями из «Компании Гудзонова залива»{423}, с теми, кто и имени своего написать не умеет.

Тут наступила долгая тишина, потому что мистер Джефферсон Адамс достал откуда-то предлинную сигару и начал ее раскуривать. Мы все молчали, потому что уже знали: если хоть чем-то перебить рассказ нашего янки, он тут же снова спрячется в свою раковину. Поглядев по сторонам и увидев обращенные на него ждущие взгляды, он удовлетворенно хмыкнул и, окружив себя облаком дыма, продолжил:

– А вот кто из вас, джентльмены, бывал в Аризоне?{424} Даю голову, никто. И вообще, сколько людей из всех английских и

американских грамотеев в Аризоне бывало? Всего-то несколько душ, надо полагать. А я был там, сэры, и прожил там много лет. И теперь, когда вспоминаю, что я там повидал, то сам с трудом верю, что все так и было.

Эх, что это за место! Я был одним из пиратов Уокера, как нас называли, но, после того как шефа нашего застрелили и всю нашу честную компанию разогнали, кое-кто из нас в бега пустился и осел там. Мы образовали регулярную англо-американскую колонию, с женами, с детьми и всем остальным, назвали ее Монтана. Думаю, там и поныне живет кое-кто из стариков, которые еще не забыли о том, что я вам сейчас рассказать хочу. И уж вы поверьте, сэры, они и в последнюю минуту свою будут про это вспоминать.

Но я говорил об Аризоне. Так вот, думаю, если я ни о чем другом вовсе не буду рассказывать, и то смогу удивить вас немало. Это ж надо, такая красота и отдана всяким там краснокожим да полукровкам! Разбазаривание святых даров Божьих, вот как я это называю! Трава там такая, что если на лошади в нее заехать, и то выше головы будет, леса такие густые, что с десяток лиг пройдешь, и неба над головой не увидишь, а орхидеи – что зонтики! Может, кто из вас когда видел такое растение, его в некоторых частях Штатов «мухоловкой» называют?

– Dionaea muscipula, – пробормотал Доусон, наш ученый par excellence[35].

– Вот-вот, «Диана нас сцапала», она самая. Когда муха садится на нее, листочек ее захлопывается (муха остается внутри) и начинает там ее перемалывать, растирать на кусочки, как морской кальмар своим клювом. Через несколько часов, если листик тот открыть – муха эта будет там наполовину переваренная и разорванная. В Аризоне я видал такие штуки с листьями в восемь-десять футов длиной, с шипами или зубами в фут, а то и больше. Эти красавицы могут даже… Черт побери, это я забежал вперед!

Вообще, я о смерти Джо Хокинса собирался рассказать, и уж поверьте, сэры, такой странной истории вы еще не слышали. В Монтане Джо Хокинса каждая собака знала… Алабама Джо называли его там. Это был отчаянный бандюга, мерзавец, каких поискать. Хотя, если ниточки нужные к нему найти, вообще он неплохим парнем был. Ну а уж случись зацепить его как-то, тут он страшнее дикой кошки становился. Я сам видел, как он все шесть зарядов из револьвера своего высадил в толпу, которая случайно оттолкнула его от входа в бар Симпсона, где танцы были, и еще, как он зарезал Тома Хупера за то, что тот нечаянно

пролил виски ему на жилет. Для Джо человека порешить было раз плюнуть, и доверять ему никак нельзя было, это уж точно.

Так вот, в то время, о котором я говорю, когда Джо Хокинс совсем уж распоясался, по поселку королем расхаживал и револьвером свои законы устанавливал, был там один англичанин по имени Скотт… Том Скотт, если я правильно помню. Парень этот был чистокровный британец (прошу прощения у присутствующей компании), только не сильно он к остальным британцам жался, да и они к нему тоже. Человек он был спокойный и простой. Даже слишком спокойный для такого места. «Мокрая курица» называли его, да только он таким не был. Он просто держался в стороне и ни с кем не связывался, пока его никто не трогал. Кое-кто болтал, что он чартистом{425} или что-то в этом роде у себя дома был, и за это его там не любили, почему ему и пришлось оттуда смотать удочки. Только сам он никогда про это не рассказывал и, уж точно, никогда не жаловался. По мне, так парень этот держался молодцом.

Все парни в Монтане потешались над Скоттом этим из-за того, что он таким тихим был и простоватым. Ему своими обидами и поделиться-то было не с кем, потому что, как я уже говорил, британцы его за своего не принимали да еще и подшучивать над ним любили. Он же на все грубости не отвечал и всегда оставался вежливым. Думаю, ребята вообще считали, что в нем пороху нет, пока он не показал им, как они ошибались.

В баре Симпсона началась заваруха, из-за которой и случилась вся эта история, о которой я вам рассказать собираюсь. Алабама Джо и еще пара-тройка буянов тогда на британцев зуб имели, и они говорили об этом в открытую, хотя я и предупреждал их, что добром это не кончится. В ту ночь Джо надрался как свинья, и пошел гулять по поселку, револьвером своим размахивая, искал, значит, с кем бы отношения выяснить. Он завернул в бар, потому как знал, что англичан там найдет. Их и было с полдюжины, Том Скотт стоял у печки в сторонке от всех. Джо уселся за стол и положил перед собой револьвер и нож. «Это мои доводы, Джефф, – говорит он мне, – если кто-то из этих трусливых британцев решится со мной поспорить». Я пробовал его утихомирить, сэры, но он был из тех людей, кто, если что втемяшит себе в голову, его не переубедишь. И начал он про англичан и про всю Англию ихнюю такое говорить, что никто бы вынес. Даже краснокожий и тот завелся бы, если б такое про свою страну услышал! Понятное дело, ребята схватились за оружие, но тут мы услышали спокойный голос со стороны печки: «Лучше помолись, Джо Хокинс, потому что, Богом клянусь, сейчас ты умрешь». Джо развернулся и потянулся за револьвером, только

пустить его в дело он все равно не успел бы: Том Скотт уже целился в него своим дерринджером{426}. Хоть он и усмехался, но лицо у него было белое как мел, а глаза горели, как у самого дьявола. «Не скажу, что родина моя меня обласкала, – говорит он, – но я отправлю на тот свет любого, кто при мне про нее плохое слово скажет». Я уже видел, как его палец начал сжиматься на спусковом крючке, но потом он рассмеялся и опустил пистолет. «Нет, – говорит, – я не могу пристрелить пьяного. Оставляю тебе твою грязную жизнь, Джо, и возьмись за ум. Сегодня ты, считай, одной ногой в могиле стоял. И лучше проваливай отсюда. Не надо так глядеть на меня, не боюсь я пистолета твоего. Все задиры на самом деле трусы». И он презрительно так повернулся и стал раскуривать трубку от печки. А Алабама выскользнул из бара под дружный хохот англичан. Когда он проходил мимо меня, в глазах у него было видно одно желание: убить… Он задумал убийство, сэры, это было ясно как божий день.

Я остался в баре и видел, как все жали руку Тому Скотту. Странно как-то было видеть его улыбающимся и веселым, потому что все знали кровожадный нрав Джо. У англичанина не было шансов дожить до утра. Понимаете, жил он уединенно, вдали от всех, и, чтобы дойти до дома, ему нужно было пройти через Ущелье Мухоловок. Ущелье это было глухим болотистым местом. Туда и днем-то редко кто ходил, понимаете, жутковато видеть вокруг себя огромные восьми-и десятифутовые листья с шипами, которые захлопываются, как только их коснуться. А ночью так вообще не бывало ни души. Да и болото там в некоторых местах глубокое. Если туда тело бросить, до утра его уже и видно не будет. Я так и представлял себе, как в самом темном закутке ущелья этого под листьями огромной мухоловки сидит Алабама Джо с револьвером в руке и поджидает Скотта. Я представил себе это так ясно, сэры, будто видел все своими собственными глазами.

Симпсон закрывает свой бар в полночь, и мы стали расходиться. Том Скотт, которому до дома было три мили пути, быстро зашагал прочь. Когда он проходил мимо меня, я шепнул ему: «Держите свой дерринджер наготове, сэр, он может вам понадобиться». Он посмотрел на меня со своей спокойной улыбкой, но ничего не сказал и скоро скрылся в темноте. Я не думал, что когда-нибудь еще увижу его. Только он ушел, подходит ко мне Симпсон и говорит: «Будет сегодня шум в Ущелье Мухоловок, Джефф. Ребята говорят, Хокинс полчаса назад туда направился, собирается дождаться Скотта, чтобы пристрелить его прямо там. Сдается мне, завтра коронера{427}

придется вызывать».

Что же произошло в ту ночь в Ущелье? Этот вопрос на следующее утро волновал в поселке всех. В лавку Фергюсона после обеда зашел один метис{428}, который рассказал, что около часу ночи проходил недалеко от Ущелья, да только выбить из него что-то внятное было нелегко – до того он был напуган. Потом все-таки он признался, что слышал там жуткие крики. Выстрелов не было, сказал он, но кричали долго, и вопли эти были какие-то приглушенные, словно у того, кто кричал, на голову пончо было натянуто и испытывал он адскую боль. Эбнер Брэндон, я и еще пара ребят были тогда в лавке. Послушав этого метиса, мы сели на лошадей и поскакали к дому Скотта через Ущелье Мухоловок. Ничего такого мы там не заметили, ни крови, ни следов драки, ничего, и когда добрались до его дома, выходит он нам навстречу, свежий, как солнышко утреннее, и говорит: «Привет, Джефф. Не понадобился мне пистолет. Заходите, ребята, пропустим по коктейлю».

«Ты, когда вчера домой шел, ничего не видел, не слышал?» – спрашиваю. «Нет, – говорит. – Все спокойно было. В Ущелье Мухоловок вроде бы сова ухала, но больше ничего. Выпрыгивайте из седел, выпьем по стаканчику». Эбнер ему: «Спасибо». В общем, зашли мы к нему, и обратно Том с нами поскакал.

Въехали мы в поселок, а там на Главной улице такое творится! Американцы все как с ума посходили. Алабама Джо пропал, будто в воду канул! Испарился! После того как он в Ущелье отправился, его не видела ни одна живая душа. Мы подъехали к заведению Симпсона, а там уже целая толпа собралась, и все на Тома Скотта смотрят, и совсем не добрыми глазами. Мы спешились, раздались щелчки затворов, вижу, и англичанин руку за пазуху сунул. Вокруг – ни одного английского лица. «Отойди-ка в сторонку, Джефф Адамс, – говорит тут Зебб Хамфри, один из самых страшных людей в округе. – Ты в этой игре не участвуешь. Скажите, ребята, мы что, позволим всяким грязным англичанам убивать нас, свободных американцев?» В следующий миг щелкнуло, бухнуло, и Зебб полетел на землю с пулей Скотта в башке. Никогда еще не видел я, чтобы кто-то так быстро стрелял. Ну тут уж на него навалились, прижали к земле. Бороться было бесполезно, поэтому он лежал смирно. Поначалу никто не знал, что с ним делать, тогда заговорил один из дружков Алабамы: «Джо убит, – сказал он. – Это ясно как божий день. И вот лежит человек, который убил его. Некоторые из вас знают, что за дело было у Джо вчера ночью в Ущелье Мухоловок, откуда он так и не вернулся. Этот англичанин пошел туда после Джо, там они встретились и начали выяснять отношения. В Больших

Мухоловках слышали крики. Точно, этот Скотт какими-то своими штучками обхитрил бедного Джо и наверняка бросил его в болото, поэтому-то его тела так и не нашли. А мы что же? Так и будем стоять и смотреть, как англичане наших друзей убивают? Не бывать такому! Пусть судья Линч{429} его судит, верно я говорю, ребята?»

«Линчевать его! Линчевать!» – заорало тут глоток сто, потому что к тому времени вокруг уже весь сброд, какой был в поселке, собрался.

«Ребята, тащите веревку, вздернем его! Прямо тут, над дверью Симпсона!»

«Давайте лучше, – крикнул кто-то, – в Ущелье его сведем и там на большой мухоловке повесим. Пусть бедный Джо, раз уж он там похоронен, увидит, как мы за него отомстили».

Тут уж все загорланили, посадили Скотта на его мустанга, привязали к седлу и повезли к Ущелью с револьверами наготове: они знали, что в поселке есть десятка два англичан, которые судью Линча не признают и могут попытаться его отбить.

Я подался с ними, хотя сердце мое обливалось кровью из-за этого Скотта, который сам будто и не волновался даже. Ему вроде как наплевать было на то, что с ним сделают. Повесить человека на мухоловке – звучит странно, правда, сэры? Но наши мухоловки похожи на настоящие деревья, листья у них с лодку, да еще и шипы внутри.

Так вот, спустились мы в ущелье, к тому месту, где самая большая из них растет, и увидели ее. Некоторые листья были открыты, некоторые закрыты. Но еще мы увидели кое-что похуже. Вокруг дерева стояло с три десятка молодцов, все британцы, и все вооружены до зубов. Видно было, что они нас дожидаются, и вид у них был самый серьезный, шутить они явно не собирались. Жареным там запахло так, что хоть нос закрывай. Когда мы подъехали, рыжебородый здоровяк шотландец – Кэмерон его звали – вышел вперед со взведенным револьвером в руке.

«Вот что, ребята, – сказал он. – Вы этого человека и пальцем не тронете. Никто еще не доказал, что Джо умер, а если он умер, то, что его Скотт убил, тоже нужно еще доказать. Да и вообще это была самооборона – вы все знаете, что он устроил здесь засаду на Скотта, чтобы застрелить. Поэтому говорю еще раз: вы этого человека пальцем не тронете, и у меня есть тридцать шестизарядных доводов, которые смогут вас в этом убедить». «Интересная точка зрения. Ее стоит обсудить», – сказал приятель Алабамы. Ну тут все выхватили пистолеты, ножи, и обе стороны начали сближаться. Похоже было на то, что в Монтане ожидается резкое повышение смертности. Скотта оставили сзади с

пистолетом у виска, чтоб не дергался, но он сидел совершенно спокойно, будто просто так заехал сюда поглазеть, что происходит. Тишина стояла гробовая, и тут он как заорет: «Джо! Это Джо! Смотрите, в мухоловке!» Тут же все обернулись и посмотрели, куда он тыкал пальцем. Святые небеса! Думаю, то, что увидели мы, никто до самой смерти не забудет. Один из здоровенных листьев большой мухоловки, который закрытый на земле лежал, начал медленно раскрываться. И в нем, точно младенец в люльке, лежал Алабама Джо собственной персоной. Видать, когда он оказался внутри, огромные шипы медленно проходили через его сердце, потому что он успел вытащить нож и попытаться выбраться – мы увидели разрез на толстом мясистом листе. Только не успел он, лист задушил его раньше. Должно быть, он, когда дожидался Скотта, не захотел ложиться на болото и улегся на этот лист, а тот над ним и захлопнулся. Ну, вы видели у себя в теплицах, как это с мошками бывает. В общем, когда мы его увидели, он был весь перемолот и разорван на части огромными зубами этого растения-людоеда.

Ну что, сэры, я думаю, вы согласитесь, что история и в самом деле необычная.

– А что же было со Скоттом? – спросил Джек Синклер.

– О, мы его отнесли на руках в бар Симпсона, и там он всем нам поставил виски. Да еще влез на стойку и речь сказал, чертовски славную речь. Что-то там про британского льва и американского орла{430}, которые будут вечно идти рука об руку. Ну все, сэры, заболтался я уже, да и сигара закончилась, так что пора мне.

И, бросив напоследок «До свиданьица», он вышел из комнаты.

– Поразительный рассказ! – заметил Доусон. – Кто бы мог подумать, что Dionaea может обладать такой силой!

– Да кто поверит в этот бред! – воскликнул юный Синклер.

– Искренний человек, такой лгать не станет, – возразил доктор.

– Или врун, каких свет не видывал, – добавил я.

Интересно, кто из нас был прав?

Капитан «Полярной звезды»
(Из дневника Джона Макалистера Рэя, медика)

11 сентября

81° 40′ с. ш. 2° в. д. Все еще дрейфуем среди бескрайних льдин. Та, которая простирается от нас на север и к которой прикреплен наш якорь, по размеру не меньше любого английского графства. Слева и справа белые поля тянутся до самого горизонта. Утром помощник капитана сообщил, что на юге показались паковые льды{431}. Если они достаточно толстые, чтобы преградить нам обратный путь, мы можем оказаться в опасности, потому что, как я слышал, запасы еды уже на исходе. Сейчас позднее время года, поэтому снова начинаются ночи.

Сегодня утром прямо над фок-реем{432} видел звезду, первую с начала мая. Экипаж недоволен, многие хотят вернуться домой к началу сезона сельди, в это время на шотландском берегу рыболовам всегда хорошо платят. Пока их недовольство выражается только в хмурых лицах и злых взглядах, но сегодня днем второй помощник сказал, что они думают послать к капитану депутатов с объяснением причин своего недовольства. Не думаю, что он согласится их принять: характер у него вспыльчивый, и он не потерпит никаких посягательств на свои права. Попробую после обеда поговорить с ним об этом. Давно заметил, что от меня он спокойно воспринимает то, чего не потерпел бы от других членов команды. Со штирборта{433} виден остров Амстердам у северо-западной оконечности Шпицбергена{434} – голые острые вулканические камни в белых рубцах (следы ледника). Как удивительно осознавать, что сейчас вокруг нас до самого датского поселения на юге Гренландии, наверное, нет ни одного живого человека. Это добрых девятьсот миль по прямой. Капитан взял на себя большую ответственность, когда рискнул привести сюда свое судно. В это время года ни один китобой еще не оставался в этих широтах так долго.

Девять вечера. Разговаривал с капитаном Крейги. Хоть результат разговора вряд ли можно назвать удовлетворительным, по крайней мере, он выслушал меня молча, не перебивая. Когда я закончил, на лице капитана появилось выражение железной решимости (я часто вижу его таким), и несколько минут он расхаживал по своей узкой каюте. Сначала я подумал, что мои

слова сильно обидели его, но он рассеял мои сомнения, когда снова сел и положил мне на плечо руку, мягко, словно хотел утешить. В его холодных темных глазах я тоже заметил какую-то чуткость, доброту, чему сильно удивился.

– Послушайте, доктор, – сказал он. – Я очень жалею, что взял вас с собой… Поверьте, я говорю искренне… Я не пожалел бы пятидесяти фунтов, лишь бы увидеть вас сейчас стоящим в Данди{435} на набережной, где вам ничто не угрожает. На этот раз меня ждет либо громкий успех, либо полный провал. К северу от нас есть киты. Не смейте качать головой, сэр, я сам видел их с мачты, – неожиданно в приступе гнева вскричал он, хотя я не заметил, чтобы хоть чем-то выразил сомнение. – Двадцать две спины за столько же минут, не сойти мне с этого места! И там не было ни одного меньше десяти футов[36]. Доктор, неужто вы думаете, что я оставлю это место, когда меня от цели отделяет всего одна чертова полоса льда? Если завтра подует с севера, мы забьем судно уловом и уберемся отсюда, прежде чем начнутся холода. Если подует с юга… Но команде платят за риск, а мне наплевать, что будет со мной, потому что с тем светом меня связывает больше, чем с этим. Признаюсь, жалко мне только вас. Жаль, что сейчас здесь вы, а не старик Ангус Тэт, который плавал со мной в прошлый раз. Того хоть никто не ждал на земле, а вы… Вы, кажется, как-то сказали, что у вас есть невеста, верно?

– Да, – я раскрыл медальон, висевший у меня на часовой цепочке, и показал ему портретик своей Флоры.

– Черт бы вас подрал! – вдруг заорал он и вскочил со стула. От охватившего его чувства у него даже затряслась борода. – Да какое мне дело да вашего счастья? Что мне до нее, зачем вы машете ее фотографией у меня перед глазами?

Мне даже показалось, что он готов был ударить меня, но с очередным проклятием он распахнул дверь каюты и бросился на палубу. Я остался сидеть на месте, гадая, чем мог вызвать этот приступ бешенства. Впервые он повел себя со мной грубо, раньше всегда был добр и вежлив. Я и сейчас слышу, как возбужденно он расхаживает по палубе у меня над головой.

Нужно бы описать этого человека, но с моей стороны эта попытка была бы слишком самонадеянной, поскольку мое собственное представление о нем слишком расплывчато и неопределенно. Порой мне казалось, что я нашел к нему ключ, но всякий раз он полностью разрушал все мои заключения, выставляя себя в совершенно новом, неожиданном свете. Вполне может статься, что, кроме меня, этих строк не увидит ни один человек, и все же в качестве психологического этюда я попытаюсь обрисовать характер капитана Николаса Крейги.

Внешняя оболочка человека обычно соответствует заключенной в ней душе. Капитан высок и подтянут, у него смуглое и привлекательное лицо. Он имеет любопытную привычку подергивать то руками, то ногами, но я думаю, это от нервности либо просто от переизбытка энергии. Линия подбородка и общий контур лица у него решительные и мужественные, но больше всего обращают на себя внимание глаза. Темно-карие, почти черные, яркие и проницательные. В их взгляде я замечал странную смесь беспечности с чем-то, что, как мне иной раз казалось, имело больше общего с ужасом, чем с каким-либо иным чувством. Как правило, первое преобладает, но случается, особенно когда его охватывает задумчивое настроение, что затаенный страх словно выливается наружу, и тогда все лицо его принимает совершенно иной вид. Именно в такие минуты капитан бывает особенно склонен к вспышкам ярости, и, мне кажется, он понимает это, поскольку иногда закрывается в своей каюте и никого не допускает к себе, пока неспокойная пора не минует. Спит он плохо, иногда я слышу, как он кричит во сне, но его каюта расположена довольно далеко от моей, поэтому слов разобрать не могу.

Это одна из сторон его характера, самая неприятная. Все это я смог заметить лишь потому, что мы, находясь в постоянной близости, очень много времени проводим рядом. Во всем остальном он прекрасный собеседник, начитанный и веселый, самый воспитанный моряк из всех, которые когда-либо выходили в море. Не забуду, как он управлялся с кораблем в начале апреля в сильный шторм, заставший нас среди плавучих льдин. Никогда я не видел его более радостным и даже счастливым, чем в тот день, когда он взволнованно расхаживал по мостику среди вспышек молний и завывания ветра. Не однажды он рассказывал мне, что ему приятно думать о смерти, и это, признаться, меня сильно огорчает, ведь он еще совсем не стар, вряд ли ему больше тридцати, хотя в волосах и усах у него уже пробивается проседь. Думаю, он пережил какое-то сильное горе, которое омрачило всю его жизнь. Наверное, я бы тоже таким стал, если бы потерял Флору. Бог свидетель, если бы не она, мне было бы совершенно безразлично, с какой стороны подует завтра ветер, с севера или с юга.

Слышу, он спустился вниз и заперся в своей каюте. Значит, все еще в дурном настроении. Ну что ж, пора в постель, как говорил старина Пипс. Свеча догорела (теперь, когда вернулись ночи, снова приходится ими пользоваться), а баталер{436} уже лег спать, так что новой мне не раздобыть.

12 сентября

Спокойный ясный день, все еще находимся на том же месте. С юго-запада дует ветер, но очень слабый. Капитан в хорошем настроении (за завтраком извинился за вчерашнюю грубость), но все еще выглядит каким-то рассеянным, и взгляд у него все такой же безумный. За такой взгляд в горах Шотландии его приняли бы за «юрода», по крайней мере, так сказал мне наш главный механик, который сам среди кельтской части команды слыл вещуном и истолкователем знамений.

Удивительно, какую власть обрело суеверие над этой расчетливой и практичной расой. Я бы не поверил, до какой степени это доходит, если бы сам не видел. В этом плавании у нас подлинная эпидемия суеверия. У меня даже иногда возникает желание добавлять успокоительное и тонизирующее к их субботней порции грога. Началось все сразу после того, как мы покинули Шетланд{437}. Рулевые жаловались, что слышали за кормой какие-то жалобные звуки и крики, как будто что-то преследовало судно и никак не могло догнать. Разговоры эти не прекращались все плавание, и, когда мы начали бить тюленя, во время безлунных ночей почти невозможно было заставить кого-нибудь выйти на палубу. Несомненно, то, что они слышали, было либо скрежетом штуртроса{438}, либо криком какой-нибудь пролетающей мимо морской птицы. Меня несколько раз выдергивали из койки, чтобы я это услышал, но, естественно, ни разу я не слышал ничего противоестественного.

И все же люди настолько верят, будто происходит нечто недоброе, что спорить с ними бесполезно. Однажды я рассказал об этом капитану, и он, как ни странно, отнесся к этому очень серьезно, даже более того, мне кажется, мой рассказ очень его взволновал. Я-то думал, что хотя бы он окажется выше этих диких предрассудков.

После всех рассуждений о суевериях не могу не упомянуть, что вчера ночью Мэнсон, второй помощник капитана, видел привидение. По крайней мере, он это утверждает, что, разумеется, одно и то же. Конечно, приятно, если после стольких месяцев теперь можно наконец поговорить о чем-нибудь кроме медведей и китов. Мэнсон голову дает на отсечение, говоря, что на судне поселились призраки и он не остался бы здесь и дня, если бы было куда сбежать. Он в самом деле очень напуган, сегодня утром мне пришлось дать ему хлоралгидрат{439} и бромид калия{440}, чтобы как-то успокоить. Когда я предположил, что он вчера просто выпил лишнего, и все это ему просто померещилось, он искренне возмутился. В качестве искупления

пришлось выслушать его рассказ с серьезным видом. Говорил он сухо и кратко, на лирические отступления не разменивался.

– Я стоял на ночной вахте, – рассказывал он, – дежурил на мостике. Было часа четыре, как раз, когда ночь самая темная. Светила луна, но ее то и дело закрывали тучи, так что за бортом почти ничего не было видно. Ко мне на корму явился Джон Маклеод, гарпунер, и рассказал, что на носу по штирборту слышен какой-то странный шум.

Я пошел туда вместе с ним и тоже услышал этот звук. Иногда казалось, будто бэрн[37] хнычет, иногда – будто девка рыдает. Я уже семнадцать лет хожу в этих широтах и никогда не слышал, чтобы тюлень, хоть молодой, хоть взрослый, издавал такие звуки. Пока мы стояли на носу, из-за тучи выглянула луна, и мы с Маклеодом увидали белую фигуру, которая шла по льду там, откуда слышался плач. Потом ненадолго она пропала из виду, но скоро снова показалась уже слева от носа. Больше всего она напоминала тень, скользящую по льду. Я послал человека на корму за ружьями, а сам с Маклеодом спустился за борт на пак – мы подумали, что это, может быть, медведь. Как только мы оказались на льду, я потерял Маклеода из виду, но времени на его поиски тратить не стал и пошел в ту сторону, откуда все еще доносились звуки. Прошел я милю или даже больше, а потом на пути мне попался пригорок, я на него поднялся, и там, на самой верхушке, оно и ждало меня. Не знаю, что это было. Уж точно не медведь. Высокое, прямое и все белое, и, если это не человек, то, клянусь своей могилой на дне морском, значит, что-то намного хуже. Со всех ног я бросился обратно и был несказанно рад, когда очутился снова на борту. Вот что я скажу: я подписывался выполнять свою работу на судне, так что на судне впредь и буду оставаться. Теперь спуститься ночью на лед меня никто не заставит.

Вот такая история с ним произошла. Его слова я постарался передать в точности, как запомнил. Думаю, что, хоть он это и отрицает, Мэнсон все-таки видел молодого медведя, вставшего на задние лапы, – они часто так становятся, если их потревожить. Когда света мало, его в такой позе легко можно принять за человеческую фигуру, особенно тем, у кого нервы уже напряжены. Но в любом случае это происшествие имело нехорошие последствия, потому что очень дурно повлияло на команду. Лица стали еще мрачнее, недовольство еще более открытым. То, что они не только не могут вернуться домой к сезону лова сельди, но еще и оказались на судне, как они говорят, «с привидениями», может заставить их пойти на отчаянные меры. Даже гарпунеры, самые старые и опытные из команды, и те поддались общему

волнению.

Если не считать этой нелепой вспышки суеверия, дела налаживаются. Пак, который собирался к югу от нас, частично разошелся, и вода такая теплая, что, мне кажется, мы попали в один из рукавов Гольфстрима, который проходит между Гренландией и Шпицбергеном. Вокруг нас полно медуз и морских лимонов{441}, не говоря уже о креветках, и вполне возможно, что где-то здесь есть и киты. Более того, вчера в обед видели фонтан, но в таком месте, что лодки к нему не подобрались бы.

13 сентября

Зашел на мостик и поговорил со старшим помощником, мистером Милном. Очень интересная вышла беседа. Похоже, для всего экипажа и даже для владельцев судна наш капитан – такая же загадка, как для меня. Мистер Милн рассказал, что, возвращаясь из плавания и получая расчет, капитан Крейги исчезает и появляется только перед началом нового сезона, когда тихо входит в контору и спрашивает, нужны ли его услуги. Никто не знает, где и как он проводит время на суше. В Данди друзей у него нет. Чем он занимался раньше, никому неизвестно. Нынешнего положения он добился исключительно благодаря своему искусству и репутации мужественного и стойкого человека, которую заслужил, когда был еще помощником капитана, до того как ему доверили отдельное командование. Похоже, все сходятся на том, что он не шотландец и что на самом деле у него другое имя. Мистер Милн полагает, что он занялся китобойным промыслом только потому, что не смог найти занятия более опасного и что он любыми способами добивается смерти. Он привел в пример несколько случаев, один из которых показался мне особенно любопытным, если, конечно, все именно так и происходило. Один раз, было это во время последней русско-турецкой войны, он не явился в контору. Пришлось искать ему замену. Но, когда следующей весной он объявился снова, сбоку на шее у него был длинный шрам, который он пытался спрятать под шарфом. Не знаю, прав ли Милн, утверждая, что наш капитан воевал на той войне, но совпадение действительно странное.

Ветер переменился, теперь он дует на восток, но по-прежнему очень слабо. Мне показалось, льды подступили к нам ближе, чем вчера. Кругом, куда ни посмотри, сплошная белоснежная равнина, выделяются лишь редкие трещины да тени небольших холмов. На юге виднеется узкая голубая полоска воды, это наша

единственная надежда на спасение, но с каждым днем полоска становится все у́же и у́же. Капитан играет с огнем. Я слышал, картофель уже закончился, и даже галеты подходят к концу, а он все так же невозмутим и большую часть дня проводит на марсе{442}, осматривая горизонт через подзорную трубу. Настроение у него меняется часто, но, по-моему, он избегает моего общества, хотя больше вспышек гнева себе не позволяет.

Вечер. 7 часов 30 минут

Сомнений нет, нами управляет сумасшедший. Ничем другим объяснить безумные выходки капитана Крейги нельзя. Хорошо, что я веду дневник с самого начала плавания – для нас он послужит оправданием, если придется посадить капитана под арест (хотя я считаю это крайней мерой). Как ни удивительно, но он сам заставил меня думать, что его странное поведение объясняется не простым чудачеством, а помешательством. Около часу назад он стоял на мостике, как обычно осматривая горизонт через трубу. Я в это время прохаживался по квартердеку{443}. В последнее время вахта соблюдается не так строго, как раньше, поэтому больше на палубе никого не было, почти все пили чай внизу. Устав от хождения, я облокотился на фальшборт{444} и стал любоваться красивым отблеском заходящего солнца на ледовой равнине, которая нас окружала. Внезапно из задумчивости меня вырвал громкий хриплый крик прямо у меня за спиной, и, резко обернувшись, я увидел рядом с собой капитана. Он смотрел куда-то вдаль, и во взгляде его мелькали ужас, удивление и нечто похожее на радость. Несмотря на холод, пот стекал у него по лбу большими каплями. Было очевидно, что он необычайно взволнован.

Руки его тряслись, как у эпилептика перед припадком, у рта проступили четкие глубокие полосы.

– Смотрите! – воскликнул он и схватил меня за руку, не отрывая взгляда от какой-то точки вдалеке и медленно поворачивая голову, словно то, на что он смотрел, перемещалось. – Смотрите же! Видите? Между холмами! Вот, показалась из-за дальнего! Вы ее видите?.. Вы должны ее видеть! Вон же она, еще видна! Она бежит от меня, бежит… Все, пропала!

Последние два слова он произнес шепотом, и с такой болью, что я не скоро забуду этого отчаяния. Схватившись за линь{445}, он попытался вскарабкаться на борт, как будто надеясь бросить последний взгляд на удаляющийся объект, но не рассчитал силы, сорвался и упал спиной на фонарь кают-компании. Словно обессилев, он лежал там и натужно дышал. Лицо его так побледнело, что мне показалось, он вот-вот лишится чувств. Не

теряя времени, я отвел его вниз и уложил на диван. Потом налил бренди и поднес стакан к его губам. Напиток произвел на капитана удивительное воздействие. К мертвенно-бледному лицу снова подступила кровь, дрожь в руках и ногах унялась. Он приподнялся на локоть, посмотрел по сторонам, убедился, что мы одни, и кивком пригласил меня сесть рядом с ним.

– Вы ведь это видели? Видели? – спросил он сдавленным, дрожащим голосом, столь для него не характерным.

– Нет, я ничего не видел.

Голова его упала на подушку.

– Конечно, без трубы он бы не рассмотрел, – тихо забормотал он. – Не смог бы. Я же сам только в трубу увидел… Эти глаза, сколько в них любви… Сколько любви… Доктор, не пускайте баталера! Он решит, что я спятил. Заприте дверь, прошу вас!

Я встал и выполнил его просьбу.

Какое-то время он лежал спокойно, кажется, о чем-то напряженно думал, потом снова приподнялся и попросил еще бренди.

– Но вы же не думаете, что я сошел с ума, доктор? – спросил он, когда я ставил бутылку обратно в шкаф. – Ответьте мне прямо сейчас как мужчина мужчине, вы считаете меня сумасшедшим?

– Я думаю, что-то вас очень беспокоит, – сказал я. – Вы все время напряжены и от этого страдаете.

– Верно, приятель! – От выпитого бренди глаза его заблестели. – Сильно беспокоит… Очень! Но я могу определить широту и долготу, могу справиться с секстаном{446} и вычислить логарифмы{447}. Даже в зале суда вы не сможете доказать, что я сумасшедший, не так ли? – Странно было видеть человека, который лежит и спокойно рассуждает о своей нормальности.

– Пожалуй, так, – согласился я. – Но все равно я думаю, что вам лучше побыстрее вернуться домой и какое-то время пожить спокойной жизнью.

– Вернуться, да? – усмехнулся он. – Лучше бы уж говорили прямо, что это вам хочется вернуться. Пожить с Флорой… милой Флорой. Ночные кошмары считаются признаками сумасшествия?

– Иногда, – ответил я.

– А что еще? Какие первые симптомы?

– Боли в голове, шум в ушах, вспышки в глазах, видения…

– Видения? – перебил он меня. – А что вы называете видениями?

– Когда вы видите то, чего нет на самом деле, – это видение.

– Но она *была* там! – простонал он. – Была! – Тут он поднялся, открыл дверь и медленно, неуверенными шагами направился в свою каюту. Уверен, оттуда он покажется не раньше

завтрашнего утра. Что бы он ни увидел там (а скорее всего, вообразил, что увидел), для него это стало настоящим ударом. С каждым днем мне становится все труднее понимать этого человека. Я боюсь, что решение, которое он сам подсказал, является правильным: его разум поврежден. Вряд ли причиной столь странного поведения является какой-то грех за душой, как считает большинство наших офицеров и, похоже, команды. Никаких подтверждений этому я не вижу. Он не производит впечатления человека, совесть которого не чиста. Я бы сказал, что он, скорее, похож на человека, с которым жестоко обошлась судьба, и к нему нужно относиться, как к мученику, а не как к преступнику.

Вечером ветер переменился на южный. Спаси нас Бог, если он перекроет льдом узкий проход, наш единственный путь к спасению. Мы находимся у края главного арктического ледника, или «барьера», как его называют китобои, любой ветер с севера будет разбивать лед вокруг нас, давая нам возможность спастись, но ветер с юга гонит к нам все плавучие льдины, и, если они закупорят единственный проход, мы окажемся в ловушке. Повторю еще раз: спаси нас Бог!

14 сентября

Воскресенье. День отдыха. Мои страхи подтвердились, узкая голубая полоса воды на юге исчезла. Теперь вокруг нас сплошное неподвижное белое поле со странными холмами и уступами и тишина… Жуткая тишина. Ни плеска воды, ни криков чаек, ни хлопанья парусов. Необъятная, мертвая тишина, в которой глухие голоса моряков и поскрипывание их сапог по белой сияющей палубе кажутся неуместными и чужеродными. Единственным живым существом, которое мы видели, был песец. Здесь, на льдах, это редкий гость, хотя на земле встречается довольно часто. Но он не приблизился к судну. Посмотрев на нас издалека, он быстро убежал. Странное поведение, поскольку, как правило, эти животные не знакомы с людьми и, так как от природы они очень любопытны, часто подходят настолько близко, что их не составляет труда поймать. Невероятно, но даже это незначительное происшествие сильно сказалось на настроении команды. «Зверь-то этот, может, знает побольше, чем мы с вами. Не хочет он видеть нас!» – сказал один из главных гарпунеров, и все остальные согласно закивали. С подобным суеверием просто невозможно спорить. Они решили, что на судне лежит проклятие, и уже ничто не переубедит их.

Капитан почти весь день оставался в своей каюте, лишь после обеда вышел на квартердек на полчаса. Я заметил, что он все время смотрел в ту точку, где вчера появилось его видение, и, если бы его вчерашняя вспышка повторилась, был бы готов к ней, но ничего подобного не случилось. Меня он как будто вовсе не замечал, хотя я стоял совсем рядом. Божественную службу как обычно отслужил главный механик. Вот странность: на китобойных суднах законы англиканской церкви{448} соблюдаются неукоснительно, хотя ни среди офицеров, ни среди команды нет ни одного служителя этой церкви. Все наши люди либо католики, либо пресвитерианцы{449}, и первых большинство. Поскольку обряды, которые проводятся, чужды и первым и вторым, никто не в обиде, и все слушают молитву очень внимательно. Неплохая система.

Закат восхитителен. Огромная белая гладь вокруг стала похожа на озеро крови. Никогда не видел ничего красивее и одновременно причудливее. Ветер снова меняет направление. Если следующие двадцать четыре часа он будет дуть с севера, мы еще можем спастись.

15 сентября

Сегодня день рождения Флоры. Милая моя! Хорошо, что она не видит сейчас своего мальчика (как она меня называет), который сидит в ледовой ловушке с сумасшедшим капитаном и запасом еды на несколько недель. Наверняка, она каждое утро в «Скотсмене»{450} просматривает списки прибывших кораблей в надежде увидеть наше название. Мне нужно подавать пример команде, выглядеть бодрым и веселым, но, Господь свидетель, как же мне бывает тяжело на сердце!

На градуснике – девятнадцать по Фаренгейту[38]. Ветер совсем слабый, да и тот с неблагоприятной стороны. Капитан в прекрасном настроении. По-моему, ночью этот несчастный снова видел какое-нибудь видение или знамение, потому что рано утром зашел ко мне в каюту, наклонился над койкой и тихо произнес: «Это была не галлюцинация, доктор, так что все в порядке!» После завтрака он попросил меня выяснить, сколько осталось еды, чем мы и занялись со вторым помощником. Оказалось, запасов даже меньше, чем мы думали. В трюме на носу полбака галет, три бочки солонины и совсем немного кофе и сахара. В кормовом трюме и рундуках разные деликатесы: консервированная лососина, супы, баранье рагу с овощами и т. д., но команде из пятидесяти душ этого надолго не хватит. В

кладовой две бочки муки и неограниченный запас табака. Если держать людей на половинном пайке, всего, что есть, хватит дней на восемнадцать-двадцать, не больше. Как только мы сообщили об этом капитану, он приказал свистать всех наверх и, когда вся команда собралась, обратился к ним с квартердека. Никогда еще я не видел его таким. Высокий, ладно скроенный, со смуглым выразительным лицом, этот человек словно был рожден командовать. О нашем положении он говорил спокойным и уверенным голосом, как настоящий морской волк, который полностью осознает опасность, но и шанс на спасение не упустит.

– Парни, – сказал он, – наверное, вы думаете, что из-за меня попали в эту передрягу, если это можно назвать передрягой. И кто-то из вас из-за этого держит на меня зло. Но вспомните, сколько раз «Полярная звезда» возвращалась домой с полными трюмами, когда остальные судна приходили ни с чем и каждый из вас получал честную долю. Ваши жены сыты и одеты, а у других живут на приходское пособие по бедности. Если я виноват в одном, то за другое вы должны благодарить меня, так будем считать, что мы квиты. Не в первый раз мы решились на рисковое дело, и если сейчас наши надежды не оправдаются, не будем лить слезы. Если все будет совсем плохо, мы можем по льду добраться до земли и запастись тюлениной, чтобы продержаться до весны. Но до этого не дойдет, потому что не пройдет и трех недель, как вы снова увидите шотландские берега. Но пока нам всем нужно наполовину уменьшить пайки. Это касается всех, без исключений. Держитесь, и мы справимся с этой опасностью так же, как справлялись со всеми предыдущими.

Эта короткая простая речь произвела невероятное воздействие на команду. Все плохое было тут же забыто, старый гарпунер, о суеверии которого я уже упоминал, трижды прокричал ура, и вся команда поддержала его.

16 сентября

Ночью подул северный ветер. Кажется, лед начинает расступаться. Люди, несмотря на уменьшение пайка, похоже, довольны. В машинном отделении разводят пары, чтобы избежать задержки, если появится возможность отплыть. Настроение у капитана отменное, хоть во взгляде по-прежнему заметно безумство, о котором я уже писал. Эта вспышка радости озадачивает меня больше, чем его прежняя мрачность. Я не могу понять ее причин. Он никому не позволяет заходить в свою каюту, сам застилает постель и ведет свое хозяйство. Кажется, об этой

его странности я уже упоминал в начале дневника. К моему удивлению, сегодня он вручил мне ключ, попросил спуститься к нему и засечь время по его хронометру, пока сам измерял угол возвышения солнца в полдень. Это небольшая комната, почти без мебели. Умывальник, книги (немного), но никаких излишеств, кроме нескольких картин на стенах. Большая часть их – дешевые олеографии{451}, но мое внимание привлек небольшой акварельный набросок головы молодой женщины. Несомненно, это был портрет, и изображенная на нем девушка отличалась от того типа, который обычно находят привлекательным моряки. Ни один художник сам не смог бы без натуры придумать такое странное сочетание внутренней силы и слабости. Блеклые отрешенные глаза, пониклые ресницы, широкий и низкий лоб, не выражающий ни заботу, ни задумчивость, совершенно не сочетались с твердостью чуть выдвинутого вперед подбородка и уверенной линией нижней губы. Внизу, в одном из углов, было написано: «М. Б. в 19 лет». То, что кто-то в девятнадцать лет мог обладать такой силой воли, которая была отражена на этом портрете, показалось мне поразительным. Безусловно, это удивительная женщина. Ее лицо произвело на меня такое впечатление, что я, если бы был художником, перерисовал бы его в свой дневник, хоть и видел лишь мельком. Интересно, какую роль она сыграла в жизни капитана? Он повесил портрет над изножьем койки, чтобы иметь возможность видеть постоянно. Если бы он не был таким бесчувственным человеком, я мог бы что-то предположить. Больше в каюте не было ничего, заслуживающего внимания. Кители, складной стул, небольшое зеркало, коробка для табака и большое количество курительных трубок, в том числе и восточный кальян… Который, между прочим, до определенной степени подтверждает рассказ мистера Милна о его участии в войне, хотя связь, конечно, весьма отдаленная.

Вечер. 11 часов 20 минут

Долго и интересно разговаривали с капитаном. Он только что отправился к себе. Когда капитан в настроении, он может быть прекрасным собеседником, потому что очень начитан и умеет убедительно высказывать свои мысли, не впадая в дидактизм. Я терпеть не могу, когда ставят под сомнение мои интеллектуальные способности. Мы говорили о природе души, он очень уверенно рассказывал о взглядах Аристотеля{452} и Платона{453}. Похоже, капитан склоняется к идее метемпсихоза и доктринам Пифагора{454}. Обсуждая их, мы коснулись темы современного спиритуализма{455}. Я с сарказмом упомянул

Слейда и его хитрые уловки, но, к моему удивлению, на это он очень серьезно возразил, что нужно уметь отличать вину от невиновности, ибо, если рассуждать таким образом, все христианство можно назвать ошибкой из-за того, что Иуда, который был представителем этой религии, оказался злодеем. Вскоре после этого он попрощался и ушел к себе.

Ветер усиливается и теперь постоянно дует с севера. Ночи стали такими же темными, как в Англии. Надеюсь, завтра нам удастся вырваться из ледового плена.

17 сентября

Снова видели призрака. Слава Богу, у меня крепкие нервы. Иррациональное суеверие этих несчастных, их манера рассказывать всякие небылицы с совершенно искренним и убежденным видом могут вселить страх в любого, кто не достаточно хорошо их знает. Есть несколько версий происшедшего, но все они сводятся к тому, что всю ночь вокруг судна ходило нечто жуткое и Сэнди Макдоналд из Питерхеда{456} и «долговязый» Питер Вильямсон из Шетланда видели его, как и мистер Милн, который находился на мостике… Теперь, когда у них три свидетеля, их уже ничто не переубедит. После завтрака я поговорил с Милном, посоветовал ему быть выше подобных глупостей, ведь он как офицер должен показывать более достойный пример команде. Старпом лишь невесело покачал головой. «Может, оно и так, а может, и нет, доктор, – сказал он. – Я не говорил, что это привидение. Не верю я в морских призраков и другую нечисть, хотя много есть старых моряков, которые говорят, что видели своими собственными глазами и их, и кое-что похуже. Я и сам не робкого десятка, но, может, вас и самого пробрало бы, если б вы не рассуждали об этом здесь при свете дня, а побыли вчера ночью там, рядом со мной, и увидели эту жуткую фигуру, которая показывалась то там, то здесь, бродила и кричала в темноте, как ягненок, потерявший мамку. Вот тогда, я думаю, вы не стали бы называть все это забобонами». Я понял, что доказывать ему что-либо бесполезно, поэтому спорить не стал, а попросил в качестве одолжения в следующий раз, когда появится фантом, позвать меня. Он согласился, но несколько раз повторил, что всей душой надеется, что такого случая никогда не представится.

Мои надежды оправдались. Белая пустыня у нас за кормой пошла узкими трещинами, в которых плещется вода. Сегодня измерили наши координаты, и оказалось, что мы находимся на

80° 52′ с. ш., и это говорит о том, что лед с довольно большой скоростью дрейфует на юг. Если ветер не переменится, мы освободимся из ловушки так же скоро, как оказались в ней. Пока же нам ничего не остается делать, кроме как курить, ждать и надеяться на лучшее. Заметил, что быстро превращаюсь в фаталиста. Когда твоя судьба зависит от таких неопределенных факторов, как ветер и лед, ты просто не можешь по-другому. Может быть, именно ветер и песок арабских пустынь вселил в головы первых последователей Магомета веру в кисмет{457}.

Последняя история с привидением очень нехорошо подействовала на капитана. Я побаивался, что это может взволновать его чувствительный разум, и попытался как-то скрыть от него этот нелепый случай, но, к несчастью, он случайно услышал, как кто-то из команды обмолвился об этом, и заставил его рассказать все. Нужно ли говорить, что затаившаяся было странность тут же снова проявилась с удвоенной силой. Даже не верится, что это тот самый человек, который вчера вечером так здраво и вдумчиво рассуждал о вопросах философии. Сейчас он мечется по квартердеку, как тигр в клетке, время от времени останавливаясь, устремляя ищущий взгляд в белую даль, и вскидывает руки призывным жестом. Он что-то постоянно бормочет себе под нос, один раз выкрикнул: «Уже скоро, любимая… Совсем скоро!» Несчастный! До чего горько видеть такого прекрасного моряка и настоящего джентльмена в этом жалком состоянии и понимать, что воображение и заблуждения могут наполнить страхом сердце, для которого настоящие опасности были солью жизни. В каком удивительном положении я нахожусь: с одной стороны обезумевший капитан, с другой – старший помощник, которого преследуют призраки. Доводилось ли кому-нибудь попадать в такое же? Порой мне кажется, что я единственный нормальный человек на этом судне… Возможно, кроме второго механика, который своей медлительностью и вечной задумчивостью напоминает мне жвачное животное, и все черти Красного моря ему нипочем, если только они не трогают его самого и его инструменты.

Лед все так же стремительно раскрывается, похоже, уже завтра утром мы сможем отплыть. Когда дома расскажу обо всем, что тут происходило, мне не поверят.

Полночь.

Пережил настоящий ужас, хотя сейчас уже немного успокоился – полный стакан бренди сделал свое дело. Но я все еще не до конца пришел в себя, по моему почерку это видно. Со мной произошло нечто очень странное, и я начинаю думать, как был неправ, называя всех, кто есть на борту, сумасшедшими,

поскольку они видели то, что было вне моего понимания. Но нет! Что за глупости! Как мог я позволить такой ерунде так испугать себя? И все же после всех этих рассказов подобное начинает восприниматься по-другому. Теперь я не могу сомневаться в правдивости слов мистера Мэнсона и старпома, ибо сам стал свидетелем того, над чем раньше насмехался.

В конце концов, ведь ничего особенно страшного не произошло. Всего лишь звук, не более. Не думаю, что кто-нибудь из прочитавших эти строки (если их суждено кому-то прочитать), поймет, что пережил я, или какое воздействие случившееся произвело на меня. После ужина я вышел на палубу, чтобы покурить перед сном. Ночь была очень темная… Настолько темная, что, стоя под шлюпкой, я не мог различить офицера на мостике. Кажется, я уже писал, какая необыкновенная тишина царит над этими скованными льдом морями. В любых других уголках мира, даже в самых пустынных, в воздухе всегда чувствуется какая-то вибрация, какое-то легчайшее гудение, то ли от отдаленных поселений людей, то ли от шелеста листьев на деревьях, то ли от крыльев пролетающих птиц или даже от шелеста травы под ногами. Человек может даже не замечать этого шума, но, если его вдруг не станет, почувствует беспокойство. Лишь здесь, в арктических морях, полная бездонная тишина нависает над тобой во всей своей страшной реальности. Твоя барабанная перепонка напрягается, чтобы уловить хоть какой-то шум, и возбужденно реагирует на любой звук, который раздается на судне. Вот в таком состоянии я стоял, облокотившись о фальшборт, когда на льду, почти прямо подо мной, раздался вопль, громкий, истошный вопль. Мне показалось, что начался он с такой ноты, которую не взяла бы ни одна оперная примадонна, а потом начал становиться все тоньше и тоньше, пока не превратился в какой-то то ли стон, то ли вой. Так, наверное, мог бы звучать последний крик какой-нибудь заблудшей души. Этот жуткий вопль до сих пор у меня в ушах. Печаль, неизъяснимая печаль слышалась в нем и еще страстное желание. Но помимо этого я различил в нем и нотки какого-то дикого торжества. Раздался он совсем близко от меня, однако, как я ни всматривался в темноту внизу, ничего рассмотреть мне так и не удалось. Я немного подождал, но звук не повторялся, поэтому я пошел вниз, потрясенный больше, чем когда-либо в жизни. Направляясь в кают-компанию, я столкнулся с мистером Милном, который шел на вахту.

– Ну что, доктор, – сказал он, – может, и это забобоны? Вы слышали этот вой? Может, вы и его назовете суеверием? Теперь-то вы что об этом думаете?

Я был вынужден извиниться перед честным парнем и признать, что так же озадачен, как и он. Возможно, завра все это будет восприниматься по-другому, но пока я даже не решаюсь записать все те мысли, которые приходят мне в голову. Через несколько дней, когда надо мной не будет довлеть всеобщий страх, я стану презирать себя за это малодушие.

18 сентября

Беспокойная и тревожная ночь закончилась. Все еще думаю о том странном звуке. Капитан тоже не выглядит отдохнувшим: лицо у него осунулось, глаза покраснели. Я не рассказал ему о вчерашнем происшествии и не буду этого делать. Он и так достаточно взволнован: то встает, то садится, буквально не находит себе места.

Утром, как я и ожидал, на льду увидели большую трещину, поэтому снялись с якоря и прошли около двенадцати миль в западно-юго-западном направлении, но там путь преградила огромная льдина, не меньше любой из тех, которые мы оставили за кормой. Она полностью перекрывает коридор, поэтому нам ничего не остается, как только снова бросить якорь и ждать, пока она расколется, что, скорее всего, произойдет в течение ближайших двадцати четырех часов, если не изменится ветер. В воде заметили нескольких тюленей-хохлачей{458}, одного удалось подстрелить. Это огромное животное, его длина – больше одиннадцати футов. Это злобные, агрессивные создания, говорят, что силы у них больше, чем у медведя. К счастью, они достаточно медлительны и неуклюжи, и на льду охотиться на них достаточно безопасно.

Как считает капитан, это не последние наши неприятности, хотя, что ему внушает эти мысли, я не понимаю, ведь все остальные на борту уверены, что нам чудесным способом удалось спастись и скоро мы окажемся в открытом море.

– Я полагаю, доктор, вы думаете, что все опасности позади? – сказал он, когда мы остались одни после обеда.

– Надеюсь на это, – ответил я.

– Не стоит быть в этом так уж уверенным… Хотя, несомненно, вы правы. Да, скоро наши любимые смогут обнять нас. Но кто знает, кто знает…

Какое-то время он сидел молча, задумчиво покачивая ногой.

– Послушайте, – продолжил он. – Это опасное место, даже при самых лучших условиях… Коварное и опасное место. Я знаю случаи, когда в такой же ситуации люди погибали в считанные

минуты. Достаточно легкого движения, одного легкого движения льдины – и судно идет на дно со всем экипажем, и только пузыри на зеленой воде указывают на то место, где оно затонуло. Вот интересно, – нервно усмехнувшись, продолжил он, – я столько лет плаваю в этих местах, а никогда не задумывался о завещании… Не то чтобы я мог похвастать какими-то особыми сбережениями, и все же, когда человек постоянно подвержен опасности, хорошо быть готовым ко всему, вы не находите?

– Конечно, – сказал я, не понимая, к чему он клонит.

– Когда знаешь, что у тебя все улажено, чувствуешь себя увереннее, – продолжил он. – Если со мной что-нибудь случится, я надеюсь, вы позаботитесь о моих вещах. В моей каюте их не так уж много, но я хочу, чтобы все они были проданы, а вырученные деньги разделили поровну между членами команды. Хронометр оставьте себе, пусть напоминает вам о нашем путешествии. Разумеется, я говорю это так, на всякий случай. Просто вдруг подумал, если есть такая возможность, почему бы не обсудить это с вами. Я полагаю, на вас можно рассчитывать?

– Полностью, – ответил я. – И раз уж вы заговорили об этом, я бы тоже хотел…

– Что хотел? – перебил он меня. – С вами все в порядке! Что у вас-то стряслось? Простите, я не хотел быть невежливым, но мне не нравится, когда молодой человек, который только вступает в жизнь, начинает говорить о смерти. Сходите лучше на палубу, подышите свежим воздухом, вместо того чтобы болтать всякий вздор в каюте и заставлять меня делать то же самое.

Чем больше я думаю об этом разговоре, тем меньше он мне нравится. Почему капитан вдруг решил отдавать распоряжения на случай своей смерти именно сейчас, когда самая большая опасность осталась позади? В его безумстве есть какая-то методичность{459}. Возможно ли, чтобы он замыслил покончить с собой? Помню, один раз он с большим чувством говорил о том, каким отвратительным преступлением считает самоубийство. Нужно будет присматривать за ним. Хоть я не могу нарушить его уединение в каюте, по крайней мере, буду оставаться на палубе, пока он находится на мостике.

Мистер Милн отнесся к моим подозрениям несерьезно, говорит, что это «обычные капитанские штучки». Сам он считает, что у нас все отлично и что уже послезавтра мы выберемся изо льдов, еще через два дня пройдем Жан-Мейен и увидим Шетландские берега менее чем через неделю. Надеюсь, он не ошибается. Хоть его мнение и идет вразрез с мрачным настроением капитана, я все же склонен ему верить, поскольку старпом – моряк бывалый и привык думать, прежде чем что-то

сказать.

Катастрофа, ожидание которой мучило нас так долго, наконец грянула. Даже не знаю, что писать. Капитан исчез. Возможно, мы еще увидим его живым, но я боюсь, что шансов на это почти нет… Почти нет. Сейчас семь часов утра 19 сентября. Всю ночь с группой добровольцев обыскивал огромную льдину впереди нас в надежде обнаружить его следы. Не нашли ничего. Попробую как-то описать обстоятельства его исчезновения. Если кто-нибудь когда-нибудь будет читать эти строки, я хочу, чтобы этот человек помнил, что пишу я не понаслышке и ничего не придумываю. Я, здравомыслящий и образованный человек, лишь описываю то, что произошло у меня на глазах. Выводы сделаны мною, но за достоверность фактов я ручаюсь.

После того разговора, который я описывал, капитан оставался в прекрасном настроении. Хотя и заметно нервничал. Вел себя так, словно чего-то ждал с нетерпением, суетился, руки и ноги у него часто подергивались, как при пляске святого Витта (такое я за ним и раньше не раз наблюдал). За четверть часа он поднимался на палубу семь раз, но после нескольких быстрых шагов спускался обратно. Я все время держался рядом с ним, потому что в лице у него что-то подтверждало мое решение не выпускать его из виду. Он, кажется, заметил, как меня беспокоит его беготня, потому что напустил на себя жизнерадостный вид, громко хохотал над малейшей шуткой, чтобы как-то притушить мое волнение.

После ужина он очередной раз вышел на корму, я последовал за ним. Ночь была темная и очень спокойная, лишь в мачтах тоскливо шелестел ветер. С северо-запада к нам приближалось густое облако, своими щупальцами оно уже охватило луну, которая теперь показывалась лишь изредка и ненадолго. Капитан беспокойно расхаживал туда-сюда по корме, потом заметил, что я все еще слежу за ним, подошел ко мне и дал понять, что мне лучше спуститься вниз. Естественно, это только укрепило мое намерение оставаться на палубе.

Думаю, после этого он забыл обо мне, потому что прислонился к ограждению борта и стал всматриваться в снежную пустыню, часть которой была накрыта тенью, а часть неясно поблескивала в свете луны. Несколько раз по его движениям я понимал, что он смотрит на часы. Один раз он произнес какое-то короткое предложение, из которого я разобрал лишь одно слово «готов». Признаюсь, мне сделалось не по себе, когда, наблюдая за этим высоким силуэтом, проступающим из мглы, я вдруг подумал, до чего он похож на юношу, ожидающего

возлюбленную в назначенном для свидания месте. Свидания с кем? Когда я сопоставил известные мне факты, какая-то смутная догадка затрепетала в моем сознании, но к тому, что произошло потом, я был совершенно не готов.

Капитан неожиданно замер, поза его сделалась напряженной, и я понял: он что-то увидел. Я сделал несколько осторожных шагов к нему. Его страстный ищущий взгляд был устремлен на нечто напоминающее облако тумана, которое порыв ветра вынес на одну линию с судном. Это было неясное, расплывчатое тело, лишенное четкой формы, которое становилось то совсем не видимым, то проступало достаточно четко, когда на него падал свет. Но свет был не очень ярким, потому что на луну наползло легкое облако, даже скорее дымка, тончайшая, словно головка одуванчика.

– Иду, милая, иду! – голосом, полным невыразимой нежности и сострадания, выкрикнул капитан, словно обращался к возлюбленной, заждавшейся его жалости и ласки, которые будут одинаково приятны и ему, и ей.

То, что последовало, произошло в одно мгновение. Помешать этому было выше моих сил.

Одним прыжком он вскочил на фальшборт, а затем спрыгнул на лед, почти к ногам белесой туманной фигуры. Раскрыв объятия, словно желая обнять ее, он так и побежал в темноту с нежными словами на устах. Оцепенев от неожиданности, я какое-то время провожал взглядом его удаляющуюся фигуру, пока голос его не стих вдали. Я не думал, что увижу его снова, но в этот миг луна проглянула через узкую полоску в облаках и озарила ярким светом бесконечное ледяное поле. И тогда он показался еще раз. Он был уже очень далеко. С поразительной скоростью он мчался по замерзшей равнине. Это был последний раз, когда кто-то из команды видел его… Возможно, даже те́ла его мы не найдем. Была организована поисковая команда, и я пошел вместе с ней, но люди шли неохотно, и мы вернулись ни с чем. Через пару часов пойдет еще одна группа. Сейчас, когда я описываю то, что видел совсем недавно, я все еще не могу поверить, что все это мне не померещилось или не приснилось в каком-то кошмарном сне.

Вечер. 7 часов 30 минут

Только что вернулись из второй неудачной поисковой экспедиции. Очень устал и совершенно разбит. Льдина просто невероятных размеров: мы прошли по ней почти двадцать миль, но края ее так и не увидели. Если бы не мороз, который в последнее время стоит такой сильный, что снег смерзся и стал твердым, следы капитана вывели бы нас к нему. Ночью лед

вскрылся, и на горизонте видно открытое море, поэтому команда настаивает, чтобы мы снялись с якоря, оплыли льдину кругом и шли дальше на юг. Они уверены, что капитан Крейги погиб, и мы, продолжая оставаться здесь, рискуем потерять последнюю возможность спастись. Мне и мистеру Милну с большим трудом удалось убедить их подождать до завтрашнего вечера, и то для этого нам пришлось пообещать, что ни при каких обстоятельствах мы не останемся здесь дольше. Поэтому было решено несколько часов поспать и идти в третью, последнюю, экспедицию.

20 сентября

Вечер.

Утром с группой добровольцев обследовал южную часть льдины. Мистер Милн отправился в северном направлении. Мы прошли десять-двенадцать миль и не увидели ни одного живого существа, кроме одинокой птицы, которая парила над нами высоко в небе. Судя по полету, это был сокол. Южная оконечность льдины длинным узким выступом выдается в море и пологим спуском уходит под воду. Выйдя к основанию этого мыса, люди остановились, но мне удалось уговорить их пройти до его крайней точки, чтобы знать: мы сделали все от нас зависящее.

Не прошли мы и ста ярдов, как Макдоналд из Питерхеда крикнул, что увидел что-то и побежал вперед. Все бросились за ним. Сначала то, что мы увидели, показалось нам лишь темным неясным пятном на белом льду, но, когда мы приблизились, пятно приобрело очертания человека, того, кого мы искали. Он лежал ничком, уткнувшись лицом в лед. Его темная морская куртка была вся усеяна поблескивающими кристалликами льда и снежинками. Когда мы приблизились, какое-то легкое дуновение ветра подняло их в воздух и закружило. Потом они снова медленно опустились на его спину, но новый порыв сорвал их и стремительно унес в сторону моря. Для меня это была всего лишь метелица, но остальные утверждают, что увидели в этом снежном облачке очертания женской фигуры, которая сначала склонилась над телом, поцеловала его, а затем устремилась прочь. Я научился воспринимать всерьез мнение других людей, каким бы странным оно ни казалось. Смерть капитана Крейги не была болезненной – на его посиневшем исхудалом лице застыла счастливая улыбка, а руки были все так же вытянуты, словно он до самого конца обнимал свою странную гостью, которая увлекла его за собой в неведомый мир, находящийся по ту сторону могилы.

Мы похоронили его днем, завернув во флаг корабля и привязав к ногам тридцатидвухфутовое ядро. Я прочитал заупокойную, и грубые закаленные моряки плакали, как дети, потому что почти все они многим были обязаны его доброте. Эти люди любили своего капитана, хоть его странное поведение и не позволяло этому чувству проявиться при его жизни. Тело погрузилось в воду с глухим печальным всплеском. Вглядываясь в зеленую воду, я видел, как оно опускалось все ниже, ниже, ниже, пока не превратилось в крошечную светлую точку посреди бесконечной тьмы. Потом не стало видно и ее, капитан погрузился на дно. Там он и будет оставаться вместе со своей тайной, своей скорбью и загадкой, до тех пор пока море не откажется от своих мертвецов, и Николас Крейги не покажется между льдов с улыбкой на лице и застывшими раскрытыми объятиями. Я молю Господа, чтобы на том свете он испытал больше счастья, чем на этом.

Я не буду продолжать свой дневник. Путь домой предстоит спокойный, и великая ледяная пустыня скоро превратится лишь в образ из прошлого. Пройдет какое-то время, прежде чем на душе у меня уляжется волнение, вызванное недавними событиями. Начиная вести записи, я не мог представить, чем мне придется их закончить. Эти последние строки я пишу у себя в каюте и иногда вздрагиваю, когда мне кажется, что я слышу быстрые нервные шаги наверху. Сегодня вечером я исполнил свое обязательство и сходил в его каюту, чтобы составить список его личных вещей для торгов. Все выглядело в точности так, как тогда, когда я был там в прошлый раз, только портрет над койкой был вырезан из рамы и нигде в каюте я его не нашел. Этим последним звеном из странной цепочки событий я и завершу описание путешествия «Полярной звезды».

(Примечание доктора Джона Макалистера Рэя-старшего:

Я ознакомился с описанием странных событий, касающихся смерти капитана «Полярной звезды», из дневника моего сына. В том, что произошло именно так, я не сомневаюсь, даже совершенно в этом уверен, поскольку знаю его как человека взвешенного, лишенного воображения и в высшей степени правдивого. И все же история эта кажется настолько туманной и неправдоподобной, что я долго противился ее опубликованию. Однако несколько дней назад я получил новое независимое свидетельство, которое проливает новый свет на это дело. Во время поездки в Эдинбург на съезд членов Британской медицинской ассоциации{460} я случайно встретился с доктором П., моим старым другом, с которым мы вместе учились. Сейчас он

имеет свою практику в Девоншире{461} в Солтэше. Когда я поведал ему эту историю, он, к моему немалому удивлению, сказал, что был знаком с этим капитаном и дал мне его описание, точно совпавшее с тем, которое содержится в дневнике сына, с той лишь разницей, что П. говорил о нем как о молодом человеке. По его словам, он был помолвлен с юной леди необычайной красоты, которая жила на корнийском побережье. Когда он был в море, его возлюбленная погибла при особенно страшных обстоятельствах.)

Большой эксперимент в Кайнплатце [39]

Из всех наук, которые занимают головы сынов человеческих, профессора фон Баумгартена больше всего привлекали те, которые связаны с психологией и трудноопределимыми вопросами взаимосвязи разума и тела. Знаменитый анатом, видный химик, один из первейших физиологов Европы, профессор испытал истинное облегчение, когда оставил работу в этих областях и бросил все свои обширнейшие познания на изучение внутреннего бестелесного мира человека и загадочных взаимоотношений духовных начал. Вначале, по молодости, он занялся тайнами месмеризма{462}, разум его словно блуждал в незнакомом мире, который, как ему представлялось, был погружен в хаос и тьму, и лишь иногда его взору открывались разрозненные факты, не поддающиеся объяснению. Между тем годы шли, запас знаний профессора увеличивался, ибо знания порождают новые знания, так же как деньги приносят прибыль, и то, что раньше казалось ему странным и необъяснимым, начало принимать в его глазах иной вид. Новые логические цепочки стали складываться у него в голове, и он видел новые связи в том, что раньше было неясным и поразительным.

Опыт, накопленный в течение двадцати лет самых разнообразных экспериментов, дал ему ту фактическую базу, на которой он собирался выстроить новую точную науку, включающую в себя месмеризм, спиритизм и все родственные им области знаний. В этом ему в значительной степени помогали его обширнейшие познания в более тонких областях физиологии животных, которые имеют отношение к нервным потокам и работе головного мозга, поскольку Алексис фон Баумгартен был профессором кафедры физиологии в университете Кайнплатца и для своих глубоких исследований имел все необходимое, что только могли предоставить его лаборатории.

Профессор фон Баумгартен был высок и худ, на его продолговатом лице с резкими чертами горели необычайно яркие и проницательные глаза стального цвета. Многолетняя умственная работа избороздила его лоб глубокими морщинами и свела над переносицей тяжелые брови, из-за чего казалось, что он все время хмурится. Часто это приводило к тому, что люди неправильно оценивали его характер, поскольку в действительности он был строг, но сердце имел доброе и отзывчивое. Студенты любили профессора. После лекции они часто окружали ученого и увлеченно слушали его теории. Иногда он вызывал из них добровольцев для демонстрации какого-нибудь

эксперимента, так что в конце концов в классе не осталось никого, кто хотя бы раз не был погружен профессором в месмерический транс.

Среди всех этих молодых приверженцев науки не было ни одного, кто мог бы сравниться с Фрицем фон Хартманном по степени увлеченности. Его друзья-студенты часто удивлялись, почему этот отчаянный и бесшабашный Фриц, настоящий красавец и весельчак, можно сказать, цвет Рейнланда{463}, столько времени и сил тратит на изучение маловразумительных ученых трудов и помощь профессору в его странных экспериментах. На самом деле все объяснялось очень просто: Фриц был умным и прозорливым парнем, и вот уже несколько месяцев сердце его принадлежало юной Элизе, дочери лектора, неземному существу с голубыми глазами и пшеничными волосами. Хотя он уже добился от нее подтверждения тому, что его внимание не оставляет ее равнодушной, семье избранницы он еще не осмелился объявить о своем статусе поклонника. Ему было бы довольно сложно встречаться с юной леди так часто, как ему хотелось, если бы он не сообразил, что для этого нужно лишь стать полезным человеком для профессора. В результате его начали часто приглашать в профессорский дом, где он с радостью позволял проводить над собой любые опыты, если это сулило ему лишний раз увидеть взгляд небесных глаз Элизы или почувствовать прикосновение ее нежной ручки.

Юный Фриц фон Хартманн был красив. К тому же со смертью батюшки ему должны были перейти обширные земли. Многие были бы рады видеть в своем доме такого жениха, но мать Элизы его частые визиты раздражали, и не раз она отчитывала старого профессора за то, что он позволяет такому волку виться вокруг их овечки. По правде говоря, о Фрице в Кайнплатце ходила недобрая слава. Случись какая заварушка, дуэль или иная неприятность, неизменно зачинщиком оказывался молодой рейнландец. Никто не сквернословил больше него, никто не пил больше и не играл в карты чаще, чем он, никто не предавался большей лености во всем, кроме одного единственного занятия.

Поэтому вовсе неудивительно, что добрая фрау профессорша спрятала юную фрейлейн под свое крылышко и отвергала любые попытки этого mauvais sujet[40] сблизиться с дочерью. Что до почтенного лектора, тот был слишком увлечен своими странными исследованиями, чтобы иметь какое-то мнение по этому поводу.

Вот уже много лет ему не давал покоя один и тот же вопрос. Все его эксперименты и теории в конечном итоге сворачивали в одну сторону. По сто раз на день профессор спрашивал себя, может ли дух человека какое-то время просуществовать вне тела,

а затем вернуться в него? Когда подобное впервые пришло ему в голову, его ученый разум восстал против подобной мысли, ведь это полностью противоречило всем устоявшимся представлениям и махровым принципам, которые вдалбливались ему еще с тех пор, когда он сам только постигал азы своей профессии. Однако постепенно, пока он продолжал исследовать эту область, разум его сбросил с себя эти путы и стал открыт для любых выводов, которые могли возникнуть на основе фактов. Слишком многое указывало на то, что разум человека может существовать вне тела. Наконец ему стало ясно, что лишь смелый и оригинальный эксперимент внесет окончательную ясность в этот вопрос.

«Не вызывает сомнения, – отмечал он в своей знаменитой статье о невидимых сущностях, которая примерно в это время была опубликована в “Медицинском еженедельнике Кайнплатца” и удивила весь научный мир, – что при определенных условиях душа или разум действительно отделяется от тела. У человека, погруженного в месмерический транс, тело находится в состоянии оцепенения, но дух выходит за его пределы. Возможно, вы возразите, что душа остается внутри, но переходит в, так сказать, сонное состояние. На это я отвечу: это неверно, ибо как в таком случае объяснить явление ясновидения, которое получило дурную славу в результате мошенничества и прямого обмана со стороны некоторых шарлатанов, но которое очень легко доказуемо? Мне самому удавалось вводить восприимчивого подопытного в транс и получать от него точное описание того, что в тот момент происходило в соседней комнате и даже в другом доме. Можно ли это объяснить чем-то, кроме следующей гипотезы: душа субъекта способна отделяться от тела и перемещается в пространстве? На какое-то время она возвращается на призыв оператора, рассказывает, что увидела, после чего продолжает странствие. Поскольку дух по природе своей незрим, мы не имеем возможности видеть, как он исходит из тела или возвращается в него, но мы видим, какое воздействие это оказывает на самого субъекта. То он неподвижен и инертен, то явно через силу пытается рассказать о том, что никаким естественным образом узнать не мог. Я вижу лишь один способ доказать истинность этого факта. Хоть эти бестелесные субстанции остаются невидимыми для наших глаз, наши собственные души, отделенные от тел, смогли бы ощутить присутствие других. Поэтому в скором времени я собираюсь ввести в месмерический транс одного из своих учеников, после чего погрузить в месмерический транс самого себя (способ этого добиться мне давно известен и не представляет трудности). После этого, если моя теория верна, моему духу будет несложно

встретиться и вступить в контакт с духом моего ученика, когда они оба окажутся вне тел. Надеюсь, что смогу опубликовать результаты этого интересного эксперимента в одном из ближайших номеров “Медицинского еженедельника Кайнплатца”».

Когда почтенный профессор выполнил обещание и представил на суд общественности полный отчет о том, что произошло, рассказ его оказался столь поразительным, что был встречен с всеобщим недоверием. Некоторые издания позволили себе прокомментировать его заявление настолько оскорбительным тоном, что взбешенный savant[41] заявил, что больше никогда не откроет рта на эту тему… Свое обещание он выполнил. Тем не менее приведенный здесь рассказ составлен на основании фактов, почерпнутых из самых достоверных источников, и в том, что упоминающиеся в нем события имели место в действительности, вполне можно не сомневаться.

Случилось так, что вскоре после того, как в ученой голове профессора фон Баумгартена зародилась мысль об упомянутом выше эксперименте, он в задумчивости шел домой после долгого дня, проведенного в лаборатории, и по дороге ему встретилась веселая компания студентов, которые только что вышли из пивной. Во главе шумной ватаги, распаленный хмельным угаром и крича громче всех, шагал молодой Фриц фон Хартманн. Профессор обошел бы их стороной, но ученик его бросился ему наперерез.

– Эге! Многоуважаемый наставник! – воскликнул он, беря за локоть старика. – Я хочу вам кое-что сказать, и сейчас, пока доброе пиво еще гудит у меня в голове, мне это будет легче сделать, чем в другое время.

– Я слушаю вас, Фриц, – несколько удивился физиолог.

– Я слышал, майн герр, вы собираетесь провести чудесный эксперимент: вытащить из человека душу, а потом вставить ее обратно. Верно?

– Да, это так, Фриц.

– А вы не думали, дорогой профессор, что, у вас могут возникнуть трудности с поиском того, кто согласится в этом участвовать? Potztausend![42] А если душа выйдет из тела, а вернуться не сможет? Нехорошо получится. Кто пойдет на такой риск?

– Но как же, Фриц? – воскликнул профессор, премного озадаченный столь неожиданным взглядом на эту проблему. – Я надеялся на вашу помощь. Вы же не оставите меня. Подумайте, какая нас ожидает честь, слава.

– Да какая там слава! – возмутился студент. – Мне что, всю

жизнь так жить? Разве я не простоял два часа на стеклянном щите, пока вы вливали в меня электричество? Разве вы не раздражали мои диафрагмальные{464} нервы после того, как окружили желудок гальваническим{465} течением, отчего у меня потом началось несварение? Тридцать четыре раза вы вводили меня в месмерический транс, и что я за все получил? Ничего. А теперь вы хотите еще и душу из меня вынуть, как какую-нибудь шестеренку из часов. Человеческое тело этого просто не вынесет!

– Боже мой! – озабоченно всплеснул руками профессор. – И в самом деле, Фриц. Раньше мне это никогда не приходило в голову. Если вы скажете, каким образом я могу отблагодарить вас, поверьте, я буду рад это сделать.

– Тогда слушайте, – с многозначительным видом произнес Фриц. – Если вы дадите слово, что после этого эксперимента я получу руку вашей дочери, я соглашусь помочь вам. Если же нет – я отказываюсь в этом участвовать. Это мое единственное условие.

– Но что на это скажет дочь? – справившись с изумлением, спросил профессор.

– Элиза будет рада, – ответил молодой человек. – Мы давно любим друг друга.

– В таком случае она будет ваша, – решительно сказал физиолог. – Вы – добрый молодой человек и один из лучших подопытных из всех, кого я знаю… Когда не находитесь под влиянием алкоголя. Мой эксперимент назначен на четвертое число следующего месяца. В двенадцать часов вам нужно прибыть в физиологическую лабораторию. Это будет великий день, Фриц. Приедут фон Грубен из Йены{466} и Хинтерштейн из Базеля{467}. Соберутся все светила науки из южной Германии.

– Буду вовремя, – коротко ответил студент, и на этом они расстались. Профессор побрел домой, думая о скором великом событии, а молодой человек побежал догонять свою разудалую компанию, охваченный мыслями о голубоглазой Элизе и о заключенной с ее отцом сделке.

Профессор не преувеличивал, когда говорил о том интересе, который вызвал его необычный психофизиологический эксперимент в научных кругах. Задолго до назначенного часа в лаборатории уже яблоку негде было упасть от собравшихся ученых. Кроме названных им знаменитостей, прибыл великий профессор Ларчер из Лондона, который лишь недавно прославился замечательным исследованием церебральных{468} центров. Несколько светил из спиритических кругов также проделали долгий путь, чтобы присутствовать при эксперименте, как и один священник-сведенборгианец{469}, считавший, что полученные результаты смогут пролить некоторый свет на

доктрины розенкрейцеров{470}.

Высокое собрание встретило появление профессора фон Баумгартена и его помощника громкими аплодисментами. Лектор, взойдя на кафедру, в нескольких тщательно подобранных словах объяснил суть своей теории и намеченный способ ее проверки.

– Я придерживаюсь мнения, – сказал он, – что, когда человек находится под воздействием месмеризма, его дух на время покидает тело, и я готов выслушать любые возражения тех, кто может как-то иначе объяснить факт ясновидения. Таким образом, надеюсь, что после того как я введу в транс моего юного друга и себя самого, наши бестелесные сущности смогут войти в контакт, в то время как тела наши будут оставаться неподвижными и инертными. Через какое-то время природа возьмет свое, души вернутся в свои тела, и все будет как прежде. Теперь, с вашего позволения, мы приступим к эксперименту.

Речь профессора вызвала новую волну аплодисментов, после чего аудитория затихла в ожидании. Несколькими быстрыми пассами профессор ввел в транс севшего на стул молодого человека (тот побледнел, откинулся на спинку и замер), затем достал красный стеклянный шарик, устремил на него взгляд и после сильного умственного напряжения ввел себя в такое же состояние. Странно было видеть двух людей, старого и молодого, замерших рядом в одинаковых неестественных позах. Где же пребывали их души? Именно этот вопрос занимал в ту минуту каждого из присутствующих.

Прошло пять минут. Потом десять, потом еще пятнадцать, а профессор и его помощник, все так же не шевелясь, сидели на кафедре перед зрителями. За все это время со стороны собравшихся ученых мужей не раздалось ни звука. Все взгляды были устремлены на два застывших бледных лица в ожидании первых признаков возвращения сознания. Прошел почти час, прежде чем терпение зрителей было вознаграждено. Щеки профессора фон Баумгартена слегка порозовели. Душа возвращалась в земную обитель. Неожиданно он поднял длинные худые руки и сладко потянулся. Потом протер глаза, встал и удивленно осмотрелся по сторонам, словно не понимая, где находится.

– Tausend Teufel![43] – воскликнул он и добавил звучное ругательство на южно-германском диалекте, чем привел в изумление аудиторию и вызвал возмущение у сведенборгианца. – Дьявол, где это я? И что произошло? Ах, да, вспоминаю. Один из этих бессмысленных месмеристических экспериментов. Но на этот раз ничего не вышло, потому как я потерял сознание и ни

черта не помню. Выходит, вы напрасно потратили свое драгоценное время, мои ученые друзья. Неплохая получилась шуточка! – с этими словами профессор кафедры физиологии разразился безудержным хохотом и даже весьма развязным жестом хлопнул себя по ляжке. Аудиторию недостойное поведение их профессора привело в такое возмущение, что мог разразиться нешуточный скандал, если бы не благоразумное вмешательство юного Фрица фон Хартманна, который тоже очнулся от оцепенения. Выйдя на край кафедры, молодой человек извинился за поведение своего партнера.

– Простите, – сказал он, – но такой уж он несдержанный парень, хотя перед экспериментом вел он себя вполне подобающе. Он все еще не отошел от месмерического воздействия и не отдает отчета своим словам. Что касается самого эксперимента, я не считаю его неудачей. Вполне возможно, что наши души действительно взаимодействовали каким-то образом в течение этого часа, но, к сожалению, наша грубая телесная память отличается от духовной, поэтому мы не можем вспомнить, что с нами происходило. Теперь все мои усилия будут направлены на то, чтобы придумать способ, который позволит душам запоминать то, что происходило с ними в свободном состоянии, и я надеюсь, что, когда мне это удастся, я буду иметь удовольствие снова встретиться с вами в этом зале и представить на ваш суд итоги своей работы.

Это обращение, исходящее от столь молодого студента, вызвало у собравшихся немалое удивление, кое-кто даже чуть не посчитал его дерзким, решив, что этот юноша позволяет себе слишком много, придавая своей персоне такое значение. Впрочем, большинство увидело в нем многообещающего молодого ученого, и за дверьми зала было сделано не одно сравнение между достойным поведением студента и совершенной несерьезностью профессора, который все это время продолжал весело смеяться в углу, судя по всему, совершенно не огорченный провалом эксперимента.

И все же, хоть все эти ученые расходились из лекционного зала, полагая, что не увидели ничего стоящего внимания, в действительности прямо на их глазах случилось одно из самых невероятных и поразительных событий за всю историю мира. Теория профессора фон Баумгартена оказалась верна полностью. И его душа, и душа юного Фрица фон Хартманна действительно на какое-то время покинули свои тела. Но произошло странное и непредвиденное осложнение. Возвращаясь, дух Фрица вошел в тело Алексиса фон Баумгартена, а дух Алексиса фон Баумгартена вселился в тело Фрица фон Хартманна. Отсюда несдержанность и

грубость серьезного профессора, отсюда же и столь веские и солидные слова беспечного студента. Событие произошло небывалое, но никто об этом не догадывался, и меньше всего сами его участники.

Тело профессора, неожиданно почувствовав сильную сухость в горле, отправилось на улицу, все еще посмеиваясь над неудачным исходом эксперимента. Сидящий в нем дух Фрица был больше занят мыслями о невесте, которая досталась ему такой легкой ценой. Первым его порывом было броситься к ней домой и увидеть ее, однако, подумав, он пришел к выводу, что будет лучше пока не делать этого, а дождаться, когда госпожу Баумгартен о заключенной сделке поставит в известность ее супруг. Поэтому он направил свои стопы в «Зеленого человечка», пивную, где любили собираться самые разухабистые студенты, и, размахивая тростью, ворвался в маленький зал, где сидели Шпигель, Мюллер и еще с полдюжины собутыльников.

– Ха-ха! Друзья! – закричал он с порога. – Я знал, что найду вас здесь. Сегодня пьют все! И заказывайте что хотите, – я угощаю!

Если бы сам зеленый человечек, изображенный на вывеске этого известного заведения, вошел в зал и заказал бутылочку вина, студенты и то не удивились бы больше, чем они удивились при столь неожиданном появлении их почтенного профессора. Это их поразило до такой степени, что пару минут они просто таращились на него округлившимися глазами, не в силах ответить на столь дружественное приветствие.

– Donner und Blitzen![44] – нахмурился профессор. – Да что с вами такое? Какого дьявола вы расселись тут и вылупились на меня, будто первый раз увидели? В чем дело?

– Так неожиданно… Такая честь… – пробормотал Шпигель, сидевший во главе стола как вожак компании.

– Какая честь, что ты несешь? – гаркнул профессор. – Ты что думаешь, если я показался с этим экспериментом на глаза кучке старых ископаемых, я стану таким гордым, что забуду своих друзей? А ну, Шпигель, освобождай место, теперь я буду главным. Пива! Вина! Шнапса! Ребята, пейте кто что хочет! Я плачу!

В «Зеленом человечке» такого еще не видали! Никто не считал, сколько было выпито кружек пенящегося лагера, сколько было опустошено зеленых бутылочек рейнского. Постепенно студенты перестали испытывать неловкость в присутствии своего профессора. А сам он кричал, пел песни, шумел, удерживал на носу длинную курительную трубку и вызывался обогнать любого из присутствующих на ста ярдах.

Кельнер и официантка перешептывались за дверью,

удивленные таким поведением профессора кафедры старинного университета Кайнплатца, но впоследствии у них появилось еще больше поводов пошушукаться, когда ученый муж надавал тумаков кельнеру и стал приставать к официантке за кухонной дверью.

– Господа, – громко произнес профессор, с трудом поднимаясь с высоким винным бокалом в худой руке. – Теперь я хочу объяснить вам причину нашего праздника.

– Слушаем! Слушаем! – закричали студенты и забарабанили пивными кружками по столу. – Речь, речь! Тихо, слушаем речь!

– Дело в том, друзья мои, – сказал профессор, и глаза его засияли за стеклами очков. – В самом скором времени я собираюсь жениться.

– Жениться? – воскликнул самый смелый из студентов. – А что, фрау умерла?

– Какая фрау?

– Как?! Фрау Баумгартен, разумеется.

– Ха-ха-ха! – рассмеялся профессор. – А вы, я вижу, все знаете о моих былых трудностях. Нет, она не умерла, но теперь у меня есть причины думать, что она не станет возражать против свадьбы.

– Очень любезно с ее стороны, – заметил кто-то из компании.

– И более того, – продолжил профессор, – я даже думаю, она сама будет помогать мне с женой. По правде сказать, мы с ней никогда не ладили, но теперь, надеюсь, это останется в прошлом, и после свадьбы она переедет и будет жить у меня.

– Прямо семейная идиллия! – воскликнул какой-то остряк.

– Да, и я надеюсь, вы все придете на мою свадьбу. Не буду называть имен, но за мою невестушку! – Профессор поднял над головой бокал.

– За его невестушку! – грянули хором бражники и рассмеялись. – За ее здоровье. Sie soll leben… Hoch![45] – Каждый из гуляк последовал примеру профессора и осушил до дна свой бокал. После этого тоста пирушка продолжилась с новой силой.

Пока студенты в «Зеленом человечке» предавались веселью, в ином месте происходили совсем другие события. После эксперимента юный Фриц фон Хартманн с сосредоточенным лицом сверил показания кое-каких приборов, подправил некоторые из них, после чего, бросив повелительным голосом пару слов вахтерам, вышел на улицу и направился медленным шагом к дому профессора. По дороге, увидав фон Альтауса, профессора анатомии, который шел впереди, он прибавил шаг и догнал его.

– Послушайте, фон Альтаус, – воскликнул он, похлопав его по

плечу, – вы недавно просили меня найти кое-какую информацию о внутренних стенках церебральных артерий. Я тут раскопал…

– Donnerwetter![46] – вскричал фон Альтаус, который был довольно вспыльчивым стариком. – Вы что себе позволяете? Что за наглость! Да я вас за это перед академическим советом выставлю, – с этой угрозой, он развернулся и торопливо зашагал прочь. Фон Хартманна такой прием сильно озадачил.

– Это из-за неудачи на эксперименте, – пробормотал он и, повесив голову, побрел дальше.

Однако впереди его ждали еще большие неожиданности. Через пару минут навстречу ему вышли двое студентов. Молодые люди вместо того чтобы приподнять шляпы или каким-то иным образом выразить уважение, едва увидев его, неожиданно радостно заорали, бросились к нему, схватили под руки и куда-то потащили.

– Gott in himmel![47] – взревел фон Хартманн. – Какая наглость! Что это значит? Куда вы меня ведете!

– Идем-идем! Раздавим бутылочку винца, – закричали студенты. – Ты ж раньше никогда не отказывался.

– Это неслыханно! – воскликнул фон Хартманн. – Немедленно отпустите меня! За такое поведение вы будете отчислены. Отпустите, я вам говорю! – И он стал яростно отбиваться.

– Ну, не хочешь, можешь проваливать, – сказали студенты, отпуская его руки. – И без тебя обойдемся.

– Я вас знаю, вы за это ответите! – сердито пригрозил фон Хартманн и пошел дальше по направлению к дому, который считал своим. Оба происшествия, случившиеся с ним по дороге, порядком завели его.

Но и это еще не все. Фрау Баумгартен, которая дежурила у окна, очень обеспокоенная тем, что ее супруг опаздывает к обеду, сильно удивилась, увидев на улице молодого студента. Как уже отмечалось, она испытывала к нему сильную неприязнь. Раньше, если он и появлялся здесь, то только с ее молчаливого согласия и под защитой профессора. Еще больше удивилась она, когда молодой человек открыл калитку и по садовой дорожке направился к двери с таким видом, словно находился у себя дома.

Она не поверила своим глазам. Охваченная материнским инстинктом, она бросилась в прихожую. За бесстрашными передвижениями своего возлюбленного из верхних окон наблюдала и прекрасная Элиза. Смешанное чувство гордости и страха заставило ее сердце забиться учащенно.

– Добрый день, сударь! – Фрау Баумгартен в величественной позе преградила путь незваному гостю.

– Да, действительно, хорошая погода, Марта, – ответил тот. – Но, что ты стоишь, как статуя? Давай, шевелись, я обедать хочу, с утра ведь ничего не ел.

– Марта? Обедать? – в изумлении почтенная дама отступила назад.

– Да, Марта. Обедать. Обедать! – фон Хартманна все это начало раздражать. – Что, в этой просьбе есть что-то странное, если человека весь день не было дома? Я буду ждать в столовой. Мне что-нибудь. Ветчины, сосисок, чернослив – что там под рукой окажется. Ну что ты стоишь как вкопанная? Ты будешь шевелиться или нет?

Последние слова, которые были произнесены возмущенным голосом, срывающимся на крик, заставили почтенную фрау Баумгартен броситься по коридору на кухню, где она заперлась в комнате для мытья посуды и истерично зарыдала. Тем временем фон Хартманн прошел в дом и опустился на диван. Был он мрачнее тучи.

– Элиза! – крикнул он. – Чтоб тебя! Элиза!

На этот грубый призыв юная дева робко спустилась по лестнице.

– Милый! – увидев любимого, она нежно обвила его шею руками. – Я знаю, это все ради меня! Это такая хитрость, чтобы увидеть меня, да?

Негодование фон Хартманна, вызванное новой напастью, было столь велико, что на какую-то минуту он даже потерял дар речи. Беззвучно открывая рот, он замахал кулаками, пытаясь вырваться из ее объятий. Когда к нему наконец вернулся голос, он взревел так яростно, что девушка в ужасе отскочила в сторону и рухнула на кресло.

– Да что это за день такой! – кричал фон Хартманн, топая ногами. – Мой эксперимент провалился. Фон Альтаус нагрубил. Двое студентов накинулись на меня на улице. Жена чуть не упала в обморок, когда я попросил обед, а собственная дочь набрасывается и душит в объятиях, как медведь.

– Ты болен, дорогой! – воскликнула девушка. – У тебя что-то с головой. Ты даже не поцеловал меня ни разу.

– Нет, и не собираюсь, – отрезал фон Хартманн. – Постыдилась бы! Лучше принеси мои тапки и иди помоги матери накрыть на стол.

– Это за то, – на глазах Элизы выступили слезы, она закрыла лицо носовым платочком, – это за то, что я тебя так люблю уже десять месяцев? Ради этого я пошла против воли своей матери? О, ты разбил мне сердце! Разбил! – И она начала громко рыдать.

– Я больше этого не вынесу! – в бешенстве заорал фон

Хартманн. – О чем болтает эта девчонка? Да что я такого сделал десять месяцев назад, что ты так меня залюбила? Если уж ты действительно так меня любишь, лучше пойди и принеси мне ветчины с хлебом вместо того, чтобы болтать весь этот вздор.

– О дорогой! – воскликнула несчастная девица и бросилась на грудь того, кого принимала за своего любимого. – Ты это шутишь, да? Чтобы испугать свою маленькую Элизу?

В миг этих неожиданных объятий фон Хартманн все еще сидел, оперевшись спиной на боковой валик дивана, который, как это часто бывает с мебелью в Германии, на ножках держался неустойчиво и вообще был в очень расшатанном состоянии. К тому же случилось так, что рядом с этим краем дивана стоял большой таз, наполненный водой, в котором физиолог проводил кое-какие опыты с рыбьей икрой. Эта емкость находилась в гостиной, потому что именно здесь постоянно поддерживалась необходимая для эксперимента температура. В общем, дополнительный вес девицы и порыв, с которым она набросилась на него, привели к тому, что ненадежный предмет мебели не выдержал, ножки его подломились, и несчастный студент полетел спиной прямо в таз. Там его голова и плечи крепко застряли, не в силах выбраться он беспомощно замахал в воздухе ногами. Это стало последней каплей, переполнившей чашу его терпения. Выбравшись кое-как из посудины, фон Хартманн издал какой-то нечленораздельный крик и, не обращая внимания на мольбы Элизы, выбежал из комнаты. Схватив на ходу шляпу, он, мокрый и растрепанный, помчался в город, в надежде найти в каком-нибудь трактире еду и покой, которых не дождался дома.

Дух фон Баумгартена, заключенный в тело фон Хартманна, размышляя о своих злоключениях, шел по дороге, ведущей в городок, когда заметил впереди престарелого мужчину, который явно был сильно пьян. Фон Хартманн, посторонился, пропуская этого типа, который шел, спотыкаясь и шатаясь из стороны в сторону, горланя студенческую песню хриплым пьяным голосом. Поначалу вид такого благообразного человека в столь неприглядном виде лишь удивил его, однако, когда тот подошел ближе, он вдруг почувствовал, что хорошо его знает, хотя где и когда они могли встречаться, вспомнить он не мог. Это ощущение до того захватило его, что, когда незнакомец поравнялся с ним, он преградил ему дорогу и принялся внимательно осматривать его лицо.

Пьяный остановился и, покачиваясь, посмотрел на фон Хартманна.

– Слышь, паренек, – заплетающимся языком сказал он, – а где я тебя мог раньше видеть? Я тебя знаю, как самого себя. Ты кто

такой, черт побери?

– Я профессор фон Баумгартен, – ответил студент. – А могу ли я поинтересоваться, кто вы? Мне на удивление знакомо ваше лицо.

– Врать нехорошо, молодой человек, – пристыдил его второй. – Ты точно не профессор, потому что профессор – уродливый, мерзкий старикашка, а ты – молодой и широкоплечий. А я – Фриц фон Хартманн, к вашим услугам.

– Этого не может быть, – воскликнуло тело фон Хартманна. – Может быть, вы его отец? Но… позвольте, а почему на вас мои запонки и цепочка от часов?

– Donnerwetter! – икнул старший из мужчин. – Не пить мне больше пива, если на тебе не мои брюки, за которые мой портной меня засудить собирается.

Фон Хартманн, ошеломленный очередной неожиданностью, которая случилась с ним в тот день, провел рукой по лбу и опустил глаза. И тут взгляд его упал на свое отражение в луже, которая осталась на дороге после недавнего дождя. К величайшему изумлению, он увидел, что лицо у него молодое и одет он как студент, в достаточно модный костюм. Взору его предстала полная противоположность той невзрачной и угрюмой фигуре, к которой привык его разум. В мгновение ока его тренированный ум припомнил все странности того дня и пришел к выводу. Фон Хартманн покачнулся. Страшная догадка едва не лишила его чувств.

– Himmel![48] – вскричал он. – Я все понял. Наши души поменялись телами. Теперь я – это вы, а вы – это я. Моя теория подтвердилась… Но какой ценой! Неужели величайшему ученому Европы теперь придется ходить в таком несерьезном виде? О, труды всей жизни пошли насмарку! – И в отчаянии он стал бить себя кулаком в грудь.

– Послушайте, – заметил настоящий фон Хартманн из профессорского тела. – Я, конечно, понимаю, каково вам, но не надо так колотить мое тело. Вы его получили в идеальном состоянии, но, вижу, уже успели намочить, а сейчас еще и синяков наставили. К тому же вон табаку на манишку насыпали.

– Какая разница? – убитым голосом ответил его собеседник. – Такими, какие мы есть, мы и останемся. Моя теория с блеском подтвердилась, но мне пришлось заплатить за это ужасную цену.

– А ведь действительно, – подумав, произнес дух студента. – Что мне делать с этими старыми немощными ногами? Как же мне теперь ухаживать за Элизой, как убедить ее, что я не ее отец? Нет, слава небесам! Хоть пиво и помутило мне голову сильней, чем если бы я был самим собой, я, кажется, придумал, как это можно

исправить.

– Как? – с замиранием сердца выдохнул профессор.

– Нужно повторить эксперимент, только и всего. Еще раз освободим наши души, и на этот раз они уж точно вернутся в свои тела.

Ни один утопающий не схватился бы за соломинку так, как ухватился за эту идею дух фон Баумгартена. Охваченный неописуемым волнением, он оттащил собственное тело к обочине и отправил его в месмерический транс. После этого достал из кармана хрустальный шарик и ввел себя в такое же состояние.

Несколько студентов и крестьян, прошедших там в течение следующего часа, были сильно удивлены видом достойного профессора физиологии и его любимого ученика, которые сидели рядышком на грязной обочине в состоянии полной отрешенности. Через какое-то время вокруг них собралась изрядная толпа. Люди уже хотели вызывать врачей, чтобы отправить их в больницу, когда ученый savant открыл глаза и непонимающим взором посмотрел по сторонам. Кажется, какую-то минуту он не мог вспомнить, как очутился на этом месте, но потом замахал тощими руками над головой и полным восторга голосом закричал что было сил:

– Gott sei gedanket![49] Я опять стал самим собой. Я это чувствую!

Удивление толпы стало еще сильнее, когда студент, вскочив, выкрикнул те же самые слова, и странная пара прямо посреди дороги исполнила нечто вроде pas de joie[50].

Некоторое время спустя появились первые слухи, ставящие под сомнение здравость ума обоих участников этого происшествия. Когда профессор исполнил свое обещание и опубликовал отчет об эксперименте в «Медицинском еженедельнике», со всех сторон, даже от коллег, ему стали поступать советы подлечить нервы, мол, еще одна такая публикация, и он точно попадет в сумасшедший дом. Студент же по своему опыту понял, что лучше всего не распространяться об этом случае, поэтому молчал как рыба.

Когда вечером почтенный профессор вернулся домой, он не встретил сердечного приема, которого мог бы ожидать после столь странных приключений. Наоборот, он получил порядочную взбучку от обеих родственниц за пивной и табачный запах и за то, что его не оказалось рядом, когда в доме бесчинствовал молодой повеса. Не скоро жизнь в пенатах лектора вернулась в привычное спокойное русло, прошло еще больше времени, прежде чем там снова показалось веселое лицо фон Хартманна. Но, как известно, упорство города берет, и студент в конце концов сумел

восстановить мирные отношения с рассерженными дамами. Ему уже нет причин опасаться неприязни фрау, поскольку теперь он – капитан императорских уланов фон Хартманн, и его любящая супруга Элиза в качестве знака и залога своей любви уже успела подарить ему двух маленьких уланчиков.

Кольцо Тота{471}

Проживавший в доме 147-А на Гауэр-стрит член Королевского Общества мистер Джон Ванситтарт Смит, несомненно, был человеком, целеустремленность и ясность мысли которого могли бы сделать его одним из величайших ученых нашего времени, если бы не один недостаток: чрезмерное тщеславие, которое заставляло его стремиться достичь высот в нескольких областях науки вместо того, чтобы сосредоточиться на одной.

В начале своей карьеры он проявлял склонность к зоологии и ботанике. Друзья видели в нем второго Дарвина, но, когда ему уже светила профессура, он неожиданно прекратил исследования и целиком посвятил себя химии. Его исследования в области спектрального анализа металлов принесли ему членство в Королевском Обществе, но он снова повел себя подобно coquette[51] – исчез на год из лаборатории, а потом вступил в Общество ориенталистики{472} и опубликовал научную работу, посвященную иероглифическим и демотическим надписям{473} Эль-Каба{474}, что и стало венцом не только разносторонности его талантов, но и непостоянства его натуры.

Однако даже самые легкомысленные из волокит рано или поздно попадают на чей-то крючок, так произошло и с Джоном Ванситтартом Смитом. Чем глубже он уходил в дебри египтологии, тем больше его захватывала безбрежность горизонтов, открытых перед исследователем, и важность темы, которая проливала свет на один из первых очагов человеческой цивилизации на земле и зарождение большинства современных форм искусства и науки. Мистер Смит находился под таким впечатлением, что вскоре женился (избранница его была автором научной работы о шестой династии{475}) и, обретя таким образом базу для дальнейших исследований, приступил к сбору материалов для работы, которая соединила бы в себе научность Лепсиуса{476} с вдохновенностью Шампольона{477}. Подготовка к этому magnum opus[52] повлекла за собой многочисленные торопливые посещения прекрасной египетской коллекции Лувра{478}, и во время последнего из них (это не позднее середины прошлого октября) с ним случилось в высшей степени странное и необычное происшествие.

Поезда в тот день опаздывали, Английский канал{479} штормило, поэтому в Париж ученый прибыл утомленным и несколько раздраженным. Зайдя в свой номер в Отель де Франс на Рю-Лаффит, он бросился на диван, чтобы отдохнуть пару часов, но, поняв, что заснуть не удастся, намерился, несмотря на

усталость, идти в Лувр, выяснить то, ради чего он приехал, и вечерним поездом вернуться в Дьеп. Составив план действий, он надел пальто (день был ненастный, накрапывал дождь) и, пройдя по бульвару Итальянцев, вышел на Авеню де ль'Опера. Оказавшись в Лувре, где все ему было хорошо знакомо, ученый торопливо прошел к собранию папирусов, ради которого и проделал весь этот путь.

Даже самые близкие друзья, почитатели Джона Ванситтарта Смита, не назвали бы его красивым человеком. Его большой похожий на клюв нос и выпирающий подбородок отличались остротой и даже пронзительностью не меньшей, чем та, которая была свойственна его уму. Голову он держал по-птичьи и так же по-птичьи выбрасывал ее вперед, когда приводил свои доводы и возражения, не соглашаясь с собеседником. Стоя перед витриной в пальто с поднятым до ушей высоким воротником, он сам видел в отражении, насколько чудно́ выглядит, и все же ученый вздрогнул от неожиданности, когда за его спиной громкий голос отчетливо произнес по-английски:

– Ну и видок у этого парня!

Мелочного тщеславия, проявлявшегося в нарочитом пренебрежении к своему внешнему виду, у ученого было хоть отбавляй, поэтому он лишь плотнее сжал губы и стал всматриваться в один из папирусных свитков, проклиная в уме всех английских туристов, вместе взятых.

– Да, – произнес второй голос, – действительно, странный тип.

– А вам известно, – сказал первый голос, – что тот, кто слишком долго рассматривает мумий, сам становится похож на мумию?

– В самом деле, у него египетский тип лица.

Тут Джон Ванситтарт Смит круто развернулся, намереваясь пристыдить своих соплеменников парой едких замечаний, но с удивлением и, надо сказать, облегчением увидел, что разговаривавшие молодые люди стоят к нему спиной и смотрят на одного из служителей музея, который натирал медные таблички в другом конце зала.

– Картер уже ждет нас в Пале-Рояль{480}, – сказал один из туристов, взглянув на свои часы, и они, гулко стуча каблуками, ушли, оставив ученого наедине с его работой.

«Интересно, что эти болтуны называют египетским типом лица?» – подумал Джон Ванситтарт Смит и чуть подался в сторону, чтобы получше рассмотреть лицо служителя. Когда это ему удалось, он вздрогнул: действительно, такие лица за время его исследований стали ему очень хорошо знакомыми. Величавые

черты, широкий лоб, округлый подбородок, смуглая кожа – именно так выглядели бесчисленные статуи, саркофаги и картины, украшавшие стены зала.

Это не могло быть простым совпадением. Этот человек несомненно был египтянином.

Да что там говорить, одного взгляда на угловатые плечи и узкие бедра было достаточно, чтобы в этом не осталось сомнений.

Джон Ванситтарт Смит нерешительно направился к служителю, намереваясь поговорить с ним. Он был не из тех людей, которые легко вступают в разговор, к тому же ему с трудом удавалось придерживаться золотой середины между покровительственным тоном и панибратством. Когда он подошел ближе, человек повернулся к нему боком, но все так же не отрывал взгляда от своей работы. Ванситтарту Смиту, который продолжал рассматривать этого человека, вдруг показалось, что во всем его виде есть что-то нечеловеческое и противоестественное. Кожа на виске и скуле его блестела, как натертый пергамент. Она была полностью лишена пор. Невозможно было представить на этой совершенно сухой поверхности хоть каплю влаги. Однако от лба и до подбородка она была испещрена бесчисленным количеством мелких морщин, которые пересекались и извивались так хаотично, словно природе вздумалось проверить на нем, насколько запутанный и хитрый узор ей под силу создать.

– Ou est la collection de Memphis?[53] – спросил ученый с неуверенным выражением человека, который задает вопрос только лишь для того, чтобы завязать разговор.

– C'est la[54], – грубовато ответил служитель и кивнул в сторону противоположного конца зала.

– Vous etes un Egyptien, n'est-ce pas?[55] – поинтересовался англичанин.

Служитель оторвался от работы и посмотрел на него странными темными глазами. Они сухо и неярко поблескивали, словно были выточены из стекла. Первый раз Смит видел такие глаза у живого человека. Всматриваясь в них, он увидел зарождающееся в их глубинах чувство, которое быстро крепчало и набирало силу, пока не оформилось в нечто похожее одновременно на страх и ненависть.

– Non, monsieur, je suis Fransais[56]. – Мужчина резко отвернулся и с удвоенной энергией продолжил натирать табличку.

«Где я видел эти глаза? – думал Ванситтарт Смит, усаживаясь на любимую скамеечку, на которой обычно работал. – Чем-то они напоминают глаза какого-то пресмыкающегося, ящерицы или

змеи. У змей есть membrane nictitans[57], – продолжал думать он, вспоминая свои зоологические исследования. – Она дает подобный эффект блеска. Но здесь что-то другое, что-то глубже. Нечто, указывающее на силу, мудрость… По крайней мере, так мне показалось… И на усталость, смертельную усталость и невыразимое отчаяние. Нет, мне непременно нужно увидеть эти глаза еще раз!» Он встал и обошел все египетские залы, но вызвавший его интерес человек исчез.

Тогда ученый снова занял свое место в тихом уголке и вернулся к работе. Он уже увидел нужные папирусы, оставалось только записать информацию, пока она была свежа в памяти. Какое-то время его карандаш бойко бегал по бумаге, но постепенно строки стали не такими ровными, буквы начали сливаться, и наконец карандаш выпал из ослабевшей руки на пол, голова ученого тяжело склонилась на грудь, и он уснул.

Утомленный поездкой, в углу на маленькой прикрытой дверью скамеечке он спал так крепко, что ни бряцающая поступь смотрителя, ни тихое шарканье посетителей, и даже ни громкий звонок, возвестивший о закрытии музея, не смогли разбудить его.

Сумерки сгустились в ночь, городской шум на Рю-де-Риволи постепенно стих. Где-то вдалеке колокола собора Парижской Богоматери{481} пробили полночь, но одинокая темная фигура все так же неподвижно сидела в тени. Лишь ближе к часу ночи с неожиданным резким вздохом Ванситтарт Смит очнулся ото сна. Какую-то секунду он думал, что уснул у себя дома в рабочем кресле, но через большое окно луна наполняла зал тусклым светом, и, когда глаза его пробежали по рядам мумий и многочисленным батареям полированных коробок с экспонатами, он отчетливо вспомнил, где находится и как сюда попал. Нервы у ученого были крепкие, к тому же он, как любой англичанин, очень любил всяческие необычные ситуации. Расправив затекшие руки и ноги, он взглянул на часы и, увидев, какое время показывают стрелки, усмехнулся: этот случай можно будет ввести в следующую научную работу, чтобы как-то разрядить серьезность и сухость изложения. Было немного холодно, но ученый почувствовал, что сон пошел ему на пользу и неплохо освежил. Неудивительно, что музейные смотрители не заметили его – густая черная тень двери, рядом с которой он сидел, падала прямо на него.

Царящая в зале полная тишина действовала несколько угнетающе. Ни снаружи, ни внутри не было слышно ни звука. Он был один среди мертвецов давно умершей цивилизации. Что из того, что на улице яркий и кричащий девятнадцатый век? Во всем этом зале не нашлось бы ни одного предмета, начиная от

коробочки для красок древнего художника и заканчивая сморщенным пшеничным колоском, возраст которого был бы меньше четырех тысяч лет. Здесь находились остатки древнейшей цивилизации, выброшенные на берег великим океаном времени. Реликвии из роскошных Фив{482}, величественного Луксора{483}, огромных храмов Гелиополиса{484}, сотен разграбленных гробниц были собраны в этих залах. Ученый бросил взгляд на высокие молчаливые каменные фигуры, проступающие в темноте зала, на тех мастеров, которые изготовили их когда-то, а теперь величественно замерли рядом со своими творениями, и погрузился в благоговейное и задумчивое настроение. Его охватило непривычное ощущение собственной молодости и незначительности. Откинувшись на спинку, он мечтательно устремил взгляд в длинную анфиладу серебрящихся в лунном свете залов, уходящих в глубь широкого крыла здания. В самом конце глаза его различили желтую точку горящей лампы.

Джон Ванситтарт Смит тут же выпрямился, в одну секунду от благостного настроения не осталось ни следа, нервы напряглись. Светящаяся точка медленно приближалась, время от времени замирала и снова продолжала путь. Тот, в чьих руках находился источник света, передвигался совершенно бесшумно. Даже звук шагов не нарушал абсолютную тишину. Мысль о грабителях мелькнула в голове англичанина, и он забился глубже в свой укромный угол. Теперь от света его отделяло два зала. Лампа переместилась уже в соседний зал, но ни единого звука по-прежнему слышно не было. С чувством, весьма сходным со страхом, ученый впился глазами в освещенное лицо над лампой, которое плыло в воздухе в его направлении. Фигура приближающегося оставалась в тени, но странное напряженное лицо было прекрасно видно. Металлический блеск глаз, неживая кожа – ошибки быть не могло, это тот служитель, с которым он разговаривал.

Первым порывом Ванситтарта Смита было выйти из своего укрытия и обратиться к нему. Короткого объяснения будет достаточно, чтобы прояснить ситуацию, потом его, несомненно, проведут к какому-нибудь черному ходу, откуда он сможет вернуться в гостиницу. Однако человек этот двигался столь осторожно, выражение его лица было до того подозрительным, что англичанин передумал выходить из своего укрытия. Все это было совершенно не похоже на дежурный обход служителя музея. На ногах незнакомца были фетровые тапки, глубоко и часто дыша, он то и дело оглядывался по сторонам. От его взволнованного дыхания огонек лампы подрагивал. Ванситтарт Смит, притаившись в углу, внимательно наблюдал за его

передвижениями, уже не сомневаясь, что того привела сюда какая-то важная, может быть, даже зловещая тайна.

Движения человека с лампой были уверенными. Он легко и быстро подошел к одному из больших шкафов и, достав из кармана ключ, открыл его. С верхней полки он стащил мумию и очень осторожно, даже с почтением, положил ее на пол чуть в стороне. Потом поставил рядом с ней лампу, поджав ноги на восточный манер, сел и длинными дрожащими пальцами стал снимать с мумии повязки. Когда с хрустом отошли первые несколько лент, зал наполнился сильным сладковатым запахом, на мраморный пол посыпались труха и крошки засохших благовоний.

Джон Ванситтарт Смит не сомневался, что эту мумию раньше не разворачивали, поэтому происходящее его сильно заинтересовало. Его всего затрясло от любопытства, птицеподобная голова высовывалась из-за двери все дальше и дальше. Однако когда с четырехтысячелетней головы была снята последняя полоска материи, он едва сдержался, чтобы не вскричать от изумления. Сначала из-под рук работника водопадом хлынули длинные черные блестящие локоны. Вторым движением он обнажил низкий белый лоб и пару изящно изогнутых бровей. Третьим – открыл яркие восточные глаза и ровный точеный нос. Наконец четвертым и последним движением он снял повязку с красивых, пухлых, чувственных губ и прекрасно очерченного подбородка. Обнажившееся лицо было восхитительно, только прямо посередине лба было заметно неровное пятнышко кофейного цвета. Несомненно, это было величайшее достижение древних бальзамировщиков. Глаза Ванситтарта Смита раскрывались все шире и шире, от восхищения у него запершило в горле.

Между тем удивление египтолога не шло ни в какое сравнение с тем впечатлением, которое произвел женский лик на странного смотрителя. Он поднял над головой руки, затараторил какие-то непонятные отрывистые слова, потом бросился на пол рядом с мумией, обнял ее и стал осыпать ее лоб и губы поцелуями.

– Ma petite! – бормотал он по-французски. – Ma pauvre petite! [58] – От нахлынувшего чувства голос его дрогнул, пришли в движение все бесчисленные морщинки, но ученый заметил, что в его поблескивающих в свете лампы глазах не выступило ни слезинки, они оставались совершенно сухими, как два стальных шарика. Несколько минут он лежал на полу, что-то тихонько приговаривая и всхлипывая над прекрасной головой. По лицу его пробежала судорога, но вдруг он улыбнулся, произнес несколько

слов на каком-то неизвестном языке и с решительным видом вскочил на ноги.

В самой середине зала стояла большая круглая витрина, в которой была выставлена для обозрения прекрасная коллекция древнеегипетских колец и драгоценных камней. Ученый это прекрасно знал, потому что не раз любовался ими, проходя мимо. К ней и направился смотритель. Повернув в замке ключ, он поднял стеклянную крышку. Поставив лампу на деревянный выступ сбоку, он вынул из кармана маленькую глиняную баночку и поместил ее рядом с лампой. Потом странный человек достал из витрины пригоршню колец и с чрезвычайно серьезным и сосредоточенным лицом начал смазывать их по очереди какой-то жидкостью из глиняной баночки и подносить к свету. Очевидно, первая партия колец его разочаровала, потому что он раздраженно высыпал их обратно в коробку и тут же достал новую пригоршню. Среди них был большой перстень с массивным прозрачным камнем, который явно привлек его внимание. Он протер его содержимым баночки и тут же с ликующим возгласом воздел руки. Однако при этом он случайно зацепил баночку, та полетела на пол, содержимое ее выплеснулось и потекло прямо к ногам англичанина. Служитель выхватил из нагрудного кармана красный носовой платок, бросился вытирать лужу и в следующий миг оказался лицом к лицу с наблюдателем.

– Прошу меня извинить, – произнес Джон Ванситтарт Смит самым вежливым тоном, на который был способен. – Мне довелось случайно заснуть за этой дверью.

– И вы за мной следили? – по-английски осведомился смотритель, и его мертвенно-бледное лицо приобрело зловещее выражение.

Ученый был убежденным правдолюбом.

– Признаюсь, – сказал он. – Я действительно наблюдал за вашими действиями, и они удивили и необычайно заинтересовали меня.

Смотритель достал из-за пазухи длинный кривой нож.

– Вам очень повезло, – произнес он. – Если бы я увидел вас десять минут назад, этим ножом я пронзил бы ваше сердце. Но, если сейчас вы прикоснетесь ко мне или попытаетесь помешать, вы умрете.

– Я вовсе не собирался вам мешать, – сказал на это ученый. – Мое присутствие здесь – совершеннейшая случайность. Все, что я прошу, – не могли бы вы указать мне дорогу к какому-нибудь выходу? – Говорил он все тем же любезным тоном, поскольку его собеседник прижал кончик клинка кинжала к своей левой ладони, как будто пробовал его остроту, и лицо его сохраняло

самое злобное выражение.

– Если бы я подумал… – произнес он. – Но нет, может быть, так и лучше. Как вас зовут?

Англичанин представился.

– Ванситтарт Смит, – повторил смотритель. – Вы – тот самый Ванситтарт Смит, который издал в Лондоне работу об Эль-Кабе? Я читал ее. Вы ничего не смыслите в этом вопросе.

– Сэр! – воскликнул египтолог.

– Хотя ваши познания и превосходят познания многих, кто считает себя еще большим специалистом. В Египте для нас главным были не надписи и монументы, о которых вы столько говорите, а герметическая философия и тайные знания, о которых вы или вовсе не пишете, или упоминаете вскользь.

– Для нас? – удивленно повторил ученый и вдруг вскричал: – Боже правый! Посмотрите на лицо мумии!

Странный человек повернулся, посветил лампой на мертвую женщину и издал долгий жалобный стон. Воздействие воздуха сказалось на работе бальзамировщика – кожа стала быстро отставать от тела, глаза ввалились, побелевшие губы ссохлись и обнажили желтые зубы. Лишь коричневая отметина на лбу указывала на то, что это то самое лицо, которое всего несколько минут назад казалось столь юным и прекрасным.

В ужасе и скорби мужчина сложил перед собой ладони. Потом огромным усилием воли овладел собой и снова обратил холодные глаза на англичанина.

– Это ничего не значит, – дрожащим голосом произнес он. – Совершенно ничего. Сегодня я пришел сюда с определенной целью. Она достигнута, и все остальное – неважно. Я нашел то, что искал. Древнее проклятие снято, и я могу воссоединиться с ней. Какая разница, как выглядит ее безжизненная оболочка, если душа ее ждет меня по ту сторону завесы?

– Что за странные слова, – сказал Ванситтарт Смит. Ему все больше и больше начинало казаться, что он имеет дело с сумасшедшим.

– Времени мало. Мне пора идти, – продолжил тот. – Миг, которого я так долго ждал, уже близок. Но сначала мне нужно вывести вас. Идите за мной.

Подняв лампу, он пошел через залы: египетский, ассирийский, персидский. В конце последнего открыл небольшую дверцу, утопленную в стене, и стал спускаться по каменной винтовой лестнице. Англичанин почувствовал, как по его лбу прошелся прохладный ночной воздух. Прямо перед ним была дверь, которая, судя по всему, вела на улицу. Из еще одной раскрытой двери справа в темный коридор падал желтый луч

света.

– Сюда! – коротко произнес смотритель.

Ванситтарт Смит колебался. Он-то надеялся, что приключения его уже закончились, тем не менее его разбирало любопытство, против которого устоять он был не в силах. Уйти, не разобравшись во всем, ученый не мог, поэтому прошел вслед за странным спутником в освещенное помещение.

Это была небольшая комнатушка, в таких обычно живут консьержи. В камине потрескивали дрова, у одной стены стояла низкая кровать на колесиках, у второй – грубый деревянный стул, посередине – круглый стол с остатками еды. Обведя комнату взглядом, гость с удивлением отметил, что здесь все до последней мелочи выглядело очень необычно и явно было изготовлено руками древних мастеров. Свечи, вазы на каминной полке, каминные приборы, узоры на стенах – все наводило на мысли о далеком прошлом. Неприветливый служитель музея сел на край кровати и жестом пригласил гостя располагаться на стуле.

– Может быть, это судьба, – сказал он на чистом английском. – Может быть, мне было предначертано оставить рассказ о себе в назидание всем безрассудным смертным, которые отваживаются восставать против сил Природы. Я расскажу все вам. Поступайте с моим рассказом как хотите. Я буду говорить с вами, стоя одной ногой на пороге иного мира.

Я, как вы догадались, египтянин… Нет, не из той презренной расы рабов, которые сейчас живут в дельте Нила. Я из того великого и воинственного народа, что покорил евреев, отбросил эфиопцев обратно к южным пустыням и возвел огромные памятники, которым завидовали, которыми восхищались все последующие поколения. Впервые я увидел солнце во время правления Тутмоса, за шестнадцать столетий до рождения Христа. Вы вздрогнули, но подождите, вы увидите, что меня, скорее, нужно жалеть, чем бояться.

Звали меня Сосра. Отец мой был верховным жрецом Осириса{485} в главном храме города Аварис, который в те времена стоял на Бубастийском рукаве{486} Нила. Я вырос в храме, меня с детства обучали тайным наукам, о которых рассказывается в вашей Библии. Я был способным учеником. Мне еще не исполнилось и шестнадцати, а я уже знал все, чему могли научить меня мудрейшие жрецы. После этого я начал изучать тайны природы самостоятельно и ни с кем не делил полученных знаний.

Из всех вопросов, которые привлекали меня, больше всего времени я потратил на те, которые имели отношение к природе

жизни. Я хотел познать сам принцип жизни. Цель медицины – искоренять болезни, когда они случаются. Я же решил, что смогу изобрести способ настолько укрепить тело, что никакие болезни и смерть будут ему не страшны. Объяснять суть моих исследований бесполезно – вы все равно их не поймете. Частично они проводились на животных, частично на рабах, кое-что я пробовал на самом себе. Я только скажу, что моей целью было создать вещество, которое, если ввести его в кровь, сделало бы тело неподвластным влиянию времени, травмам или болезням. И мне это удалось. Конечно же, это вещество не давало бессмертия, но действие его могло длиться тысячелетиями. Сначала я испробовал его на кошке. Потом я давал ей самые смертельные яды, но это существо до сих пор живет где-то в Нижнем Египте. В этом нет ничего магического или таинственного, я просто совершил химическое открытие, которое вполне может быть сделано снова.

Больше всего любят жизнь молодые. Мне показалось, что, найдя способ навсегда избавиться от боли и отдалить смерть на такое расстояние, я сделаю людей счастливыми. С легким сердцем я ввел себе в вену это проклятое вещество и стал думать, кого еще можно осчастливить. Я знал одного молодого жреца Тота по имени Пармес. Честностью и преданностью науке он заслужил мою благосклонность. Ему я раскрыл свою тайну и по его просьбе впрыснул эликсир. Теперь, думал я, рядом со мной всегда будет друг такого же возраста, как и я.

После этого важного открытия я стал уделять работе несколько меньше времени, но Пармес продолжил свои научные исследования с удвоенной силой. Каждый день, приходя в храм Тота, я заставал его со склянками рядом с перегонным аппаратом, но о своих успехах мне он почти не рассказывал. Помню, какое удовольствие доставляло мне гулять по городу и понимать, как все, что я вижу, умрет, и только я останусь. Люди склонялись предо мной, потому что слава о моей учености не знала границ.

В то время шла война. Великий царь послал своих воинов на восточную границу, чтобы отбить войско гиксосов{487}. В Аварис прибыл новый правитель на тот случай, если придется защищать город от врагов. Я и раньше много слышал о красоте его дочери, но однажды, гуляя с Пармесом, мы увидели ее. Рабы несли ее паланкин{488} на плечах. Меня словно поразило молнией, я полюбил ее с первого взгляда. Сердце мое готово было вырваться из груди и полететь к ней. Я мог бы броситься под ноги ее рабам. Эта женщина была создана для меня. Жизнь без нее не имела смысла. Я поклялся головой Гора{489}, что она станет моей. Клятву я принес жрецу Тота, но он отвернулся, и лицо его стало

мрачнее самой темной тучи.

Нет нужды рассказывать, как я добивался ее. Она полюбила меня так же сильно, как я любил ее. Я узнал, что Пармес познакомился с ней раньше меня и тоже полюбил ее, чего не стал скрывать, но я лишь смеялся над его чувством, так как знал, что ее сердце отдано мне. В город пришла эпидемия белой чумы. Многие заболели, но мне зараза была не страшна, я шел к больным и лечил их. Она только удивлялась моей храбрости. Потом я посвятил ее в свою тайну и стал умолять позволить мне защитить ее с помощью своего искусства.

– Твой цветок никогда не увянет, Атма, – убеждал ее я. – Все пройдет, а ты, я и наша любовь переживем пирамиду Хефрена{490}.

Но она мягко возражала:

– Разве это правильно? Разве этого хотят боги? Если бы великий Осирис хотел, чтобы жизнь наша была такой долгой, он бы сам продлил наши годы.

Нежными словами любви мне удалось победить ее сомнения, и все же она колебалась. Это слишком важный вопрос, говорила она. Она попросила дать ей одну ночь на раздумья, и утром я должен был узнать ее решение. Что такое одна ночь? Мне пришлось согласиться. Она хотела помолиться Исиде{491} и спросить у нее совета.

С тяжелым сердцем и нехорошим предчувствием я оставил ее в окружении служанок. Утром, сразу после первых жертвоприношений, я поспешил к ней. На ступенях ее дворца меня встретила испуганная рабыня. Хозяйка заболела, сказала она, сильно заболела. В исступлении я бросился в дом, пробился сквозь ряд стражников и побежал по коридорам к палатам моей Атмы. Она лежала на кровати, голова ее покоилась на высокой подушке. Лицо у нее было бледнее мела, глаза затуманились. На лбу горело яркое багровое пятнышко. Страшный знак был мне слишком хорошо знаком. Это была метка белой чумы, печать смерти.

Не хочу много говорить о том ужасном времени. Много месяцев я сходил с ума, метался, словно в горячке, бредил, но умереть не мог. Пилигрим в пустыне так не жаждет свежей прохладной воды, как я жаждал смерти. Если бы яд или сталь могли укоротить нить моего существования, я очень скоро воссоединился бы со своей любимой в стране, путь в которую лежит через такую узкую дверь. Я попытался, но безуспешно. Проклятое снадобье слишком сильно на меня подействовало. Однажды ночью, когда я, разбитый и несчастный, пытался заснуть, в мою палату вошел Пармес, жрец Тота. С горящей

лампой в руке он подошел ко мне. Глаза его сияли от безумной радости.

– Почему ты позволил ей умереть? – спросил он. – Почему не сделал ее сильнее так, как сделал сильнее меня?

– Я не успел, – ответил я. – Но я забыл, ты ведь тоже любил ее. Значит, мы – друзья по несчастью. Как ужасно, что пройдут века, прежде чем мы снова увидим ее. Какие же мы глупцы, что сделали смерть своим врагом!

– Ты хорошо сказал, – дико засмеялся он. – Только называй глупцом себя, а не меня.

– Что ты говоришь? – воскликнул я и приподнялся, опершись на локоть. – Друг, горе повредило твой разум!

Лицо его горело от радости, он корчился и трясся, словно в него вселился бес.

– Знаешь, куда я иду? – спросил он.

– Нет, – ответил я. – Откуда мне это знать?

– Я иду к ней, – сказал он. – Она забальзамирована и лежит в дальней могиле за городской стеной, рядом с двумя пальмами.

– Зачем ты идешь туда? – спросил я.

– Чтобы умереть! – истошно закричал он. – Умереть! Я уже не связан земными узами.

– Но в твоей крови эликсир! – воскликнул я.

– Я могу преодолеть его силу, – сказал он. – Я открыл новый состав, который уничтожит его. Он уже течет по моим жилам, и через час я умру. Я попаду к ней, а ты останешься здесь.

Глядя на него, я видел, что он говорит правду. Свет в его глазах указывал на то, что он действительно уже не находится во власти эликсира.

– Ты научишь меня, как изготовить этот состав! – вскричал я.

– Никогда! – ответил он.

– Умоляю мудростью Тота, величием Анубиса![492]

– Бесполезно, – холодно произнес он.

– Тогда я сам открою это средство! – воскликнул я.

– Не сможешь. Я совершил это открытие случайно. Для средства нужен один компонент, который никогда не попадет тебе в руки. Лишь в кольце Тота есть это вещество, и больше нигде.

– В кольце Тота! – повторил я. – Где же это кольцо?

– Этого ты тоже никогда не узнаешь, – ответил он. – Тебе досталась ее любовь, но кто оказался в выигрыше? Я оставляю тебя одного в этой мерзкой жизни. Мои цепи разбиты. Я должен идти. – Он развернулся и быстро ушел. Наутро пришло известие о том, что жрец Тота умер.

После этого дни напролет я был занят одним: пытался

воссоздать яд, который окажется сильнее эликсира. С самого раннего утра и до полуночи я сидел с пробирками и горелкой. Главное, я собрал папирусы и химические сосуды жреца Тота. Увы! Мне это почти не помогло. Отдельные намеки, фразы, слова вселяли в меня надежду, но из этого так ничего и не вышло. И все же я продолжал работу. Из месяца в месяц. Когда руки у меня опускались, я шел к могиле у пальм.

Там, стоя у гробницы, в которой покоилась прекрасная шкатулка, оставшаяся без драгоценного содержимого, я чувствовал ее присутствие, шептал ей, что, если только человеческий разум способен решить эту загадку, я это сделаю и присоединюсь к ней.

Пармес упоминал, что открытие его связано с кольцом Тота. Я однажды видел эту безделушку. Это был большой и массивный перстень, изготовленный не из золота, а из более редкого и тяжелого металла, добываемого в рудниках на горе Харбал. Вы называете его платина. Я помнил, что в этот перстень был вделан прозрачный камень, полый внутри. В нем можно было спрятать несколько капель. Тайна Пармеса не могла быть связана с металлом, потому что в храме было много колец, изготовленных из платины. Значит ли это, что он спрятал свой драгоценный яд внутри камня? Едва я пришел к этому выводу, как, просматривая его записи, наткнулся на ту, которая подтверждала мою догадку и свидетельствовала о том, что внутри еще осталась какая-то жидкость.

Но как отыскать перстень? Когда у бальзамировщика жреца раздели, этого кольца при нем не было. Среди личных вещей Пармеса его тоже не оказалось. Тщетно я обыскивал каждый зал, куда он когда-либо входил, каждую коробку, каждую вазу, каждого его раба. Я просеял песок в тех местах пустыни, где он имел обыкновение гулять, но, как я ни старался, никаких следов кольца Тота не обнаружилось. Но, я уверен, мое упорство преодолело бы все преграды, если бы не случилось непредвиденное… Если бы не произошла беда.

Великая война с гиксосами продолжалась, военачальники великого царя были окружены в пустыне вместе с лучниками и конницей. Пастушьи племена шли на нас, как саранча в засушливое лето. От безжизненной пустыни Шур до большого соленого озера днем лилась кровь, а по ночам горели пожары. Аварис был главным бастионом Египта, но мы не сумели сдержать натиск свирепых дикарей. Город пал. Правителя и всех воинов предали мечу, а меня и многих других захватили в плен.

Много долгих лет я пас скот на великих равнинах у берегов Евфрата. Хозяин мой умер, вырос его сын, а я был все так же

далек от смерти. Наконец мне удалось бежать, и я на верблюде отправился обратно в Египет. Гиксосы осели на завоеванной земле, теперь там правил их царь. Аварис был разрушен и сожжен, от главного храма не осталось ничего, кроме уродливого холма. Все гробницы были разграблены, великие памятники уничтожены. От гробницы моей Атмы не осталось и следа. Ее поглотили пески, две пальмы, которые служили указателем этого места, давно исчезли. Записи Пармеса и все, что находилось в храме Тота, либо погибло, либо разнеслось по бескрайним пустыням Сирии. Бесполезно было пытаться их отыскать.

С того дня я оставил надежду когда-либо найти кольцо или открыть тайну яда. Я стал просто жить и ждать, терпеливо ждать, когда воздействие эликсира закончится само по себе. Разве вы, живущие лишь краткий миг между колыбелью и могилой, можете понять, какая страшная вещь – время? Но я познал это на своем опыте. Река истории несет меня от самого истока. Я был стар, когда пал Илион{493}. Я был очень стар, когда Геродот прибыл в Мемфис{494}. Годы тяготили меня, когда на землю пришло христианство, но и сейчас, как видите, я выгляжу так же, как остальные люди – проклятый эликсир все еще живит мою кровь и защищает от того, чего я больше всего жажду. Но сегодня наконец-то, наконец-то все это прекратится.

Я объездил весь мир, я жил среди всех народов. Нет такого языка, который не был бы мне знако́м. Я выучил их все, чтобы скоротать время. Думаю, вы и сами понимаете, как медленно сменялись эпохи. Бесконечно долгое зарождение современной цивилизации, унылые средние века, темное время варварства. Они все у меня за плечами. Ни одну женщину я больше не любил. Атма знает, что я остался ей верен.

У меня есть привычка читать все, что ученые пишут о Древнем Египте. Я бывал богат, бывал и беден, но всегда находил деньги покупать книги на эту тему. Около девяти месяцев назад в Сан-Франциско мне на глаза попалась статья о недавних находках, сделанных близ Авариса. Когда я это прочитал, сердце затрепетало у меня в груди. В этой статье рассказывалось, что археологи недавно откопали там несколько захоронений, и в одном из них была найдена нераскрытая мумия, на саркофаге которой было написано, что это тело дочери правителя города, жившей при Тутмосе. К тому же там было сказано, что внутри саркофага нашли большое платиновое кольцо с прозрачным камнем, оно лежало на груди забальзамированной женщины. Значит, вот где Пармес спрятал кольцо Тота. О, конечно же, он не сомневался, что там оно будет в безопасности, потому что ни один египтянин не стал бы снимать крышку саркофага дорогого

ему человека, чтобы не навлечь проклятия на свою душу.

В тот же день я покинул Сан-Франциско и через несколько недель снова оказался в Аварисе, если несколько песчаных холмов да остатки стен можно назвать именем великого города. Первым делом я пошел к французам, которые проводили раскопки, и спросил про кольцо. Они ответили, что и сама мумия, и кольцо были отправлены в Булакский музей в Каире{495}. Я направился в Булак, но там узнал, что бей Мариет отправил их в Лувр. Тогда я поехал за ними следом и вот в египетском зале, спустя почти тысячи лет, я наконец увидел останки моей Атмы и нашел кольцо, которое так долго искал.

Но как было до них добраться? Как заполучить? Оказалось, что музею был нужен смотритель. Я пошел к директору, убедил его, что много знаю о Египте. Правда, слегка перестарался: он заметил, что мне больше подошло бы профессорское кресло, чем подсобка в музее и что я знаю больше, чем он сам. Пришлось мне специально наговорить всякой чепухи, наделать ошибок, чтобы он решил, будто переоценил мои познания, иначе я не получил бы возможности привезти сюда свои вещи. Это моя первая и последняя ночь здесь.

Вот моя история, мистер Ванситтарт Смит. Думаю, вам теперь все понятно. Как ни странно, вы именно в эту ночь оказались здесь и увидели лицо женщины, которую я любил в те далекие дни. В витрине было много перстней с камнями, но, чтобы найти именно тот, что нужен мне, пришлось определять, какой из них сделан из платины. Одного взгляда на камень мне хватило, чтобы понять, что внутри действительно находится жидкость и что я наконец смогу побороть свое проклятое здоровье, которое для меня хуже, чем самая страшная болезнь. Мне больше нечего вам сказать. Я облегчил душу. Можете рассказывать обо мне или сохранить мой рассказ в тайне, поступайте, как хотите. Я должен для вас что-то сделать, потому что из-за меня вы могли сегодня лишиться жизни, ведь я был отчаянным человеком и готов был пойти на все, чтобы добиться своего. Если бы я увидел вас до того, как совершил то, что задумал, я бы сделал так, что вы не смогли бы помешать мне, или поднять тревогу. Вот дверь, она ведет на Рю-де-Риволи. Прощайте!

Выходя, англичанин обернулся. В узком дверном проеме стоял худой высокий египтянин Сосра. В следующий миг дверь захлопнулась, лязгнул засов, и все вокруг окутала ночная тишина.

На второй день после возвращении в Лондон мистер Джон Ванситтарт Смит, перелистывая последний номер «Таймс»,

наткнулся на следующую короткую заметку от парижского корреспондента:

«НЕОБЫЧНОЕ ПРОИСШЕСТВИЕ В ЛУВРЕ

Вчера утром в главном египетском зале была сделана странная находка. Ouvriers[59], которые утром убирают в залах, обнаружили труп одного из смотрителей музея. Он лежал на полу, обнимая мумию, и объятия его были столь крепки, что оторвать их друг от друга удалось лишь с большим трудом. Одна из витрин, в которой хранилось собрание ценных колец, была вскрыта, ее содержимое находилось в беспорядке. Власти полагают, что служитель собирался выкрасть мумию, чтобы продать ее в какую-то частную коллекцию, но в момент совершения кражи его поразил старый недуг сердца. Об этом человеке нам удалось узнать лишь то, что возраст его неизвестен, он отличался довольно странным поведением, и у него не оказалось родных, которые могли бы оплакать его трагическую и безвременную кончину».

De Profundis [60]

До тех пор, пока океаны будут связывать воедино раскинувшуюся по всему свету великую Британскую империю, наши сердца будут овеяны романтикой. Поскольку огромные водные просторы волнуют наши души, так же как Луна вызывает приливы и отливы, и дороги из одного конца империи в другой проходят по поразительным местам, наполненным удивительными звуками и неведомыми опасностями, странствие по ним не оставит следа в сердце разве что очень сухого человека. Британия со всех сторон окружена трехмильной полосой водного пространства, но она распростерлась далеко за их пределы, потому что новые земли она покоряла не огнем и мечом, а молотом, ткацким станком и киркой. История учит нас, что ни один король, ни одна армия не в силах преградить путь человеку, у которого в кармане два пенса и который знает, как превратить их в три, и решил этого добиться. С расширением границ Британии раздвигались и горизонты ее мышления, пока человечество наконец не поняло, что у этого острова амбиции континентального масштаба, а континент мыслит по-островному.

Однако ничего не дается бесплатно, и мы платим страшную цену. Мифическому чудовищу каждый год нужно было приносить в жертву одну юную человеческую жизнь, мы же изо дня в день жертвуем своей империи цвет нашей молодежи. Эта мощная машина огромна и простирается на весь мир, но единственное, что может привести ее в действие, – жизни молодых британцев. Зайдите в любой из мрачных старинных храмов, оглянитесь по сторонам, на стенах вы увидите медные доски со странными названиями, названиями, которых люди, возводившие эти стены, никогда и не слышали, ибо в Пешаваре и Амбале, Корти и Форт-Пирсоне умирают наши юноши{496}, оставляя после себя лишь славную память да медные доски. Но если каждому погибшему возвести обелиск в том месте, где он пал, уже не нужно будет обозначать границы, ибо кордон из британских могил будет указывать на то, как далеко докатилась англо-кельтская волна.

И это, как и воды, соединяющие нас с остальным миром, тоже вселяет в наши сердца тягу к романтике. Ибо, когда у столь многих людей их любимые находятся где-то далеко за морями, под пулями горцев или среди малярийных болот, где смерть приходит неожиданно, а родина далеко, начинается общение, для которого не нужны слова, для которого не имеют значения расстояния, и происходят удивительные случаи, когда, благодаря сну, предчувствию или видению, мать узнает о смерти сына и

успевает оплакать его еще до того, как приходит официальное известие о его гибели. Лишь недавно люди науки взялись изучать этот феномен и даже дали ему название, но что мы можем знать о нем, кроме того что несчастная душа, оказавшаяся в беде, может в мгновение ока перенести через десяток тысяч миль изображение своего страдания другой родственной душе? Я не стану отрицать, что в нас заложена такая способность, поскольку последнее, что сможет познать человеческий мозг, – это его собственные способности. И все же нужно быть очень осторожными с подобными вещами, поскольку мне известен по крайней мере один случай, когда то, что никоим образом не выходило за пределы законов природы, было принято за нечто совершенно сверхъестественное.

Джон Ванситтарт был младшим партнером фирмы «Хадсон энд Ванситтарт», которая занималась поставками кофе с Цейлона. По происхождению он на три четверти был голландцем, однако искренне любил все английское. Много лет я представлял его интересы в Лондоне, и когда в 1872-м он на три месяца приехал в Англию, чтобы отдохнуть, именно ко мне он обратился за рекомендациями, которые позволили бы ему повидать английские города и веси. Из моего кабинета он вышел снабженный семью письмами, и потом несколько недель из разных уголков страны я время от времени получал записки, из которых узнавал, как замечательно он ладит с моими друзьями. Потом до меня дошел слух о его помолвке с Эмили Лоусон, представительницей младшей ветви херефордширских{497} Лоусонов, и почти сразу после этого пришла весть об их женитьбе, ибо ухаживания путешественника не могут быть долгими, и уже близился тот день, когда ему нужно было отправляться в обратный путь. На принадлежащем фирме тысячетонном трехмачтовом барке{498} они должны были вместе вернуться в Коломбо{499}, и это плавание, в котором приятное соединялось с необходимым, обещало стать для них чудесным свадебным путешествием.

Для плантаторов, выращивающих на Цейлоне кофе, то были золотые дни, еще до того, как буквально за один сезон гнилостный грибок обрек всю общину на годы отчаяния, дни, которые закончились одной из величайших коммерческих побед, когда-либо одерживаемых мужеством и находчивостью человека. Не часто ведь случается так, чтобы людям после краха целой индустрии удавалось создать новую, не менее прибыльную. Теперь чайные плантации являются таким же памятником человеческой отваге, как Лев Ватерлоо{500}. Однако в 1872-м небо еще было чистым и надежды плантаторов были столь же велики и

прекрасны, как склоны холмов, с которых они снимали урожаи. Ванситтарт вернулся в Лондон с молодой женой-красавицей. Я был представлен, мы пообедали вместе, и, поскольку дела и меня звали на Цейлон, было решено, что я поплыву вместе с ними на «Восточной звезде», отплытие которой намечалось на следующий понедельник.

Со своим партнером я увиделся снова в воскресенье вечером. Около девяти часов его провели в мою комнату, и с первого взгляда я заметил, что он не в духе и чем-то взволнован. Рука, которую он протянул мне для приветствия, оказалась горячей и сухой.

– Аткинсон, не могли бы вы дать мне лимонного сока и воды, – попросил он. – Чертовски хочется пить, к тому же, чем больше я пью, тем больше хочется.

Я позвонил и попросил слугу принести графин и стаканы.

– Вы весь горите, – заметил я. – И вообще неважно выглядите.

– Да, что-то мне нездоровится. Поясница разболелась, аппетит пропал. Это все Лондон – не привык я дышать воздухом, которым до тебя уже дышали четыре миллиона людей. – Он помахал перед лицом руками, как будто действительно задыхался.

– Ничего, море скоро поставит вас на ноги.

– Да, тут я с вами согласен. Это именно то, что мне нужно. Для меня это лучший врач. Если завтра я не выйду в море, я заболею, это точно. – Джон Ванситтарт выпил стакан лимонного сока и потер костяшками пальцев поясницу. – Мне это помогает, – сказал он и посмотрел на меня затуманенными глазами. – Мне нужна ваша помощь, Аткинсон, потому что я не знаю, как мне быть.

– А что случилось?

– Теща заболела, она прислала нам телеграмму и попросила приехать. Но я не смогу к ней вырваться… Вы же знаете, сколько у меня дел, поэтому жене пришлось ехать одной. А теперь я получил еще одну телеграмму, на этот раз от жены, она сообщает, что завтра не сможет приехать, но присоединится ко мне в Фалмуте{501} в среду. Вы знаете, что «Восточная звезда» туда заходит, хотя, если честно, я, Аткинсон, считаю, что жестоко заставлять человека верить в сказки и проклинать его, если он на это не способен. Заметьте, именно проклинать, не меньше. – Он чуть подался вперед и засопел, словно собирался разрыдаться.

Тут мне впервые вспомнились рассказы о том, что на острове много пьют, и я подумал, что причиной странных слов и горячих ладоней является бренди. Пылающие щеки, поволока в глазах – явные признаки сильного опьянения. Печально было видеть

такого достойного молодого человека в плену самой пагубной из привычек.

– Вам нужно полежать, – строго произнес я.

Он зажмурился, потом поморгал, как делают люди спросонья и несколько удивленно посмотрел на меня.

– Так и сделаю, – сказал он вполне трезвым голосом. – Что-то мне не по себе стало, но ничего, уже все прошло. О чем это я? Ах, да, о жене. Она сядет на судно в Фалмуте. Я же хочу плыть морем, потому что чувствую, что от этого зависит мое здоровье. Мне нужно подышать свежим морским воздухом, чтобы прийти в себя. Я прошу вас как друга, поезжайте в Фалмут поездом, я не хочу, чтобы жена, если мы вдруг опоздаем, оставалась там совсем одна. Остановитесь в гостинице «Ройял», а я телеграфирую ей, что вы ее там ждете. Ее привезет сестра, так что никаких сложностей возникнуть не должно.

– Конечно же, с удовольствием, – ответил я. – Честно говоря, я даже рад, что прокачусь на поезде, потому что по дороге в Коломбо наплаваться мы еще успеем. Мне тоже кажется, что вам нужно освежиться. А пока на вашем месте я бы пошел домой и хорошенько выспался.

– Да-да, так и сделаю. Сегодня я буду спать на борту, – продолжил он, и глаза его снова начали затуманиваться. – Я уже несколько ночей не могу нормально выспаться. Меня все мучают телологи… то есть теололого… подождите. – Наконец, собравшись с мыслями: – теолологические сомнения. Ну, знаете, почему Всемогущий создал нас так, что у нас болят поясницы, кружатся головы… Но, может, сегодня в конце концов удастся выспаться. – Он встал, покачнулся и схватился за спинку кресла.

– Послушайте, Ванситтарт, – сказал я, подошел к нему и с серьезным видом положил руку ему на плечо. – Я найду вам постель, можете остаться у меня. В таком состоянии вам нельзя выходить. Вы совсем плохо выглядите… Не иначе, напитки смешивали.

– Напитки? – повторил он и посмотрел на меня совершенно пустыми глазами.

– Раньше спиртное на вас так не действовало.

– Честное слово, Аткинсон, у меня уже два дня и капли спиртного во рту не было. Дело не в выпивке. Я не знаю, что это. Вы решили, что я пьян? – Он взял пылающей рукой мою ладонь и провел ею по своему лбу.

– О Боже! – воскликнул я.

Его кожа на ощупь напоминала тонкий бархат, под которым лежит плотный слой мелкой дроби. При простом прикосновении она казалась гладкой, но, если провести по ней пальцем,

чувствовалось, что она бугристая, как терка для мускатных орехов.

– Ничего страшного, – увидев мое удивление, улыбнулся он. – Когда-то я болел тропической потницей, так у меня было почти то же самое.

– Но это вовсе не потница!

– Нет. Это Лондон. Плохой воздух. Но завтра со мной все будет в порядке. На борту есть врач, так что я буду в надежных руках. Ну, мне пора.

– Никуда вы не пойдете! – Я усадил его обратно в кресло. – Это уже не шутки. Останетесь здесь, пока вас не осмотрит доктор. Никуда не уходите.

Схватив шляпу, я бросился к знакомому врачу, который жил по соседству, и скоро вернулся вместе с ним, но комната моя была пуста. Ванситтарт ушел. Я вызвал слугу, и тот рассказал, что мой гость сразу после моего ухода попросил вызвать кеб и уехал. Кебмену он велел ехать к докам.

– Джентльмен не казался больным?

– Больным? – слуга улыбнулся. – Нет, сэр, он распевал песни.

Однако все это было совсем не так весело, как казалось моему слуге. Но я решил, что раз Ванситтарт отправился прямо на «Восточную звезду», и коль там имеется свой врач, особого повода для беспокойства нет. И все же, вспоминая его жажду, горящие ладони, замутненные глаза, сбивчивую речь и бугристую кожу, спать я лег с тяжелым сердцем.

На следующий день в одиннадцать часов я был в доках, но «Восточная звезда» уже ушла вниз по реке и была рядом с Грейвсендом{502}. Я сел на поезд и отправился в Грейвсенд, но успел увидеть лишь верхушки мачт да дымок, поднимающийся из трубы буксира. Теперь узнать, как дела у моего друга, я мог только при встрече в Фалмуте. Когда я вернулся в свой кабинет, меня ждала телеграмма от миссис Ванситтарт с просьбой встретить ее, и на следующий день вечером мы с ней уже были в фалмутской гостинице «Ройял», где нам предстояло дожидаться прибытия «Восточной звезды». А следующие десять дней о ней не было никаких известий.

Те десять дней я вряд ли когда-нибудь забуду. В тот самый день, когда «Восточная звезда» вышла из устья Темзы, с востока налетел страшный штормовой ветер, который не стихал целую неделю. Бури такой силы с сумасшедшим, воющим и непрекращающимся ветром еще не бывало на южном побережье. Из окон нашей гостиницы моря было почти не видно. Из-за густого тумана, который навис над ним, мы могли различить лишь небольшой исхлестанный дождем полукруг берега, на

который накатывала пена. Ветер был такой сильный, что вода в море даже не могла подниматься волнами, ураган с ревом и свистом срывал верхушки с бурунов и разносил их по всему заливу. Тучи, ветер, море, все неслось на запад, и я, глядя на это безумное смешение стихий, ждал, ждал изо дня в день, и всегда со мной рядом находилась молчаливая бледная женщина, в глазах которой затаился страх. Она почти не отходила от окна, с раннего утра до самого позднего вечера, ее взгляд был устремлен в стену серого тумана, где она надеялась различить неясные очертания приближающегося судна. Она ничего не говорила, но лишь одно чувство было написано на ее лице: безумный всепоглощающий страх.

На пятый день я решил посоветоваться с опытным старым моряком. Я бы предпочел сделать это с глазу на глаз, но миссис Ванситтарт, заметив, с кем я разговариваю, тут же бросилась к нам. Губы ее были приоткрыты, в глазах застыла мольба.

– В море они вышли семь дней назад, – сказал старый морской волк, – а шторм не стихает уже пятый день. Думаю, при таком-то ветре из Английского канала унесло уже все, что может держаться на воде. Три вещи могло случиться с ними. Их могло прибить к какому-нибудь порту с французской стороны, и это сдается мне самым вероятным.

– Нет-нет, он же знает, что мы его ждем здесь. Он бы телеграфировал.

– Да, в самом деле… Значит, им пришлось идти по ветру и сейчас они уже, наверное, где-то недалеко от Мадейры{503}, это точно, можете мне поверить, мадам.

– А какой третий вариант? Вы сказали, что с ними могло случиться три вещи.

– Правда? Нет, мадам, я сказал «две вещи». С чего бы это вдруг мне говорить о трех? В море ваше судно, можете не сомневаться. Где-то в Атлантике, и скоро ждите от него весточки, потому как погода меняется. Так что вы не бойтесь, мадам, продолжайте спокойно ждать, завтра над вами будет чистое корнуоллское небо.

Предположение старого моряка оказалось верным, потому что следующее утро было спокойным и светлым, лишь обрывок темного облака, висящий низко над горизонтом на западе, указывал но недавний шторм. Но и в тот день мы не увидели судна и не получили вестей из моря. Прошло еще три дня томительного ожидания, и это были самые мучительные дни в моей жизни. А потом в гостиницу пришел моряк с письмом. Увидев письмо, я не сдержал радостного крика. Оно было от капитана «Восточной звезды». Прочитав первые строчки, я

поспешил накрыть письмо ладонью, но миссис Ванситтарт убрала мою руку.

– Я увидела начало, – произнесла она спокойным ровным голосом, – и хочу дочитать до конца.

«Дорогой сэр, – говорилось в письме. – Мистер Ванситтарт заболел оспой, нас уже унесло так далеко по курсу, что мы не знаем, как поступить. Ему настолько плохо, что он не может дать распоряжения. Согласно навигационным приборам, мы находимся в трехстах милях от Фуншала, поэтому я решил, что нам лучше будет зайти туда, отправить мистера В. в больницу и дожидаться вас в бухте. Насколько я знаю, через несколько дней из Фалмута на Фуншал идет судно. Это письмо я отправляю фалмутским бригом «Мариан», заплатив пять фунтов за услугу.

С уважением,

Капитан Хайнс».

Она была удивительной женщиной, по-мужски выдержанной и сильной, хотя совсем еще молодой, лишь недавно из школы. Не сказав ни слова, она надела шляпку.

– Вы уходите? – спросил я.

– Да.

– Я могу вам чем-то помочь?

– Нет, я иду к врачу.

– К врачу?

– Да. Хочу узнать, как ухаживать за больным оспой.

Весь вечер она провела у врача, а на следующее утро мы отплыли на Мадейру на борту барка «Роза Шарона», который шел на десяти узлах{504}, подгоняемый легким попутным ветром. Пять дней мы резво шли вперед и уже почти достигли острова, когда на шестой день наступил полный штиль. Мы остановились посреди спокойного, словно разлитое масло, моря. Судно лишь медленно покачивалось, но за весь день не прошло вперед ни на фут.

В десять часов вечера мы с Эмили Ванситтарт стояли у ограждения кормы на правом борту. Полная луна светила нам в спины и отбрасывала тень барка и наших двух голов на мерцающую воду. Из этой тени к пустому горизонту уходила лунная дорожка, которая поблескивала и подрагивала на вялой водной ряби. Беседовали мы, облокотившись на поручень и склонив головы. Разговор шел о штиле, о том, когда ожидать ветра, о том, что предвещает вид неба, но вдруг раздался всплеск, и прямо перед нами на лунной дорожке из воды восстал и обратил на нас взор Джон Ванситтарт.

Это было похоже на то, как выпрыгивает из воды лосось. В свете луны видно его было прекрасно, поскольку от нас он

находился на расстоянии не больше трех весел. Шишки на его лице выделялись сильнее, чем когда я видел его в прошлый раз, к тому же его покрывали темные струпья. Глаза и рот его были широко раскрыты, словно в величайшем изумлении. С плеч стекало что-то белое, одну руку он поднял к уху, вторую прижимал к груди. Я совершенно ясно видел, как он стремительно поднялся из воды, легкая волна, которую вызвало его появление, набежала на борт судна. Потом эта фигура снова погрузилась в воду, и я услышал резкий потрескивающий звук, какой издает хворост, горящий на костре в морозную ночь. В следующую секунду он исчез, и лишь легкое волнение и небольшой водоворот указывали на то место, где он находился. Как долго простоял я там, дрожа всем телом, одной рукой удерживая бесчувственную женщину, а второй вцепившись в ограждение палубы, позже я не мог вспомнить. Меня всегда считали человеком сдержанным, не подверженным сильным чувствам, но в тот раз я был на самом деле потрясен. Пару раз я даже топнул ногой по палубе, чтобы убедиться, что не брежу и что все это не какая-то безумная выходка воспалившегося мозга. Я все еще стоял, пытаясь успокоить нервы, когда женщина вздрогнула, открыла глаза, глубоко вздохнула, выпрямилась, взялась обеими руками за поручень и посмотрела на залитое луной море. В эту летнюю ночь лицо ее состарилось на десять лет.

– Вы его видели? – слабым голосом произнесла она.

– Я видел что-то.

– Это был он! Джон! Он умер!

Я пробормотал какие-то слова сомнения.

– Нет, я уверена, в эту минуту он умер, – прошептала она. – Умер в больнице на Мадейре. Я читала о таких вещах. Перед смертью он думал обо мне, поэтому мне явился его образ. О Джон… Милый, дорогой… бедный Джон!

Неожиданно она громко зарыдала, я отвел ее в каюту и оставил наедине с горем. Ночью подул легкий восточный бриз, и вечером следующего дня, миновав два островка Десертас{505}, на закате мы бросили якорь в фуншальской бухте. Недалеко от нас стояла и «Восточная звезда», с карантинным флагом на грот-мачте и приспущенным британским флагом на корме.

– Видите, – быстро проговорила миссис Ванситтарт. Глаза ее были сухи, потому что она была уже готова увидеть этот траурный символ.

Позже мы получили разрешение властей подняться на борт «Восточной звезды». Капитан Хайнс встречал нас на палубе. Было видно, что он растерян и подавлен. Не зная, как преподнести

печальные новости, он молчал.

– Я знаю, мой муж мертв, – сказала моя спутница. – Он умер вчера вечером около десяти часов в больнице на берегу. Верно?

Моряк ошеломленно уставился на нее.

– Что вы, мадам, – сказал он. – Мистер Ванситтарт умер восемь дней назад в море. Нам пришлось опустить его тело в воду, потому что мы попали в полосу штиля и не знали, когда доберемся до берега.

Таковы основные факты смерти Джона Ванситтарта и его явления жене где-то на 35 градусах северной широты и 15 градусах западной долготы. Немного есть более очевидных примеров встречи с мертвецами. И с тех пор в разговорах, газетах и на ученых собраниях о нем именно так и рассказывают. Это происшествие встало в один ряд с другими случаями, которые считаются доказательством недавно выдвинутой теории телепатии. Лично я не сомневаюсь в существовании телепатии, но считаю, что эта история не имеет с ней ничего общего. Я думаю, что в тот вечер из пучин Атлантики восстал не дух Джона Ванситтарта, а сам Джон Ванситтарт. По какому-то странному, невероятному совпадению (такие совпадения считаются невозможными и тем не менее происходят повсеместно) штиль застал нас именно на том месте, где за неделю до этого он был похоронен. Что касается остального, судовой врач рассказал мне, что свинцовое грузило было привязано к телу не очень прочно, и за семь дней под водой в теле происходят такие изменения, которые могут заставить его подняться на поверхность. Всплывая с довольно большой глубины, оно могло набрать скорость, которая и вытолкнула его из воды. Таково мое объяснение этого происшествия, и, если вы спросите меня, что было с телом потом, я напомню вам о том звуке, который раздался, когда образовался водоворот. Акулы предпочитают питаться у поверхности воды, и в тех широтах они водятся в изобилии.

Морское путешествие Джелланда

– Ну что же, – сказал наш англо-японец, когда мы придвинули кресла к камину курительной комнаты, – это давняя история и, может быть, уже успела просочиться в газеты, не знаю. Я не хочу превращать наш клуб в место, где рассказывают истории «с бородой», но Желтое море далеко, и вполне может статься, что никто из вас и не слышал о яле{506} «Матильда» и о том, что случилось с Генри Джелландом на его борту.

В середине шестидесятых в Японии было неспокойно. История эта произошла вскоре после обстрела Симоносеки{507}, но до дела даймё{508}. У них были свои тори и свои либералы, и вопрос, по которому они никак не могли прийти к согласию, заключался в том, резать ли глотки всем иностранцам, которые живут в их стране, или нет. Поверьте, для меня с тех пор любые наши политики кажутся смирными овечками. Если ты жил в открытом порту, ты каждое утро просыпался и первым делом бежал узнавать, что там творится «наверху». Что самое интересное, приезжие иностранцы не могли знать, что происходит в стране. Если бы взяла верх оппозиция, они бы не из газетных статеек об этом узнали. Нет, какой-нибудь местный тори явился бы к ним в полном боевом облачении, с мечом в каждой руке и сообщил бы им об этом одним ударом сверху.

Конечно, такая жизнь на краю вулкана порой толкает людей на безрассудные поступки. Это поначалу они нервничают, но потом настает время, и они учатся ценить каждую минуту и получать от жизни все. Поверьте, ничто не делает жизнь такой прекрасной, как тень смерти. Время становится слишком ценной штукой, чтобы тратить его понапрасну. Вот так мы и жили в Иокогаме. Там находилось множество представительств европейских компаний, которым нужно было продолжать работать, и благодаря их сотрудникам жизнь там кипела не только днем, но и ночью.

Одним из самых влиятельных людей в европейской колонии был Рандольф Мур, крупный торговец экспортными товарами. Конторы его размещались в Иокогаме, но большую часть времени он проводил в своем доме в Эдо{509}, который только недавно открылся для торговли. Когда он отсутствовал, всеми делами заправлял его главный клерк, Джелланд. Мур считал его человеком очень энергичным и целенаправленным. Однако и энергичность, и целенаправленность – это, что называется, палки о двух концах, и когда они направлены против тебя, то уже не кажутся тебе такими уж замечательными качествами.

Беды Джелланда начались с его увлечения азартными играми. Невысокий, темноглазый, с черными курчавыми волосами, он больше чем на три четверти был кельтом. Каждый вечер его можно было застать в казино Мэтьюсона сидящим по левую руку от банкомета за rouge et noir[61]. Долгое время он выигрывал и жил в бóльшей роскоши, чем его хозяин, но в один прекрасный день удача от него отвернулась, началась череда проигрышей, и к концу недели он со своим партнером остался без доллара в кармане.

Партнер его тоже был клерком и работал в одной с ним компании. Высокий молодой светловолосый англичанин по фамилии Макэвой вообще был хорошим парнем, но слишком сильно поддавался влиянию, и в конце концов Джелланд слепил из него некое подобие самого себя. Все время они проводили вместе в поисках развлечений, и заводилой всегда был Джелланд, Макэвой всегда шел туда, куда его вели. Линч, я и еще несколько ребят пытались дать понять этому молодому человеку, что такая жизнь ни к чему хорошему его не приведет, и убедить его в этом было проще простого, но пять минут в обществе Джелланда возвращали все на круги своя. Не знаю, что это было, может быть, какой-то животный магнетизм или что-то другое, но маленький Джелланд тянул за собой здоровяка Макэвоя, как шестидесятифутовый буксир – огромный парусник. Даже оставшись без денег, они вместе приходили в казино, чтобы смотреть, как играют другие, и глаза их жадно вспыхивали, если кому-то начинало везти.

Но однажды вечером они не смогли удержаться. Шестнадцать раз подряд выигрывал красный цвет, и нервы Джелланда не вынесли. Он пошептался с Макэвоем, потом обратился к банкомету.

– Разумеется, мистер Джелланд, мы примем ваш чек с такой же радостью, как и наличные, – сказал банкомет.

Джелланд выписал чек и поставил его на черное. Выпал червовый король, и банкомет придвинул к себе маленький листочек. Джелланд разозлился, а Макэвой побледнел. На стол лег еще один чек, уже на бóльшую сумму. Выпала бубновая девятка. Макэвой схватился за голову и покачнулся. «Дьявол! – прорычал Джелланд. – Я должен выиграть!» Он выписал третий чек, который перекрывал два первых. Выпала червовая двойка. Через несколько минут они шли по набережной и ветер дул им в разгоряченные лица.

– Наверняка ты понимаешь, что это означает, – сказал Джелланд, раскуривая сигару. – Нам придется перевести какую-то сумму со счетов компании на наш текущий счет. Тут нет ничего

страшного – старый Мур до Пасхи все равно в бухгалтерские книги заглядывать не будет. Немного везения, и мы до этого времени легко все вернем.

– А если нам не повезет? – робко усомнился Макэвой.

– Да будет тебе, дружище! Поживем – увидим. Будешь держаться за меня, а я – за тебя, и вместе мы выплывем. Завтра вечером ты будешь чеки выписывать, проверим, может тебе повезет больше, чем мне.

Однако вышло наоборот. Когда на следующий вечер пара встала из-за стола, они проиграли больше пяти тысяч хозяйских денег. Тем не менее непоколебимый Джелланд веры в лучшее не утратил.

– До проверки у нас еще целых девять недель, – своим обычным уверенным голосом сказал он. – Все, что нам нужно, – это отыграться, и все будет хорошо.

Макэвой в тот вечер вернулся к себе охваченный стыдом и раскаянием. Находясь рядом с Джелландом, он заряжался от него энергией и силой, но, оказавшись в одиночестве, вдруг осознал всю опасность своего положения. Перед глазами у него возник образ матушки в белом чепце, которая была так горда, когда он получил назначение сюда, отчего отвращение и безумное отчаяние наполнили его. Ночью, когда он беспокойно метался в кровати, не в силах заснуть, в спальню вошел слуга-японец. В первую секунду Макэвой решил, что начинается давно ожидавшаяся резня иноземцев, и схватил револьвер, но оказалось, что слуга всего лишь явился сообщить, что к нему пришел Джелланд, который дожидается внизу.

– Что ему может быть нужно в такое-то время? – Голос Макэвоя все еще дрожал от неожиданного переживания. Он быстро оделся и поспешил вниз. Его друг с приклеенной улыбкой, которая никак не сочеталась с мертвенной бледностью лица, сидел в тусклом свете единственной свечи с какой-то бумажкой в руках.

– Извини, что разбудил, Вилли, – сказал он. – Надеюсь, нас никто не подслушивает?

Макэвой покачал головой, говорить он был не в силах.

– Хорошо. Нашему маленькому дельцу каюк. Эта записка ждала меня дома, когда я вернулся. Это от Мура, он пишет, что приезжает в понедельник для проверки бухгалтерских книг. Для нас это не очень удобно, не правда ли?

– В понедельник! – задохнулся Макэвой. – Сегодня пятница.

– Суббота, сынок. Сейчас три часа утра. У нас не так уж много времени.

– Мы пропали! – в отчаянии вскричал Макэвой.

– Пропали, если будешь так орать, – грубо сказал Джелланд. – Значит так, будешь делать то, что я говорю, и мы выплывем.

– Я сделаю все… Все!

– Ну вот, так-то лучше. Где у тебя виски? Сейчас, конечно, не самое подходящее время, но нам нужно торопиться, иначе пропадем. Во-первых, сначала нам нужно выяснить отношения, верно?

Макэвой уставился на него, разинув рот от удивления.

– Мы должны либо выстоять вместе, либо пойти на дно вместе. Что касается меня, то я не собираюсь за решетку. Понимаешь меня? Для этого я готов на все. А ты?

– Что ты имеешь в виду? – в испуге подался назад Макэвой, глядя на своего товарища.

– Нам придется умереть. Для этого достаточно всего лишь спустить курок. Клянусь, живым я не сдамся. А ты?

– Ну, хорошо. Если ты считаешь, что так лучше… Я это сделаю.

– Обещаешь?

– Да.

– Хорошо. Запомни, ты дал слово. Итак, у нас есть два дня, чтобы исчезнуть. Я знаю, что сейчас на торгах выставлен ял «Матильда», вместе со всем такелажем и запасом консервированной провизии. Завтра утром мы купим его и все, что нам может понадобиться, и уберемся из этой чертовой дыры. Но сначала заберем все деньги, которые еще остались в конторе. В сейфе – пять тысяч соверенов. Как стемнеет, занесем их на борт «Матильды», а там уж рискнем доплыть до Калифорнии. Нечего сомневаться, сынок, другого выхода у нас просто нет. Либо так, либо пулю в висок, помнишь обещание?

– Я сделаю все, что ты скажешь.

– Прекрасно. И смотри, завтра ты должен хорошо выглядеть – если Мур что-нибудь пронюхает, он приедет раньше понедельника, и тогда… – Он похлопал себя по карману пальто и бросил на товарища многозначительный зловещий взгляд.

На следующий день все, что они задумали, прошло гладко. С покупкой «Матильды» сложностей не возникло, и хотя ял все-таки был довольно мал для такого длительного путешествия, но, будь он больше, два человека просто не справились бы с ним. Днем в него загрузили запас воды, а когда сгустились сумерки, подельники перенесли из конторы деньги и спрятали их в трюме. К полуночи они уже собрали на борту все необходимое, не вызвав ни у кого подозрений, в два часа ночи тихо снялись с якоря, проплыли между стоящих у причала больших судов и вышли в

открытое море. Конечно же, их отплытие видели, но свидетели решили, что это заядлые яхтсмены, которые решили посвятить воскресенье любимому занятию, и никто из них не догадывался, что путешествию этому суждено было завершиться либо у американского берега, либо на дне северной части Тихого океана. Друзья налегли на канаты, подняли грот, потом поставили фок и кливер{510}. Подул слабый юго-восточный ветер, и маленькое суденышко, клюя носом, отправилось в путь. Однако, когда они отплыли от берега на семь миль, ветер стих, ял постепенно стал сбавлять скорость, пока наконец не остановился, мерно покачиваясь на легких волнах зеркального моря. За все воскресенье они не проплыли и мили, вечером Иокогама все еще была видна на горизонте.

В понедельник утром из Эдо прибыл Рандольф Мур и направился прямиком в контору. Кто-то ему уже успел шепнуть, что его люди слегка поиздержались, поэтому он несколько изменил свой обычный рабочий распорядок. Однако, приехав на место и увидев трех младших служащих, которые стояли, засунув руки в карманы, на улице, коммерсант сразу смекнул, что дело серьезное.

– В чем дело? – спросил он. Мур был человеком резким, и когда что-то шло не так, под руку ему лучше было не попадаться.

– Мы не можем войти, – ответили клерки.

– Где мистер Джелланд?

– Сегодня он не пришел.

– А мистер Макэвой?

– Его тоже нет.

Рандольф Мур нахмурился.

– Придется ломать дверь, – сказал он.

В тех краях землетрясения – обычное дело, поэтому дома там не строят слишком уж крепкими, так что не прошло и минуты, как они оказались внутри. Разумеется, им все стало ясно с одного взгляда. Сейф был открыт, деньги исчезли, старших клерков внутри, понятное дело, не оказалось. Мур не стал тратить время на долгие разговоры.

– Где их видели в последний раз?

– В субботу они купили «Матильду» и отправились в плавание.

В субботу! Имея фору в два дня, они могли уплыть так далеко, что найти их почти не оставалось надежды. И все же шанс был. Он выбежал на берег и стал осматривать горизонт через бинокль.

– Черт побери! – вскричал он. – Да это же «Матильда»! Ее наклон мачт! Ну все, эти мерзавцы от меня не уйдут!

Но вышла заминка. Свободных катеров в порту не оказалось, и взволнованный купец выходил из себя от нетерпения. Над горами показались облака, и, судя по всему, погода должна была вот-вот измениться. Скоро, впрочем, подоспела полицейская лодка с десятью вооруженными людьми на борту, Мур сам взялся за румпель{511}, и легкое проворное суденышко помчалось к замершему на горизонте ялу.

Джелланд и Макэвой, уставшие от напрасного ожидания хоть малейшего ветра, увидели темное пятнышко, отделившееся от берега и стремительно приближающееся к ним с каждым взмахом весел. Вскоре они различили, что в лодке полно людей, и блеск их оружия не оставлял сомнения в том, что это за люди. Джелланд встал, посмотрел на заволакивающееся облаками небо, на поникшие паруса и на приближающуюся лодку.

– Все кончено, Вилли, – сказал он. – Клянусь дьяволом, мы с тобой – два самых больших неудачника, потому что скоро погода переменится и уже через час подует ветер.

Макэвой застонал.

– Слезами делу не поможешь, приятель, – сказал Джелланд. – Это полицейская лодка, да еще и сам старик Мур в ней. Ишь как гребут, прямо как на пожар. Наверняка он каждому по десять долларов пообещал.

Вилли Макэвой опустился на корточки и привалился спиной к борту.

– Матушка! Бедная матушка! – пробормотал он и всхлипнул.

– По крайней мере, никто не скажет ей, что ее сын сел за решетку, – сказал Джелланд. Я своим родственникам тоже окажу такую услугу, хотя никогда не видел от них ничего хорошего. Нам надеяться не на что, Мак. Этот кон мы проиграли. Благослови тебя Бог, старина! Вот револьвер.

Он взвел курок и рукояткой вперед протянул пистолет молодому человеку. Но тот отпрянул, испуганно вскрикнув. Джелланд посмотрел на приближающуюся лодку. Их разделяло уже не больше нескольких сотен ярдов.

– Не время сейчас в игры играть, – сказал он. – Дьявол, зачем тянуть резину? Ты же поклялся.

– Нет, нет, Джелланд!

– Хорошо, но я поклялся, что никто из нас не попадет в тюрьму. Ты сделаешь это?

– Я не могу! Не могу!

– Тогда я это сделаю для тебя.

Гребцы в лодке увидели, как он поднял руку, грянуло два выстрела, и Джелланд повалился на румпель. Но после этого случилось нечто такое, что заставило поутихнуть радость

полицейских. В ту же самую секунду погода резко изменилась. Налетел шквал, один из таких, которые часто случаются в тех местах. «Матильда» покачнулась, паруса ее раздулись, и судно понеслось по воде, словно испуганная лань. Тело Джелланда заблокировало штурвал, поэтому ял двинулся прямо вперед и вскоре скрылся вдалеке, как листок бумаги, уносимый ветром. Как ни налегали на весла гребцы, но ял удалялся все дальше и дальше, и уже через пять минут растворился среди бушующих волн, чтобы больше никогда не явиться глазам смертных. Полицейская лодка развернулась и направилась в Иокогаму, наполовину заполненная водой.

Вот так и вышло, что ял «Матильда» с грузом в пять тысяч фунтов и экипажем из двух молодых мертвецов вышла в плавание по Тихому океану. Чем закончилось путешествие Джелланда, не знает никто. Быть может, он пошел ко дну в этом шторме, может, его подобрал какой-нибудь проплывающий купец, который втихомолку прикарманил денежки, а может быть, он и до сих пор бороздит океан, подгоняемый ветром на север к Беренгову морю или на юг к Малайским островам. Но лучше оставить историю незавершенной, чем испортить правдивый рассказ вымышленным концом.

Игра с огнем

Я даже не буду пытаться объяснить, что произошло 14 апреля прошлого года в доме номер 17 на Бэддерли-гарденс. Изложенная на бумаге, эта история может показаться слишком невероятной и фантастической, чтобы отнестись к ней серьезно. И все же то, что действительно случилось необычное, такое, чего, я в этом не сомневаюсь, никто из нас не сможет забыть до конца своих дней, могут единодушно подтвердить пять свидетелей. Я не стану ничего придумывать или домысливать, просто расскажу, как все было. Свои записи я опубликую только после того, как Джон Мойр, Харви Дикон и миссис Деламир ознакомятся с ними и подтвердят, что все изложено точно до последней детали. Получить одобрение от Поля Ле Дюка я не могу, поскольку он, судя по всему, покинул страну.

Первым наше внимание к оккультным наукам привлек Джон Мойр (хорошо известный старший партнер фирмы «Мойр, Мойр энд Сандерсон»). Как и многие жесткие и практичные деловые люди, он питал слабость ко всему мистическому, что привело его сначала к изучению, а потом и к приятию тех трудноуловимых феноменов, которые под общим названием «спиритизм» часто смешивают с самыми разнообразными глупостями и прямым обманом шарлатанов. В начале исследований разум Мойра был открыт и восприимчив, но, к сожалению, постепенно преисполнившись догм, он стал законченным фанатиком своей веры. В нашем кружке он представлял тех людей, которые превратили эти удивительные феномены в новую религию.

Миссис Деламир, жена Деламира, молодого подающего надежды скульптора и наш медиум, была его сестрой. По своему опыту мы уже знали, что заниматься исследованиями в этой области без помощи медиума – это все равно что астроному изучать небо без телескопа. Мысль о том, чтобы привлечь одного из тех медиумов, которые предоставляют свои услуги за деньги, была противна всем нам. Разве не очевидно, что он или она будет изо всех сил стараться отработать свои деньги и вряд ли справится с искушением прибегнуть к обману. Нельзя полностью доверять феноменам, которые оплачиваются по тарифу гинея{512} в час. К счастью, Мойр обнаружил, что его сестра обладает медиумическими способностями, другими словами, что она была аккумулятором той животной магнетической силы, которая является единственной формой энергии, достаточно легкой, чтобы воспринимать сигналы как из духовного мира, так и из нашего материального. Разумеется, я понимаю, что нельзя

говорить об этом как о чем-то доказанном, но я всего лишь описываю те взгляды (не знаю, верные ли, ошибочные ли), которых мы придерживались для того, чтобы объяснить, что мы увидели в тот лень. Как бы там ни было, леди стала принимать участие в наших экспериментах, хотя нельзя сказать, что ее муж был этому рад. И хотя она никогда не отличалась большой психической силой, по крайней мере, мы с ее помощью получили возможность заниматься теми обычными для спиритических сеансов делами, которые одновременно можно назвать и глупым ребячеством, и непостижимой загадкой. Каждое воскресенье вечером мы собирались в студии Харви Дикона на Бэддерли-гарденс, в доме на углу с Мертон-парк-роуд.

Те, кто видел необычные, полные причудливых образов картины Харви Дикона, не удивились бы, узнав, что автор их страстно увлекается всем странным и диковинным. Некоторая эксцентричность, свойственная оккультизму, послужила основой для его интереса к подобного рода занятиям, но очень скоро явления, о которых я говорил, захватили его, и он пришел к выводу, что те вещи, которые сперва представлялись ему не более чем забавой и способом весело провести послеобеденное время, в действительности были так же реальны, как и весь остальной мир. Надо сказать, что Дикон обладает на редкость здравым и логическим складом ума. Харви Дикон – достойный наследник одного из своих предков, знаменитого шотландского профессора, и, как человек, лишенный предрассудков, готовый поверить любым фактам, если их достоверность очевидна, не склонный теоретизировать заранее, в нашем кружке он представлял критический элемент. Его вечная осторожность немало раздражала Мойра. Впрочем, слепая вера самого Мойра удивляла Дикона не меньше, но оба они, каждый по своему, питали страстный интерес к нашим экспериментам.

А я? Что я могу сказать о себе? Я не был страстным фанатиком. Я не был ученым критиком. Возможно, и это ближе всего к истине, я был обычным человеком, dilettante,[62] который хочет не отставать от последних веяний и с радостью хватается за все новое, что сулит выход за рамки обычной жизненной рутины. Себя я активным человеком не назову, но мне нравится находиться в обществе таких людей. Мне доставляло удовольствие слушать Мойра, его разговоры заставляли меня думать, будто у него есть какой-то волшебный ключик, позволяющий проходить через дверь, разделяющую жизнь и смерть. Успокаивающая атмосфера спиритического сеанса, когда приглушается свет и наступает тишина, очаровывала меня. Короче говоря, я был там просто потому, что мне это нравилось.

Как я уже говорил, удивительное событие, о котором я намереваюсь рассказать, произошло 14 апреля прошлого года. Из мужчин первым прибыл в студию я, но миссис Деламир уже пила утренний чай с женой Харви Дикона. Обе леди и сам Дикон стояли перед мольбертом с его незаконченной картиной. В искусстве я не разбираюсь, и смысл, который вкладывал Дикон в свои картины, для меня всегда оставался загадкой, но в данном случае я не мог не заметить, что это творение было тщательно продумано и свидетельствовало об удивительно богатом воображении автора. На картине присутствовали феи, эльфы, животные и всевозможные аллегорические фигуры. Леди бурно выражали свое восхищение, и действительно, цветовое решение было необычным и красивым.

– А вы что думаете, Маркэм? – спросил он.

– Для меня это слишком сложно, – ответил я. – А что это за твари?

– Мифические чудовища, воображаемые существа, геральдические животные. Такая себе странная и жуткая процессия.

– И впереди белая лошадь?

– Это не лошадь, – с некоторой обидой в голосе заметил он, что меня несколько удивило, потому что, как правило, он был добрым малым и обычно не относился к себе слишком серьезно.

– А что же это?

– Вы что, не видите ро́га? Это единорог. Я же сказал, это геральдические животные. Вы не знаете, какие животные изображаются на гербах?

– Простите, Дикон, – извинился я, так как он, похоже, начинал сердиться всерьез.

Но собственная раздражительность вызвала у него смех.

– Не обижайтесь, Маркэм! – сказал он. – Просто я на этого зверя потратил уйму времени. Весь день то рисовал его, то стирал, то снова рисовал, все пытался понять, как может выглядеть настоящий, вставший на дыбы, единорог. Наконец у меня что-то получилось, по крайней мере, мне так казалось. Вот я и завелся, когда вы его не узнали.

– Ну что вы, разумеется, он очень похож на единорога, – сказал я, потому что чувствовал, что Дикона моя бестолковость все-таки задела за живое. – И рог прекрасно видно. Просто до сих пор я видел единорогов исключительно на нашем гербе, поэтому просто был не готов увидеть это существо здесь. А вот это рядом с ним грифоны{513}, василиски{514} и разные драконы, верно?

– Да, но с ними у меня трудностей не было. Только с единорогом этим пришлось повозиться. Впрочем, картина будет

закончена только завтра. – Он повернул полотно, и разговор перешел на другую тему.

В тот вечер Мойр опоздал, но, к нашему удивлению, явился он не один, а с низеньким коренастым французом, которого представил как месье Поля Ле Дюка. Я говорю «к нашему удивлению», так как мы придерживались мнения, что любое вторжение в наш спиритический кружок нарушает необходимые условия и вносит элемент неуверенности. Друг другу мы полностью доверяли, но присутствие постороннего человека ставило под сомнения результаты сеанса. Однако Мойру вскоре удалось убедить нас примириться с присутствием чужака. Месье Поль Ле Дюк оказался знаменитым исследователем оккультизма, медиумом, предсказателем и эзотериком{515}. В Англию к Мойру он прибыл с рекомендательным письмом от главы Парижского братства розенкрейцеров. Разумеется, Мойр не мог не привести такого человека на наш скромный сеанс, и, конечно же, нам нужно было воспринимать его присутствие как большую честь.

Как я уже сказал, это был человек невысокий и коренастый, с виду непримечательный, с широким, гладким, чисто выбритым лицом. Единственное, что привлекало в нем внимание, – это глаза. Большие карие, бархатные глаза, неизменно глядящие прямо вперед, как бы в пустоту. Одет он был хорошо и имел безупречные манеры, но его маленькие неожиданные ошибки в английской речи смешили наших дам.

Когда миссис Дикон, противница проводимых нами исследований, вышла, мы, как обычно, приглушили свет и придвинули стулья к квадратному столу красного дерева, который стоял посередине студии. Света было мало, но вполне достаточно для того, чтобы мы могли видеть друг друга. Помню, я даже рассмотрел до странности маленькие квадратные ладони француза, которые он положил перед собой на стол. Пальцы у него были короткие и толстые, точно обрубленные.

– Как забавно! – сказал он. – Я уже много лет не сидел вот так за столом. Но это так захватывающе. Мадам – медиум. Мадам погружается в транс?

– Пожалуй, нет, – сказала миссис Деламир. – Но я все время чувствую, что на меня нападает ужасная сонливость.

– Это первая стадия. Потом вы поддаетесь ей и наступает транс. Когда транс наступает, ваш маленький дух выпрыгивает из вас, а на его место впрыгивает другой маленький дух, и вы начинаете говорить или писать от другого лица. Просто вашей машиной начинает пользоваться другой. Hein![63] Но при чем тут единорог?

Харви Дикон подпрыгнул на стуле от удивления. Француз

медленно крутил головой и всматривался в тени на стенах.

– Как забавно! – произнес он. – Всегда эти единороги. Кто так напряженно думал о таком экзотическом существе?

– Это потрясающе! – воскликнул Дикон. – Я сегодня весь день пытался нарисовать единорога. Но как вы могли об этом узнать?

– Вы думали о нем в этой комнате?

– Ну конечно.

– Но мысли – это те же вещи, мой друг. Когда вы представляете себе что-то, вы творите этот предмет. Вы об этом не знали, не так ли? Однако я вижу ваших единорогов, потому что смотрю не только глазами.

– Постойте, вы хотите сказать, что я создаю предмет, который никогда не существовал в действительности, всего лишь подумав о нем?

– Ну конечно. Этот факт лежит в основе всех остальных фактов. Именно поэтому так опасны злые мысли.

– Надеюсь, они существуют лишь на астральном уровне? – с некоторой опаской поинтересовался Мойр.

– Ах, все это всего лишь слова, друг мой. Они там… где-то… везде… Я и сам не могу сказать точно. Я их вижу. Я могу к ним прикоснуться.

– А не могли бы вы сделать так, чтобы и мы увидели их?

– Это значило бы материализовать их. Впрочем… Это же эксперимент! Только нам не хватает силы. Давайте-ка разберемся, какие у нас силы, а потом посмотрим, что можно сделать. Я могу попросить вас пересесть?

– Вы, конечно же, разбираетесь в этих вопросах намного лучше всех нас, – сказал Харви Дикон. – И мне бы очень хотелось, чтобы вы взяли управление в свои руки.

– Условия могут оказаться неподходящими. И все же попробуем. Мадам останется на своем месте, я – рядом с ней, а этот джентльмен – рядом со мной. Месье Мойр сядет с другой стороны мадам – всегда лучше, чтобы чередовались светло-и темноволосые. Ну вот! А теперь, с вашего разрешения, я погашу свет.

– А чем лучше сидеть в темноте? – спросил я.

– Сила, с которой мы имеем дело, является вибрацией эфира{516}, так же как и свет. Когда станет темно, нам ничто не будет мешать. Мадам не боится темноты? Как забавно, что мы устроили этот сеанс!

Поначалу темнота казалась совершенной, но через несколько минут глаза наши настолько привыкли, что мы могли различать друг друга, правда, очень смутно. Кроме черных застывших фигур в комнате, я больше ничего не видел. Никогда еще к своим

сеансам мы не относились так серьезно, как в тот раз.

– Положите руки перед собой. Стол слишком большой, а нас мало, поэтому браться за руки бессмысленно. Мадам, вы должны успокоиться. Если почувствуете сонливость, не противьтесь ей. Теперь будем сидеть молча и ждать.

И мы стали сидеть молча и ждать, всматриваясь в темноту. В коридоре тикали часы, время от времени доносился далекий собачий лай. Пару раз под окнами прогрохотал кеб{517}, и, похоже, все были рады увидеть свет его фонаря, который, пробившись сквозь щелку между задернутыми шторами, проплыл по комнате, погруженной в мрачную темноту. Я почувствовал физические симптомы, которые мне уже были хорошо знакомы по предыдущим сеансам: холод в ногах, пощипывание в руках, жар в ладонях, ощущение холодного ветра на спине. В предплечьях появилась странная колющая боль, в особенности, как мне показалось, в левом, ближайшем к нашему гостю. Несомненно, она была вызвана спазмами сосудов, и все же это заслуживает внимания. В то же время я чувствовал, что меня охватило какое-то странное, обостренное, почти болезненное, чувство ожидания. По гробовому молчанию, царившему в комнате, я понял, что мои соседи напряжены не меньше моего.

И вдруг, совершенно неожиданно, в темноте послышался звук – тихий шипящий звук, легкое дыхание женщины. Чаще и громче становилось оно (дышали как будто через стиснутые зубы), пока не оборвалось громким вздохом и шуршанием плотной ткани.

– Что это? Все хорошо? – спросил кто-то в темноте.

– Да, все хорошо, – ответил француз. – Это мадам, она в трансе. Итак, господа, если вы немного подождете, я думаю, вы увидите нечто интересное.

И снова наступила тишина, только теперь, кроме тиканья в коридоре, было слышно еще и дыхание медиума, которое сделалось глубже и размереннее. Снова пару раз мелькнули огоньки от проезжающих кебов, и на этот раз они казались еще более радостными. Мы словно остановились на мосту над пропастью между двумя разными мирами: с одной стороны – приподнятая завеса над вечностью, с другой – лондонские кебы. Пришел в движение стол. Он начал медленно и ритмично раскачиваться, то приподнимался, то опускался. Потом стал издавать звуки: быстрые сухие пощелкивания и треск, похожие то на одиночные выстрелы, то на залпы, так звучит хворост, горящий в морозную ночь.

– Сила немалая, – сказал француз. – Смотрите на стол!

Я думал, это мне кажется, но оказалось, что все видят то же, что и я. Зеленовато-желтое, фосфоресцирующее свечение, или, я

бы даже сказал, светящееся испарение появилось над поверхностью стола. Оно колебалось, сворачивалось в мерцающие клубы и снова разворачивалось, как дым. В глаза мне бросились белые квадратные руки французского медиума, озаренные призрачным светом.

– Как забавно! – воскликнул он. – Прекрасно! Замечательно!

– Начнем называть алфавит? – спросил Мойр.

– О нет! Мы можем сделать кое-что поинтереснее! – ответил гость. – Вертеть стол ради каждой буквы алфавита слишком неудобно, а с таким медиумом, как мадам, мы способны на большее.

– Да, вы способны на большее, – произнес голос.

– Кто это? Кто это сказал? Это вы, Маркэм?

– Нет, я не произнес ни звука.

– Это сказала мадам.

– Но это был не ее голос.

– Это вы, миссис Деламир?

– Это не медиум, а сила, которая использует органы медиума, – произнес странный глухой голос.

– А где миссис Деламир? Надеюсь, ей ничего не угрожает?

– Медиум сейчас счастливо пребывает в иной плоскости существования. Так же, как я занял ее место, она заняла мое.

– Кто вы?

– Для вас не имеет значения, кто я. Я тот, кто жил, как сейчас живете вы, и кто умер, как умрете и вы.

Тут раздались скрип и грохот проезжающего кеба. Кроме того, мы даже услышали хриплый грубый голос кебмена, который громко спорил с пассажиром о цене. Зелено-желтое облако все еще медленно клубилось над столом, но свет его начал смещаться в сторону медиума. Оно словно устремилось к женщине. Страх холодной рукой сжал мое сердце. Мне подумалось, что вот так, играючи и совершенно несерьезно мы приблизились к сокровеннейшему из таинств, о котором говорили отцы церкви, к общению с миром мертвых.

– Не слишком ли далеко мы зашли? Может, пора прервать сеанс? – воскликнул я.

Но остальные были полны желания довести его до конца. Над моими сомнениями они только посмеялись.

– Все существующие в мире силы созданы для того, чтобы ими пользоваться, – сказал Харви Дикон. – Если мы можем воспользоваться ими, мы должны это сделать. Каждая новая область знаний поначалу объявлялась вне закона. В том, что мы хотим понять природу смерти, нет ничего странного. Мы должны и обязаны это сделать.

– Должны и обязаны, – повторил голос.

– Видите? Какое подтверждение вам еще нужно? – воскликнул Мойр, которого распирало от нервного волнения. – Давайте проведем проверку. Вы можете доказать, что действительно существуете?

– Какое подтверждение вам нужно?

– Ну вот, скажем, у меня в кармане есть несколько монеток. Вы не могли бы сказать, сколько именно?

– Мы возвращаемся в ваш мир не для того, чтобы отгадывать детские загадки, а для того, чтобы учить и возвышать.

– Ха-ха, месье Мойр, как он вас! – вскричал француз. – Но дух говорит здравые вещи.

– Это религия, а не игра, – произнес холодный размеренный голос.

– Вот-вот! Именно так я это и понимаю, – воскликнул Мойр. – Прошу меня простить за этот дурацкий вопрос. Вы можете сказать, кто вы?

– Это не имеет значения.

– Вы давно являетесь духом?

– Да.

– Сколько?

– Мы не можем измерять время так, как вы. У нас другие условия.

– Вы счастливы?

– Да.

– Вам не хочется снова ожить?

– Нет. Нисколько.

– Вы чем-то заняты?

– Если бы мы не были заняты, мы бы не были счастливы.

– Что же вы делаете?

– Я уже сказал, что у нас совсем другие условия.

– И вы никак не можете описать нам свою работу?

– Мы трудимся, чтобы улучшить себя и остальных.

– Вам сегодняшний визит к нам понравился?

– Меня радует любой визит, если он приносит пользу.

– Значит, ваша цель – приносить пользу?

– Это цель любой жизни во всех плоскостях.

– Видите, Маркэм? Вот вам ответ на ваши страхи.

К тому времени сомнения уже покинули меня совершенно и остался один только интерес.

– Вы у себя там чувствуете боль? – спросил я.

– Нет. Боль чувствуется телом.

– Может быть, вы ощущаете душевную боль?

– Да. Каждый может грустить или беспокоиться.

– Вы встречаетесь с друзьями, которых знали на земле?

– С некоторыми.

– Почему только с некоторыми?

– Лишь с теми, кто настроен благожелательно.

– Мужья там встречаются с женами?

– Те, кто по-настоящему любили друг друга.

– А остальные?

– Те ничего друг для друга не значат.

– Духовная связь существует?

– Конечно.

– Правильно ли то, чем мы сейчас занимаемся?

– Если это делается с благой целью.

– А что такое не благая цель?

– Праздное любопытство и легкомыслие.

– Они могут причинить вред?

– Очень большой вред.

– Какой именно?

– Вы можете вызвать к жизни силы, с которыми не сумеете совладать.

– Злые силы?

– Неизведанные силы.

– Вы говорите, что они опасны. А для чего именно, для тела или для разума?

– Иногда для обоих.

На минуту все затихли. Темнота, царившая в комнате, сделалась словно еще темнее, но зелено-желтое облако все так же нависало над столом.

– Вы что-нибудь хотите спросить, Мойр? – поинтересовался Харви Дикон.

– Только одно: вы в своем мире молитесь?

– Молиться нужно в любом мире.

– Почему?

– Потому что этим мы выражаем признание сил, существующих вне нас.

– А какую религию вы у себя там исповедуете?

– В верованиях мы различаемся, так же, как вы.

– У вас нет точных знаний?

– У нас есть только вера.

– Все эти религиозные вопросы, – сказал француз, – они, может быть, интересны вам, серьезным англичанам, но все это скучно. Мне кажется, эту силу мы можем использовать для чего-то более интересного. Чего-то такого, о чем мы могли бы потом поговорить.

– Но что может быть интереснее этих вопросов? – воскликнул

Мойр.

– Ну, если вы так считаете… – несколько раздраженно произнес француз. – Лично я все это слышал и раньше, но сегодня в нашем распоряжении такая сила, что мне бы хотелось попробовать поэкспериментировать с ней. Впрочем, если у вас еще остались вопросы – задавайте. Когда закончите, попробуем что-то другое.

Но что-то нарушилось. Сколько мы ни задавали вопросов, медиум сидела молча. Только глубокое размеренное дыхание указывало на то, что она все еще находится на своем месте. Над столом продолжал висеть туман.

– Вы нарушили гармонию. Она больше не будет отвечать.

– Но мы и так услышали все, что она могла сказать, hein?[64] Лично мне хочется увидеть что-то такое, чего я не видел никогда раньше.

– Что же?

– Вы позволите мне попробовать?

– Что вы хотите сделать?

– Я уже говорил, что мысли тоже материальны. Теперь я хочу вам это доказать и воочию представить вам то, что существует только в мыслях. Да-да, я могу это сделать, вы сами увидите. Я попрошу вас только сидеть спокойно и не разговаривать. Да, и держите руки на столе.

В комнате сделалось совсем темно, не было слышно ни шороха. Дурное предчувствие снова вернулось ко мне. По коже пробежал мороз.

– Работает! Работает! – вдруг закричал француз, и в голосе его была слышна хрипотца – видимо, его нервы тоже были напряжены до предела.

Светящийся туман медленно сполз со стола и, подрагивая и мерцая, пополз по комнате. В самом дальнем и темном углу он собрался и начал сгущаться, становясь плотнее и ярче. Это было странное, зыбкое, светящееся, но не испускающее свет образование. Теперь это световое пятно имело не зеленовато-желтый, а приглушенный темно-красный оттенок. Потом в его глубине образовалось какое-то темное дымчатое вещество, которое начало постепенно густеть, твердеть и темнеть, пока не стало совсем плотным и непрозрачным. Свет померк.

– Оно пропало.

– Тсс, в комнате что-то есть.

Из того угла, в котором только что был виден свет, послышалось громкое дыхание. Что-то шевельнулось.

– Что это? Ле Дюк, что вы натворили?

– Все хорошо. Никакой опасности нет, – голос француза

взволнованно дрожал.

– Святые небеса! Мойр, в комнате какое-то большое животное! Оно тут, рядом с моим стулом! Пошло прочь! Пошло!

Это был голос Харви Дикона. Затем раздался шлепок. Звук был такой, словно ударили по чему-то твердому. А потом… А потом… Смогу ли я описать, что было потом?

Погруженная в полнейшую темноту комната заходила ходуном. Что-то огромное стало носиться по ней, грохотать по полу ногами, натыкаясь на стены, прыгая и фыркая. Стол разлетелся в щепки. Мы бросились в стороны. Неведомое существо с бешеной энергией металось из одного угла в другой. Все закричали от ужаса, кинулись искать выход. Я упал и стал перемещаться на четвереньках. Что-то прошлось по моей левой руке, и я почувствовал, как хрустнули кости под огромным весом. Кто-то истошно закричал:

– Свет! Свет!

– Мойр, у вас спички! Спички!

– Нет у меня спичек. Дикон, где спички? Господи Боже, где спички?

– Не знаю, не могу найти. Эй, господин француз, остановите это!

– Это не в моих силах! Oh, mon Dieu[65], я не могу! Дверь! Где дверь?

В темноте я начал шарить по стене руками и, благодаря счастливой случайности, наткнулся на дверную ручку. Тяжело дышащее существо с храпом пронеслось мимо меня и с ужасающим грохотом врезалось в дубовую перегородку. В ту же секунду я повернул ручку, мы высыпали в коридор и кто-то захлопнул дверь. Из комнаты продолжали доноситься страшный грохот, стук, топот.

– Что это? Черт побери, что это такое?

– Лошадь! Я рассмотрел ее, когда дверь открылась. Но миссис Деламир?..

– Ее нужно вытащить оттуда. Давайте-ка, Маркэм. Чем быстрее мы это сделаем, тем лучше.

Мы распахнули дверь и вбежали в комнату. Она лежала на полу среди обломков стула. Мы схватили ее и быстро вытащили из комнаты. Снова оказавшись в коридоре, я обернулся и посмотрел в темноту у нас за спиной. Оттуда на меня смотрело два странных горящих глаза. Тут по полу громыхнули копыта, я захлопнул дверь и, надо сказать, вовремя, потому что в следующий миг что-то ударило по ней с такой силой, что деревянная панель раскололась сверху донизу.

– Оно вырывается! Вырывается!

– Бегите! Спасайтесь! – закричал француз.

Раздался еще один удар, и что-то просунулось через трещину. Это было длинное белое копье, блеснувшее под ярким светом лампы. Какое-то недолгое время оно сверкало перед нашими изумленными глазами, потом с треском втянулось обратно.

– Быстрее! Быстрее! Сюда! – закричал Харви Дикон. – Заносите ее! Сюда! Скорее!

Мы вбежали в столовую и закрыли за собой тяжелую дубовую дверь. Бесчувственную женщину мы положили на диван, и тут Мойр, этот жесткий деловой человек, повалился без сознания на коврик перед камином. Харви Дикон был бледен как сама смерть, его трясло, он махал руками, словно в припадке эпилепсии. Раздался грохот, и мы поняли, что двери студии разлетелись на куски. В коридоре послышался храп и топот. Обезумевшее животное в ярости носилось из стороны в сторону, сотрясая весь дом. Француз закрыл лицо руками и начал всхлипывать, точно испуганный ребенок.

– Что нам теперь делать? – спросил я, резко встряхнув его за плечо. – Может, попробовать его застрелить?

– Нет, нет. Скоро сила истощится, и все закончится.

– Вы же могли погубить нас всех своими адскими экспериментами, вы это понимаете?

– Я не знал. Откуда мне было знать, что он испугается? Животное просто очень напугано. Но это все он виноват, он его ударил.

Харви Дикон вскочил.

– Господи Боже! – прошептал он.

В доме раздался душераздирающий крик.

– Это жена! Все, я выхожу. Пусть это окажется даже сам дьявол, я выхожу!

Он распахнул дверь и бросился в коридор. В конце его, у лестницы, сраженная увиденным, лежала без чувств миссис Дикон. Ранена она не была.

Мы испуганно посмотрели по сторонам, но все было тихо. Тогда я медленно и осторожно направился к черному прямоугольнику двери в студию, ожидая, что в любую секунду из нее может выскочить какая-нибудь жуткая бесформенная тень. Но ничего подобного не произошло, и в комнате было тихо. На цыпочках, с замиранием сердца мы приблизились к самому порогу и всмотрелись в темноту. Никаких звуков слышно не было, но в одной точке исчезла и темнота. Яркое светящееся облако со словно раскаленной серединой зависло над полом в одном из углов. Постепенно свечение тускнело, облако остывало, становилось прозрачнее и легче, пока наконец плотная бархатная

темнота не заполнила всю студию. Когда погас последний трепещущий лучик зловещего света, француз испустил счастливый крик.

– Как забавно! – воскликнул он. – Никто не пострадал. Только двери разбиты да леди напуганы. Но, друзья мои, мы совершили нечто такое, чего до нас еще не делал никто.

– И я приложу все силы, – хмуро произнес Харви Дикон, – чтобы это никогда не повторилось.

Вот что произошло 14 апреля прошлого года в доме номер 17 на Бэддерли-гарденс. Рассказ свой я начал с заявления о том, что история эта слишком невероятна, и надеяться на то, что все поверят в нее безоговорочно, не приходится. Но я изложил свои впечатления – наши впечатления (рассказ мой заверен Харви Диконом и Джоном Мойром) – в том виде, в каком они сохранились у меня в памяти. Вы имеете полное право полагать, что мы стали жертвами необычного и искусного розыгрыша, а можете и поддержать нас в мысли о том, что нам действительно пришлось столкнуться с чем-то жутким и необъяснимым. А возможно, о подобных оккультных материях вы знаете больше нашего и можете рассказать нам о других подобных случаях. Если это так, то письмо, отправленное по адресу: Олбани{518}, 146-М на имя Вильяма Маркэма, поможет пролить свет на то, что для нас по-прежнему покрыто мраком тайны.

Дьявол из бондарни

Подвести «Бойцового петуха» к острову оказалось не так-то просто: река нанесла столько ила, что образовалась огромная мель, которая выдавалась в Атлантику на несколько миль. Земли еще не было видно, а мы уже заметили белые шапки бурунов, предвещающие опасность, поэтому дальше пришлось идти очень осторожно по карте, под гротом и кливером, обходя левым бортом неспокойный прибой. Не раз мы касались днищем песка (тогда осадка у нас была шесть футов), но, к счастью, все обошлось. Потом дно резко пошло вверх, и мы бы точно сели на мель, если бы с берега нам навстречу не послали каноэ. Мой чернокожий лоцман (он из народа кру{519}) провел нас дальше еще ярдов на двести, где мы наконец бросили якорь, потому что проводник-негр с каноэ жестами дал понять, что дальше нам никак не пройти. Вода вокруг нас была уже не синяя морская, а коричневая речная, и даже здесь, в некотором отдалении от берега, мы слышали, как течение реки шумит и с гудением закручивается в водовороты за нашими бортами. Похоже, мы оказались здесь в то время, когда река была особенно полноводной – вода доходила до самых корней пальм, и повсюду на ее грязной бурой поверхности плавали стволы деревьев и прочий мусор, который принесло течением.

Убедившись, что мы крепко стали на якорь, я решил, что запасы воды нужно пополнить как можно скорее, так как место это буквально источало лихорадку. Большая река, болотистые гнилые берега, буйная ядовитая зелень джунглей, удушливый, насыщенный влагой воздух – все это были слишком понятные знаки для того, кто мог распознать их. Поэтому я послал к берегу баркас с двумя большими бочками, этого нам хватило бы до Сан-Паулу-ди-Луанда{520}. Сам я сел в маленькую шлюпку и тоже направился к острову – над пальмами я заметил развевающийся «Юнион Джек»{521}, это означало, что там находится фактория{522} «Армитадж энд Вилсон».

Подплывая к берегу, я вскоре рассмотрел и саму факторию – длинное приземистое строение с выбеленными стенами и большой верандой у фасада, по обеим сторонам которого высились горы составленных одна на другую бочек с пальмовым маслом. На берегу реки лежал ряд лодок и каноэ, над водой нависала единственная небольшая пристань, на конце которой двое мужчин в белых костюмах и красных кушаках уже поджидали меня. Один из них был довольно тучным господином с седоватой бородой, второй – худым и высоким, его бледное

узкое лицо было наполовину закрыто шляпой в форме гриба.

– Очень рад видеть вас, – гостеприимно приветствовал меня худой. – Я – Уокер, агент «Армитадж энд Вилсон». Позвольте представить, это – доктор Северолл из той же компании. Не часто в наши края заплывают частные яхты.

– Это «Бойцовый петух». Я – ее владелец и капитан. Мельдрем моя фамилия, – представился я.

– Вы исследователь? – спросил он.

– Я – лепидоптеролог. Изучаю бабочек. Плыву вдоль западного берега от Сенегала.

– Ну и как успехи? – спросил доктор, внимательно осматривая меня желтоватыми глазами.

– Уже наполнил сорок ящиков. Мы остановились пополнить запасы воды и заодно посмотреть, что у вас имеется по моей части.

Пока мы представлялись, двое моих кру привязали шлюпку, я ступил на пристань и вместе с моими новыми знакомыми направился к берегу. Они забрасывали меня вопросами, потому что уже несколько месяцев не видели белого человека.

– Чем мы занимаемся? – сказал доктор, когда я стал задавать вопросы в свою очередь. – Работа отнимает у нас почти все время, ну а когда отдыхаем, разговариваем о политике.

– Да, милостью провидения Северолл – махровый радикал, а я – уверенный унионист{523}, так что каждый вечер мы не меньше двух часов обсуждаем гомруль{524}.

– И пьем хинный коктейль{525}, – добавил доктор. – Мы оба уже достаточно пропитались лекарством, и то в прошлом году обычной температурой для нас было 103 градуса[66]. Скажу вам честно, устье реки Огове никогда не станет курортным местом.

Я всегда восхищался тем, что жители таких затерянных очагов цивилизации находят повод для мрачного веселья в своем оторванном от мира положении, и не только с мужественными лицами, но и с улыбкой встречают те опасности и неожиданные повороты, которые готовит им жизнь. Повсюду, от Сьерра-Леоне и вниз, я встречал одно и то же: зловонные болота, охваченные лихорадкой уединенные общины и одинаковые невеселые шутки. Есть что-то божественное в умении человека отрешиться от условий, в которых проходит его жизнь, и использовать свой разум для того, чтобы посмеяться над тяготами, которые выпадают на долю тела.

– Ужин будет готов через полчаса, капитан Мельдрем, – сказал доктор. – Уокер пошел распорядиться, на этой неделе он у нас по хозяйству главный. А пока, если хотите, мы можем прогуляться, я покажу вам достопримечательности нашего

островка.

Солнце уже опустилось за пальмы, и огромная небесная арка над нашими головами нежными оттенками розового и мерцающими переливами перламутра сделалась похожа на внутреннюю сторону громадной раковины. Тот, кто не жил в краях, где из-за жары даже салфетка на коленях становится пыткой, не может понять, какое бесконечно благостное облегчение приносит с собой вечерняя прохлада. Наслаждаясь посвежевшим воздухом, мы с доктором отправились осматривать маленький остров. Мой проводник показывал мне склады и объяснял, чем им приходится здесь заниматься.

– О нет, в этом месте есть что-то необычное, – сказал он в ответ на мое замечание о том, что здесь, должно быть, живется скучновато. – Мы тут словно находимся на краю великого неизведанного. Вон там, – продолжил он, указав на северо-восток, – Дю-Шалью углубился в джунгли и обнаружил родину горилл. Это Габон, страна больших обезьян. В этом направлении, – он указал на юго-восток, – еще не ходил никто. Земли, через которые протекает эта река, практически не известны европейцам. Каждое бревно, которое проплывает мимо нас, течение приносит из неисследованных краев. Я иногда жалею, что не ботаник: мне бы очень хотелось побольше знать об удивительных орхидеях и других необычных растениях, которые приплывают к восточному краю острова.

Место, о котором говорил доктор, оказалось покатой темно-желтой отмелью, усеянной тем природным мусором, который вымывался сюда рекой. С обеих сторон торчали длинные песчаные косы, похожие на созданные самой природой волноломы, так что между ними оставалось нечто вроде небольшой мелководной бухты, покрытой прибрежными водорослями и остатками растений, только в самой середине лежало огромное дерево с треснувшим стволом. Вода небольшими волнами набегала на его высокий черный бок.

– Все это приплывает с континента, – сказал доктор. – Застревает в этой маленькой бухте, а потом, с очередным паводком, выносится в море.

– А что это за дерево? – спросил я.

– Наверное, какой-нибудь тик, но довольно гнилой, судя по виду. Тут у нас самые разные деревья проплывают, не говоря уже о пальмах. Давайте зайдем сюда.

Он провел меня в длинное здание, которое было просто забито бочарной клепкой и железными обручами.

– Это наша бочарня, – пояснил он. – Нам присылают доски в связках, а мы уже сами из них собираем бочки. Скажите, вы в

этом здании не видите чего-нибудь особенно страшного или зловещего?

Я поднял глаза на рифленую железную крышу, окинул взглядом деревянные стены и земляной пол. В одном углу я заметил матрац и одеяло.

– Не вижу ничего такого, что могло бы испугать.

– А здесь, тем не менее, тоже есть кое-что необычное, – заметил он. – Видите постель? Сегодня я собираюсь здесь ночевать. Не хочу себя выставлять, но это своего рода проверка нервов на крепость.

– Каким же это образом?

– О, у нас тут всякие необычные вещи происходят. Вот вы говорили о том, что нам скучно живется, но, поверьте, порой жизнь наша преподносит самые необычные сюрпризы. Но сейчас вам лучше вернуться в дом: после захода солнца с болот к нам приносит туман, а вместе с ним и лихорадку. Вон, посмотрите, он надвигается с реки.

Я оглянулся и увидел длинные белесые щупальца, которые тянулись из густого зеленого подлеска и подбирались к нам над широкой беспокойной гладью коричневой реки. В тот же миг воздух сделался сырым и холодным.

– Слышите гонг? Это зовут на ужин. Если вам интересно, я могу потом вам все рассказать.

Мне было очень интересно. Этот человек, стоящий посреди огромной бочарной мастерской с таким серьезным, даже слегка испуганным видом, пробудил мое воображение. Доктор был крупным мужчиной и производил впечатление добродушного здоровяка, и все же, когда он осматривался, в глазах его я заметил какое-то странное выражение. Страхом я бы это не назвал, это больше походило на настороженность.

– Да, кстати, – сказал я, когда мы возвращались, – вы показывали мне хижины своих многочисленных туземных помощников, но я до сих пор что-то не видел ни одного туземца.

– Они спят вон там на барже, – доктор указал на большое старое судно, стоящее на мели рядом с берегом.

– Надо же! Зачем же тогда им хижины?

– О, до недавнего времени они жили в хижинах. Мы их временно переселили на баржу, чтобы они немного пришли в себя. Они тут с ума сходили от страха, поэтому мы их отпустили, и теперь на острове живем только мы с Уокером.

– Что же их так напугало? – спросил я.

– Это все та же старая история. Думаю, Уокер не станет возражать, чтобы вы обо всем узнали. По-моему, нам нечего делать из этого тайну, хотя дело это, конечно же, скверное.

Больше объяснять он ничего не стал и за время превосходного ужина, приготовленного в мою честь, не проронил на эту тему ни слова. Похоже, как только из-за мыса Лопес показался белый парус «Бойцового петуха», эти добрейшие люди начали готовить знаменитое острое рагу (традиционное для западного побережья блюдо из тушеной рыбы с большим добавлением специй), варить ямс и сладкий картофель. Туземная кухня была выше всяческих похвал, за столом прислуживал аккуратно одетый и вышколенный молодой сьерралеонец. Я как раз отметил про себя, что, по крайней мере, один чернокожий все-таки на острове остался, когда он, разложив десерт и разлив по бокалам вино, приложил руку к тюрбану.

– Что-нибудь еще, масса{526} Уокер? – спросил слуга.

– Нет, думаю, на этом все, Мусса, – ответил мой хозяин. – Хотя мне сегодня что-то нездоровится, я бы хотел, чтобы ты остался на острове.

На черном лице африканца тут же отразилась борьба страха и чувства долга. Кожа его приобрела тот синевато-багровый оттенок, который у негров передает бледность. Он бросил быстрый взгляд по сторонам.

– Нет-нет, масса Уокер, – наконец произнес он. – Вы лучше ходить со мной на баржа. На баржа Мусса о вас много лучше заботиться, масса.

– Нет, так не годится, Мусса. Белые люди не бегут с того места, куда их назначили.

Снова я увидел терзания на лице негра, и снова его страхи возобладали.

– Не мочь, масса Уокер! – воскликнул он. – Простить меня, моя не мочь… Был бы вчера, был бы завтра, но это третья ночь, масса, и моя не мочь.

Уокер пожал плечами.

– Тогда убирайся! – сказал он. – Когда придет почтовое судно, возвращайся в Сьерра-Леоне, мне не нужен слуга, который бросает меня, когда он мне нужен больше всего. Думаю, вас, капитан Мельдрем, все это порядком удивляет? Или доктор уже все рассказал?

– Я показал капитану Мельдрему бондарню, но пока ничего не объяснял, – сказал доктор Северолл. – Вы плохо выглядите, Уокер, – добавил он, окинув взглядом своего компаньона. – Похоже, на этот раз вас серьезно зацепило.

– Да, меня трясет весь день, а голова сейчас вообще, как чугунное ядро. Я принял десять гран{527} хинина, и теперь в ушах у меня свист такой, будто чайник кипит. Но ничего, я собираюсь сегодня с вами спать в бондарне.

– Нет-нет, дорогой мой, и слышать о таком не хочу. Вам нужно немедленно лечь спать, уверен, капитан Мельдрем простит вас. Я буду спать в бондарне и обещаю, что завтра с самого утра все необходимые вам лекарства будут готовы.

Было очевидно, что Уокера сразил неожиданный и сильный приступ малярии, этого проклятия западного побережья Африки. Впавшие щеки его вспыхнули, глаза засверкали, неожиданно тонким голоском он затянул какую-то песню – у него явно начался бред.

– Идемте, дружище, идемте. Нужно уложить вас в кровать. – И с моей помощью он повел товарища в дом. В спальне мы его раздели, и после изрядной дозы успокоительного он наконец забылся глубоким сном.

– Ночью ему хуже не станет, – сказал доктор, когда мы вернулись за стол и снова наполнили бокалы. – Иногда это со мной случается, иногда с ним. К счастью, мы еще ни разу не болели одновременно. Жаль, что я не смогу остаться с ним, но сегодня мне нужно с одной загадкой разобраться. Я уже говорил, что ночевать буду в бондарне?

– Да, говорили.

– Говоря «ночевать», я имею в виду дежурить, потому что спать там мне не придется. У нас тут царит такой страх, что ни один из туземцев не соглашается оставаться на острове после захода солнца. И сегодня я собираюсь выяснить причину этого. Раньше кто-то из туземцев всегда ночевал в бондарне, чтобы обручи не разворовали. И вот шесть дней назад парень, который спал там, бесследно исчез, и с тех пор мы его не видели. Все это, конечно, очень странно, потому что ни одно каноэ не пропало, а в этих водах слишком много крокодилов, чтобы кто-то решился добраться до берега вплавь. Что с ним случилось, и как ему удалось покинуть остров – полнейшая загадка. Мы-то с Уокером, понятное дело, удивились, но чернокожих охватил настоящий ужас, пошли разговоры о вуду{528}. Но настоящая паника началась три ночи назад назад, когда из бондарни пропал еще один сторож.

– А с ним что случилось?

– Как вам сказать, мы не только не знаем, но даже не догадываемся, как объяснить его исчезновение. Негры утверждают, что в бондарне поселился дьявол, который каждую третью ночь требует человеческую жертву. Они не хотят оставаться на острове, как мы ни пытались их переубедить, все впустую. Даже Мусса, преданный слуга, как вы видели, предпочел бросить больного хозяина, лишь бы не остаться на острове на ночь. Если мы собираемся продолжать здесь работать, нам нужно

заставить наших негров поверить, что никакой опасности нет, и я не представляю лучшего способа этого добиться, чем провести самому ночь в бондарне. Сегодня третья ночь, и я думаю, тайна должна раскрыться.

– И неужели нет никаких улик? – спросил я. – Следы борьбы или пятна крови, может быть, отпечатки ног? Неужели нет ничего, что указывало бы на то, какая опасность вас подстерегает?

– Ровным счетом ничего! Они просто исчезли, будто испарились. Последним был старый Али, присматривавший за причалом еще с тех пор, когда мы тут только обосновывались. Это был очень надежный работник, и по своей воле он бы никогда не покинул пост.

– Что ж, – сказал я. – Сдается мне, это работа не для одного человека. Ваш друг сейчас накачан опиумом, поэтому он вам не помощник. Вы должны позволить мне остаться и провести вместе с вами ночь в бондарне.

– О, это очень любезно с вашей стороны, Мельдрем, – сказал он и сердечно пожал мне руку. – Я бы не решился вам такое предложить, вы же наш гость, но, если вы и впрямь намерены…

– Конечно же, намерен. Позвольте, я лишь дам сигнал на яхту, чтобы меня не ждали.

Когда мы вместе шли обратно по маленькой пристани, нас поразило ночное небо. Огромная фиолетово-черная масса облаков вздымалась над большой землей, оттуда же доносились короткие горячие порывы ветра, которые обжигали наши лица так, будто мы стояли у доменной печи. Под пристанью шипела и беспокойно закручивалась в водовороты река, осыпая доски мелкими белыми брызгами.

– Проклятье! – буркнул доктор Северолл. – Похоже, ко всем нашим несчастьям добавится еще и наводнение. Коль вода в реке так поднялась, значит, на материке прошли сильные дожди, и в какую сторону они направятся, предугадать невозможно. В прошлый раз остров вообще чуть не затопило. Нужно сходить проверить, как там Уокер, а потом пойдем на наш пост.

Больной крепко спал. Мы оставили рядом с ним стакан со свежим лимонным соком на тот случай, если он проснется и захочет пить. Потом снова вышли на улицу, где из-за нависших грозных туч было необычно темно, и направились к бондарне. Река поднялась так сильно, что два мыса на краю острова затопило, и та небольшая бухта, которую я описывал выше, почти исчезла. Многочисленные растительные остатки теперь покачивались на волнах, посередине веток и обломков пальм, прибитых к берегу усилившимся течением, шевелилось огромное

черное дерево.

– Хоть что-то полезное сделает это наводнение, – сказал доктор, – уберет весь мусор с восточного берега. Все это принесло сюда с недавним половодьем, но теперь смоется водой в море. Ну что ж, вот и наш «номер». Вон там – несколько книг, а это – мой кисет. Давайте располагаться на ночь.

Освещенная лишь светом нашего фонаря, мастерская казалась мрачной и неуютной. Кроме сложенных кучами досок и груд обручей здесь не было ничего, за исключением разложенного в углу матраца для доктора. Из досок мы соорудили себе сиденья и что-то вроде стола и принялись ждать. Северолл принес для меня револьвер и сам вооружился двуствольной винтовкой. Мы зарядили их, взвели курки и положили недалеко от себя, чтобы в любую секунду иметь возможность до них дотянуться. Небольшой кружок света и черные тени, сходящиеся вокруг нас, навевали такую тоску, что мы сходили в дом и принесли еще две свечи.

В одной стене бондарни было пробито несколько окон, поэтому, чтобы ветер не загасил свечи, нам пришлось спрятать их за досками.

Доктор, который, похоже, обладал стальными нервами, занял себя чтением, однако я заметил, что время от времени он опускал книгу на колени и осматривался. Я же, хоть и пытался пару раз начать читать, понял, что не смогу сосредоточить мысли на книге, ибо они неизменно возвращались к этой большой безмолвной комнате и зловещей тайне, которая была с ней связана. Тогда я стал думать над тем, как можно объяснить исчезновение этих двух человек. Достоверно известно было одно: они пропали, но ни малейшего намека на то, почему и каким образом это произошло, не было. И вот мы сидели в том самом месте, где это случилось, и ждали, совершенно не имея представления, чего мы ждем. Мое предположение, что один человек с такой задачей не справился бы, подтвердилось. Занятие это само по себе было утомительным, но о себе могу сказать точно: никакая сила не заставила бы меня находиться здесь без товарища.

Какой бесконечно долгой и однообразной была эта ночь! Снаружи доносился плеск и гул большой реки, который перемешивался с шумом усиливающегося ветра. Внутри, если не считать нашего дыхания, шелеста страниц книги доктора да тонкого писка москитов, стояла тяжелая тишина. И вдруг мое сердце чуть не остановилось, когда книга Северолла упала на пол, а сам он вскочил и впился взглядом в одно из окон.

– Вы ничего не заметили, Мельдрем?

– Нет, а вы?

– Мне показалось, за этим окном было какое-то движение. – Он взял винтовку и осторожно приблизился к окну. – Как будто ничего. Но я точно видел, как за ним что-то медленно прошло.

– Может быть, лист пальмы? – предположил я, потому что ветер с каждой секундой набирал силу.

– Скорее всего, – неуверенно произнес он и вернулся на прежнее место. Доктор снова взялся за книгу, но то и дело бросал настороженные взгляды на окно. Я тоже наблюдал за ним, однако снаружи все было спокойно.

А потом наши мысли устремились в ином направлении. Сверкнула ослепительная молния, и раздался такой грохот, от которого содрогнулись стены здания. Потом еще и еще, словно рядом с мастерской палили какие-то гигантские пушки. А затем хлынул тропический ливень. Дождь барабанил по гофрированной железной крыше бондарни. Большое пустое помещение загудело, словно огромный барабан. Темнота вдруг наполнилась невообразимой какофонией звуков: бульканье, плеск, звон, журчание, капанье – все звуки, которые может производить жидкость, от дроби и шелеста дождя до тяжелого мерного рева реки. Часы шли, звуки сливались в единый шум, который становился все громче и громче.

– Похоже, на этот раз у нас будет настоящий Всемирный потоп, – сказал Северолл. – Однако уже светает. Слава Богу! Это означает, что мы уже почти развеяли этот миф о третьей ночи.

Комната неожиданно наполнилась серым светом, и в следующий миг рассвело. Дождь ослабел и в конце концов прекратился, но река несла свои кофейного цвета воды с оглушительным ревом водопада. Мощь потока заставила меня подумать о «Бойцовом петухе»: выдержит ли якорь?

– Мне нужно вернуться на яхту, – сказал я. – Если ее унесет в море, она уже не сможет преодолеть течение.

– Не беспокойтесь, остров сам по себе является защитой от течения, – ответил доктор. – Если хотите, давайте пойдем в дом, я заварю вам кофе.

Я порядком продрог, поэтому предложение это было весьма кстати. Мы покинули бондарную мастерскую вместе с ее оставшейся неразгаданной тайной и пошли по мелкой воде к дому.

– Вон там спиртовка, – сказал Северолл. – Не могли бы вы ее зажечь? А я пока схожу посмотрю, как там Уокер.

Он ушел, но буквально через пару секунд вбежал обратно с перекошенным лицом.

– Он умер! – охрипшим голосом произнес он.

От этих слов у меня остановилось сердце. С лампой в руке я уставился на него.

– Да, умер! – повторил он. – Пойдемте со мной, увидите сами.

Не в силах произнести ни слова, я последовал за ним, и, войдя в спальню, первым делом увидел самого Уокера. Он лежал на кровати среди сбившихся бесформенной кучей покрывал в той же серой фланелевой пижаме, которую я прошлым вечером помогал на него надевать.

– Может, он еще жив? – тихо спросил я.

От волнения доктора била дрожь. Руки его тряслись.

– Нет, он мертв уже несколько часов.

– Это малярия?

– Малярия? Посмотрите на его ногу.

Я опустил взгляд и вскрикнул от ужаса. Одна из его ступней была не просто вывернута из суставов, но еще и прокручена самым жутким образом.

– О Боже! – воскликнул я. – Что могло с ним такое сделать?

Северолл положил руку на грудь мертвеца.

– Попробуйте здесь, – прошептал он.

Я положил ладонь на то же место и не почувствовал твердости. Тело было совершенно мягким и податливым, как набитая песком кукла.

– Грудины нет, – произнес Северолл тем же страшным шепотом. – Его словно пропустили через мясорубку. Слава Богу, что мы дали ему опиум. По его лицу видно, что умер он во сне.

– Кто же это сотворил?

– Нет, я этого не вынесу! – сказал доктор и вытер проступивший на лбу пот. – Пусть я буду считаться трусом, но только я ничего не понимаю. Если вы возвращаетесь на яхту…

– Идем! – воскликнул я. Если мы не бежали, то только лишь потому, что в присутствии друг друга хотели сохранить остатки самоуважения. Выходить на легком каноэ в такую беспокойную воду было крайне опасно, но мы об этом даже не подумали. Он управлял движением, я греб изо всех сил, и вместе мы доплыли до борта «Бойцового петуха». Там, в двухстах ярдах от проклятого острова, мы наконец пришли в себя.

– Вернемся туда через час, – сказал он. – Нам нужно время, чтобы успокоиться. Я готов отдать годовой гонорар, лишь бы мои негры не видели, как я только что выглядел.

– Я уже приказал стюарду приготовить завтрак, – сказал я. – Поедим и вернемся. Но, ради всего святого, доктор Северолл, что это, по-вашему, такое?

– Ума не приложу. Я кое-что слышал о магии вуду, но, как и все остальные, лишь смеялся над этим. Несчастный Уокер…

Чтобы порядочный, богобоязненный англичанин, консерватор в конце девятнадцатого века вот так остался без единой косточки во всем теле!.. Скажу честно, это выше моего понимания. Но послушайте, Мельдрем, этот ваш человек сошел с ума или пьян? Что там происходит?

Паттерсон, самый старший в моей команде человек и спокойный, как египетские пирамиды, был поставлен на нос с багром в руках, чтобы отталкивать от борта плывущие по течению бревна. Но сейчас он стоял на коленях, всматривался куда-то вперед и бешено тыкал указательным пальцем в воздух.

– Смотрите! – крикнул он. – Смотрите!

И в следующий миг мы увидели.

По реке плыл огромный черный ствол дерева, иногда это широкое блестящее бревно почти полностью скрывалось под волнами. И перед ним, примерно в трех футах, над беспокойной водой на длинной изогнутой шее, словно резная голова над водорезом корабля, висело жуткое лицо. Оно было плоским, угрожающим, размером с небольшой пивной бочонок и цветом напоминало пожухлый гриб, но шея, на которой оно держалось, была усеяна песочными и черными пятнами. Когда это создание проплывало мимо «Бойцового петуха», в воде я рассмотрел два исполинских кольца такой же раскраски, которые выбивались из какой-то огромной дыры в стволе. Неожиданно мерзкая голова взвилась над водой на восемь-десять футов и повернула к нам холодные покрытые кожной перепонкой глаза. Но в следующий миг громадный черный ствол миновал яхту и вместе со своим страшным пассажиром устремился в сторону Атлантики.

– Что это было? – ошеломленно прошептал я.

– Это наш дьявол из бондарной мастерской, – сказал доктор Северолл и вдруг стал прежним уверенным в себе добродушным толстяком. – Да-да, тот демон, который жил на нашем острове. Это большой габонский питон.

Я тут же вспомнил те рассказы, которые слышал по всему западному берегу Африки, рассказы о гигантских удавах, обитающих в центральных частях континента, о том, как у них время от времени просыпается аппетит, и о том, какими смертоносными являются его объятия. И тут мне все стало понятно. Неделю назад был большой паводок, и вода принесла с собой этот ствол вместе с его ужасным обитателем. Неизвестно, из каких глубин тропических джунглей приплыл он, но его прибило к маленькой восточной бухте острова. Бондарня оказалась ближайшим к этому месту домом. Дважды, когда у него просыпался аппетит, питон уносил ночных сторожей. Несомненно, и прошлой ночью он был возле мастерской,

Северолл видел его, когда ему показалось, что за окном что-то шевелилось, но свет лампы и свечей отпугнул его. Тогда он пополз дальше, в глубь острова, нашел несчастного Уокера и задушил его во сне.

– А почему он оставил его там? – спросил я.

– Наверное, гром и молния вспугнули это чудище. А вот и ваш стюард, Мельдрем. Чем быстрее мы позавтракаем и вернемся на остров, тем лучше, иначе кто-то из негров может решить, что мы испугались.

Серебряное зеркало

3 янв.

Дело со счетами Уайта и Уозерспуна оказалось гигантской задачей. Нужно изучить и проверить двенадцать огромных гроссбухов. Взять помощника? Но это первая по-настоящему большая работа, доверенная полностью мне. Я должен, обязан оправдать доверие. И все нужно успеть сделать, чтобы представить судьям результаты до вынесения приговора. Утром Джонсон сказал, что все до последней цифры должно быть проверено к двадцатому. Господи! И все же я взялся. Если только работа эта под силу человеческому разуму и нервам, я ее выполню. Зато потом уж мне жалеть не придется. Пока что мне предстоит работать в конторе с десяти до пяти, а потом дома – с восьми до часу ночи. Все-таки и жизнь простого счетовода не лишена драматизма. Глубокой ночью, когда весь остальной мир спит, я, проверяя колонку за колонкой в поисках недостающих цифр, думаю, что результат моей работы может превратить уважаемого олдермена{529} в преступника, и понимаю: моя профессия не такая уж прозаическая.

В понедельник наткнулся на первый признак растрат. Ни один охотник на крупную дичь, замечая след, не ощущал такого волнения, какое охватило меня в тот миг. Но я взглянул на двенадцать томов и подумал о том, через какие джунгли мне придется пробраться, прежде чем я смогу убить зверя. Работа предстоит адская… Но ведь и дичь стоящая! Я видел его один раз в Сити. Он обедал в ресторане. Его откормленное красное лицо прямо светилось над белой салфеткой. Как он смотрел на того бледного тощего господина за другим концом стола! Но он бы и сам побледнел, если бы узнал, какую работу поручили мне.

6 янв.

Как могут врачи советовать больше отдыхать, когда времени на отдых просто нет! Глупцы! Это все равно что кричать человеку, за которым гонится стая волков, что ему нужен полный покой. Проверку надо закончить к определенному сроку. Если я опоздаю, другого такого шанса у меня не будет. Так как же мне отдыхать? Вот после суда возьму недельку.

Да я и сам хорош. Чего меня понесло к врачу? Просто, когда

сидишь всю ночь за работой в одиночестве, начинаешь нервничать, становишься раздражительным. Голова не болит, просто… ощущается какая-то тяжесть, и иногда глаза застилает туманом. Думал, мне пропишут какой-нибудь бромид, или хлорал, или что-нибудь в этом роде, но прекратить работу? Советовать такое просто нелепо. Это же как бег на дальнюю дистанцию. Сначала тебе плохо, ты задыхаешься, сердце готово лопнуть, но, если тебе хватает сил удержаться на ходу, открывается второе дыхание. Буду продолжать работать и дожидаться второго дыхания. Если оно не откроется, все равно буду продолжать работать. Проверено уже два тома и большая часть третьего. Негодяй хитро запутал следы, но я найду их.

9 янв.

Второй раз обращаться к врачу я не собирался. Но пришлось. «Напрягая нервы, рискую заработать полный упадок сил и даже подвергаю опасности рассудок». И это первое, что я услышал! Ну что ж, нервное напряжение я вынесу, риска я не боюсь, и пока могу сидеть за столом и водить пером, я буду выслеживать старого грешника.

Кстати, могу сразу описать и то необычное происшествие, которое заставило меня второй раз идти к врачу. Буду подробно описывать свои симптомы и ощущения, потому что они сами по себе довольно интересны… «Любопытное психофизиологическое явление», – так, кажется, выразился доктор… К тому же, я совершенно уверен, что, когда покончу с работой, они сразу начнут забываться, будут казаться призрачными, как какой-нибудь странный сон, который снится за миг до пробуждения. В общем, пока они свежи в памяти, буду их записывать. Хотя бы просто для того, чтобы отвлечься от бесконечных цифр.

В моей комнате стоит старое зеркало в серебряной раме. Мне его подарил друг, который собирает антикварные вещи. Я случайно узнал, что он купил его на каком-то аукционе и сам понятия не имеет, какая у него история. Это довольно большая вещь, три фута в ширину и два в высоту, и сто´ит оно на боковом столике, прислоненное к стене слева от меня. Рама у него плоская, шириной три дюйма, и очень старая, слишком старая, чтобы на нем были какие-нибудь клейма, пробы или другие пометки, которые могли бы помочь установить его возраст. Само стекло чуть-чуть выступает и имеет скошенную кромку. У него прекрасная отражающая сила, такая, которая встречается, как мне кажется, только в старинных зеркалах. Когда в него смотришь,

ощущаешь такую перспективу, которую не даст ни одно современное зеркало.

Зеркало расположено так, что я, сидя за рабочим столом, вижу в нем не свое отражение, а красные занавески на окнах. И вчера произошло нечто странное. Я несколько часов работал (хотя, честно говоря, в тот вечер настроение у меня было совсем нерабочее), время от времени ощущая то туманное состояние, которое описывал выше. Снова и снова мне приходилось останавливаться и протирать глаза. И в один из таких перерывов я случайно взглянул на то зеркало. Выглядело оно весьма странно. Красных занавесок, которые должны были отражаться в нем, видно не было, однако создалось такое впечатление, будто стекло покрылось паром, но не на поверхности, сверкающей как сталь, а внутри. Присмотревшись внимательнее, я заметил, что матовость эта как будто вращается то в одну сторону, то в другую и постепенно переходит в густое белое облако, с тяжелыми крутящимися клубами. Все это выглядело настолько естественно и четко, что, помню, я даже обернулся посмотреть, не горят ли мои занавески. Но в комнате все было совершенно спокойно. Не слышалось ни звука, если не считать тиканья часов. Единственное движение – странное кручение этого пушистого облака в глубине старого зеркала.

Потом (я не мог отвести глаз от этого видения) туман, или дым, или облако, не знаю, как это правильно назвать, начало сгущаться и собираться в две точки, расположенные очень близко друг к другу, и мне вдруг пришло в голову (страха я не испытывал, лишь интерес), что это два глаза, которые всматриваются в мою комнату. Образовался расплывчатый контур головы, женской, судя по прическе, но лицо как бы оставалось в тени. Только глаза были четко различимы. Но что за глаза! Темные, блестящие, наполненные необыкновенным чувством, то ли гневом, то ли страхом, точно я так и не смог определить. Никогда еще мне не приходилось видеть, чтобы глаза были так выразительны и полны жизни. Они смотрели не на меня, а в комнату. Потом, когда я приподнялся, вытер ладонью вспотевший лоб и попытался собраться, неясные очертания головы снова растворились в дымке, зеркало постепенно очистилось, и в нем снова появились красные занавески.

Человек скептического склада ума, конечно же, решит, что я просто заснул над своими цифрами, и все, что я видел, было лишь сном, но на самом деле я еще никогда не испытывал такого чувства реальности происходящего, как в тот раз. Глядя на эту картинку в зеркале, я думал о том, что это, должно быть, какое-то видение, галлюцинация, спровоцированная переутомлением

нервов и бессонницей. Но почему оно приняло именно такую форму? И кто эта женщина? И чем было вызвано то чувство, которое я прочитал в ее прекрасных карих глазах? Из-за этих глаз я впервые не выполнил намеченный объем работы. Может быть, из-за этого сегодня я не наблюдаю никаких ненормальных явлений? Завтра во что бы то ни стало нужно будет собраться.

11 янв.

Все хорошо. Работа идет по графику. Постепенно опутываю сетью этого борова. Хотя последним может посмеяться он, если из-за работы нервы мои не выдержат. Это зеркало напоминает мне что-то вроде барометра, который реагирует на напряжение моего мозга. Каждую ночь перед окончанием работы я замечаю, что в нем образуется то облако.

Доктор Синклер (кажется, он еще и немного психолог) так заинтересовался моим рассказом, что сегодня вечером зашел ко мне, специально, чтобы осмотреть зеркало. Я заметил на задней стороне рамы какую-то надпись, нацарапанную на металле старинными буквами. Доктор изучил ее через линзу, но так и не смог разобрать. «Sanc. X. Pal.» – вот что он в ней в конце концов увидел, но это нам ничего не сказало. Он посоветовал убрать его в другую комнату, но отметил: все, что я в нем вижу, – лишь симптомы. Настоящая опасность заключена в их причине. Избавиться нужно от двенадцати томов счетных книг, а не от серебряного зеркала. Сейчас я проверяю восьмой, работа продвигается.

13 янв.

Все-таки, наверное, лучше было убрать это зеркало из комнаты. Вчера ночью произошло поразительное событие, связанное с ним. И все же меня это уже настолько заинтересовало, захватило, что даже после того, что случилось, я не стану его убирать. Но что все это значило?

Было около часа ночи. Я уже закрывал книги, собираясь ложиться спать, как вдруг увидел перед собой ее. Должно быть, стадию появления тумана и его сгущения я пропустил, поэтому она предстала передо мной, видимая совершенно отчетливо, во всей своей красоте, страсти и душевном страдании. Очертания ее были до того четкими, что мне сперва почудилось, будто действительно стоит живая женщина. Фигура была небольшой, но

я видел ее прекрасно. Каждая деталь ее платья запечатлелась у меня в памяти. Как сейчас вижу: вот она сидит слева от зеркала, рядом с ней стоит, согнувшись, какая-то темная фигура (я смог разобрать только то, что это мужчина), а за ними висит какое-то облако, и в нем силуэты людей, они двигаются. И все это не казалось замершей картинкой, это была сцена из жизни. Женщина наклоняется и начинает дрожать, мужчина надвигается на нее. Расплывчатые силуэты стали резко и дерганно двигаться и делать какие-то знаки руками. О страхе я уже и не думал – до того интересно мне было наблюдать за всем этим. Очень жаль, что я не увидел, чем все закончилось.

Но, по крайней мере, я могу описать эту женщину во всех подробностях. Она очень красива и довольно молода… Думаю, не старше двадцати пяти. Волосы у нее коричневого цвета, сверху – теплого каштанового оттенка, а снизу – золотистые. Маленький чепчик, украшенный кружевом и жемчугом, нависает надо лбом. Лоб высокий, возможно, слишком высокий для того, чтобы его можно было назвать идеалом красоты, хотя для ее лица такой лоб подходит как нельзя лучше, потому что придает ему уверенности и силы. Если бы он был ниже, ее лицо казалось бы слишком нежным и женственным. Брови очерчены очень изящно, веки тяжелые. И наконец эти чудесные глаза… Огромные темные, полные всепоглощающего чувства: неистовой ярости и безграничного страха, которые борются с гордым самообладанием, удерживающим ее от безумия. Щеки ее бледны, губы белы от напряжения. Подбородок изящно закруглен, шея изысканно тонка. Женщина неподвижно сидит на стуле, наклонившись вперед, словно оцепенев от страха. Платье у нее из черного бархата, на груди сверкает огненный драгоценный камень, в складках одежды виднеется золотое распятие. Вот как выглядела та леди, отражение которой все еще живет в старом серебряном зеркале. Какое злодеяние оставило в нем такой след, что и сейчас, в другом веке, человек при определенных условиях все еще ощущает его?

И еще одна подробность: с левой стороны от черного бархатного платья лежала, как мне поначалу показалось, бесформенно скрученная белая лента. Но потом, когда я присмотрелся получше (а может быть, изображение стало отчетливее), я понял, что это было на самом деле. То была человеческая рука с исковерканными пальцами, которая тянулась к подолу платья. Остальная припавшая к полу фигура была почти неразличима (нечеткий темный силуэт), но эта рука на этом фоне была видна прекрасно, а в том, как отчаянно она цеплялась за ткань, чувствовалось что-то трагическое и зловещее. Этот человек

был испуган, жутко испуган. Это я понял сразу. Что могло так испугать его? Почему он схватился за платье женщины? Ответ нужно искать в тех силуэтах, которые двигались на заднем плане. В них кроется опасность и для него, и для нее. Меня это захватило, я уже не думал об этом, как о чем-то таком, что имеет отношение ко мне и к моим нервам. Я смотрел, не отрываясь, как на сцену в театре, но что было дальше, узнать мне так и не удалось. Изображение стало рассеиваться, началось какое-то беспокойное движение, которое затронуло все фигуры, и зеркало снова очистилось.

Доктор говорит, мне нужно на день отказаться от работы. И я могу себе это позволить, потому что немного ушел вперед. Совершенно очевидно, что видения эти напрямую связаны с состоянием моей нервной системы. Сегодня ночью просидел перед зеркалом целый час и не дождался ничего. Мой выходной день прогнал образы. Интересно, пойму ли я когда-нибудь смысл этих видений? Сегодня внимательно рассмотрел зеркало при хорошем свете. Оказывается, рядом с надписью «Sanc. X. Pal.» на серебряной поверхности имеются едва различимые остатки геральдических символов. Они должны быть очень старыми, потому что почти совсем стерты. Насколько мне удалось разобрать, это три наконечника копья, два вверху и один внизу. Покажу их доктору, завтра он обещал заглянуть.

14 янв.

Сегодня снова чувствую себя превосходно. Думаю, ничто не помешает мне закончить работу вовремя. Показал доктору значки на зеркале, он согласился, что это что-то вроде герба. Его очень интересует все, что я рассказываю, он устроил мне настоящий допрос, чтобы выяснить все, даже самые мелкие подробности. Довольно интересно наблюдать за тем, как его разрывают на части два противоположных желания: первое – вылечить больного (то есть меня), чтобы избавить от видений, и второе – чтобы медиум (каковым он меня считает) разрешил эту загадку прошлого. Он посоветовал мне продолжительный отдых, но не слишком настаивал, когда я сказал, что об этом не может быть и речи, пока не будут проверены оставшиеся тома.

17 янв.

Три ночи видение не посещало меня – день отдыха дал свои

результаты. Не выполнена еще четверть работы, но мне придется сделать марш-бросок, потому что судьи уже хотят видеть материал. Я дам им то, что они просят, даже больше. Я обнаружил мошенничество уже в ста счетах, так что крепко держу его за жабры. Когда они увидят, какой это хитрый и изворотливый жулик, все поймут, насколько сложной была моя работа. Подложные торговые счета, фальшивые балансы, присвоение доходов с общего капитала, убытки, записанные как прибыль, утаивание рабочих расходов, манипуляции с мелкими расходами… Неплохой букет!

18 янв.

Головная боль, нервное подергивание конечностей, туман в глазах, тяжесть в висках – все признаки надвигающейся беды. И беда не заставила себя долго ждать. И все же меня больше огорчает не то, что у меня снова начались видения, а то, что они прекратятся до того, как я узнаю, чем все закончится.

Сегодня ночью я снова видел их. Согнувшийся человек был виден так же отчетливо, как и леди, к платью которой он тянулся. Это маленький смуглый мужчина с черной острой бородкой, в длинном просторном камчатном одеянии с меховой оторочкой. Основные цвета его одежды – красные. До чего же испуган этот человек! Страх его прямо-таки пригибает к полу, он дрожит и в ужасе смотрит себе за плечо. Во второй его руке – небольшой нож, но он слишком боится, чтобы пустить его в ход. Смутно начинают проступать и фигуры на заднем плане. Свирепые лица, бородатые и смуглые, вырисовываются в тумане. Там же стоит и ужасное существо, больше похожее на скелет, чем на человека, с впавшими щеками и ввалившимися глазами. У него тоже в руке нож. Справа от женщины стоит высокий мужчина, очень молодой, с льняными волосами, у него лицо сердитое и строгое. Прекрасная женщина с мольбой смотрит на него снизу вверх, так же как и тот мужчина, что на полу. Похоже, что от этого молодого человека зависит их участь. Скрючившийся мужчина прижимается к женщине, словно хочет спрятаться за ее платьем. Молодой наклоняется и пытается оттащить ее от него. Вот что я увидел прошлой ночью перед тем, как изображение в зеркале пропало. Узнаю ли я, к чему все это привело, и что за этим стоит? В том, что это не порождение моей фантазии, я уверен полностью. Где-то когда-то это происходило в действительности, и это старинное зеркало отражало эти события. Но когда? Где?

20 янв.

Работа моя близится к концу, и уже пора. Я ощущаю напряженность в своем мозге, чувство непереносимой усталости, которое предупреждает меня о том, что может что-то произойти. Я выдохся, истощил свои силы полностью. Но сегодня – последняя ночь. Еще один рывок, и я закончу последнюю книгу, доведу дело до конца. Пока я этого не сделаю – не встану со стула. Клянусь!

7 февр.

Сделал. Боже, что я испытал! Даже не знаю, хватит ли у меня сил описать то, что произошло.

Сначала поясню, что пишу я эти строки в частной лечебнице доктора Синклера, спустя три недели после последней записи в своем дневнике. Ночью 20 января моя нервная система наконец не выдержала, и я совершенно не помню, что было со мной до того, как три дня назад я очнулся здесь. Я могу отдыхать с чистой совестью, потому что работу свою завершил до того, как потерял сознание. Все мои результаты переданы солиситору{530}. Охота закончена.

А теперь я должен описать последнюю ночь. Я дал себе слово завершить работу и так стремился это сделать, хоть голова у меня буквально раскалывалась, что даже не поднимал глаз, пока не закончил последнюю графу. Мне пришлось проявить настоящие чудеса выдержки и самообладания, поскольку все это время я знал, что в зеркале происходят удивительные вещи. Каждый нерв моего организма говорил мне об этом. Если бы я хоть раз поднял глаза, к работе я бы не смог вернуться. Поэтому, пока не была поставлена последняя точка, глаз я не поднимал. А затем, когда я наконец бросил на стол перо и, чувствуя мощную пульсацию в висках, посмотрел на зеркало, я увидел такое!

Зеркало в серебряной раме походило на ярко освещенную сцену, на которой шло представление. Никакого тумана теперь не было. Напряжение нервов вызвало необыкновенную четкость. Каждая мелочь, каждое движение были видны совершенно ясно, как в жизни. Надо же представить себе, что я, уставший до изнеможения счетовод, представитель самой скучной профессии в мире, только что закончивший проверку счетных книг обанкротившегося мошенника, был избран судьбой для того, чтобы увидеть все это!

Место действия оставалось прежним, персонажи не

изменились, но само действие продвинулось вперед. Высокий молодой человек прижимал к себе женщину. Она же вырывалась и смотрела на него полным отвращения взглядом. Мужчину, который цеплялся за ее платье, от нее оторвали, его окружили двенадцать бородачей со злыми лицами. А потом они ударили его кинжалами. Одновременно. Их руки поднимались и опускались. Кровь не текла – била фонтаном. Он метался из стороны в сторону, и его алое одеяние темнело, становилось багровым, как переспевшая слива. Бородачи продолжали наносить удары, и все новые струи крови выбивались из тела. Это было ужасно… ужасно! Когда они потащили его к двери, он еще шевелил ногами. Женщина, полуобернувшись, посмотрела на него, и ее рот раскрылся. Я не слышал ничего, но не сомневался, что она закричала. А затем, то ли ужас увиденного настолько охватил меня, то ли наконец сказалось страшное переутомление, накапливавшееся последние несколько недель, но я ощутил, будто комната вокруг меня начала раскачиваться, пол ушел из-под ног, и я лишился чувств. Что было потом, не помню. Утром моя хозяйка нашла меня на полу перед серебряным зеркалом, но очнулся я лишь три дня назад в тишине лечебницы.

9 февр.

Лишь сегодня все рассказал доктору Синклеру. До сих пор он не позволял мне говорить на эту тему. Выслушал он меня с живейшим интересом.

– С каким-то известным историческим событием вы это не связываете? – спросил он, глядя на меня с некоторым подозрением.

Я заверил его, что совершенно не интересуюсь историей.

– И вам не известно, откуда это зеркало и кому оно раньше принадлежало? – продолжил он.

– А вам? – задал я встречный вопрос, поскольку мне показалось, что он спрашивает не просто так.

– Это совершенно невероятно, – сказал он, – и все же, как иначе можно все это объяснить? То, что вы рассказывали раньше, наводило на эту мысль, но теперь уже не может быть и речи о совпадении. Вечером поговорим подробнее.

Позже

Только что он ушел. Хочу записать наш разговор, пока он

свеж в памяти. Начал доктор с того, что положил на мою кровать несколько старинных пахнувших плесенью книг.

– Можете почитать их сами, когда восстановите силы, – сказал он. – Пока же давайте на словах. То, что вы видели, – это, несомненно, убийство Риччо шотландскими дворянами, которое произошло в марте 1566 года в присутствии Марии Стюарт{531}. Женщину вы описали весьма подробно. Высокий лоб, тяжелые веки и красота – вряд ли такое сочетание могло бы повториться в облике двух женщин. Высокий молодой человек – это ее муж, Дарнли{532}. Риччо, как записано в хронике, «был одет в просторную отороченную мехом рубаху из камки и чулки из коричневого бархата». Одной рукой он схватился за платье Марии, во второй держал кинжал. Ваш страшный тощий человек – это Рутвен{533}, который незадолго до этого болел. Все совпадает.

– Но почему мне? – удивленно спросил я. – Почему из всех людей в мире это было явлено именно мне?

– Потому что вы были в подходящем состоянии, чтобы увидеть. Потому что в вашей комнате находилось зеркало, которое показывало.

– Зеркало! Значит, вы полагаете, что это зеркало принадлежало королеве Марии… Что оно стояло в той самой комнате, где все это произошло?

– Я убежден в том, что это ее зеркало. Она была французской королевой, и на ее личных вещах ставился королевский герб. То, что вам показалось наконечниками копий, на самом деле – французские лилии.

– А надпись?

– «Sanc. X. Pal.» Это можно расшифровать как «Sanctae Crucius Palatium». Кто-то оставил на нем отметку о том месте, откуда его взяли. Это был Дворец Святого Креста.

– Холируд!{534} – воскликнул я.

– Совершенно верно. Ваше зеркало из Холируда. Вы стали участником очень необычного происшествия и остались целы. Надеюсь, больше вы никогда не влипните в подобную историю.

Кожаная воронка

Мой друг Лионель Дакр жил в Париже на авеню де Ваграм, в том домике с железной решеткой и маленьким газончиком перед фасадом, который виден слева, если идти от Триумфальной арки{535}. Думаю, домик этот стоял там еще до того, как появилась сама авеню, потому что серую черепицу на его крыше всю покрывали пятна лишайника, а стены проплесневели и выцвели от времени. С улицы здание казалось небольшим – на фасаде, если память мне не изменяет, всего пять окон, – но оно было вытянуто в глубину, и всю тыльную часть его занимало одно просторное помещение, гостиная. Именно в ней Дакр держал свою удивительную библиотеку книг по оккультным наукам и всевозможные диковинные вещицы, которые собирал для собственного развлечения и чтобы удивлять друзей. Богатый человек утонченных и эксцентрических вкусов, он почти всю жизнь свою и почти все состояние потратил на составление этой коллекции, которую называли уникальным частным собранием талмудических{536}, каббалистических{537} и магических трудов, в том числе многих редких и очень ценных экземпляров. Особую страсть он питал ко всему самому сверхъестественному и отвратительному, и я слышал, что его эксперименты, направленные в область неизведанного, уже давно вышли за пределы разумного и благопристойного. Со своими английскими друзьями он никогда об этом не разговаривал, предпочитая выставлять себя этаким ученым и virtuoso[67], но французы, знавшие его лучше, уверяли меня, что черные мессы самого жуткого толка уже не раз проводились в этом большом зале среди книжных шкафов и полок его музея.

Даже внешность Дакра говорила о том, что его глубокий интерес к этим психическим явлениям носил скорее интеллектуальный, чем духовный характер. На грузном лице его не было заметно следов аскетизма, зато немалая интеллектуальная сила чувствовалась в огромном куполообразном черепе, который выпирал из редких волос, словно заснеженная гора из окружающего ее соснового леса. Однако объем знаний Дакра превосходил силу его ума, а власть, которой он был наделен, была гораздо больше той, что идеально соответствовала бы его характеру. Маленькие и глубоко посаженные яркие глазки, терявшиеся на его мясистом лице, излучали ум и живейший интерес ко всему окружающему, но это были глаза человека, слишком любящего жизнь и земные радости. Впрочем, хватит о нем, потому что его уже нет в живых,

бедняга умер как раз в тот миг, когда думал, что наконец открыл эликсир жизни. Я взялся за перо не для того, чтобы описать его странный и сложный внутренний мир, а для того, чтобы рассказать о поразительной истории, которая началась в тот день, когда в начале весны 1882 года я навестил его на авеню де Ваграм.

С Дакром мы познакомились в Лондоне: я проводил исследования в ассирийском зале Британского музея{538} в то же время, когда он пытался установить мистическое и эзотерическое значение вавилонских{539} табличек. Эта общность интересов и свела нас. Мысли вслух и случайно брошенные замечания переросли в каждодневные беседы и некое подобие дружбы. Я дал ему слово, что, когда следующий раз буду в Париже, обязательно его навещу. К тому времени, когда у меня появилась возможность выполнить свое обещание, я снимал коттедж в Фонтенбло{540}, и, поскольку расписание поездов было не очень удобным, он предложил мне остаться на ночь в его доме.

– У меня только одна свободная софа, – сказал он, указывая на широкий диван в своей просторной гостиной. – Надеюсь, вам там будет удобно.

Необычно выглядела эта спальня, ее высокие стены сплошь были заставлены старыми книгами в коричневых обложках, но для такого книжного червя, как я, более приятной обстановки нельзя и пожелать, да и для носа моего нет приятнее аромата, чем легкий запах плесени, исходящий от старинных книг. Поэтому я заверил его, что только рад таким условиям, поскольку чувствую себя здесь, что называется, в своей стихии.

– Может, здесь и не очень удобно спать, и предметы, вас окружающие, не совсем подходят для спальни, но, по крайней мере, они очень дорого стоят, – сказал он, окинув взглядом полки. – На все это я потратил почти четверть миллиона. Книги, оружие, драгоценности, резные украшения, гобелены, картины… Тут нет ни одного предмета, который не имел бы своей истории, и, как правило, интересной.

Мы сидели у открытого камина, он по одну сторону, я – по другую. Справа от Дакра стоял невысокий столик, и мощная лампа на нем окружала его ярким золотистым светом. Посередине столика лежала наполовину развернутая пергаментная рукопись, вокруг нее – различная старинная мелочь. Среди них была и большая воронка, похожая на те, которые используются для наполнения винных бочек. Судя по виду, воронка была сделана из черного дерева и имела ободок из потускневшей меди.

– Интересная вещица, – заметил я. – Что, с ней тоже связана

какая-то история?

– О, меня и самого этот вопрос немало занимает, – сказал он. – Я бы дорого отдал, чтобы это выяснить. Возьмите ее, рассмотрите.

Я взял воронку, и, как оказалось, то, что я принял за дерево, на самом деле было кожей, совершенно высохшей и затвердевшей от времени. Она была довольно большой, в нее поместилось бы не меньше кварты{541} жидкости, если наполнить до краев. Медный ободок был на широком крае, но узкий конец воронки тоже имел металлический наконечник.

– Что скажете? – спросил Дакр.

– Думаю, эта вещь принадлежала какому-нибудь средневековому виноторговцу или солодовнику, – предположил я. – В Англии я видел кожаные бутыли семнадцатого века. «Черный Джек» они называются, и по цвету и твердости очень похожи на эту воронку.

– Я думаю, и возраст у нее примерно такой же, – сказал Дакр. – И несомненно, она использовалась для наполнения какого-то сосуда жидкостью. Впрочем, если мои подозрения верны, то виноторговец был весьма необычным, и сосуд, который он наполнял, тоже очень странный. Вы ничего не видите на горлышке?

Поднеся воронку к свету, я заметил, что в одном месте, примерно в пяти дюймах выше медного наконечника, кожа была потерта и исцарапана, будто там ее резали по кругу тупым ножом. Вся остальная черная поверхность была совершенно гладкой.

– Кто-то хотел отрезать наконечник.

– Вы считаете, это похоже на порезы?

– Поверхность разорвана и порвана. Чем бы ни оставлены эти отметины, наверное, это не так-то просто было сделать на таком прочном материале. Но что вы об этом думаете? Вижу, вы знаете больше, чем говорите.

Дакр улыбнулся, и его мелкие глазки многозначительно блеснули.

– Вам не приходилось изучать психологию снов? – спросил он.

– Первый раз слышу про такую психологию.

– Дорогой сэр, вон та полка над ящиком с драгоценными камнями заполнена книгами, посвященными именно этой теме. Там все, начиная с Альберта Великого{542}. Это целая наука.

– Наука шарлатанов!

– Шарлатан – это тот же первопроходец. Вслед за астрологами появились астрономы, на смену алхимикам пришли

химики, из месмеризма выросла экспериментальная психология. Ученый мошенник прошлого – это профессор будущего. Даже такие утонченные и неуловимые материи, как сон, в свое время будут систематизированы и упорядочены. Придет пора, и исследования наших друзей с этой полки будут служить не только занимательным чтивом для мистиков, но станут фундаментом для новой науки.

– Ну, хорошо, допустим это так, но какое отношение наука о снах имеет к большой черной воронке с медными ободками?

– Сейчас узнаете. Вам известно, что на меня работает агент, который разыскивает редкие и необычные вещи для моего собрания. Несколько дней назад он услышал о торговце на одной из quais[68], который приобрел кое-какие старинные безделушки, найденные в шкафу в старом доме на задворках рю-Матюрен в Латинском квартале{543}. В столовой комнате этого дома имеется изображение герба с шевронами{544} и красными полосами на серебряном фоне. После наведения справок выяснилось, что это герб Николя де ла Рейни, одного из высокопоставленных чиновников при дворе Людовика XIV. Нет никакого сомнения в том, что остальные предметы из этого шкафа относятся к первым годам правления этого короля. Можно сделать вывод, что все они принадлежали Николя де ла Рейни{545}, который, насколько я понимаю, лично отвечал за поддержание и исполнение драконовых законов того времени.

– И что?

– Теперь я попрошу вас еще раз взять воронку и присмотреться к верхнему медному ободку. Видите надпись?

Действительно, там виднелись какие-то царапины, почти полностью стертые временем. Общее впечатление было такое, что это несколько букв, последняя из которых больше всего напоминала «Б».

– Вы думаете, это «Б»?

– Да.

– Я тоже так думаю. Более того, я не сомневаюсь, что это «Б».

– Но если это инициалы того знатного господина, о котором вы упоминали, то здесь должна быть «Р».

– Совершенно верно! В этом-то и прелесть. Сей предмет принадлежал де ла Рейни, но он изобразил на нем инициалы другого человека. Как вы считаете, зачем ему это понадобилось?

– Даже не представляю. А вы знаете?

– Может быть. Скорее, это догадка. Посмотрите чуть дальше на ободок. Видите, там что-то нарисовано?

– Похоже на корону.

– Вне всякого сомнения, это корона, но, если посмотреть на

нее при хорошем свете, вы увидите, что это не обычная корона. Это геральдическая корона, эмблема титула, четыре жемчужины, чередующиеся с земляничными листьями, – это эмблема маркиза. Таким образом, мы можем сделать вывод, что человек, в инициалах которого имеется буква «Б», был маркизом.

– То есть, эта обычная кожаная воронка принадлежала маркизу.

Дакр загадочно улыбнулся.

– Или кому-то из членов семьи маркиза, – сказал он. – Это то, что нам удалось доподлинно установить по металлическому ободку.

– Но какое все это имеет отношение к снам?

Не знаю, что было тому причиной – то ли многозначительный взгляд Дакра, то ли какое-то неопределенное выражение на его лице – но, посмотрев на этот старый заскорузлый кусок кожи, я вдруг испытал отвращение, подсознательный ужас.

– Я уже не один раз получал ценную информацию во сне, – важно произнес мой компаньон, он любил напускать на себя наставительный вид. – И теперь взял за правило, если у меня возникают какие-либо сомнения относительно чего-то материального, на ночь класть этот предмет рядом с собой в надежде получить просветление во время сна. Какой-то большой загадки в этом процессе я не вижу, хотя благословения ортодоксальной{546} науки он пока еще не получил. Согласно моей теории, любой предмет, который имеет тесную связь с мощным выбросом того или иного человеческого чувства (радость, боль или что-нибудь еще), сохраняет об этом определенную «память» или атмосферу, которую способен передавать восприимчивому разуму. Говоря «восприимчивый разум», я имею в виду не какой-то наделенный особыми способностями мозг, а обычного думающего и образованного человека, как я или вы.

– Вы хотите сказать, что, если, к примеру, я буду спать рядом вон с тем мечом на стене, мне может присниться какое-то кровавое событие, с которым этот меч связан?

– Превосходный пример, поскольку меч, о котором вы говорите, я уже использовал подобным образом, и во сне увидел смерть его владельца, который погиб во время яростной схватки. С какой-то известной битвой отождествить ее я не смог, но произошло это во времена Фронды{547}. Если задуматься, некоторые из наших обычаев указывают на то, что наши предки знали об этом свойстве вещей, хотя мы теперь и считаем это всего лишь суеверием.

– Например?

– Хотя бы обычай класть под подушку свадебный пирог, чтобы спящий видел во сне только приятное. Я сейчас пишу небольшую монографию на эту тему, и в ней я описываю целый ряд подобных примеров. Но не будем уходить в сторону. Однажды на ночь я положил рядом с собой эту воронку, и мне приснился сон, который проливает новый и совершенно неожиданный свет на ее использование и происхождение.

– Что же вам приснилось?

– Мне приснилось… – он вдруг замолчал, и на его массивном лице появилось выражение живейшего интереса. – А ведь неплохая идея! – воскликнул он. – Это будет чрезвычайно любопытный эксперимент. Ведь вы сами восприимчивы к психическому воздействию, ваши нервы откликнутся на любой внешний образ.

– Честно говоря, никогда не проверял себя в этом.

– Так проверим сегодня. Я могу попросить вас в качестве огромного одолжения сегодня вечером, когда вы займете софу, перед сном положить рядом с подушкой эту воронку?

Подобная просьба показалась мне довольно нелепой, но по натуре своей я – человек пристрастный ко всему, выходящему за рамки обыденности. В теорию Дакра я, конечно, не поверил, и насчет того что подобный эксперимент не принесет никаких результатов, у меня не было сомнений, но исключительно из чувства любопытства я согласился. Дакр с важным видом придвинул небольшую подставку на ножке к изголовью дивана и водрузил на нее воронку. Потом мы еще немного поговорили, и, пожелав мне спокойной ночи, он ушел.

Какое-то время, очень недолго, я еще курил, глядя на догорающий в камине огонь и обдумывая наш необычный разговор и затеянный эксперимент. Хоть я и отнесся ко всему скептически, что-то в уверенности Дакра не давало мне покоя, к тому же вся окружающая обстановка – огромный зал, странные и часто зловещие предметы, развешенные и разложенные со всех сторон, – наполняла мою душу смутным беспокойством. Потом я разделся, потушил лампу и лег. Долго еще я ворочался с боку на бок, пока наконец не заснул. Попытаюсь как можно более точно описать сцену, которая привиделась мне во сне. Я до сих пор помню ее яснее, чем все, что когда-либо видел наяву.

Я увидел комнату, чем-то напоминающую склеп. Из ее четырех углов выходили полуарки, которые под острым углом смыкались наверху, образуя похожую на купол крышу. Архитектура была грубой, но массивной, это помещение наверняка являлось частью какого-то большого здания.

Трое мужчин в черном сидели рядом на покрытом красным

ковром возвышении. На головах у них были странные расширяющиеся кверху черные бархатные шапочки, на лицах – выражение торжественной печали. Слева от них стояли два человека в длинных одеждах с папками в руках, папки эти, кажется, были набиты бумагами. Справа, лицом ко мне, стояла маленькая светловолосая женщина с необыкновенными небесно-голубыми глазами ребенка. Она уже оставила позади юность, но и женщиной средних лет ее еще нельзя было назвать. Фигура ее говорила о склонности к полноте, держалась она гордо и уверенно. Лицо ее было бледным, но спокойным. Примечательное это было лицо, миловидное, но в то же время по-кошачьи коварное. Небольшой ровный строгий рот и овал подбородка наводили на мысль о жесткости, даже жестокости. Одета женщина была в какое-то свободное белое платье. Рядом с ней стоял тощий священник, который что-то энергично нашептывал ей на ухо, то и дело поднимая перед ней распятие. Но она не обращала на него внимания и распятия как будто не замечала. Взгляд ее был устремлен на тех трех мужчин в черных мантиях, которые, как я догадался, были ее судьями.

Пока я рассматривал женщину, трое мужчин поднялись и что-то произнесли. Я не разобрал ни слова, но заметил, что говорил тот, кто был посередине. После этого они развернулись и вышли из зала, двое с бумагами последовали за ними. И сразу же в комнату шумно вошли грубоватого вида люди в коротких кожаных сюртуках и принялись сначала снимать красный ковер, а потом разбирать и сам дощатый помост, чтобы полностью освободить комнату. Когда возвышение убрали, в глубине комнаты я увидел очень необычные предметы мебели. Один из них напоминал кровать с деревянными валиками по бокам и воротом с рукояткой, чтобы раздвигать их. Были там деревянные ко́злы и еще множество странных предметов, к тому же сверху свисали несколько веревок, перекинутых через колеса блоков. Все это чем-то напоминало современный гимнастический зал.

Когда комнату расчистили, появился новый персонаж. Это был высокий худой мужчина в черном с вытянутым строгим лицом. Его вид заставил меня содрогнуться. Одеяние его блестело от въевшейся грязи и было все в мерзких пятнах. Двигался человек неторопливо, с достоинством, словно, как только он появился, все перешло под его руководство. Хотя выглядел он отталкивающе и одежда на нем была грязная, теперь он являлся здесь хозяином, теперь эта комната принадлежала ему, он решал, что делать. На левой полусогнутой руке он нес несколько мотков тонкой веревки. Дама смерила его взглядом, но выражение ее лица не изменилось. Оно было уверенным, даже

вызывающим. Этого нельзя сказать о священнике. Он побледнлел, я даже заметил, что по его высокому скошенному лбу блестящими струйками скатилось несколько капель пота. Молитвенным жестом он сложил перед собой ладони и с новой силой стал что-то шептать в ухо женщине.

Человек в черном подошел к ним, снял с левого предплечья одну из веревок и связал женщине руки. Она же смиренно держала их перед собой. Затем он грубо схватил ее за локоть и повел к деревянным ко́злам (они были невысокие, чуть выше ее талии). Там он поднял ее и положил на них лицом вверх. Пока он это делал, священник, которого колотило от ужаса, выбежал из комнаты. Губы женщины быстро шевелились, и, хоть мне ничего не было слышно, я понял, что она молилась. Ноги ее свесились с обеих сторон ко́зел, какие-то грубые люди, очевидно прислужники, привязали к ее лодыжкам веревки и присоединили их к железным кольцам, вделанным в каменный пол.

Сердце мое упало, когда я увидел эти жуткие приготовления, но ужас охватил меня, я не мог отвести глаз от этого страшного зрелища. В комнату вошел еще один человек, с полными ведрами воды в каждой руке. За ним последовал еще один, с третьим ведром. Ведра поставили рядом с деревянными ко́злами. Второй зашедший принес деревянный черпак, ковш с длинной прямой ручкой, который вручил человеку в черном. Тут же к ним подошел и один из прислужников с каким-то черным предметом в руках, который даже сквозь сон показался мне смутно знакомым. Это была кожаная воронка. Одним быстрым и мощным движением он всадил его… Нет, я больше не мог этого вынести. Волосы зашевелились у меня на голове от ужаса. Я начал метаться, корчиться, пытаться разорвать путы сна, пока наконец с криком не вернулся в реальный мир и не осознал, что лежу, дрожа от страха, на диване в огромной библиотеке, и не увидел в окне тусклый лунный свет, который отбрасывал на противоположную стену странные серебряные и черные узоры. О! До чего же сладостным было облегчение! Из мрачного средневекового склепа я снова перенесся в девятнадцатый век, где у людей в груди бьются человеческие сердца. Я сел на диване, разум мой разрывался между радостью и ужасом, меня все еще трясло. Неужели такие вещи когда-то происходили на самом деле? Неужели Господь допускал подобное, и рука его не разила этих негодяев на месте? Что это было, плод фантазии или изображение того, что на самом деле происходило в черные и жестокие времена истории? В висках стучало, я обхватил голову дрожащими руками, и тут сердце будто остановилось у меня в груди. От охватившего меня ужаса я даже не мог закричать.

Сквозь темноту комнаты ко мне что-то приближалось.

Ужас, сменившийся новым ужасом, может сломать людской дух. Я не мог думать, я не мог молиться. Я мог только неподвижно сидеть и смотреть на темную фигуру, которая надвигалась на меня. А потом она вошла в поток лунного света, и я снова задышал. Это был Дакр, и лицо его говорило о том, что испуган он не меньше моего.

– Это вы кричали? Господи Боже, что произошло? – хриплым голосом произнес он.

– Дакр, я так рад вас видеть! Я как будто побывал в аду. Это было ужасно.

– Значит, это вы кричали?

– Думаю, что я.

– Крик был слышен во всем доме. Все слуги жутко напуганы. – Он чиркнул спичкой и зажег лампу. – Думаю, стоит снова разжечь огонь, – добавил он и бросил несколько поленьев на тлеющие уголья. Друг мой, да вы бледны как полотно! Выглядите так, будто привидение увидели.

– Так и было… Только нескольких.

– Значит, кожаная воронка подействовала?

– Хоть осыпьте меня золотом, но я больше не соглашусь спать рядом с этой адской вещью.

Дакр тихо засмеялся.

– Я ожидал, что она не даст вам скучать ночью, – сказал он, – но вы со мной поквитались. Услышать такой вопль в два часа ночи, это знаете ли… Судя по вашим словам, вы увидели ту же страшную картину, которую видел и я.

– А что вы видели?

– Пытку питьем… «Допрос с пристрастием», как это называли в славные времена «Le Roi Soleil»[69]. Вы выдержали до конца?

– Нет, слава Богу, я проснулся еще до того, как они начали.

– Вам повезло. Я выдержал до третьего ведра. Впрочем, это давняя история, и все эти люди уже давно лежат в могилах, так что какая разница, как они туда попали? Я полагаю, вы понятия не имеете, что видели, не так ли?

– Это была пытка какой-нибудь преступницы? Видимо, она была страшным человеком, если наказание соответствовало ее злодеяниям.

– Верно, у нас есть это маленькое утешение, – сказал Дакр, запахнул халат и придвинулся ближе к огню. – Наказание действительно соответствовало ее злодеяниям. Конечно, если я правильно определил, что это была за дама.

– Да как же вы могли это определить?

Дакр снял с полки старинную книгу в кожаном переплете.

– Вот послушайте, – сказал он. – Текст на французском семнадцатого века, но я буду сразу переводить. Потом скажете мне, правильно ли я решил эту загадку. «Заключенная предстала перед судом Высшей палаты парламента по обвинению в убийстве мастера Дрё д'Обре, отца своего, и двух братьев своих: мастера д'Обре – цивильного лейтенанта и мастера д'Обре – советника парламента. Ликом она не походила на преступника, способного на такие гнусные поступки, поскольку вида была кроткого, росту небольшого, имела чистую кожу и голубые глаза. Однако суд, установив ее виновность, приговорил заключенную к обычному допросу и допросу с пристрастием, чтобы узнать имя ее сообщников, после чего ее надлежало перевезти в повозке на Гревскую площадь{548}, там обезглавить, тело сжечь и прах развеять по ветру». Эта запись сделана 16 июля 1676 года.

– Интересно, – сказал я. – Но неубедительно. Чем вы можете доказать, что это была та самая женщина?

– Я уже подхожу к этому. Далее в тексте описывается ее поведение во время пытки. «Когда к ней подошел палач, она узнала его по веревкам, которые он нес, и сразу протянула ему руки. Пока он ее связывал, она осмотрела его с ног до головы, но не произнесла ни слова». Как вам это?

– Да, так и было.

– «Она спокойно осмотрела деревянные ко́злы и кольца, на которых было вывернуто столько суставов и которые слышали столько криков и стонов. Когда взгляд ее упал на три ведра воды, приготовленные для нее, она с улыбкой сказала: "Всю эту воду принесли, чтобы утопить меня, месье? Вы же не думаете, что в такого небольшого человека, как я, все это поместится."» Подробное описание пытки читать?

– Нет-нет, ради Бога, не нужно.

– Тут есть одно предложение, которое, бесспорно, убедит вас в том, что вы видели во сне именно описанное. «Добрый аббат Пиро, не в силах смотреть на страдания грешницы, поспешно покинул зал». Убедились?

– Совершенно. Сомнений нет, это то самое событие. Но кто же эта дама, чья внешность была столь привлекательна, а конец столь ужасен?

Дакр подошел ко мне и поставил на столик рядом с моим диваном маленькую лампу. Взяв страшную воронку, он повернул ее так, чтобы свет падал на медный ободок. Так надпись на ней была видна лучше, чем накануне вечером.

– Мы с вами уже выяснили, что это эмблема маркиза или маркизы, – сказал он. – Кроме того, поняли, что последняя буква «Б».

– Это точно.

– Посмотрите, слева направо эти буквы больше всего похожи на «М», «М», маленькую «д», «О», и маленькую «д» перед последней «Б».

– Да, кажется, вы совершенно правы. Обе маленькие «д» видны очень четко.

– То, что я вам сейчас прочитал, – сказал Дакр, – это официальный протокол суда над Мари Мадлен д'Обре, маркизой де Бренвилье{549}, одной из самых известных отравительниц и убийц в истории.

Пораженный необычностью своего ночного видения и его истинным смыслом, который открылся мне благодаря исчерпывающим доказательствам Дакра, я притих. Когда-то я уже слышал об этой женщине. В памяти всплыли смутные воспоминания о ее жизни, о ее разнузданном распутстве, о том, как она долго и хладнокровно измывалась над больным отцом, как ради мелкой выгоды погубила братьев. К тому же я вспомнил, что храброе поведение преступницы перед смертью до некоторой степени искупило ужасы ее жизни, что в последние минуты маркизу де Бренвилье жалел весь Париж и что спустя несколько дней после казни женщину, которую при жизни проклинали как убийцу, уже почитали за мученицу. Лишь одно возражение пришло мне на ум.

– Но каким образом на этой воронке могли оказаться ее инициалы и эмблема ее титула? Ведь не может быть, чтобы в средние века знать почиталась настолько, что их титулы увековечивались на пыточных орудиях.

– Мне этот вопрос тоже не давал покоя, – ответил Дакр. – Но я нашел этому очень простое объяснение. В то время дело это наделало много шума, так что можно легко вообразить, что ла Рейни, начальник полиции, просто решил оставить эту воронку себе на память. Не так уж часто допросу с пристрастием подвергались французские маркизы. Нет ничего удивительного и в том, что он выгравировал на ней ее инициалы, дабы все понимали, с каким событием связан этот предмет.

– А это? – спросил я, указывая на отметины на кожаном горлышке.

– Она была кровожадной тигрицей, – сказал Дакр и посмотрел в сторону. – И как у всякой свирепой тигрицы, у нее были крепкие и острые зубы.

Ужас Пещеры Синего Джона

Следующий рассказ был найден среди бумаг доктора Джеймса Хардкастла, умершего от чахотки 4 февраля 1908 года в 36 номере пансиона «Аппер Ковентри флэтс» в южном Кенсингтоне{550}. Знавшие его близко отказываются высказывать свое мнение относительно этого необычного документа, но единодушны в том, что это был рассудительный человек научного склада ума, напрочь лишенный фантазии. Ему бы никогда не пришло в голову сочинять небылицы и выдавать их за истину. Бумага находилась в конверте, подписанном: «Краткий пересказ событий, произошедших недалеко от фермы мисс Аллертон в северо-западном Дербишире{551} прошлой весной». Конверт был запечатан, на его лицевой стороне карандашом было написано: «Дорогой Ситон, вероятно, вы заинтересуетесь, а может быть, и огорчитесь, узнав, что из-за того недоверия, с которым вы восприняли мой рассказ, я решил больше никому не рассказывать о ТОМ случае. Эти записи будут прочитаны после моей смерти, и, возможно, незнакомые мне люди, к которым они попадут в руки, поверят мне больше, чем мой друг».

Установить личность этого Ситона не удалось. Могу добавить, что покойный действительно приезжал на ферму Аллертон в указанное время и что именно тогда там произошли некие вызвавшие определенные волнения события, совпадающие по характеру с рассказом доктора Хардкастла. Это известно доподлинно и сомнению не подлежит.

Далее я привожу его рассказ целиком, ничего не меняя. Он имеет форму дневника, некоторые записи в нем расширены, есть и пропуски.

«17 апреля

Уже чувствую, что прекрасный горный воздух идет мне на пользу. Ферма Аллертон находится на высоте тысяча четыреста двадцать футов над уровнем моря, поэтому ничего удивительного, что климат здесь такой благодатный. Если не считать привычного утреннего кашля, чувствую себя совершенно здоровым, так что, благодаря парному молоку и свежей баранине, я даже могу набрать вес. Думаю, Сондерсон будет доволен.

Обе мисс Аллертон – добрые, работящие и очаровательно чудаковатые старые девы, готовые отдать заезжему калеке всю сердечную теплоту, которая могла бы быть потрачена на мужей

или детей, если бы таковые у них имелись. В самом деле, старая дева – полезнейшее существо на земле, своего рода сила, стоящая в резерве общества. Иногда ее называют «лишней» женщиной, но что бы без нее делал несчастный «лишний» мужчина? К слову, они настолько просты, что сразу же проболтались, почему Сондерсон посоветовал мне именно их ферму. Оказывается, он сам родом из этих мест и, думаю, в детстве вполне мог гонять ворон на каком-то из этих полей.

Это уединенное место, прогулки по нему вызывают у меня восторг. Ферма – это по сути пастбище, которое находится на неровной долине, между двумя чудесными известняковыми холмами, состоящими из такого хрупкого камня, что его можно ломать руками. Под всем этим местом находится какая-то бездонная пустота. Если бы можно было ударить по ней каким-нибудь гигантским молотом, она бы загудела, как барабан. Возможно, там какая-нибудь пещера или большое подземное море. Какой-то водоем там обязательно должен быть, потому что в окружающих горах масса ручьев, которые уходят под землю и больше не показываются на поверхности. Полно здесь и расщелин, если в них углубляться, можно найти входы в подземные лабиринты, уходящие в самую глубь земли. У меня есть маленький велосипедный фонарь, и я часто беру его с собой в эти странные подземные миры, где еще не ступала нога человека, и с наслаждением любуюсь, как переливаются на свету серебристо-черные сталактиты, когда по ним скользит его луч. Выключаешь фонарь – ты в полной темноте, включаешь – и ты в сказке из «Тысячи и одной ночи».

Однако среди этих странных пещер одна особенно интересна, потому что ее сотворила не природа, а человек. Приехав сюда, я ничего не знал о Синем Джоне. Так называют особый минерал прекрасного фиолетового оттенка, который на всей земле можно найти всего в двух-трех местах. Синий Джон – минерал такой редкий, что простейшая ваза, изготовленная из него, стоит ужасно дорого. Римляне со свойственным им чутьем каким-то образом прознали, что здесь можно отыскать этот камень, и пробили длинную горизонтальную шахту в одной из скал. Вход в нее (аккуратная арка с ровными стенами, вся заросшая кустами) получил название Пещера Синего Джона. Римские горняки потрудились на славу, вырубленный ими проход очень длинный и пересекает несколько больших естественных пустот (это русла существовавших здесь когда-то подземных рек), поэтому, входя в Пещеру Синего Джона, нужно внимательно следить за дорогой и иметь хороший запас свечей, иначе рискуешь никогда больше не увидеть дневного света. Я еще не углублялся в нее, но сегодня

днем, стоя у входа и всматриваясь в черноту штольни, решил, что как только поправлю здоровье, обязательно посвящу какой-нибудь выходной исследованию этого таинственного туннеля и узнаю, как глубоко римляне вгрызлись в дербиширские скалы.

Местные люди на удивление суеверны. Честно говоря, я был лучшего мнения о молодом Эрмитедже, потому что он образован, не глуп и вообще славный парень. Сегодня, когда я стоял у Пещеры Синего Джона, он проходил по полю и, увидев меня, подошел.

– Что ж, доктор, – сказал он, – по крайней мере, вижу, вы не боитесь.

– Боюсь? – ответил я. – Чего?

– Этого, – он ткнул большим пальцем в сторону черного хода. – Ужаса, который живет в Пещере Синего Джона.

До чего же легко рождаются легенды в оторванных от внешнего мира местах! Я поинтересовался у него, что заставляет его думать, будто там есть что-то страшное. Выяснилось, что время от времени в долине пропадают овцы, говоря словами Эрмитеджа, «кто-то их уносит». О том, что они сами могут отбиться от стада и заблудиться в горах, он не захотел и слушать. Потом он рассказал, что однажды была найдена лужа крови с разбросанными вокруг клочками шерсти. Я заметил, что и этому можно найти совершенно естественное объяснение. Далее, овцы исчезают исключительно по ночам, причем в самые темные и безлунные ночи, когда все небо затянуто тучами. Возражение, которое привел я, напрашивалось само собой: именно такую ночь и выберет похититель овец. Как-то раз в скале появилась дыра, и выбитые камни оказались разбросанными на значительное расстояние. И здесь я увидел дело рук человека. В качестве последнего аргумента он рассказал мне о том, что сам, собственными ушами слышал звуки, которые издает это неведомое существо, и более того, их может услышать каждый, для этого нужно лишь постоять подольше рядом с входом в туннель. Это был далекий и необыкновенно мощный рев. В ответ я мог только улыбнуться, поскольку мне прекрасно известно, какие необычные звуки издают подземные водные системы, протекающие по пещерам в известняковых горных образованиях. Мое маловерие, похоже, рассердило его настолько, что он развернулся и ушел, даже не попрощавшись.

А теперь самое странное. Я все еще стоял рядом с входом, обдумывая слова Эрмитеджа и размышляя над тем, как легко можно объяснить все эти глупости и почему люди этого не видят, как вдруг из глубины туннеля донесся очень странный звук. Как бы его описать? Во-первых, мне показалось, что его источник

находится где-то очень далеко, глубоко в недрах Земли. Во-вторых, несмотря на расстояние, звук был очень громким. И наконец, это был не удар, не грохот, который могли бы издать падающий с высоты камень или низвергающаяся вода, – это был пронзительный визг, дрожащий и вибрирующий, как ржание лошади. Это было довольно необычно и, надо сказать, на какой-то миг придало новое значение словам Эрмитеджа. Я прождал там еще полчаса, но звук не повторился, тогда я, теряясь в догадках, пошел обратно на ферму. Определенно, нужно будет обследовать эту пещеру, когда восстановятся силы. Разумеется, объяснение Эрмитеджа слишком абсурдно, чтобы принимать его в расчет, и все же звук был очень необычным. Когда я пишу эти строки, он до сих пор звучит у меня в ушах.

20 апреля

За последние три дня несколько раз наведывался к Пещере Синего Джона и даже слегка углубился в нее, но мой велосипедный фонарик до того мал и слаб, что я не рискнул заходить слишком глубоко. Буду действовать продуманно. Никаких звуков больше не слышал, и теперь мне начинает казаться, что я стал жертвой какой-то галлюцинации, вызванной, возможно, разговором с Эрмитеджем. Нет, мысль о чудище, якобы обитающем там, конечно же нелепа и смешна, но нужно признать, что кусты, растущие перед входом в штольню, действительно выглядят так, будто сквозь них пробиралось какое-то крупное существо. Меня это захватывает все больше и больше. Обеим мисс Аллертон ничего рассказывать не стал, они и так слишком уж суеверны, но уже купил несколько свечей – буду разбираться сам.

Сегодня утром заметил, что среди многочисленных клочков овечьей шерсти, которые валяются рядом с шахтой, один был в крови. Разум подсказывает мне, что, если овца забредает в такое скалистое место, ей ничего не стоит пораниться, и все же вид красного пятна почему-то потряс меня, на секунду меня охватил такой ужас, что я едва не пустился бежать от древней римской арки. Всматриваясь в темные глубины, я уловил очень неприятный запах, похожий на зловонное дыхание. Возможно ли, что в самом деле где-то там скрывается некое неизвестное существо, некий безымянный ужас? Когда я был здоров, подобное мне не пришло бы в голову, но, когда здоровье человека подорвано, он становится нервным и начинает верить во всякую чепуху.

На какое-то время решимость моя ослабела, я уже готов был

оставить тайну старой штольни (если таковая вообще существует) нераскрытой навечно, но вечером нервы мои успокоились и интерес снова проснулся. Думаю завтра попробовать разобраться во всем этом более основательно.

22 апреля

Попытаюсь четко и последовательно описать вчерашние удивительные события. Из дому я вышел после полудня и направился прямиком к Пещере Синего Джона. Признаюсь, как только я заглянул в нее, мне снова стало не по себе. Я пожалел, что не взял кого-нибудь с собой. Но наконец, собравшись с духом, я зажег свечку, раздвинул кусты и шагнул в темноту.

Первые футов пятьдесят я шел вниз по довольно пологому спуску. Идти было трудно, потому что ход был завален обломками камней. Потом начался длинный прямой туннель, вырубленный прямо в скале. Я не геолог, но заметил, что стены коридора явно состоят из минерала более прочного, чем известняк, потому что в некоторых местах были видны следы, которые оставили древние горняки своими инструментами, и выглядели они так, будто появились здесь только вчера. Со свечой в руке я шел по этому странному старинному коридору, окруженный тусклым светом, от которого тени вокруг словно оживали и казались еще более страшными. Наконец я добрался до места, где римский туннель пересекал пещеру, когда-то пробитую в скале водой. Это был огромный зал, с потолка которого свисало множество длинных белых известковых сосулек. Из этого места множество коридоров, выбитых подземными реками, уходят в глубь земли. Остановившись, чтобы подумать, стоит ли вернуться или рискнуть и еще дальше углубиться в этот опасный лабиринт, я неожиданно увидел у себя под ногами нечто необычное.

Большая часть пола пещеры была завалена каменными глыбами или битым известняком, но тут с потолка капала вода, отчего на этом месте образовалась довольно большая лужа мягкой грязи. Прямо посреди нее был огромный след, глубокий, широкий и неровный, словно туда шлепнулся большой валун. Но рядом со следом не было видно никаких камней и ничего такого, что могло бы оставить подобный отпечаток. Он был слишком большим для любого животного, к тому же один, хотя это озерцо грязи было таким большим, что невозможно представить, чтобы кто-то мог перешагнуть его. Когда, внимательно изучив странный отпечаток, я поднялся, осмотрелся по сторонам и увидел

окружающие меня со всех сторон покачивающиеся тени, надо признать, по коже у меня пробежал крайне неприятный холодок, и, как я ни старался, свеча дрожала у меня в руке.

Вскоре спокойствие вернулось ко мне, когда я подумал, насколько бессмысленно приписывать столь огромный и бесформенный отпечаток какому-то животному. Даже слон не мог бы оставить такой след. Поэтому я твердо решил, что не позволю своему воображению и бессмысленным страхам заставить меня прервать исследования. Прежде чем двинуться дальше, я заприметил в стене камень необычной формы, по которому я мог отличить римский туннель. Подобная мера предосторожности понадобилась потому, что повсюду, куда простирался свет, было видно, как испещрен этот большой подземный зал множеством других ходов. Определившись со своим положением, лишний раз проверив запас свечей и спичек, я медленно двинулся вперед по каменистому неровному дну пещеры.

А теперь я расскажу о том неожиданном и ужасном несчастье, которое случилось со мной потом. Ручей футов двадцать шириной перерезал мне путь. В поисках места, где можно было бы его пересечь, не замочив ноги, я отошел немного в сторону. Наконец на глаза мне попался большой плоский камень, торчащий из воды примерно посередине потока, до которого я мог бы допрыгнуть. Но оказалось, что камень этот внизу был подмыт течением ручья и на основании своем держался непрочно, поэтому, когда я на него приземлился, он качнулся, и в результате я полетел в ледяную воду. Разумеется, свечка тут же погасла, я барахтался в полной темноте.

Когда я кое-как поднялся на ноги, это происшествие меня скорее рассмешило, чем испугало. Свечка выпала у меня из рук, найти ее в этом течении было невозможно, но в кармане у меня оставалось еще две, так что ничего страшного не произошло. Я достал одну из них, вытащил коробок со спичками, и только тут до меня дошло, что случилось на самом деле. Когда я упал в воду, все спички промокли. Зажечь свечу было невозможно.

Сердце мое как будто сжала холодная рука, когда я почувствовал весь ужас своего положения. Темнота вокруг стояла полная и жуткая. Настолько полная, что я прикоснулся к своему лицу, чтобы почувствовать под рукой хоть что-то твердое. Стоя на одном месте и боясь пошевелиться, я с трудом заставил себя успокоиться. Попробовал в уме восстановить карту своего передвижения по пещере. Увы! Все опознавательные знаки, которые мне запомнились, находились высоко на стенах и найти их на ощупь было невозможно. К счастью, я не потерял ориентацию и мог вспомнить общее расположение стен, поэтому

у меня еще оставалась надежда вернуться и найти вход в римский туннель. Передвигаясь очень медленно и постоянно натыкаясь на камни, я отправился в это отчаянное путешествие.

Но вскоре я осознал, насколько это бессмысленно. В этой черной бархатной темноте всякое представление о направлении теряется сразу. Сделав десяток шагов, я совершенно перестал понимать, где нахожусь. Ручей можно было найти по плеску (это был единственный слышимый звук), но стоило мне от него отойти, как я совершенно терялся. Найти выход из этого известнякового лабиринта не представлялось реальным.

Я сел на камень и начал обдумывать свое плачевное положение. О своем намерении идти в Пещеру Синего Джона я не рассказывал никому, и надеяться на то, что кто-то будет меня искать здесь, не приходилось. Значит, рассчитывать оставалось только на себя. Может быть, спички в конце концов высохнут, и мне удастся зажечь свечку. Когда я упал, то оказался под водой только наполовину. Левое плечо сохранилось сухим, поэтому я взял коробок спичек и засунул его под мышку. Возможно, тепло моего тела поможет высохнуть им быстрее, хотя все равно я понимал, что раздобыть свет мне удастся не раньше, чем через несколько часов. Но выбора не было, оставалось только ждать.

Хорошо, что, уходя с фермы, я положил в карман несколько галет. Я их съел и запил водой из того самого ручья, который стал причиной моих несчастий. Потом ощупью я поискал среди камней место, где можно было расположиться поудобнее, и, найдя ложбинку с удобным упором для спины, уселся, вытянул уставшие ноги и принялся ждать. Было ужасно сыро и холодно, но я утешал себя мыслью о том, что современная медицина при моей болезни все равно рекомендует держать окна открытыми и гулять на свежем воздухе при любой погоде. И вот, постепенно убаюканный монотонным журчанием ручья и совершенной темнотой, я забылся тревожным сном.

Не могу сказать, сколько я проспал. Может, час, а может, несколько часов, но проснулся я неожиданно. Как только я вздрогнул и открыл глаза, каждый мой нерв напрягся, все чувства обострились, потому что сквозь сон я услышал звук! Совершенно отчетливо. И это не было журчание ручья. Отголосок странного звука все еще стоял у меня в ушах. Что это было? Поисковая группа? Но они бы кричали. Я же был совершенно уверен, что звук, который меня разбудил, отличался от человеческого голоса. Меня бросило в дрожь, от страха боясь дышать, я стал прислушиваться. Вот опять! И снова! Потом звук стал постоянным. Шаги… Несомненно, то были шаги какого-то живого существа. Но что это была за поступь! Впечатление создавалось

такое, будто нечто огромное передвигается на упругих лапах. Звук был глухой, но тяжелый, давящий. Темно было, как и прежде, но шаги, четкие, уверенные, вне всякого сомнения, приближались ко мне.

Мне стало жутко, по коже пошел холод, и волосы у меня на голове поднялись дыбом. Страшные тяжелые шаги становились все громче. Судя по скорости передвижения, это существо могло видеть в темноте. Я весь сжался и попытался слиться с камнем, на котором лежал. Еще какое-то время шаги приближались, потом смолкли, и я услышал плеск и бульканье. Существо вошло в ручей и пило воду. Потом опять наступила тишина, нарушаемая лишь громким мощным сопением и фырканьем невероятной силы. Неужели оно почуяло меня? Сам я ощущал густой отвратительный запах, тяжелый и удушающий. Потом снова раздались шаги. Теперь они были на моем берегу ручья. Всего в нескольких ярдах от меня зашуршали камни. Не дыша, я вжался в свое каменное ложе.

Но шаги стали удаляться. Я услышал всплеск, когда существо снова перешло ручей, а дальше, судя по звуку, оно ушло в ту сторону, откуда явилось.

Я долго лежал на камне, от ужаса не в силах пошевелиться. В голове моей проносились мысли о том жутком звуке из глубин пещеры, о страхах Эрмитеджа, о странном отпечатке в грязи. Теперь я получил последнее доказательство того, что какое-то жуткое чудовище, что-то совершенно непостижимое, загадочное и ужасное скрывается в горных пещерах. О его природе или виде я мог только догадываться. Известно мне было только то, что размер его огромен и передвигается оно достаточно быстро. Я разрывался, не зная, чему довериться: разуму, который отказывался принимать возможность подобного, или чувствам, которые доказывали, что все это существует в действительности. В конце концов я уже почти готов был поверить: пережитое было частью какого-то кошмарного сна, то положение, в котором я находился, могло вызвать у меня галлюцинации или бред. Но потом произошло такое, от чего последние сомнения покинули меня.

Я достал из-под мышки коробок и пощупал спички. Они были совершенно сухими и твердыми. Спрятав руки в небольшую расщелину между камнями, я попытался зажечь одну из них. К моей неописуемой радости, мне это удалось с первого раза. Я зажег свечку и, в ужасе оглядываясь по сторонам, поспешил к римскому проходу. По дороге я снова наткнулся на ту лужу грязи, на которой видел огромный отпечаток, и остановился перед ней, пораженный тем, что предстало моим глазам. Теперь там было

три таких же следа, огромных, нечетких и глубоких, что указывало на неимоверный вес оставившего их существа. И тут меня охватил дикий, безотчетный ужас. Пригнувшись, прикрывая ладонью свечку, я, обезумев от страха, бросился к пробитой в стене арке, спотыкаясь о камни, взлетел наверх, не замедляя бега, прыгнул через густые колючие заросли терна у входа и, задыхаясь, бросился на мягкую траву под мирным светом звезд. Кое-как отдышавшись, я пошел домой. Было три часа ночи, когда я вернулся на ферму. Сегодня я не нахожу себе места, меня постоянно бросает в дрожь. Пока никому ничего не рассказывал. Нужно быть осторожным – что подумают мои бедные одинокие хозяйки или необразованные крестьяне, если узнают о том, что случилось со мной? Нужно найти человека, который смог бы понять и что-нибудь посоветовать.

25 апреля

После невероятного происшествия в пещере я пролежал в постели два дня. Я не просто так уточняю причину, поскольку за это время со мной произошел еще один случай, который потряс меня почти так же. Я писал, что собирался найти кого-нибудь, с кем мог бы посоветоваться. В нескольких милях от фермы живет местный врач, некий доктор Марк Джонсон, к которому у меня есть рекомендательное письмо от профессора Сондерсона. Как только я пришел в себя настолько, что смог передвигаться, я поехал к нему и рассказал о том, что со мной случилось. Внимательно выслушав, он стал осматривать меня, причем особое внимание уделил рефлексам и зрачкам. Закончив, он отказался обсуждать мое приключение, сославшись на то, что это вне его компетенции, но вручил мне карточку некоего мистера Пиктона из Каслтона и посоветовал немедленно обратиться к нему и повторить свой рассказ в тех же словах. «Это именно тот человек, который может помочь вам», – сказал он. Я пошел на станцию и сел на поезд до Каслтона (это небольшой городок милях в десяти). Похоже, мистер Пиктон был человеком солидным, поскольку медная табличка с его именем красовалась на двери большого дома, расположенного на окраине города. Я уже собрался позвонить, но в последний миг что-то меня остановило. Зайдя в магазин по соседству, я спросил у продавца за прилавком, знает ли он мистера Пиктона. «Еще бы! – сказал он. – Это же лучший психиатр во всем Дербишире. Его психушка совсем рядом». Понятное дело, я тут же вернулся на вокзал, отряхнул прах Каслтона со своих ног и сел на ближайший обратный поезд,

понося последними словами всех узколобых педантов, которым не хватает воображения понять, что в мире могут существовать вещи, с которыми этим слепым кротам еще не приходилось сталкиваться. Правда, теперь, немного успокоившись, я понимаю, что доктор Джонсон отнесся ко мне примерно так же, как сам я в свое время отнесся к Эрмитеджу.

27 апреля

Когда я был студентом, друзья всегда считали меня человеком смелым и решительным. Помню, когда в Колтбридже устроили охоту на призраков, именно меня оставили на ночь в доме с привидениями. Неужели возраст (хотя мне всего тридцать пять) так ослабил мой дух? Или виной тому моя болезнь? Сердце уходит у меня в пятки, когда я думаю о той страшной пещере и о том чудовище, которое в ней живет. Что же делать дальше? Не проходит и часа, чтобы этот вопрос не возникал у меня в голове. Если никому ничего не рассказывать, тайна эта так и останется неразгаданной. Если рассказать – тут уж одно из двух: либо во всей деревне поднимется паника, либо мне никто не поверит, и тогда меня ждет клиника мистера Пиктона. Думаю, сейчас для меня лучше всего ждать и готовить новую, лучше организованную экспедицию. Я уже начал подготовку – съездил в Каслтон и приобрел некоторые необходимые вещи: большой ацетиленовый фонарь{552} и хорошую двуствольную охотничью винтовку. Винтовку я взял напрокат, но купил к ней дюжину зарядов на крупную дичь. Такими патронами можно уложить носорога. Теперь я готов к встрече со своим пещерным другом. Осталось немного поправить здоровье, набраться сил и можно померяться с ним силами. Но кто он, что это за существо? Этот вопрос не дает мне спать по ночам. Сколько самых разных предположений рождалось у меня в голове, но я отверг все! Все это слишком неправдоподобно. Но этот крик, эти следы, звуки в пещере… Я не могу этого объяснить, на ум приходят старинные легенды о драконах и прочих чудовищах. Может быть, в этих сказках на самом деле не так много выдумки, как мы всегда считали? Может быть, все они имеют какую-то реальную основу, и мне, именно мне, выпало раскрыть правду?

3 мая

Несколько дней капризы английской весны продержали меня

в постели, и за это время произошли события, истинное и зловещее значение которых понимаю только я. Последнее время ночи стоят темные, безлунные. Мне рассказывали, что именно в такие ночи исчезают овцы. И это подтвердилось. У моих хозяек пропало две овцы, одна овца – у старого Пирсона из «Кэт-уок», одна – у миссис Маултон. Всего четыре за три ночи. Они пропали бесследно, и вся деревня гудит от разговоров о цыганах и ворах.

Но произошло и нечто более серьезное. Исчез юный Эрмитедж. В среду вечером он вышел из своего коттеджа на лугу, и с тех пор его никто не видел. Он не был женат и жил один, поэтому много шума его исчезновение не наделало. Все посчитали, что у него появились долги, и он просто сбежал, а вскоре объявится где-нибудь в другом месте. Но я подозреваю худшее. По-моему, скорее всего, он захотел разобраться, что происходит с овцами, и поплатился за это жизнью. Например, он мог спрятаться рядом со входом в штольню, чтобы увидеть чудовище, но оно поймало его и утащило в свое логово в глубине скал. Какая необычная смерть для англичанина двадцатого века! И все же я чувствую, даже уверен, что все случилось именно так. Но, если это правда, не ложится ли ответственность за его гибель и те несчастья, которые еще могут произойти, на меня? При том, что известно мне, я просто не имею права бездействовать. Я должен либо добиться каких-то действий от людей, либо, если необходимо, что-то предпринять самостоятельно. И, наверное, мне придется действовать одному, потому что сегодня утром я сходил к инспектору и все ему рассказал. Он записал мой рассказ в толстую книгу, вежливо со мной попрощался, но, выходя из его дома, я услышал взрыв хохота. Наверное, он пересказал мою историю семье.

10 июня

Пишу лежа в постели. Последний раз я открывал свой дневник шесть недель назад. Мои разум и тело истощены. Я пережил такое, что редко выпадает на долю человека. Но я сделал то, что задумал. Ужас, обитавший в Пещере Синего Джона, уже никогда не вернется. По крайней мере, хоть это я, несчастный инвалид, сделал для общего блага. Попытаюсь как можно точнее описать, что произошло.

Ночь 3 мая была темная и облачная… Именно в такие ночи чудовище выбиралось из пещеры. Около одиннадцати часов я вышел из фермы с фонарем и винтовкой, оставив на столе записку, что, если не вернусь, искать меня нужно около шахты

или внутри нее. Добравшись до места, я нашел удобный плоский камень рядом со входом, занял на нем позицию, потушил фонарь, приготовил винтовку и принялся ждать.

На душе было тоскливо. Прямо передо мной простиралась извилистая равнина, усеянная огоньками ферм, каждый час доносился далекий бой часов на колокольне Чэппель-ле-Дейл. Там жили люди, и от этого я ощущал себя еще более одиноко и потерянно, еще сильнее чувствовал непреодолимый страх и желание как можно скорее покинуть это дикое, опасное место и вернуться на ферму. Но внутри каждого человека коренится то чувство собственного достоинства, которое не позволяет ему малодушно бросать начатое. Эта внутренняя гордость была моим спасением, лишь она удерживала меня там, в скалах, когда внутренний голос кричал: беги! Теперь я рад, что мне хватило мужества остаться. Мне дорого это обошлось, но зато упрекнуть себя в нетвердости духа я не могу.

Часы на далекой церкви пробили двенадцать, потом час, потом два. Наступила самая темная пора ночи. Низкие тучи закрыли все небо, звезд видно не было. Где-то в скалах ухала сова, но других звуков, кроме тихого шуршания ветра, не слышалось. И вдруг! Откуда-то из глубины туннеля донеслись те самые шаги, мягкие и в то же время тяжелые. Было даже слышно, как гремят камни, расступаясь под этими могучими ногами. Шаги приближались. Они были уже совсем рядом. Я услышал, как захрустели кусты, закрывающие вход, а потом в темноте увидел какую-то призрачную тень, неясные очертания какого-то огромного, ужасного, примитивного существа, которое быстро и тихо выскользнуло из туннеля. От ужаса и удивления я не мог пошевелиться. Я долго ждал этой встречи, но к такому готов не был. Огромная темная масса проскользнула мимо меня, пока я лежал, боясь шелохнуться и даже вздохнуть. Через миг ночная тьма поглотила это существо.

Собравшись с духом, я решил дождаться его возвращения. Из спящей деревни не доносилось ни звука, который свидетельствовал бы о том, что ужас пещер вырвался на волю. Где находится это существо, чем оно занимается и когда вернется, я не знал. Но я решил, что больше не позволю своим нервам подвести меня, и на обратном пути мимо меня это чудовище просто так не пройдет. Нацелив винтовку с взведенным затвором на вход в туннель и сцепив зубы, я поклялся себе в этом.

И все же это чуть не произошло снова. Теперь существо передвигалось по траве, поэтому заранее услышать его приближение я не мог. Совершенно неожиданно, подобно огромной подвижной тени, гигантское тело скользнуло мимо

меня и устремилось к черной дыре в скале. И вновь иррациональный страх лишил меня сил, лежащий на спусковом крючке палец отказывался шевелиться. Отчаянным усилием воли я стряхнул с себя это чувство. Ветки кустов уже сомкнулись за растворившимся в темноте арки чудовищным зверем, но все же я выстрелил ему вслед. Во вспышке выстрела я успел заметить какую-то огромную массу, что-то покрытое грубой длинной шерстью, тускло-серой на спине и почти белой на брюхе. Громадное тело поддерживали короткие, толстые и кривые лапы. Едва эта картинка мелькнула у меня перед глазами, тут же раздался грохот камней – существо бросилось в свое логово. В следующий миг, почувствовав необычайный прилив сил и позабыв о страхе, я вскочил, сорвал крышку с фонаря, с винтовкой в руке спрыгнул со своего камня и бросился вслед за чудовищем в древнюю римскую шахту.

Прекрасный светильник наполнил замкнутое пространство ярким светом, совсем не похожим на тот робкий желтый огонек, с которым я шел по этой галерее всего двенадцать дней назад. В глубине я увидел удаляющегося огромного зверя, тело его занимало почти весь проход, от стены до стены. Шерсть у него была похожа на старую грязную паклю и свисала длинными густыми клочьями, которые раскачивались при движении. Чем-то это напоминало гигантскую нестриженную овцу, только по размеру это существо превосходило самого большого слона и в ширину было почти таким же большим, как в высоту. Сейчас мне кажется удивительным, что я отважился преследовать такое жуткое создание в недрах земли, но, когда кровь кипит, когда ты видишь, что твоя добыча убегает, в тебе просыпается древний охотничий инстинкт, и об осторожности уже не думаешь. С винтовкой в руке я со всех ног мчался по следу чудовища.

Существо было проворным. А вскоре мне предстояло узнать, что оно к тому же еще и коварно. Я видел, что оно убегает, мне казалось, что оно напугано и мне остается лишь догнать его. Мысль о том, что оно может повернуться, даже не приходила мне в голову – настолько я был возбужден. Я уже писал, что проход, по которому я бежал, выходил в большую центральную пещеру. В нее я и выскочил, думая только об одном, как бы не потерять след зверя. Но оказавшись на большом открытом пространстве, он развернулся, и мы встретились лицом к лицу.

Картина, которую выхватил из темноты яркий белый свет моего фонаря, навсегда запечатлелась в моей памяти. Зверь поднялся на задние лапы, как медведь, и навис надо мной громадной жуткой махиной… Такой ужасающей картины я не видел ни в одном из кошмарных снов. Как я сказал, зверь

поднялся на задние лапы, как медведь, и действительно было что-то медвежье (если можно представить себе медведя в десять раз больше любого из медведей, которого когда-либо видели на земле) в его позе и очертаниях, в огромных кривых передних лапах с молочно-белыми когтями, в морщинистой коже и красной разинутой пасти, утыканной чудовищными клыками. Только одним он отличался от медведя, да и вообще от любого зверя, который ходит по земле. Даже в тот решающий миг встречи я содрогнулся от ужаса, когда увидел, что его огромные выпученные глаза, блеснувшие в свете моего фонаря, были совершенно белыми и незрячими. В следующую секунду он качнул передними лапами и обрушился на меня. Вместе с разбитым фонарем я полетел на камни. Что произошло после этого, я не помню.

Очнулся я дома на ферме Аллертон. После моего ужасного приключения в Пещере Синего Джона прошло два дня. Похоже, я получил сотрясение мозга и всю ночь пролежал там без сознания. Левая рука и два ребра у меня были сломаны. Как мне потом рассказали, утром была обнаружена моя записка, собралась поисковая группа из десятка фермеров, меня нашли и принесли домой, в мою спальню, где я и лежал в бреду до сих пор. Никаких следов существо не оставило, не было найдено и пятен крови, которые могли бы указать на то, что мои пули попали в него. Кроме моих ран и отпечатков на грязевой луже, ничто не может подтвердить мой рассказ.

Прошло шесть недель, и я снова могу выходить на солнце. Прямо передо мной находится крутой серый каменный склон, на нем черным пятном выделяется расселина, в которой находится вход в Пещеру Синего Джона. Но теперь из этого места не исходит угроза. Никогда больше через этот зловещий ход из мира теней в мир людей не проскользнет неведомое чудище. Образованные и ученые мужи, наподобие доктора Джонсона, могут смеяться над моим рассказом, но простые деревенские люди ни на секунду не усомнились в его правдивости. В тот день, когда ко мне вернулось сознание, несколько сот человек собралось у входа в Пещеру Синего Джона. Как писали в «Каслтон курьер»:

«Напрасно наш корреспондент и другие смелые и предприимчивые джентльмены, съехавшиеся туда из Матлока, Бакстона и других мест, предлагали спуститься и исследовать шахту до конца, чтобы окончательно подтвердить или опровергнуть истинность удивительного рассказа доктора Джеймса Хардкастла. Жители деревни взяли дело в свои руки. Весь день с самого раннего утра кипела работа по блокированию

входа в туннель. Рядом с шахтой начинается крутой склон, и сотни добровольцев скатывали по нему огромные булыжники и забрасывали их в шахту, пока проход не был завален полностью. На этом заканчивается удивительное происшествие, всколыхнувшее всю округу. В оценке случившегося мнения местных жителей резко разделились. Одни указывают на нездоровье доктора Хардкастла и возможность того, что определенные нарушения работы мозга, имеющие туберкулезный характер, могли вызвать странные галлюцинации. Согласно убеждению этих господ, какая-нибудь idée fixe[70] могла заставить доктора спуститься в туннель. Полученные им травмы вполне можно объяснить обычным падением на камни. С другой стороны, слухи о странном существе, якобы живущем в шахте, существуют уже несколько месяцев, и фермеры восприняли рассказ доктора Хардкастла и его травмы как их окончательное подтверждение. Так обстоят дела на сегодняшний день, и вряд ли ситуация прояснится в будущем, поскольку прийти к какому-то однозначному решению, как нам представляется, невозможно. Человечество пока не обладает необходимыми знаниями, которые позволили бы дать четкое и достоверное объяснение этим фактам».

Прежде чем печатать эту заметку, редактору «Курьера» следовало бы прислать ко мне репортера, поскольку я, в отличие от всех остальных, очень хорошо обдумал то, что произошло, и мог бы внести ясность в некоторые самые очевидные вопросы, имеющиеся в этом деле, и сделать его немного более доступным научному восприятию. Но, поскольку этого не произошло, я сам попробую дать то единственное разумное объяснение фактам, истинность которых я проверил на своей шкуре. Моя теория может показаться дикой, но, по крайней мере, никто не назовет ее невозможной.

Я считаю (и записи в моем дневнике показывают, что это мнение сложилось у меня еще до происшествия со мной), что в этой части Англии находится обширное подземное озеро или море, которое питается многочисленными горными ручьями, пробивающими себе русла в мягком известняке. Там, где есть большие скопления воды, обязательно должны быть испарения, туманы и дожди, возможно и присутствие растительной жизни. Это, в свою очередь, предполагает и наличие животных форм, которые, как и растения, развивались там с тех доисторических времен, когда сообщение с внешним миром могло происходить свободнее. Таким образом там могла появиться своя фауна и флора, включая и чудовищ, подобных тому, что видел я. Вполне вероятно, что это был пещерный медведь, очень сильно

увеличившийся в размерах и трансформировавшийся под влиянием новой среды обитания. В течение многих тысячелетий внешний и подземный миры существовали параллельно, животные, обитающие в них, развивались по-своему, переставая быть похожими друг на друга. Потом где-то в глубинах скалы образовался некий проход, и одно из этих созданий смогло пробраться наверх и через римский туннель выйти в наш мир. Как и все подземные обитатели, это животное утратило способность видеть, но, несомненно, природа компенсировала это, развив другие чувства восприятия. Конечно же, у него был какой-то способ находить дорогу и охотиться на овец, пасущихся на склоне горы. Почему существо выходило на поверхность только в самые темные ночи? Мне кажется, что свет для его больших белых глаз был неприятен и даже, возможно, причинял боль, поэтому зверь этот мог существовать лишь там, где царит полнейшая темнота. И вполне вероятно, что именно свет фонаря спас мне жизнь в тот страшный миг, когда мы оказались с этим чудовищем лицом к лицу. Таково мое объяснение этой загадки. Я изложил на бумаге все, что известно мне. Если вы можете объяснить эти факты – сделайте это; если решите поставить мои слова под сомнение – ваше право. Ни ваша вера, ни ваше недоверие не могут изменить их, так же как не могут они повлиять на судьбу того, чье предназначение уже почти исполнено».

На этом удивительный рассказ доктора Джеймса Хардкастла заканчивается.

Как это произошло

Она была медиумом и обладала даром автоматического письма{553}. Вот то, что она написала во время одного из сеансов:

«Некоторые подробности того вечера я помню совершенно отчетливо, некоторые для меня словно в тумане, и составить полный, внятный рассказ трудно. В Лондоне я бывал очень часто, поэтому совершенно не помню, что в тот раз привело меня туда и что заставило возвращаться так поздно. Но с той минуты, когда я сошел с поезда на маленькой пригородной станции, я все помню исключительно ясно. Я могу восстановить все события буквально по секундам.

Прекрасно помню, как я прошел по платформе и увидел в конце ее освещенный циферблат часов. Было ровно половина двенадцатого. Еще помню, как я подумал, успею ли добраться домой до полуночи. Потом помню большую машину (свет фар и блеск полированного металла), которая ждала меня у двери станции. Это был мой новый «Робур» с мотором в тридцать лошадиных сил, его в тот день только доставили. Помню, как спросил Перкинса, моего шофера, как она в ходу, и он ответил, что она идеальна.

– Я сам поведу, – сказал я и уселся за руль.

– Тут передачи другие, сэр, – заметил он. – Может, лучше, все-таки я поведу?

– Нет, я хочу сам ее попробовать, – настаивал я.

И мы поехали. До моего дома было пять миль пути.

В моей старой машине переключение передач расположено как обычно на панели, но, чтобы переключиться на бóльшую скорость, в ней нужно было перемещать рычаг через прорезь. Система не очень сложная, поэтому скоро я уже не сомневался, что полностью освоился с ней. Конечно, неразумно было начинать привыкать к новой системе ночью, в темноте, но мы ведь постоянно совершаем глупости, хотя и не всегда расплачиваемся за них сполна. Все шло гладко, пока мы не подъехали к Клейстон-хиллу. Это один из худших холмов в Англии. В длину он имеет полторы мили и состоит как бы из шести отдельных частей. Дорога, проходящая по нему, в трех местах имеет довольно крутые повороты. Парковые ворота, ведущие в мое имение, находятся у самого подножия холма и выходят на главное лондонское шоссе.

Мы только-только въехали на холм, там, где подъем наиболее крутой, когда начались неприятности. Я ехал на самой высокой скорости и захотел переключиться на среднюю передачу, но

рычаг заело где-то посередине, и мне пришлось вернуть его в прежнюю позицию. К этому времени разогнались мы прилично, поэтому я надавил на оба тормоза сразу, но один за другим они отказали. Все бы ничего, оставался еще боковой тормоз, однако, когда я навалился на него всем весом и рычаг зазвенел, но так и не смог произвести какого-либо воздействия, меня обдало холодным потом. К этому времени мы уже неслись на бешеной скорости под уклон. Фары светили в полную мощность, и первый поворот мы миновали успешно. Потом мне удалось пройти и второй поворот, хотя при этом мы чуть не вылетели на обочину. После него дорога примерно милю шла прямо до третьего поворота, за которым в самом низу и находились мои ворота. Если бы мне удалось вписаться в них, все было бы хорошо, потому что за воротами начинался подъем, на котором мы бы постепенно сбросили скорость и смогли остановиться.

Перкинс держался истинным молодцом, я хочу, чтобы об этом все узнали. Он был спокоен и собран. Сначала у меня была мысль свернуть с дороги и съехать со склона вниз, но он сразу понял, что я задумал.

– Я бы не советовал это делать, сэр, – сказал он. – На такой скорости машина перевернется и накроет нас.

Разумеется, он был прав. Он дотянулся до электрического выключателя и повернул его. Теперь мы катились свободно, но скорость по-прежнему была ужасающей. Он положил руки на руль.

– Я удержу ее, сэр, – сказал он. – А вы прыгайте на ходу, вам удастся спастись. Того поворота мы не пройдем. Лучше прыгайте, сэр.

– Нет, – возразил я. – Я справлюсь. Вы, если хотите, прыгайте.

– Я останусь с вами, – ответил он.

Если бы мы ехали на моей старой машине, я бы резко переключил двигатель на обратный ход и посмотрел бы, что из этого получилось. Думаю, мотор вышел бы из строя или сломалось бы что-нибудь другое, но шанс сбавить скорость оставался. Сейчас же я был совершенно беспомощен. Перкинс попытался занять мое место, но на такой скорости это было невозможно. Колеса гудели, как ветер, весь большой корпус скрипел и стонал от напряжения, но с такими мощными фарами управлять машиной можно было с точностью до дюйма. Помню, я тогда подумал, каким удивительным и страшным зрелищем должны были мы представляться тому, кто увидел бы нас со стороны: узкая дорога – и мы на ней, как огромный рокочущий и сверкающий ураган, несущий смерть каждому, кто попался бы нам на пути.

Мы вписались в поворот. Два колеса при этом поднялась в воздух на три фута. Я уж думал, что нам конец, но машина, слегка вильнув, снова опустилась на колеса и продолжила бешеную гонку. Это был третий и последний поворот. Теперь оставалось только проехать ворота парка. Мы их видели перед собой, но, к несчастью, они были расположены не прямо перед нами, а чуть левее, ярдах в двадцати по шоссе, на которое мы вылетели. Возможно, я бы справился, но, думаю, когда мы пошли вверх, что-то в механизме вышло из строя. Руль заело, я увидел слева от себя ворота, рванул изо всех сил руль, мы с Перкинсом свалились друг на друга, и в следующий миг на скорости пятьдесят миль в час мое правое переднее колесо столкнулось с правым пилоном моих же ворот. Я услышал звук удара и треск, потом понял, что лечу по воздуху, и потом… Потом!

Когда я пришел в себя, я лежал среди каких-то кустов в тени дубов у подъездной дорожки, ведущей к дому, возле домика привратника. Рядом со мной стоял человек. Сначала я решил, что это Перкинс, но, присмотревшись, понял, что это Стенли, с которым я несколько лет назад учился в колледже и который у меня всегда вызывал самые теплые чувства. Что-то в характере Стенли было такое, что заставляло меня ощущать определенное духовное родство с ним, и я с гордостью думал о том, что вызывал в нем такие же чувства. Увидев его, я удивился, но в тот миг был до того потрясен случившимся, что мне было не до вопросов.

– Какой удар! – воскликнул я. – Боже, ну и удар!

Он кивнул, и даже в темноте я заметил на его губах мягкую задумчивую улыбку. Он всегда так улыбался.

Пошевелиться я не мог. Да у меня и не было желания пробовать шевелиться, хотя все чувства мои были напряжены до предела. Я увидел остатки машины, освещенные движущимися огнями фонарей, небольшую группу людей и услышал приглушенные голоса. Там были привратник, его жена и еще несколько человек. На меня они внимания не обращали, а суетились вокруг машины. Потом неожиданно я услышал громкий стон, скорее даже крик.

– Его придавило. Поднимайте осторожно! – воскликнул кто-то.

– Всего лишь нога, – произнес другой голос. Это был Перкинс. – А где хозяин?

– Я здесь, – отозвался я, но меня как будто не услышали. Они склонились над чем-то, лежащим впереди машины.

Стенли положил руку мне на плечо, и это прикосновение показалось мне удивительно успокаивающим. Я почувствовал

себя легко и счастливо, несмотря на то что сейчас пережил.

– Боли вы, разумеется, не ощущаете? – спросил он.

– Никакой! – ответил я.

– Это всегда так, – сказал он.

И тут неожиданно меня захлестнула волна изумления. Стенли! Стенли! Но ведь Стенли умер от брюшного тифа в Блумфонтейне на бурской войне!

– Стенли! – вскричал я, и слова застряли у меня в горле. – Стенли, но ты же умер!

Он посмотрел на меня с той же мягкой задумчивой улыбкой.

– Ты тоже, – тихо произнес он.»

Ужас в небесах

Все, кто внимательно ознакомился с этой удивительной историей, ставшей известной как «Отрывок из дневника Джойс-Армстронга», сейчас соглашаются с тем, что это не выдумка и не дурная шутка чьего-то извращенного ума. Даже самые злые и отчаянные из любителей розыгрышей призадумались бы, прежде чем связывать невероятные, ужасающие факты, изложенные в этом документе, с теми неоспоримыми и трагическими событиями, которые имели место в действительности. Хоть утверждения, содержащиеся в «Дневнике», и кажутся поразительными и даже чудовищными, тем не менее придется признать, что они истинны, и нам настала пора изменить существующие взгляды на суть вещей. Похоже, над нашим миром действительно нависла близкая и грозная опасность, от которой мы отделены лишь тонкой и ненадежной пеленой. Этот документ я приведу полностью в его несколько обрывочной форме, чтобы представить на суд читателя все известные на сегодняшний день факты, предварив изложение следующим заявлением: если кто-то еще сомневается в достоверности рассказа Джойс-Армстронга, то смерть лейтенанта Миртла и мистера Хея Коннора, которые погибли именно так, как это описано, сомнения не вызывает.

Рукопись Джойс-Армстронга была найдена на поле Лоуэр-Хэйкок, находящемся в миле на запад от деревушки Уитигэм, расположенной на границе между Кентом и Суссексом{554}. 15 сентября прошлого года крестьянин Джеймс Флинн, работающий на ферме Мэтью Додда («Чонтри-фарм», Уитигэм), рядом с тропинкой, огибающей Лоуэр-Хэйкок, заметил лежащую на земле бриаровую трубку{555}. Через несколько шагов он подобрал разбитый бинокль и еще через несколько шагов в канаве посреди зарослей крапивы увидел толстую книгу в парусиновом переплете. Оказалось, что это записная книжка с отрывными страницами, некоторые из них выпали и рассыпались по кустам, посаженным вдоль тропинки. Флинн собрал их, однако некоторых страниц, включая первую, так и не нашли, чем и объясняются пробелы, имеющиеся в этом важнейшем документе. Крестьянин отнес книгу хозяину, который в свою очередь показал ее доктору Дж. Х. Атертону из Хартфилда. Тот сразу же понял значимость этого документа, и рукопись была передана в Лондонский аэроклуб, где она и хранится до сегодняшнего дня.

Первые две страницы в записной книжке отсутствуют. Не хватает и предпоследней, впрочем, это не мешает связности повествования. Считается, что вначале мистер Джойс-Армстронг

описывал свои предыдущие достижения в сфере аэронавтики, которые мы имеем возможность узнать из других источников и которые считаются непревзойденными среди воздухоплавателей Англии. Много лет подряд он слыл самым отчаянным и умным пилотом в летающей братии. Такое сочетание позволило ему изобрести и испытать несколько новых устройств, в том числе и жироскопический{556} механизм, который был назван в его честь и ныне употребляется повсеместно. Большая часть записей сделана чернилами аккуратным почерком, но несколько последних строк написаны карандашом, причем так неразборчиво, что их почти невозможно прочитать, и это служит подтверждением тому, что писались они в спешке в летящем аэроплане человеком, сидящим в кресле пилота. Можно добавить, что на последней странице записной книжки и на ее обложке имеется несколько пятен, которые эксперты министерства внутренних дел после соответствующей проверки признали кровью. Неизвестно, человеческая ли это кровь, ясно лишь, что это кровь млекопитающего. То, что в этих остатках крови были обнаружены микроорганизмы – переносчики малярии, и нам достоверно известно, что Джойс-Армстронг страдал от перемежающейся лихорадки, указывает на то, каким мощным оружием является современная наука для наших сыщиков.

А теперь несколько слов о самом авторе этого эпохального документа. Джойс-Армстронг, по словам немногих, действительно близких ему людей, был не только механиком и изобретателем, но еще и поэтом и мечтателем. Достаточно богатый, он большую часть своих денег тратил на увлечение аэронавтикой. У него было четыре собственных аэроплана в ангарах недалеко от Девайзиса{557}, и говорят, что в течение последнего года он совершил не менее ста семидесяти полетов. Он был подвержен приступам дурного настроения и замкнутости и в такие периоды избегал общества друзей. Капитан Денджерфилд, который знал его лучше других, рассказывает, что бывали времена, когда странности его поведения угрожали перерасти в нечто более серьезное. Хотя бы тот факт, что, собираясь в полет, он неизменно клал в кабину аэроплана дробовик, уже говорит о многом.

Можно вспомнить и о том, каким потрясением для него стала гибель лейтенанта Миртла. Миртл, совершая попытку установить новый рекорд подъема, упал с высоты примерно тридцать тысяч футов. Как это ни ужасно прозвучит, но, когда нашли его тело, от головы не осталось ровным счетом ничего, хотя конечности и сохранили свою форму. Капитан Денджерфилд вспоминает, что после этого случая на каждом собрании авиаторов Джойс-

Армстронг с неизменно с загадочной улыбкой на устах повторял: «Но где же все-таки голова Миртла?»

Был еще случай, когда на собрании в Летной школе в Солсбери{558}, после обеда, он завел разговор о том, с какой наибольшей опасностью столкнутся пилоты будущего. Выслушав мнения коллег, которые среди прочего называли воздушные ямы, недостатки в конструкции летательных аппаратов и чрезмерный крен, сам он лишь пожал плечами и отказался высказать свое мнение, хотя, судя по всему, оно отличалось от остальных.

Заслуживает внимания и еще один факт: после исчезновения самого Джойса-Армстронга было установлено, что свои личные дела он вел так, будто предвидел беду.

С этими необходимыми пояснениями далее я привожу рассказ авиатора в том виде, в котором он изложен в забрызганной кровью записной книжке, начиная с третьей страницы.

«… Но в Реймсе{559} во время ужина с Козелли и Гюставом Рэймондом я выяснил, что ни о какой опасности, скрывающейся в верхних слоях атмосферы, им неизвестно. Я не высказывался напрямую, но разговор вел так, что, если бы они что-то знали, они бы меня поняли и как-то проявили это. Впрочем, кто они такие? Два пустоголовых тщеславных болвана, которых интересует только то, чтобы их дурацкие имена почаще попадали в газеты. Что интересно, ни тот, ни другой не поднимался намного выше двадцати тысяч футов. Люди поднимались выше и на воздушных шарах, и в горах, но аэроплан входит в зону опасности на значительно большей высоте, разумеется, при условии, что дело обстоит именно так, как мне представляется.

Человечество научилось подниматься в воздух уже больше двадцати лет назад, и возникает законный вопрос: почему мы только сейчас сталкиваемся с этой опасностью? Ответ очевиден. Раньше, когда вполне хватало какого-нибудь слабомощного, в сто лошадиных сил, «Гнома» или «Грина»{560}, полетов было совсем немного. Теперь же, когда три сотни лошадок – скорее правило, чем исключение, полеты в верхние слои стали проще, и их стало больше. Кто-то из нас еще помнит, как во времена нашей юности на весь мир гремело имя Гарро{561}, который поднялся на девятнадцать тысяч футов. Перелет через Альпы считался большим достижением. Сейчас же мы живем по совсем другим меркам, люди стали подниматься в воздух в двадцать раз чаще. Да, многие полеты проходили успешно, подъемы на тридцать тысяч футов заканчивались лишь простудой и приступами астмы. Но что это доказывает? Какой-нибудь гость извне может тысячу раз спуститься на нашу планету и ни разу не увидеть тигра. Но

тигры существуют, и, случись этому гостю спуститься в джунгли, он вполне сможет убедиться в этом, попав к нему в лапы. В верхних слоях есть свои джунгли, и их населяют существа куда более страшные, чем тигры. Надеюсь, когда-нибудь джунгли эти будут исследованы и нанесены на карты. Даже сейчас я знаю два таких места. Одно находится над территорией между По и Биаррицем во Франции, второе – прямо над моей головой, то есть над Уилтширом, где я сейчас пишу эти строки, сидя у себя дома. У меня есть сильное подозрение, что третий такой район находится между Гамбургом и Висбаденом.

Впервые я над этим задумался после сообщений об исчезновениях нескольких летчиков. Конечно, все говорили, что они упали в море, но меня такое объяснение совершенно не удовлетворило. Сначала Верье во Франции: его машина была обнаружена недалеко от Байонны, но тела его так и не нашли. Потом случай с Бакстером, который тоже исчез, хотя мотор его аэроплана и кое-какие железные обломки были найдены в Лестершире{562} посреди леса. Доктор Миддлтон из Эмсбери{563}, наблюдавший за его полетом в телескоп, утверждает, что перед тем, как облака закрыли вид, он видел, как машина Бакстера, находившаяся на огромной высоте, неожиданно как бы рывками стала подниматься вверх перпендикулярно земле, причем доктор уверяет, будто все это выглядело до того странно, что он просто не может себе представить, какая сила могла заставить аэроплан двигаться подобным образом. После этого Бакстера не видел никто. В газетах об этом много писали, но все без толку. Было и еще несколько аналогичных случаев, а потом погиб Хей Коннор. Сколько шума наделала эта загадочная смерть в воздухе! Газеты отводили этому происшествию целые страницы, но как мало было сделано для того, чтобы выяснить, что произошло на самом деле. Он под головокружительным углом спланировал на землю с неизвестной высоты, но из машины своей так и не вышел. Коннор умер в кресле пилота. Но отчего он умер? Врач дал заключение: порок сердца. Чушь! Сердце у Хей Коннора было такое же здоровое, как у меня. А что сказал Венабль? Венабль – единственный, кто застал его живым после приземления. Венабль говорит, что Коннор весь трясся и выглядел жутко испуганным. «Он умер от ужаса», – сказал Венабль, хотя что могло его так напугать, он не представляет. Летчик перед смертью произнес лишь одно слово, что-то похожее на «чудовищно». Во время расследования никто не смог дать этому никакого объяснения. А я могу. Чудовища! Вот каким было последнее слово несчастного Гарри Хей Коннора. И Венабль не ошибся – он действительно умер от ужаса.

И потом голова Миртла! Неужели в самом деле кто-то поверит, что при падении голова человека может полностью уйти в тело? Нет, в принципе это возможно, но только я не думаю, что в случае с Миртлом произошло именно это. А жирные пятна на его одежде? «С него прямо текло», – сказал кто-то из проводивших осмотр. Странно, что никого это не натолкнуло ни на какие мысли. Кроме меня… Но я-то об этом думал еще задолго до этого происшествия. Я трижды поднимался в воздух (как Денджерфилд смеялся надо мной из-за того, что я беру с собой дробовик!), но не смог достичь нужной высоты. Теперь же, когда у меня появился легкий «Поль Веронер» с его стосемидесятипятисильным «Робуром», завтра я легко доберусь до тридцати тысяч. Может, мне повезет установить новый рекорд. Может, повезет еще кое в чем. Конечно, это опасно. Но тому, кто боится опасности, нужно сидеть дома в тапочках и халате и ни о каких полетах даже не думать. Завтра я увижу воздушные джунгли… И если там что-то есть, я это обязательно найду. Если вернусь, может быть, стану знаменитым. Если не вернусь, эта записная книжка объяснит, какие я перед собой ставил цели и как я потерял жизнь, пытаясь их достичь. Только очень прошу, не надо всякой болтовни насчет несчастных случаев и необъяснимых загадок.

Я специально выбрал «Поль Веронер». Для серьезной работы нет ничего лучше монопланa{564}, и Бомонт понял это еще в самом начале. Что немаловажно, он не боится влаги, а, судя по погоде, нам предстоит все время находиться в облаках. Эта маленькая симпатичная машинка слушается моей руки, как вышколенная лошадь. Двигатель – десятицилиндровый роторный{565} «Робур» мощностью сто семьдесят пять лошадиных сил. Аэроплан оснащен по последнему слову: закрытый фюзеляж, круто выгнутое лыжное шасси, тормоза, жироскопический стабилизатор и три скорости, обеспечивающиеся изменением угла подъема плоскости крыльев по принципу «подъемных жалюзи». С собой я взял дробовик и дюжину зарядов с крупной дробью. Нужно было видеть лицо Перкинса, моего старого механика, когда я попросил его положить их в кабину. Одет я был, как полярный исследователь: две вязаных кофты под курткой, теплые носки, ботинки на меху, шапка-ушанка и защитные очки. Рядом с ангарами было ужасно душно, но я ведь собирался подняться на высоту Гималаев, поэтому и одеться должен был соответствующим образом. Перкинс знал, что это будет не обычный полет, и стал упрашивать меня взять его с собой. Если бы я летел на биплане{566}, может, я бы пошел на это, но моноплан – машина для сольного выступления… Если,

конечно, хочешь выжать из нее все возможное. Разумеется, я захватил кислородный баллон. Если собираешься установить рекорд подъема на высоту, без него ты либо замерзнешь насмерть, либо задохнешься… Либо и то, и другое.

Прежде чем сесть в кабину, я хорошенько осмотрел крылья, руль направления и рычаг подъема. Все было в порядке, никаких неполадок я не заметил. Потом я завел мотор и убедился, что работает он идеально. Как только меня отпустили, я взлетел почти сразу, на минимальной скорости. Сделав пару кругов над взлетным полем, чтобы разогреть мотор, я на прощанье качнул Перкинсу и остальным ребятам крыльями, выровнял плоскость и стал набирать скорость. Машина гладко, как ласточка, скользила по ветру миль восемь-десять, пока я чуть-чуть не задрал нос и она не стала набирать высоту по большой спирали к скоплению облаков наверху. Чтобы не пострадать от увеличивающегося давления, очень важно подниматься медленно.

Для английского сентября был необычно душный и жаркий день, в воздухе стояла тишина и чувствовалась тяжелая влага, как перед сильным дождем. То и дело налетали порывы ветра с юго-западной стороны. Один был такой резкий и неожиданный, что я не успел к нему подготовиться и меня на какую-то секунду развернуло на пол-оборота и чуть не закружило. Помню времена, когда порывы ветра, вихри и воздушные карманы считались главной опасностью для летчиков, но это было давно, еще до того, как мы научились делать мощные моторы. Так вот, как только я достиг облаков (альтиметр{567} показывал три тысячи), пошел дождь. Правильнее было бы сказать, безумный ливень! Он барабанил по крыльям и хлестал мне в лицо, очки тут же запотели, и я почти ничего не видел. Пробиваться через него было сложно и, честно говоря, очень неприятно, поэтому я сбавил скорость. Когда я поднялся выше, дождь превратился в град, пришлось разворачиваться. Один из цилиндров заглох (думаю, грязная заглушка), но сил было еще предостаточно, поэтому я продолжал спокойно подниматься. Через какое-то время он снова заработал, и я услышал ровное, мощное урчание, все десять цилиндров запели как один. И это то, за что мы должны благодарить наши современные глушители, потому что наконец-то можем следить за работой двигателей на слух. Как они скрипят и визжат, когда что-то не в порядке! В старые времена эти мольбы о помощи не были слышны, потому что все звуки перекрывал оглушительный грохот мотора. Если бы пионеры авиации могли вернуться в наш мир и увидеть всю красоту и совершенство, которые пробрели летающие машины ценой их жизни!

Примерно в девять тридцать я приблизился к облакам. Подо мной почти неразличимая от дождя простиралась равнина Солсбери. Полдюжины аэропланов кружили над ней на высоте где-то в тысячу футов и были похожи на маленьких черных ласточек на зеленом фоне. Вот, наверное, они удивлялись, зачем это мне понадобилось подниматься в облака! Потом в один миг над всем, что было внизу, как будто задернули серую штору, теперь вокруг себя я видел лишь насыщенные влагой туманные вихри. Я ощутил отвратительный, влажный, липкий холод, но поднялся над градом, а это уже было хорошо. Облако было темным и густым, как лондонский туман. Мне так захотелось из него побыстрее вылететь, что я стал еще выше задирать нос машины, пока не звякнул автоматический сигнальный звонок и я не почувствовал, что соскальзываю с кресла. Промокшие насквозь крылья сделали меня тяжелее, чем я думал, но постепенно мгла начала рассеиваться, и вскоре я оказался выше первого уровня облаков. Высоко надо мной навис второй, кудрявый опалового цвета. Теперь над головой у меня был светлый, без единого просвета потолок, а подо мной – темный, такой же беспросветный пол. Мой моноплан по широкой спирали медленно поднимался между этими двумя безбрежными океанами. В небе чувствуешь себя ужасно одиноко. Один раз мимо меня пронеслась большая стая каких-то маленьких водных птиц, они очень быстро летели на запад. Мне было приятно услышать хлопанье их крыльев и мелодичные крики. Я почему-то подумал, что это чирки, но из меня плохой зоолог, так что я мог и ошибиться. Теперь, когда мы, люди, сами стали птицами, нам надо бы научиться узнавать своих собратьев.

Ветер подо мной кружил и раскачивал широкую облачную равнину. Один раз на ней образовалась гигантская воронка, и сквозь нее, как будто в глазок, я увидел далекую землю. Где-то глубоко-глубоко подо мной пролетел большой белый биплан. Думаю, это был почтовик, который курсирует между Бристолем{568} и Лондоном. Потом воронка сомкнулась, и я снова оказался в одиночестве.

В начале одиннадцатого я достиг нижнего уровня верхнего облачного слоя. Он состоял из легкого прозрачного пара, быстро перемещающегося с запада. Все это время ветер постепенно усиливался, и теперь скорость его (я посмотрел на измеритель) была двадцать восемь миль в час. Было уже очень холодно, хотя альтиметр показывал всего девять тысяч футов, но двигатель работал замечательно, так что мы плавно шли вверх. Облака оказались плотнее, чем я ожидал, но постепенно они стали более разреженными, я поднимался через золотистый туман, пока

неожиданно не вынырнул из него в совершенно чистое прозрачное небо, в котором не было ничего, кроме ослепительно сверкающего солнца над головой. Надо мной, докуда хватало глаз, все было голубым и золотистым, а внизу простерся безбрежный серебряный океан. Была четверть одиннадцатого, стрелка барографа{569} указывала на двенадцать тысяч восемьсот. Я продолжал подниматься все выше и выше, внимательно прислушиваясь к мерному гудению мотора, и при этом следил во все глаза за часами, указателем числа оборотов, уровнем горючего и масляным насосом. Не удивительно, что авиаторов называют людьми без страха. Когда внимание твое занято таким количеством приборов, у тебя просто не остается времени думать о себе. Примерно в это же время я обратил внимание на то, как ненадежно ведет себя компас после подъема над землей на определенную высоту. На пятнадцати тысячах он показывал почти строго на восток с небольшим отклонением на юг. Свое истинное положение я сумел определить по солнцу и ветру.

Я-то надеялся, что на столь больших высотах царит вечный штиль, но с каждой тысячью футов ветер только усиливался. Машина, преодолевая его, дрожала и гремела каждым винтиком, каждой заклепкой, ее носило словно перышко, когда я закладывал крен, уходя в вираж. При этом я скользил по ветру с такой скоростью, с которой до меня, наверное, не перемещался еще ни один человек. Но мне приходилось снова и снова поворачивать и входить в великие воздушные потоки, ведь я залетел сюда не только ради рекорда высоты. По моим подсчетам, область воздушных джунглей находилась над Уилтширом, так что, если бы я проник в верхний слой в какой-то другой точке, все мои труды могли оказаться напрасными.

Когда примерно в полдень я достиг высоты девятнадцать тысяч футов, ветер стал таким сильным, что я начал с беспокойством посматривать на крылья, каждую минуту ожидая, что они не выдержат и треснут или изогнутся. Я даже приготовил ранец с парашютом, висевший у меня за спиной, пристегнул его железные крючки к кольцу на своем кожаном ремне, чтобы быть готовым к худшему. Настало время, когда любой сбой в работе механики мог стоить мне жизни. Но машинка держалась молодцом. Все тросы и стойки дрожали, гудели, как струны арфы, но было по-настоящему захватывающе наблюдать за тем, как все уверенно держится и слаженно работает, и ощущать себя настоящим покорителем природы, хозяином неба. Наверняка что-то божественное есть в человеке, раз он в силах подняться над теми ограничениями, которые наложены на него Творцом… И в этом ему помогает та бескорыстная, героическая устремленность,

которая проявилась в покорении воздуха. Кто-то еще говорит о том, что человек вырождается! Но разве в анналах человеческой расы есть хоть что-нибудь, подобное этой истории?

Такие мысли рождались у меня в голове, пока я несся все выше и выше по огромной крутой спирали и ветер то бил мне прямо в лицо, то свистел в ушах. Облачный покров внизу был от меня уже так далеко, что серебряные извивы и дюны слились в одну ровную, безбрежную сверкающую гладь. Но тут случилось нечто совершенно неожиданное, что заставило меня пережить несколько страшных минут. Мне уже и раньше случалось попадать в то, что наши соседи на континенте называют tourbillion[71], но в такой сильный еще никогда. Этот могучий извивающийся поток воздуха, похоже, состоял из меньших, но таких же страшных вихрей, и вот, не успел я глазом моргнуть, как меня втянуло в самое сердце одного из них. Меня минуту или две кружило с такой скоростью, что я едва не лишился чувств, а потом швырнуло в середину воронки левым крылом вперед. Воздух там был такой разреженный, что я едва не задохнулся. Я камнем полетел вниз и опустился примерно на тысячу футов, в кресле меня удержал лишь ремень. Обессиленный и почти задохнувшийся, я лежал на борту фюзеляжа, перевалившись через край кабины. Но я всегда умел собрать остаток сил в кулак, для авиатора это качество бесценно. Я увидел, что падение начало замедляться. Воздушный вихрь имел скорее форму конуса, а не воронки, и меня снесло к его нижней точке. Неимоверным усилием воли я навалился всем весом на штурвал и сумел выровнять крылья и вырваться из вихря носом вперед. Дальше мой самолет стал скользить в горизонтальной плоскости. Потрясенный случившимся, но радуясь победе, я снова направил машину вверх и стал по широкой спирали набирать высоту. Я сделал большой круг, чтобы облететь стороной опасный вихрь, и в скором времени оказался над ним. Ровно в час дня я достиг высоты двадцать одна тысяча футов над уровнем моря. Наконец, к своей огромной радости, я поднялся над уровнем ветров, и теперь с каждой сотней футов сила ветра уменьшалась. Правда, стало ужасно холодно, к тому же мне было известно, что у человека, который дышит разреженным воздухом, начинается головокружение и наступает тошнота, и я впервые отвернул кран на кислородном баллоне и стал время от времени вдыхать спасительный газ. Я чувствовал, как он, словно животворное снадобье, растекается по моим венам. Эти порции чистого кислорода произвели на меня веселящее воздействие, я словно опьянел. Продолжая стремительный подъем через этот холодный, недвижимый и безмолвный воздушный мир, я кричал и распевал

песни.

У меня нет ни малейших сомнений, что, когда в 1862 году Глейшер и Коксуэлл поднялись на тридцать тысяч футов{570}, они оба лишились чувств (Коксуэлл, правда, в меньшей степени) именно из-за того, что подъем происходил перпендикулярно относительно земли и на большой скорости. Если подниматься не столь стремительно и давать организму время приспосабливаться к понижению барометрического давления, таких ужасных симптомов можно избежать. Оказавшись на этой высоте, я заметил, что могу свободно дышать, даже не прикладываясь к кислородному баллону. Правда, холод стоял ужасный, и мой термометр показывал ноль градусов по Фаренгейту. В час тридцать я был уже почти в семи милях над землей и продолжал упорно набирать высоту. Тем не менее я заметил, что в этом разреженном воздухе крылья моего моноплана уже не находят былой опоры, из-за чего мне пришлось значительно уменьшить угол подъема. Стало понятно, что даже при моем малом весе и мощном двигателе скоро я достигну предельной высоты, после которой воздух уже не сможет удерживать меня. Тут на мою голову свалилась еще одна неприятность: снова вышла из строя одна из запальных свечей, и мотор начал давать сбои. На сердце стало тревожно от предчувствия неудачи.

Примерно в это же время случилось нечто поразительное. Что-то просвистело мимо меня и взорвалось с громким шипящим звуком, исторгнув облако пара. На какой-то миг я растерялся. Я не мог понять, что произошло, но потом вспомнил, что Земля постоянно подвергается бомбардировке метеоритными камнями, и жизнь на ней вряд ли была бы возможна, если бы почти все они не превращались в пар в верхних слоях атмосферы. Вот и очередная опасность, которая подстерегает того, кто поднимается в заоблачные выси. Первые две я оставил позади, когда преодолел отметку в сорок тысяч футов. Стало ясно: на самом краю газовой оболочки Земли угроза будет действительно очень серьезной.

Когда стрелка барометра показала сорок одну тысячу триста, я понял, что достиг потолка. Физически я мог бы выдержать и дальнейший подъем, но возможности машины этого не позволяли. Потерявший плотность воздух уже не удерживал крылья самолета, и наименьший наклон сразу же уносил меня далеко в сторону, управлять полетом стало почти невозможно. Если бы мотор был полностью исправен, вероятно, я смог бы подняться еще на тысячу футов, но перебои продолжались, не работали уже два из десяти цилиндров. Мне стало понятно, что если я до сих пор не достиг той зоны, к которой стремился, значит, в этот раз я уже до нее не доберусь. Но что, если я уже

нахожусь в ней? Паря кругами, словно какой-то чудовищный орел, на высоте сорок тысяч футов над землей я предоставил моноплан самому себе, взял свой мангеймовский{571} бинокль и начал внимательно осматривать небо вокруг себя. Все было чисто, ничто не указывало на те опасности, которые я ожидал здесь увидеть.

Я уже говорил, что летал кругами. Неожиданно мне пришло в голову, что можно расширить диаметр полета и охватить больший участок пространства. Если на земле охотник заходит в джунгли, он не кружится на одном месте в поисках добычи. Мои выводы сводились к тому, что воздушные джунгли расположены над Уилтширом, то есть южнее и восточнее моего нынешнего положения, которое я определял по солнцу, поскольку компас окончательно вышел из строя, а земли не было видно вовсе, внизу – лишь сплошная серебристая равнина из облаков. И вот, кое-как сориентировавшись, я направил машину в нужную сторону. Горючего оставалось на час, но я мог позволить себе израсходовать его до последней капли, потому что опуститься на землю можно было и с неработающим мотором, планируя.

И вдруг я не увидел, а скорее почувствовал впереди себя что-то новое. Воздух прямо по курсу был не такой кристально чистый, как вокруг. В этом месте находилось какое-то скопление длинных бесформенных полупрозрачных сгустков, которые можно сравнить разве что с очень легким табачным дымом. Эта гирлянда висела в небе, медленно поворачиваясь и перекручиваясь под слепящим солнечным светом. Когда мой моноплан пронзил ее, я ощутил на губах маслянистый привкус. Деревянные части машины покрылись тонким слоем жирной слизи. Похоже, в атмосфере Земли было подвешено некое тончайшее органическое вещество. Нет, жизни в нем не было, эта примитивная рассеянная масса растянулась на многие квадратные акры и по краям словно растворялась. Живым существом это не было. Но, может быть, это остатки чего-то живого? А что, если это пища для какого-то живого существа? Ведь даже простейшая грязь на дне океана служит пищей для такого огромного существа как кит. Размышляя над этим, я случайно посмотрел наверх, и моим глазам предстало поразительнейшее из зрелищ, когда-либо виденных человеком. Хватит ли у меня слов, чтобы описать вам то, что я видел собственными глазами в прошлый четверг?

Представьте себе медузу в форме колокола, какие летом плавают в наших морях, только огромного, колоссального размера, думаю, намного больше собора Святого Павла. Слегка розоватая, с телом, испещренным светло-зелеными прожилками,

вся эта масса выглядела такой легкой, прозрачной, что ее почти не было заметно на фоне темно-синего неба. Это создание слегка пульсировало, подчиняясь определенному нечастому ритму. Из него свешивались два длинных щупальца, которые слабо покачивались из стороны в сторону. Это восхитительное величественное видение, легкое и тонкое, словно мыльный пузырь, медленно и совершенно беззвучно проплыло у меня над головой и полетело дальше своей дорогой.

Я стал разворачивать моноплан, чтобы еще раз взглянуть на это чудо, как вдруг понял, что подобные существа окружают меня со всех сторон. Их было множество, самых разных размеров, но все намного меньше первого. Видел я и вовсе не крупные, но большинство было величиной со среднего размера воздушный шар и имело такое же закругление в верхней части. Своей утонченностью и мягкостью цвета они напомнили мне венецианское стекло. Чаще всего встречались тончайшие оттенки розового и зеленого, но каждое из них, оказавшись между мной и солнцем, начинало красиво переливаться всеми цветами радуги. Примерно сотня этих созданий проплыла мимо меня, этакая странная, призрачная небесная флотилия. Формой и хрупкостью сии неведомые существа до того вписывались в этот мир кристально чистых небесных высот, что кажется невероятным, как что-либо подобное может существовать где-то на земле или даже вблизи нее.

Но вскоре внимание мое привлекло новое явление – воздушные змеи. Это были длинные и тонкие фантастические спирали и соединения колец, больше всего похожие на клубы пара, которые стремительно крутились и вертелись, летая кругами с такой скоростью, что за ними почти невозможно было уследить. Некоторые из этих призрачных существ имели длину футов двадцать-тридцать, но определить их обхват было очень трудно, поскольку контуры их были до того размытыми, что, казалось, будто края их просто растворяются в окружающем воздухе. Змеи эти были очень светлого дымчатого цвета, но внутри них проходили более темные линии, и это придавало им хоть какое-то сходство с живыми организмами. Одна из них пронеслась прямо у меня перед лицом, я почувствовал холодное и липкое прикосновение, однако структура этих существ была до того призрачной, что у меня даже не возникало мысли, будто от них может исходить какая-то физическая угроза, как и от прекрасных колоколоподобных созданий, которых я видел раньше. Они были не плотнее пены волн, разбившихся о берег.

Но меня ждало испытание пострашнее. С какой-то невообразимо огромной высоты стремительно спустилось нечто,

напоминающее клок багрянистого пара. Поначалу оно показалось мне маленьким, но, приближаясь, это облако стало быстро увеличиваться, пока не достигло размера в несколько сот квадратных футов. Хоть это создание состояло из прозрачного, похожего на кисель вещества, оно имело более четкие очертания, чем все, что я видел до этого, и явно было плотнее. К тому же оно имело больше признаков физической организации животного, в особенности – две огромных темных круглых тарелки по обеим сторонам (возможно, глаза) и явно твердый белый выступ между ними, изогнутый так же хищно, как клюв стервятника.

Вид это чудовище имело угрожающий, к тому же оно постоянно меняло цвет, от розовато-лилового до ядовито-фиолетового, такого темного, что, пролетая между монопланом и солнцем, оно бросало тень. На верху этого огромного тела имелись три больших выступа, которые я могу сравнить только с гигантскими пузырями. Увидев их, я решил, что они наполнены каким-то необычайно легким газом, который поддерживал это бесформенное полутвердое тело в разреженном воздухе. Существо летело легко и быстро, не отставая от моего моноплана, что, похоже, ему не составляло труда. Миль двадцать, а то и больше неслось оно надо мной, словно какая-то жуткая хищная птица, преследующая добычу. Двигалось оно следующим образом: выбрасывало вперед длинную конечность, похожую на покрытую липкой слизью ленту, которая как будто подтягивала за собой остальное зыбкое тело, причем делалось это так стремительно, что проследить за этим процессом было не так-то легко. Таким мягким и студенистым было оно, что сохраняло форму не больше двух минут, и с каждой новой переменой вид его становился все более грозным и отвратительным.

Я знал, что ничего хорошего ждать от этой встречи не приходится. Каждый сиреневый перелив в этом отвратительном теле указывал на это. Затуманенные выпученные глаза были все время устремлены на меня и оставались холодными и беспощадными в своей липкой ненависти. Я направил моноплан вниз, чтобы уйти от этого существа, и, как только нос самолета наклонился, в тот же миг с быстротой молнии из этого летающего сгустка вылетело щупальце и легко, словно ремень плетки, обвило фюзеляж прямо перед кабиной. Когда эта эфемерная плоть легла на раскаленную крышку перегретого мотора, раздалось громкое шипение, и в следующую секунду щупальце отдернулось, а само огромное плоское существо сжалось, словно от боли. Я нырнул в пике, но снова щупальце настигло моноплан, но на этот раз угодило на пропеллер, который тут же разрезал его, как облако дыма. Тогда что-то длинное, скользкое, липкое,

змееподобное обвило меня сзади вокруг талии и попыталось выдернуть из кресла. Я схватил это кольцо руками, погрузив пальцы в мягкую, словно густой клей, плоть и отодрал от себя, но в следующий миг новое кольцо обвило мою ногу вокруг ботинка. От последовавшего рывка кресло мое наклонилось, и я чуть не перевернулся на спину.

Оказавшись в таком положении, я разрядил оба ствола моего дробовика в своего чудовищного противника. Конечно же, надеяться, что любым изготовленным человеческими руками оружием можно поразить это колоссальное тело – все равно, что отправиться на охоту на слонов, вооружившись детским пистолетиком. И все же я схватил дробовик и выстрелил. И, можно сказать, мне повезло. С громким хлопком один из огромных пузырей на спине чудовища взорвался, пробитый крупной дробью. Эти образования, чем-то напоминающие прозрачные волдыри, очевидно, были наполнены каким-то помогающим летать газом, потому что в тот же миг громадное облакоподобное тело завалилось на бок, отчаянно извиваясь, чтобы восстановить равновесие, и в ярости разевая жуткий белый клюв. Но этого мне хватило, чтобы оторваться от него. Моноплан мчался вниз под крутым углом, мотор работал на полную мощность, пропеллер и сила гравитации несли меня к земле со скоростью падающего аэролита. Обернувшись, я увидел далеко позади себя бледное сиреневое пятно, стремительно уменьшающееся в размере и словно растворяющееся в синем небе. Я выбрался живым из смертельно опасных воздушных джунглей.

Оказавшись в безопасности, я заглушил двигатель, потому что ничто не разрывает машину на куски быстрее, чем спуск с работающим на полную мощность мотором. Это было поистине замечательное планирование: по спирали с высоты почти восьми миль, сначала до уровня серебристых облаков, потом до следующего уровня грозовых туч и наконец под проливным дождем до поверхности земли. Пробив облака, я увидел Бристольский залив, но в баке у меня еще оставалось немного горючего, поэтому я пролетел еще миль двадцать и приземлился на поле в полумиле от деревушки Эшкомб. Там я остановил проезжающую машину, разжился тремя канистрами бензина и в десять минут седьмого совершил мягкую посадку на своем поле у Девайзиса. Еще никому в мире не удавалось предпринять подобное путешествие и остаться в живых. В небесах я повидал красоту и повидал ужас… И ничего прекраснее и страшнее еще не встречалось на пути человечества.

Прежде чем объявить о своих результатах, я хочу повторить

полет. И причина этого проста: чтобы поведать людям подобную историю, нужно получить хоть какое-нибудь вещественное доказательство. Нет никакого сомнения, что вскоре за мной последуют другие, и они подтвердят мои слова, и все же я хочу, чтобы мой рассказ звучал убедительно. Те прекрасные переливающиеся летающие пузыри, наверное, не так уж трудно поймать. Перемещаются они медленно, так что перехватить их на моноплане будет не сложно. В более плотных слоях атмосферы такое существо, скорее всего, не выживет, и я привезу на землю какую-нибудь кучку бесформенного студенистого вещества. Но там наверняка должно быть и что-то такое, чем я смогу подтвердить свои слова. Да, я полечу, даже если это опасно. Этих жутких фиолетовых чудовищ там, кажется, не так уж много. Может быть, мне даже повезет, и я вовсе не встречусь с ними. Если встречусь, нужно будет сразу же уходить вниз. В крайнем случае, придется стрелять, и, поскольку я знаю, что…»

Следующая страница рукописи, к сожалению, отсутствует. На последней странице крупными неровными буквами написано:

«Сорок три тысячи футов. Никогда больше я не увижу землю. Они подо мной, трое. Да поможет мне Господь! Какая страшная смерть!»

Это все, что записано в дневнике Джойс-Армстронга. С тех пор больше его не видели. Обломки его монопланa были обнаружены на территории охотничьих угодий, принадлежащих мистеру Бадд-Лашингтону, на границе Кента и Суссекса, в нескольких милях от того места, где была найдена его записная книжка. Если теория несчастного авиатора верна, и эти «воздушные джунгли», как он назвал их, действительно расположены над юго-западе Англии, то, скорее всего, произошло следующее: он на полной скорости улетал от этого места, когда описанные им страшные создания перехватили и убили его где-то в верхних слоях атмосферы над тем местом, где были найдены обломки. Вряд ли человек, ценящий свой здравый ум, захочет представить себе мчащийся по небу моноплан в окружении жутких тварей, которые отрезают ему путь к земле и облепляют жертву со всех сторон. Я знаю, что многие с иронией относятся к фактам, изложенным мною на этих страницах, но даже они должны признать, что Джойс-Армстронг исчез, и им я хочу адресовать его слова: «Эта записная книжка объяснит, какие я перед собой ставил цели, и как я потерял жизнь, пытаясь их достичь. Только очень прошу, не нужно всякой болтовни насчет несчастных случаев и необъяснимых загадок».

Задира из Брокас-холла

В том году (а случилось это в 1878-м) Южно-мидлендский добровольческий кавалерийский полк, выехав на учения, расположился биваком недалеко от Лутона{572}, однако никто во всем огромном лагере не думал о том, как лучше подготовиться к возможной общеевропейской войне. Намного больше всех занимал другой вопрос: где найти такого боксера, который выстоял бы больше десяти раундов против полкового кузнеца сержанта Бэртона. Громила Бэртон был высоким статным здоровяком (почти девяносто килограммов костей и мускулов) и в каждой руке силищу имел такую, что одним хлопком мог уложить любого обычного человека. Найти ему достойного соперника было просто необходимо, потому что он уже до того зазнался, что стал задирать нос выше собственного шлема. Вот поэтому сэр Фред Милберн, больше известный как Ворчун, и был командирован в Лондон, чтобы попытаться разыскать кого-нибудь, кто согласился бы прокатиться и сбить спесь с зазнавшегося драгуна.

В те времена профессиональный бокс переживал не лучшие дни. Старый добрый кулачный бой почил в скандале и бесславии, задохнувшись среди бесчисленной толпы желающих поживиться за счет ставок и прочего разномастного сброда, принесшего бесчестие и погибель достойным всяческого уважения бойцам, которые чаще всего были скромными и благородными людьми, настоящими героями. Честный любитель спорта, желающий посмотреть бой, обычно натыкался на мошенников, с которыми даже был не в силах бороться, поскольку фактически сам принимал участие в противозаконном действии. Среди бела дня его могли раздеть, отобрать кошелек, а то и проломить голову, если бы он решился сопротивляться. К рингу могли подобраться лишь те, кто не боялся пускать в ход кастеты, дубинки или охотничьи хлысты. Поэтому нет ничего удивительного в том, что этот древний вид спорта стал уделом тех, кому нечего было терять.

С другой стороны, эра спортивных залов и разрешенного законом боя в перчатках еще не наступила, поэтому бокс в то время пребывал в странном, подвешенном состоянии. Не было никакой возможности навести порядок в этой области, но и запретить этот вид спорта было также невозможно, поскольку для души обычного британца нет ничего слаще и притягательнее. Отсюда и кое-как организованные поединки в конюшнях и амбарах, и торопливые поездки во Францию, и тайные встречи по

ночам в самых безлюдных местах страны, и другие ухищрения и попытки обойти закон. Даже сами бойцы под влиянием обстоятельств, можно сказать, «выродились». Теперь честные открытые бои стали редкостью, и первое место обычно доставалось не сильнейшему, а самому хвастливому. И лишь по ту сторону Атлантики появилась могучая фигура Джона Лоренса Салливана, которому суждено было стать последним представителем старой школы боя без перчаток и первым представителем новой.

В таких непростых условиях капитану кавалерийского полка было не так-то легко в боксерских салунах и пивных Лондона разыскать бойца, чтобы выставить его против здоровяка сержанта. Боксеры-тяжеловесы были нарасхват, поэтому в конце концов он остановил свой выбор на Альфе Стивенсе из Кентиш-Таун{573}, прекрасном молодом спортсмене среднего веса, который не потерпел еще ни одного поражения и имел все задатки стать чемпионом. Его богатый опыт участия в профессиональных поединках мог компенсировать разницу в весе с грозным драгуном, тяжелее его на девятнадцать килограммов. Понадеявшись на это, сэр Фред Милберн договорился с ним и пообещал отвезти его в своем экипаже, запряженном парой резвых серых рысаков, в военный лагерь. Они должны были выехать вечером, прокатиться по Большой северной дороге, заночевать в Сент-Олбансе{574} и закончить путешествие на следующий день.

Боксер встретился с баронетом рядом с «Золотом крестом». Когда он пришел, Бейтс, маленький грум{575} Милберна, уже держал под уздцы горячих лошадей. Стивенс, прекрасно сложенный молодой человек с очень бледным лицом, уселся рядом со своим нанимателем в двуколку{576} и помахал небольшой группе боксеров. Эти мрачного вида люди в грубых двубортных куртках и без воротничков пришли проводить своего товарища.

– Удачи, Альф! – грянул хор хриплых голосов, когда мальчик отпустил головы лошадей и запрыгнул на запятки. Экипаж живо тронулся с места и, повернув за угол, растворился на Трафальгарской площади{577}.

Оживленное движение на Оксфорд-стрит и Эджвер-роуд{578} настолько отвлекало внимание сэра Фредерика, что ни о чем другом думать он не мог, поэтому, лишь выехав за город в районе Хендона{579}, когда кусты по краям дороги наконец сменили бесконечную панораму кирпичных стен, он смог опустить вожжи и взглянуть на сидящего рядом с ним молодого человека. Нашел он его по рекомендациям и отзывам, поэтому теперь ему было

любопытно рассмотреть его воочию. Уже сгущались сумерки, света было мало, но то, что увидел баронет, ему понравилось. Одного взгляда на молодого человека было достаточно, чтобы увидеть в нем настоящего бойца: упругая фигура, мощная грудь, прямоугольное лицо и глубоко посаженные глаза – все говорило о стойкости духа и неустрашимости. Но самое главное: он не проиграл ни одного боя и имел ту уверенность в своих силах, которая исчезает после первого же поражения. Баронет довольно усмехнулся, подумав, какой сюрприз он везет заносчивому сержанту.

– Вы, Стивенс, похоже, в неплохой форме, – сказал он.

– Да, сэр. Хоть сейчас в бой.

– Я так и понял по вашему виду.

– Вообще-то я все время тренируюсь, сэр, но в прошлое воскресенье мне нужно было с Майком Коннором драться, и я сбросил вес до семидесяти двух сорока. Он получил то, что ему полагалось, ну а я сейчас в лучшей форме.

– Это хорошо, потому что вам придется встретиться с противником, который тяжелее вас на девятнадцать килограммов и выше на десять сантиметров.

Молодой человек улыбнулся.

– Я и не таких уделывал, сэр.

– Надеюсь. Но он тоже парень не промах.

– Что ж, сэр, буду стараться.

Баронету понравился скромный, но уверенный ответ юного боксера. Но вдруг в голову ему пришла неожиданная мысль и он рассмеялся.

– Черт возьми! – воскликнул он. – Вот было бы забавно, если б ночью нам повстречался Задира.

Альф Стивенс насторожился.

– Это кто такой, сэр?

– Ну, это как раз то, чего никто не знает точно. Одни говорят, что видели его собственными глазами, другие – что все рассказы про него – сказки, но, по крайней мере, кулаки у него крепкие и оставляют очень убедительные следы.

– И где ж с ним можно встретиться?

– Да вот на этой самой дороге. Как я слышал, где-то между Финчли и Элстри. Их двое, эти парни выходят на дорогу в полнолуние и вызывают прохожих на кулачный бой по старым правилам. Один останавливает людей, а второй дерется. И дерется он, как дьявол! По утрам находили людей, у которых вместо лиц было кровавое месиво. Говорят, это дело рук Задиры.

Альфа Стивенса услышанное очень заинтересовало.

– Мне всегда хотелось попробовать бой в старом стиле, сэр,

только никогда не подворачивался случай. По-моему, без перчаток у меня бы даже лучше получалось.

– И вы бы не отказались побиться с Задирой?

– Отказаться? Да я бы десять миль проехал, чтобы встретиться с ним.

– Черт возьми, на это стоило бы посмотреть! – воскликнул баронет. – А что, луна полная, и мы как раз на месте. Может, повезет, а?

– Если он так хорош, как вы говорите, – заметил Стивенс, – ему нужно на профессиональном ринге выступать, а не драться с кем попало на дорогах.

– Тут недалеко есть тренировочные конюшни, поэтому кто-то считает его конюхом или каким-нибудь наездником оттуда. Там, где есть лошади, всегда и бокс любят. Если верить разговорам, в этом парне есть что-то странное. Эй, ты! Осторожнее, осторожнее, тебе говорю!

Последние слова баронет прокричал голосом, в котором соединились удивление и злость. Дело в том, что в этом месте дорога спускается в небольшую ложбину, до того густо заросшую деревьями, что ночью въезд в нее больше походит на вход в туннель. Внизу, где начинается эта аллея, стоят два огромных каменных пилона{580}. При дневном свете видно, что они все в пятнах лишайника и геральдические знаки, некогда возвышавшиеся над ними, настолько потерты временем и непогодой, что почти полностью утратили форму и превратились в небольшие каменные выступы. Изящная железная решетка ворот, криво висящая на ржавых петлях, указывает как на былое величие, так и на нынешний упадок старинного Брокас-холла, который расположен в конце этой заросшей аллеи. И вот из тени этих старинных ворот прямо на дорогу неожиданно выскочил какой-то проворный человек, с удивительной ловкостью остановил экипаж, схватив под уздцы лошадей, которые захрапели, взвились на дыбы и в испуге начали пятиться, приседая на задние ноги.

– Эй, Роу, подержи-ка пока лошадей, – выкрикнул резкий скрипучий голос. – Хочу потолковать с этим красавчиком расфуфыренным, пока он не проехал мимо.

Из тени показался еще один человек и, не произнеся ни слова, принял из рук первого лошадей. Это был низкий толстый мужчина, одетый в странную доходящую до колен коричневую куртку с пелериной, гетры и тяжелые башмаки. Голова его была непокрыта, и, когда он вошел в отбрасываемый фонарем экипажа круг света, сидящие в двуколке смогли рассмотреть угрюмое красное лицо с сильно выпирающей над бритым подбородком

нижней губой и черный шарф, завязанный крепким узлом на шее. Как только он взял лошадей, его более энергичный товарищ подскочил к экипажу, положил костлявую руку на крыло и уставился на путешественников проницательными голубыми глазами. Теперь и он был хорошо освещен. Шапка его была низко надвинута на лоб, но, несмотря на это, баронет и боксер, увидев лицо незнакомца, вздрогнули – таким злым оно было. Злым, грозным, мрачным и грубым, с горбатым носом и твердым ртом, говорящим о жестком характере этого человека, который и сам никогда жалости не попросит, и не проявит ее к другому. Что касается его возраста, наверняка можно было сказать лишь то, что человек, наделенный таким лицом, достаточно молод и находится в расцвете сил, но в то же время уже успел познать все зло, которое есть в мире.

– Слышь-ка, Роу, я не ошибся, это точно расфуфыренный красавчик, так и есть, – бросил он через плечо товарищу. – А второй ничего, смахивает на бойца. Попробуем его.

– Знаете что, – сказал баронет, – я понятия не имею, кто вы такие, но вам не мешало бы поучиться манерам, и рука у меня так и тянется к хлысту, чтобы преподнести вам такой урок.

– Попридержи коней, господин хороший. Опасно со мной такие речи держать.

– Я слышал о вас и о том, чем вы занимаетесь! – рассвирепев, вскричал солдат. – Я вам покажу, как останавливать моих лошадей на дороге Ее величества! На этот раз вы не на того напали, любезный, и скоро ваши тупые мозги это поймут!

– Может статься, что и так, – отозвался незнакомец. – Прежде чем расстаться, мы с вами кой-чего нового для себя узнаем, это уж будьте покойны. Кто-то один из вас должен спуститься и помахать кулаками, а уж потом езжайте своей дорогой.

Стивенс тут же выскочил из двуколки.

– Если вам хочется подраться, вы обратились по адресу! – бодро сказал он. – Я – профессиональный боксер и потом не говорите, что я вас не предупреждал.

Незнакомец даже вскрикнул от удовольствия.

– Чтоб мне провалиться! – закричал он. – Слышь, Джо, а он и правда боец, как я и говорил. Ну наконец-то что-то путное попалось, а то все скукота одна. Ну, малый, сегодня готовься к взбучке. Ты, небось, не слыхал, как обо мне лорд Лонгмор говорил? «Только, – говорит, – боец от Бога тебя побить сможет». Вот что лорд Лонгмор сказал!

– Это было до Быка, – впервые нарушил молчание человек, державший лошадей.

– Попридержи язык, Джо! Еще слово о Быке, и мы с тобой – не

друзья. Да, раз он меня одолел, но кто сказал, что я не побил бы его, ежели б мы встретились снова? Ну ладно, что, малый, обо мне скажешь?

– Скажу, что разговоры ваши – сплошной форс, – сказал Стивенс.

– Форс? Что за слово такое! Это что значит?

– Наглость, бахвальство, если хотите. Болтовня фанфарона.

Последнее слово произвело на незнакомца неожиданное воздействие. Он хлопнул себя ладонью по ляжке, согнулся пополам и захохотал во все горло. Его мрачный приятель тоже рассмеялся.

– Хорошо ты сказал, паренек, – сквозь смех выкрикнул он. – В самую точку! «Фанфарона»! Ну, ладно, луна добрая, но тучи поднимаются. Сделаем свое дело, пока не потемнело.

Пока происходил этот разговор, баронет со все возрастающим удивлением рассматривал наряд незнакомца. Он уже почти не сомневался, что этот человек как-то связан с конюшнями, хотя вид у него был очень необычный и старомодный. На голове красовалась высокая бобровая шапка, такая, какие до сих пор еще носят некоторые кучера, управляющие четверками, с тульей в виде колокола и загнутыми краями. Костюм странного господина состоял из табачного цвета фрака с длинными полами и стальными пуговицами, из-под которого выглядывал полосатый шелковый жилет, доходящих до колен кожаных темно-желтых бриджей и голубых чулок. Обут он был в низкие ботинки. Фигура его казалась угловатой и крепкой, но наводила на мысль о силе и гибкости. Задира из Брокаса был очень необычным человеком, и молодой офицер уже с удовольствием предвкушал, как станет рассказывать в лагере за обеденным столом о встрече с этим странным любителем старины и о том, как знаменитый лондонский профессионал намял ему бока.

Лошадей, которые дрожали и исходили по́том, доверили Бейтсу, маленькому груму.

– Сюда! – указал путь человек в куртке с пелериной и направился к погруженным во мрак воротам. Каменные столбы и деревья, переплетающиеся над ними ветками, выглядели зловеще. Ни баронету, ни боксеру это место не нравилось.

– Куда вы нас ведете?

– На дороге толком не подерешься, – сказал толстяк. – За воротами у нас есть отличное место – залюбуешься. Не на Молси-херст же нам драться.

– По мне, так и дорога хороша.

– Нам, двум настоящим бойцам, негоже на дороге драться. Дорога – для новичков, – возразил человек в бобровой шапке. – А

ты часом не боишься?

– Ни вас, ни десятка таких, как вы! – решительно произнес Стивенс.

– Тогда пошли со мной, устроим все, как полагается.

Сэр Фредерик и Стивенс переглянулись.

– Я готов, – сказал боксер.

– Тогда идем.

Четверо мужчин прошли через ворота. Позади них из темноты доносился храп и стук копыт дыбящихся лошадей, был слышен голос мальчика-грума, который тщетно пытался их успокоить. Пройдя пятьдесят ярдов по заросшей высокой травой дороге, проводник свернул направо в густую рощу, и компания неожиданно вышла на круглую пустую поляну, залитую бледным лунным светом. Она была окружена низенькой насыпью, и в дальнем конце ее стояла одна из тех небольших каменных беседок с колоннами, которые так любили при первых Георгах{581}.

– Ну, что я говорил? – не без гордости воскликнул толстяк. – Найдете еще такое место в двенадцати милях от города? Не найдете. Тут будто специально для нас все сделано. А теперь, Том, принимайся за дело. Покажи, на что ты способен.

Все было похоже на какой-то удивительный сон. Странные люди, их необычная одежда и причудливая манера говорить, залитая лунным светом круглая поляна, беседка – все слилось в одну фантастическую картину. Только лишь вид щеголеватого твидового костюма и простодушное английское лицо Альфа Стивенса вернули баронета в мир обыденности. Худой незнакомец снял бобровую шапку, фрак с длинными полами и шелковый жилет, рубашку ему стянул через голову его товарищ. Стивенс также неторопливо разоблачался, не выказывая никаких признаков беспокойства. Потом противники повернулись друг к другу лицом.

Но, как только они это сделали, Стивенс вскрикнул от удивления и ужаса. Сняв шапку, противник его обнажил страшное уродство головы. Вся верхняя часть лба была провалена внутрь, и между коротко стрижеными волосами и густыми бровями проходил широкий алый рубец.

– О Боже! – воскликнул юный боксер. – Что у него с головой?

Этот вопрос, похоже, пробудил в его противнике холодную ярость.

– Ты бы лучше за своей головой следил, господин хороший! – прорычал он. – Ничего, скоро тебе будет чем заняться, кроме как мою голову рассматривать.

Этот ответ привел в восторг его помощника, и он хрипло

рассмеялся.

– Хорошо сказано, дружище Томми! – вскричал он. – Даю свою голову на отсечение, что ты лучший из лучших.

Человек, которого он назвал Том, уже стоял с поднятыми кулаками в центре этого нерукотворного ринга. Одетым он производил впечатление здоровяка, но без одежды казался еще крепче. Широкая мощная грудь, скошенные плечи, подвижные мускулистые руки – все как будто было создано для кулачного боя. Недобрые глаза поблескивали из-под изуродованного лба. Губы застыли в насмешливой ухмылке, которая казалась страшнее оскала. Лондонский боксер должен был признать, что еще никогда не видел столь грозной фигуры. Но уверенности придавала мысль о том, что ему в жизни еще не встречался человек, который смог бы его одолеть, и вряд ли это удастся какому-то странному незнакомцу, случайно оказавшемуся у него на пути. Поэтому, одарив противника плотоядной улыбкой, он поднял кулаки и стал в стойку.

Однако за этим последовало нечто совершенно для него неожиданное. Незнакомец резко сделал ложный выпад левой и тут же нанес молниеносный боковой удар правой. Все это произошло так быстро, и удар был настолько сильным, что Стивенс едва успел уклониться и ответить коротким ударом по корпусу ринувшегося на него противника. В следующий миг стальные руки обхватили его и подняли в воздух. Соперник перебросил его через бедро, и боксер с глухим ударом тяжело упал на траву. Незнакомец отошел в сторону и сложил на груди руки, пока покрасневший от злости Стивенс поднимался на ноги.

– Эй! – крикнул он. – Что это за игры?

– Запрещенный прием! – поддержал его баронет.

– Запрещенный прием? Какого черта, да я в жизни не видел лучшего броска! – бросил в ответ толстяк. – По каким правилам вы деретесь?

– По «Правилам Куинзберри»{582}, разумеется.

– Никогда о таких не слыхивал. А мы по лондонским.

– Ах так, – совсем рассердился Стивенс. – Ладно! Я могу бороться не хуже остальных. Больше вы меня не поймаете.

Так и вышло. В следующий раз, когда незнакомец бросился к нему, они обхватили друг друга руками и после короткой борьбы упали на землю вместе. Это повторилось еще два раза, и после каждого падения соперник Стивенса поднимался, отходил к своему товарищу и на какое-то время усаживался на траву, после чего снова поднимался и шел в бой.

– Что ты о нем думаешь? – спросил баронет во время одного из этих кратких перерывов.

У Стивенса из уха сочилась кровь, но других травм заметно не было.

– Опытный, – ответил боксер. – Не знаю, где он этому научился, но у него явно было много практики. Он сильный, как лев, а тело у него твердое, как камень.

– Держи его на расстоянии. Думаю, в дальнем бою ты с ним легко справишься.

– Не уверен, что я смогу легко с ним справиться хоть в каком бою, но буду стараться.

Это был отчаянный поединок, и с каждым раундом становилось все более понятно (даже удивленному баронету), что молодой лондонский чемпион в средней весовой категории встретил противника, ни в чем ему не уступающего. Точные и неожиданные удары и подвижность незнакомца делали его опасным противником. Ответных ударов в голову и корпус он словно вовсе не чувствовал, и зловещая улыбка ни на миг не сошла с его лица. Твердыми, словно гранит, кулаками он наносил мощнейшие удары, причем бил с любого угла. Особенно был страшен его левый апперкот{583} в челюсть, который снова и снова лишь чудом не достигал цели, пока наконец не пробил защиту и не поверг Стивенса на землю. Толстяк издал радостный вопль.

– Ей-богу, точно в скулу! Даю лошадь за курицу, что мой Томми его умолотит! Еще один такой удар, парень, и он не встанет.

– Послушайте, Стивенс, это заходит слишком далеко, – сказал баронет, помогая своему уставшему товарищу подняться. Что скажут в полку, если я привезу вас избитым! Пожмите ему руку и признайте, что он лучше, а иначе вы не сможете сделать то, зачем я вас везу.

– Признать, что он лучше? Ни за что! – зло вскричал Стивенс. – Я собью с этой чертовой рожи улыбку!

– Но как же сержант?

– Я лучше вернусь в Лондон и не встречусь с сержантом, чем позволю этому молодчику себя побить.

– Ну что, хватит с тебя? – насмешливо спросил его противник, выходя на середину поляны.

Вместо ответа молодой Стивенс бросился на него, вложив в этот рывок всю силу, которая у него осталась. Сначала столь яростная атака позволила ему оттеснить противника к краю площадки, и какое-то время казалось, что он вот-вот возьмет верх, но этот стальной боец, наверное, не знал, что такое усталость. Движения его были такими же быстрыми, а удары такими же мощными, как в начале боя. Стивенс ослабил натиск просто

потому, что выдохся. Но его противник не собирался отступать. Он пошел в ответную атаку и градом мощнейших ударов начал пробивать ослабевшую защиту боксера. Альф Стивенс уже почти лишился сил, еще немного – и он был бы снова повержен на землю, если бы не произошло нечто удивительное и совершенно неожиданное.

Как уже было сказано, на пути к поляне группа прошла через густую рощу. Откуда-то из-за этих деревьев вдруг раздался странный пронзительный крик, так мог бы кричать ребенок или какое-нибудь попавшее в беду маленькое лесное животное. Звук был нечленораздельный, высокий и невообразимо жалобный. Когда он раздался, незнакомец, который в этот миг возвышался с рукой, занесенной над стоящим на коленях Стивенсом, вдруг попятился назад и огляделся по сторонам с выражением растерянности и страха в глазах. Улыбка его исчезла, губы безвольно приоткрылись, он стал похож на человека, объятого безумным, безотчетным ужасом.

– Она снова ищет меня! – воскликнул он.

– Давай же, приятель, дерись дальше! Ты его уже почти уложил! Ничего она тебе не сделает!

– Сделает – сделает! – взвизгнул силач. – Боже! Где она? Я ее не вижу! А-а-а, вон она, вон она!

С отчаянным воплем он развернулся и бросился в рощу. Его приятель, выругавшись, подхватил сложенную горкой одежду и помчался следом за ним. В следующий миг темные тени поглотили их фигуры.

Стивенс, который уже с трудом понимал, что происходит, покачнулся и повалился бы на траву, если бы к нему не подоспел молодой баронет. Он уложил его голову себе на грудь и поднес к губам флягу с бренди. Пока они так сидели, крики становились все громче и пронзительнее. И тут из кустов выпрыгнул маленький белый терьер и, жалобно поскуливая, принялся бегать по поляне, уткнувшись носом в траву, словно шел по следу. Не обратив внимания на молодых людей, он тоже скрылся в тени на противоположной стороне. После этого мужчины вскочили и что было духу бросились через рощу к воротам, где их ждал экипаж. Ужас овладел ими… Панический ужас, безотчетный и неодолимый. Дрожа, они запрыгнули в двуколку, и лишь после того как испуганные лошади карьером вынесли их из проклятой лощины на добрых две мили, они решились заговорить.

– Вы когда-нибудь видели такую собаку? – спросил баронет.

– Нет, – вскричал Стивенс. – И не дай мне Бог снова ее увидеть!

Позже той же ночью путешественники прервали поездку,

чтобы остановиться на ночь в трактире «Лебедь» недалеко от Харпенден-коммон. Хозяин постоялого двора был старым знакомым баронета и с радостью присоединился к нему за бокалом портвейна после ужина. Мистер Джо Гомер был страстным любителем спорта. Он мог часами рассказывать о легендарных боксерах, хоть старых, хоть молодых. Имя Альфа Стивенса было ему прекрасно знакомо, поэтому он смотрел на своего гостя с особенным интересом.

– Сэр, я вижу, вы едете прямо с боя, – заметил он. – Но в газетах не было объявлений о поединках.

– Не хочу об этом говорить, – хмуро пробурчал Стивенс.

– О, я не хотел вас обидеть! Надеюсь, – его улыбчивое лицо вдруг посерьезнело, – надеюсь, вы часом не повстречались с тем, кого зовут Задирой из Брокас-холла?

– А что, если повстречались?

Трактирщик заволновался.

– Это же он чуть не убил Боба Мэдоуса. Он встретил его у ворот старого Брокас-холла, и с ним был еще один. Боб был настоящим бойцом, но его нашли избитым до полусмерти на лужайке за воротами, где беседка стоит.

Баронет кивнул.

– Так вы были там! – возбужденно воскликнул трактирщик.

– Ну что ж, скрывать не стану, – сказал баронет, взглянув на Стивенса. – Мы там были и встречались с человеком, о котором вы говорите. Ну и жуткий же он тип!

– Скажите, – неожиданно понизил голос трактирщик, – а правда, что, как Боб Мэдоус говорит, они одеты, как в старину одевались, и что у того, кто дерется, голова проломлена?

– Ну да, костюм его явно был старинный, а такой страшной головы, как у него, я никогда не видел.

– Боже правый! – воскликнул трактирщик. – А известно ли вам, сэр, что Том Фарон, знаменитый боксер, вместе со своим приятелем Джо Роу, серебряных дел мастером из Сити, нашли свою смерть именно на том месте в 1822 году, когда Фарон напился и хотел проехаться на телеге, но сел не с той стороны? Их обоих задавило, а по голове боксера еще и колесо телеги проехало.

– Фарон, Фарон… А не Фанфарон ли?

– Точно, сэр, его так и называли – Фанфарон. Он всегда побеждал своим знаменитым ударом в скулу. И никто не мог против него выстоять, пока Нити (Бристольский Бык его называли) не уложил его.

Стивенс поднялся из-за стола. Он был бледен как стена.

– Едем отсюда, сэр. Хочу подышать свежим воздухом.

Продолжим путь.

Трактирщик похлопал его по плечу.

– Да не переживайте вы так! Вы же против него выстояли, а такого еще никому не удавалось. Оставайтесь, выпейте еще вина. Если кто во всей Англии и заслужил бокал доброго вина, так это вы. Уж поверьте, если вы побили этого Фанфарона, мертвого или живого, многие вам за это скажут спасибо. Знаете, что он вытворял вот в этом самом зале?

Удивленные путники обвели взглядом просторный зал: каменные плиты на полу, обшитые дубовыми панелями стены, большой открытый камин у дальней стены.

– Да-да, в этом самом зале. Мне об этом рассказал старый сквайр Скоттер, который в ту ночь был здесь и видел все своими собственными глазами. В тот день Шелтон побил Джоша Хадсона в Сент-Олбансе и Фанфарон выиграл на этом порядочно денег. Он со своим дружком Роу зашел сюда по дороге и жутко напился. Остальным посетителям пришлось прятаться от него по углам и под столами, потому что он схватил большую кухонную кочергу и стал бегать с ней по залу, явно собираясь кого-нибудь прикончить. Он, когда глаза заливал, всегда был таким, просто зверел. И что, по-вашему, он сделал этой кочергой? Это было в декабре, и у камина грелась какая-то собачонка, терьер, кажется. Фарон одним ударом проломил ей хребет. После этого он загоготал, ругнулся на дрожащих от страха людей и ушел, во дворе его ждал экипаж. В следующий раз о нем здесь услышали, когда его везли в Финчли с раздавленной головой, по которой проехалось колесо телеги. Да, а еще говорят, что с тех самых пор эта собачонка с окровавленной шерстью и сломанной спиной бегает вокруг Брокас-холла, заунывно скулит и визжит, будто ищет мерзавца, который ее убил. Так что, как видите, мистер Стивенс, вы не только за себя бились с этим Фанфароном.

– Может быть, – сказал молодой чемпион, – но только не хочу я больше таких боев. Мне достаточно и сержанта-кузнеца, сэр, и, если не возражаете, в Лондон мы вернемся поездом.

Комментарии

СКВОЗЬ ВОЛШЕБНУЮ ДВЕРЬ (THROUGH THE MAGIC DOOR)

«В начале 1906 года Конан Дойл решил собрать и обобщить свои впечатления о выдающихся произведениях английской (и частично американской) литературы. Отдельные фрагменты, посвященные этой теме, он ранее (с 1892 года) публиковал в лондонском литературно-философском журнале “Великие мысли властителей дум” (“Great Thoughts from Master Minds”); он также говорил об этом, выступая с лекциями. Теперь он написал работу под названием “За волшебной дверью” ‹…›. По своему характеру текст Дойла конечно же эссе – но объем его для этого жанра очень велик. Почти все писатели хотя бы раз высказывались публично о том, какие книги других писателей им нравятся и почему; но мало кто поведал об этом так подробно и обстоятельно, как Дойл ‹…›» (Чертанов М. Конан Дойл. – М.: Молодая гвардия, 2008. – С. 343).

Первая публикация – в лондонском издательстве «Элдер и Смит» в ноябре 1907 г.; в том же году в лейпцигском издательстве «Бернард Таухниц».

МИСТИЧЕСКИЕ РАССКАЗЫ

Рассказ американца (The American’s Tale)

Один из первых написанных А. Конан Дойлом рассказов. «Блокнот, в котором студент Дойл набрасывал черновик этого рассказа, ныне выставлен на всеобщее обозрение в Королевском хирургическом колледже Эдинбурга» (Чертанов М. Конан Дойл… – С. 63).

«Рассказ американца» был предложен автором авторитетному литературному журналу «Чемберс мэгэзин», но отвергнут им, после чего А. Конан Дойл посылал его в другие издания, пока он не был принят к публикации журналом развлекательного толка «Лондон сосайети» и вышел в нем в рождественском номере 1880 г.

«Хогг, редактор “Лондон сосайети”, не только заплатил за “Рассказ американца” гонорар (опять около трех фунтов), но и посоветовал автору профессионально заняться литературой» (там

же, с. 65).

Первое книжное издание – в неавторизованном сборнике рассказов «Тайны и приключения» (1889).

Капитан «Полярной звезды» (The Captain of the «Pole-Star»)

«Конан Дойл в “Капитане” использует и развивает свой любимый прием, когда роль рассказчика заключается в том, чтобы читатель мог видеть основного героя сквозь призму чьего-то живого взгляда, весьма необъективного, быть может, но всегда – чрезвычайно простодушного. Сам же автор так скромен и так искусно прячется за широкой спиной рассказчика, что его невозможно разглядеть. Многим писателям, более значительным, чем Конан Дойл, этот прелестный маневр не удавался. Ему же, полагавшему, что автора в тексте не должно быть видно, прием пришелся очень по душе – и, как мы увидим, он в своем выборе не ошибся (имеется в виду, что этот прием станет основным в холмсиане – *А. К.*)» (Чертанов М. Конан Дойл… – С. 99).

Первая публикация – в журнале «Темпл Бар», январь 1883 г. Первое книжное издание – в сборнике рассказов «“Капитан ’Полярной звезды’ ” и другие рассказы» (Лондон, издательство «Лонгман, Грин и компания», март 1890 г.).

Большой эксперимент в Кайнплатце (The Great Keinplatz Experiment)

Сюжет этого рассказа заимствован А. Конан Дойлом из сказки английского писателя Томаса Энсти Гатри (1856–1934) «Шиворот-навыворот» (1882), в которой пожилой отец-коммерсант и четырнадцатилетний сын-школьник под воздействием волшебного индийского камня меняются местами, превратившись друг в друга.

Первая публикация – в журнале «Белгравия», июль 1885 г. Первое книжное издание – в сборнике рассказов «“Капитан ’Полярной звезды’ ” и другие рассказы».

Кольцо Тота (The Ring of Thoth)

Первая публикация – в «Корнхилл мэгэзин», январь 1890 г.; в марте того же года – первое книжное издание в сборнике рассказов «“Капитан ’Полярной звезды’ ” и другие рассказы».

De Profundis

Как не связанный с Холмсом, рассказ был отвергнут «Стрэнд мэгэзин» и вышел в журнале «Айдлер», в марте 1892 г. Первое книжное издание – в сборнике рассказов «Последняя галера. Впечатления и выдумки» (Лондон, издательство «Томас Нельсон», апрель 1911 г.).

Морское путешествие Джелланда (Jelland's Voyage)

Рассказ вошел в сборник «Истории, рассказанные у камина» (Лондон, издательство «Элдер и Смит», сентябрь 1908 г.).

Игра с огнем (Playing with Fire)

Первая публикация – в «Стрэнд мэгэзин», март 1900 г.; первое книжное издание – в сборнике рассказов «Истории, рассказанные у камина».

Дьявол из бондарни (The Fiend of the Cooperage)

Первая публикация – в газете «Манчестер уикли таймс», 1 октября 1897 г.; первое книжное издание – в сборнике рассказов «Истории, рассказанные у камина».

Серебряное зеркало (The Silver Mirror)

Первая публикация – в «Стрэнд мэгэзин», август 1908 г.; первое книжное издание – в сборнике рассказов «Последняя галера».

Кожаная воронка (The Leather Funnel)

Первая публикация – в американском журнале «МакКлюрс», ноябрь 1902 г.; первое книжное издание – в сборнике рассказов «Истории, рассказанные у камина».

Ужас Пещеры Синего Джона (The Terror of Blue John Gap)

Первая публикация – в «Стрэнд мэгэзин», август 1910 г.; первое книжное издание – в сборнике рассказов «Последняя галера».

Как это произошло (How It Happened)

Первая публикация – в «Стрэнд мэгэзин», сентябрь 1913 г.; первое книжное издание – в сборнике «“Опасность!” и другие рассказы» (Лондон, издательство «Джон Мюррей», декабрь 1918 г.).

Ужас в небесах (The Horror of the Heights)

Первая публикация – в «Стрэнд мэгэзин», ноябрь 1913 г.; первое книжное издание – в сборнике «“Опасность!” и другие рассказы».

Задира из Брокас-холла (The Bully of Brocas Court)

Первая публикация – в «Стрэнд мэгэзин», ноябрь 1921 г.

А. Краснящих

notes

Примечания

1

Перевод Виктории Меренковой. (*Здесь и далее прим. переводчика, если не указано иное.*)

2

Перевод Виктории Меренковой.

3

Перевод Николая Гумилева (1919) по изданию Сэмюэль Тэйлор Колридж. Стихи. – М.: Наука, 1974. Серия «Литературные памятники».

4

Скабрезные народные английские песни («Here’s another lump of sugar for the Bird», «A little bit off the top»).

5

Фамилия поэта Burns совпадает с английским глаголом «burn» (гореть) в форме третьего лица единственного числа «burns», т. е. «горит».

Большой Медведь (*лат.*).

7

Проявление силы, мастерства (*фр.*).

8

Борроу Д. Лавенгро мастер слов, цыган, священник. – Л.: Художественная литература, Ленинградское отделение. 1967. – С. 214–215.

9

Старье (*фр.*).

Малой частью которых был и я (*лат.*).

11

Чертовщина (*фр.*).

12

Из рассказов «Тишина» и «Тень». Цитируется по изданию По Э. А. Полное собрание рассказов. – СПб.: Кристалл, 1999. – С. 171, 191.

13

Для чистых все чисто (*лат.*).

14

Задняя мысль (*фр.*).

15

Из книги «Карьера Бючемпа».

«Воду противника должно любить» (*лат.*).

«Противника должно разить огнем» (*лат.*).

Веселый (*фр.*).

19

Егеря (*фр.*).

20

Бой (*фр.*).

21

«Побежденный Лондон» (*фр.*).

«Высадка войск в Англии» (*фр.*).

23

Борроу Д. Лавенгро. – Л.: Художественная литература, 1967. – С. 60–61.

«Происхождение современной Франции» (*фр.*).

25

«Я лишь исполняю свой долг, до остального мне дела нет» (*фр.*).

И так далее (*лат.*).

27

Перевод В. Рогова.

28

По-английски слово «Найт» (Knight) означает «рыцарь».

29

Эмигрант (чаще политический) (*фр.*).

30

Здесь: обязательных (*фр.*).

31

Время, отводимое для какого-либо занятия (*фр.*).

32

Общий обеденный стол в гостинице (*фр.*).

33

Здесь и далее цитируется по изданию Стивенсон Р. Л. Собрание сочинений в пяти томах. – М.: Правда, 1981.

«В вышних», т. е. в первую очередь (*лат.*).

Типичный (*фр.*).

36

Китобои измеряют величину кита не по длине его тела, а по длине китового уса{584}. (*Примеч. автора.*)

Дитя (bairn) (*шотл.*).

38

Примерно – 7,2° по шкале Цельсия.

39

От немецкого kein Platz – нигде.

40

Подозрительный тип, разбойник (*фр.*).

41

Ученый, крупный специалист (*фр.*).

Черт возьми! (*Нем.*)

Тысяча чертей! (*Нем.*)

Гром и молния! (*Нем.*)

За ее здоровье… Ура! (*Нем.*)

Черт побери! (*Нем.*)

Господи! (*Нем.*)

Силы небесные! (*Нем.*)

Слава Богу! (*Нем.*)

50

Танец радости (*фр.*).

51

Ветреная девица (*фр.*).

52

Главное произведение (*лат.*).

53

Где экспонаты из Мемфиса?{585} (*Фр.*)

Там (*фр.*).

55

Вы египтянин, не так ли? (*Фр.*)

Нет, месье, я француз (*фр.*).

Мигательная перепонка (*лат.*).

Девочка моя… Бедная девочка!

Подсобные рабочие (*фр.*).

Из глубины (*лат.*).

61

«Красное и черное» (*фр.*) – азартная карточная игра.

62

Дилетант, непрофессионал (*итал.*).

63

Здесь: Постойте-ка! (*Фр.*)

Здесь: Не так ли? (*Фр.*)

65

О Боже! (*Фр.*)

Примерно 39,4° по шкале Цельсия.

67

Ценитель и знаток (*итал.*).

Набережные (*фр.*).

«Король-солнце» (*фр.*).

70

Навязчивая идея (*фр.*).

71

Вихрь (*фр.*).

Комментарии

1

Четыре тома «Тацита» Гордона… – Публий (или Гай) Корнелий Тацит (ок. 58 – ок. 117) – римский историк, автор трудов по истории Рима и Римской империи в 14—68 гг. («Анналы») и в 69—96 гг. («История»; в 14 книгах, от которых до нашего времени дошли первые четыре и начало пятой), а также по религии, общественному устройству и быту древних германцев (очерк «Германия»). Томас Гордон (1684—1750) – шотландский адвокат, в 1728 г. по подписке опубликовавший свой перевод Тацита, до конца XVIII в. считавшийся образцом перевода; написал также трактат «Историко-политические рассуждения о книгах Тацита».

2

…*эссе сера Вильяма Темпла*… – Вильям Темпл (1628—1699) – английский политический деятель, дипломат; в последние восемнадцать лет жизни, оставив политику, посвятил себя литературе; его сборник эссе был издан посмертно Дж. Свифтом, который одно время был его секретарем.

3

…работы Аддисона… – Джозеф Аддисон (1672—1719) – английский писатель, заложил основы нравоописательного эссе в английской литературе.

4

…*«Сказки бочки» Свифта*… – Джонатан Свифт (1667—1745) – англо-ирландский писатель-сатирик, публицист, поэт и общественный деятель. Памфлет «Сказка бочки» (1704) в жанре пародийного жития изображает борьбу католической, англиканской и пуританской церквей.

5

…*«История» Кларендона*… – Эдвард Хайт Кларендон (1609—1674) – английский государственный деятель, монархист, автор первой истории Английской революции: «Истории мятежа и гражданских войн в Англии» (начато между 1646 и 1648 гг.; завершено после 1671 г.).

6

…*«Жиль Блаз»*… – «История Жиль Блаза из Сантильяны» (1715—1735) – плутовской роман французского писателя Алена Рене Лесажа (1668—1747).

7

…*стихотворения Бэкингема*… – Джордж Вильерс Бэкингем (1628—1687) – английский поэт, автор пародийной поэмы «Репетиция» (1671) и др.

8

…*Черчилля*… – Чарльз Черчилль (1731—1764) – английский поэт-сатирик.

9

…*«Жизнь Бэкона»*… – «Жизнь и письма Бэкона» (1861—1874) – работа английского писателя Джеймса Спеддинга (1808—1881), посвященная исследованию жизни и творчества философа Фрэнсиса Бэкона – см. т. 2 («Затерянный мир. Отравленный пояс. Когда мир вскрикнул») наст. изд., комментарий на с. 398.

10

…*«Истории» Гиббона*… – См. т. 8 («Тень великого человека. Загадка Старка Монро») наст. изд., комментарий на с. 355.

11

…*Карлейль*… – См. т. 1 («Собака Баскервилей. Этюд в багровых тонах») наст. изд., комментарий на с. 389—390.

12

…*«Очерки» Томаса Бабингтона Маколея.* – «Критические и исторические очерки» (1843) английского историка, государственного деятеля, поэта и прозаика Т. Б. Маколея (1800—1859).

13

…Золотого Берега… – Золотой Берег – португальское название территории на западном побережье Африки, ныне входящей в Британское Содружество наций Республики Гана.

14

…когда в Арктике я охотился на китов. – См. т. 7 («Возвращение Шерлока Холмса. Долина Ужаса») наст. изд., комментарий на с. 467.

15

…*«Фридриха Великого».* – «Фридрих Великий» (1842) – очерк Т. Б. Маколея о прусском короле (с 1740 г.) и полководце, одном из основоположников прусско-германской государственности Фридрихе II (1712—1786).

16

…*из марокканской кожи.* – См. т. 8 наст. изд., комментарий на с. 355.

17

…*Мильтон*… – Джон Мильтон (1608—1674) – английский поэт и политический деятель, автор в т. ч. поэмы «История Британии» (1670), а также сонетов, памфлетов и мн. др.

18

…*Макиавелли*… – См. т. 7 наст. изд., комментарий на с. 474.

19

…*Хеллем*… – Генри Хеллем (1777—1859) – английский историк и литературовед, автор работ «Конституционная история Англии» (1827), «Введение к европейской литературе XV—XVII веков» (1837—1839) и др.

20

…*Саути*… – Роберт Саути (1774—1843) – английский поэт-романтик, автор баллад, поэм на исторические темы, а также исторических сочинений и биографий («Жизнь Нельсона» (1813) и др.).

21

…*Беньян*… – См. т. 13 («История спиритуализма») наст. изд., комментарий на с. 393.

22

…*Байрон*… – См. т. 4 («Маракотова бездна. Страна туманов») наст. изд., комментарий на с. 441.

23

…*Джонсон*… – Сэмюэл Джонсон (1709—1784) – английский критик, лексикограф и поэт, автор, в т. ч. «Жизнеописаний наиболее выдающихся английских поэтов» (в 10 т.; 1779—1781).

24

…*Питт*… – В данном контексте трудно сказать, кто имеется в виду: английский поэт и переводчик Кристофер Питт (1699—1748) или политический деятель Вильям Питт-младший (см. т. 1 наст. изд., комментарий на с. 380).

25

…Хэмпден… – Скорее всего, перейдя с писателей на политиков, автор говорит о Джоне Хэмпдене (1594—1643) – лидере парламентской оппозиции, противнике роялистов и епископальной церкви.

26

…*Клайв*… – См. т. 2 наст. изд., примечание на с. 13.

27

…*Гастингс*… – Воррен Гастингс (1732—1818) – первый английский генерал-губернатор Индии (1773—1785); вместе с Р. Клайвом вошел в историю как основатель колонии Британская Индия.

28

…*Чатам*… – Вильям Питт-старший, граф Чатам – см. т. 1 наст. изд., комментарий на с. 380.

29

…от Тежу до Вислы… – Тежу (Тахо) – крупнейшая река Пиренейского полуострова, на западе Европы. Висла – река в Польше, на востоке Европы.

30

На столе – омлет для Ньюджента… – Кристофер Ньюджент – врач, один из девяти членов основанного в 1764 г. «Литературного клуба» С. Джонсона, собиравшихся по пятницам у него на обед.

…*Рейнольдса.* – См. т. 1 наст. изд., комментарий на с. 379.

32

…*Берка*… – Эдмунд Бёрк (1729—1797) – английский парламентарий, политический деятель, публицист, идейный родоначальник британского консерватизма; член «Литературного клуба» С. Джонсона.

33

…*Лангтона*… – Беннет Лангтон (1737—1801) – профессор древней литературы в Королевской академии, друг С. Джонсона и член его «Литературного клуба».

34

…*Боклерка*… – Тофам Боклерк (1739—1780) – член «Литературного клуба» С. Джонсона.

35

…*Гаррика*… – Дэвид Гаррик (1717—1779) – английский актер и драматург; учился в Личфилдской грамматической школе у С. Джонсона, в 1737 г. вместе с ним переехал в Лондон, был членом «Литературного клуба» С. Джонсона.

…*сэр Джошуа*… – Имеется в виду Дж. Рейнольдс.

37

«Перед нами клубная комната ‹…›. Вы не понимаете вопроса, сэр!» – Отрывок из очерка Т. Б. Маколея «Сэмюэл Джонсон» – рецензии на книгу Дж. Босуэлла (см. т. 5 («Приключения Шерлока Холмса. Убийца, мой друг») наст. изд., комментарий на с. 383) «Жизнь Сэмюэла Джонсона» (1791).

38

…Вестминстерское аббатство… – См. т. 2 наст. изд., комментарий на с. 399.

39

…кокни… – См. т. 3 («Знак четырех. Записки о Шерлоке Холмсе») наст. изд., комментарий на с. 437.

40

…в краале… – Крааль (гол. kraal, искаженное порт. curral – загон для скота) – у народов юго-восточной Африки кольцеобразное поселение, обнесенное общей изгородью, где внутренняя часть служит загоном для скота.

…*готтентотов.* – См. т. 1 наст. изд., комментарий на с. 377.

42

…из Линкольншира… – См. т. 10 («Истории, рассказанные у камина») наст. изд., комментарий на с. 439.

43

…*Шропшира*… – Шропшир – графство на западе Англии.

44

…*на Флит-стрит*… – См. т. 1 наст. изд., примечание на с. 137.

45

…*лорд-мэра.* – Лорд-мэр – сохранившийся от средних веков титул главы местных органов власти в Лондоне (район Сити) и ряде других крупных городов (Бристоле, Ливерпуле, Манчестере и пр.).

46

…*Сент-Джеймс*… – См. т. 3 наст. изд., комментарий на с. 441.

47

…*из Темпла.* – См. т. 5 наст. изд., комментарий на с. 384.

48

…*лорда-наместника*… – См. т. 7 наст. изд., комментарий на с. 466.

49

…*«Уолпол»*… – Хорас Уолпол (1717—1797) – английский писатель, родоначальник готического романа.

50

…*«Мадам д’Арбле»*… – Фанни Берни (1752—1840; после замужества – мадам д’Арбле) – английская писательница.

51

…*Монтгомери.* – Роберт Монтгомери (1807—1855) – английский поэт, автор религиозных поэм «Вездесущность Бога» (1828) и «Сатана» (1830).

52

…«Песни шотландской границы» Скотта… – См. т. 8 наст. изд., комментарий к «Это адвокат из Эдинбурга…» на с. 346.

53

…*«Песни Древнего Рима» Маколея.* – Вышедший в 1842 г. сборник стихов, в котором Т. Б. Маколей предпринял попытку воссоздать балладную римскую поэзию. Этот сборник содержит и цитируемую ниже песню «Гораций».

54

…Мэтью Арнольда… – Мэтью Арнольд (1822—1888) – английский поэт и критик.

55

…призыв Христа работать днем, ибо за днем приходит ночь, когда человек работать не может. – «Иисус отвечал: ‹…› Мне должно делать дела Пославшего Меня, доколе есть день; приходит ночь, когда никто не может делать ‹…›» (Новый Завет, Евангелие от Иоанна, 9:3—4).

…*Колриджа*… – См. т. 4 наст. изд., комментарий на с. 411.

57

…*«Поэмы о старом моряке»*… – «Поэма о старом моряке» – стихотворение С. Колриджа из сборника «Лирические баллады» (1798).

58

…*Джеймс Пейн*… – Джеймс Пейн (1830—1898) – английский поэт и эссеист, издатель журнала «Корнхилл мэгэзин», в котором публиковался и А. Конан Дойл.

59

…Ашби де ла Зуш… – Город в графстве Лейчестер в центральной части Англии.

…*храмовника*… – Храмовники (тамплиеры) – духовно-рыцарский католический орден; основан ок. 1118 г. в Иерусалиме; упразднен папой римским в 1312 г.

61

…*Уэнделл Холмс*… – См. т. 1 наст. изд., комментарии на с. 384.

62

Если Шекспир наделяет Богемию морским побережьем… – Богемия – см. т. 5 нат. изд., комментарий на с. 388. Речь идет о трагикомедии «Зимняя сказка» (1610).

63

…Виктор Гюго английскому боксеру дает имя мистер Джин-Джон-Джек… – Имеется в виду роман «Человек, который смеется» (1869) французского писателя-романтика Виктора Гюго (1802—1885).

…*Теккерея*… – См. т. 4 наст. изд., комментарий на с. 402.

65

…или Диккенса, с его рассказами о привидениях. – Имеется в виду «Рождественский гимн» из сборника «Рождественские повести» (1843—1846).

…*драгунский*… – См. т. 6 («Подвиги бригадира Жерара. Приключения бригадира Жерара»), комментарий на с. 428.

67

…*пуританином*… – См. т. 13 наст. изд., комментарий на с. 393.

68

…тысяча мерков! – Мерк – шотландская серебряная монета, имевшая хождение в XVI—XVII вв.; первоначально приблизительно соответствовала одному английскому шиллингу.

69

Меч Господа и меч Гедеона! – Гедеон – в Ветхом Завете (Книга Судей Израилевых, 7) седьмой судья израильский; во главе трехсот безоружных воинов, кричавших «Меч Господа и Гедеона!», обратил в бегство мадианитян – см. т. 9 («Его прощальный поклон. Круг красной лампы») наст. изд., комментарий на с. 430.

70

…*саксонские*… – См. т. 11 («Архив Шерлока Холмса. Открытие Рафлза Хоу») наст. изд., комментарий на с. 398.

71

…под флагом «Красного дракона Эссекса»… – По английской легенде, вождь бриттов и отец короля Артура Утер увидел во сне огнедышащего дракона, что было истолковано прорицателями как то, что он станет королем, и когда это произошло, Утер велел сделать изображение дракона, которое стало символом королевской власти; сам же Утер получил имя Утер Пендрагон (Пендрагон – «голова дракона»).

72

…под натиском нормандской кавалерии на пологом склоне у Гастингса. – См. т. 10 наст. изд., комментарий на с. 425.

73

…*Нельсона*… – См. т. 6 наст. изд., комментарий на с. 433.

74

Наши военные моряки, обслуживающие тяжелые орудия на кораблях у берегов Южной Африки… – Речь идет об англо-бурской войне 1899—1902 гг.

75

…Киплинга… – Джозеф Редьярд Киплинг (1865—1936) – английский писатель, лауреат Нобелевской премии по литературе (1907).

Наши двоюродные братья по ту сторону Атлантики… – Имеются в виду американцы – потомки английских переселенцев.

77

…*«Марш, марш, марш»*… – Песня американского композитора Джорджа Фредерика Рута (1820—1895), ставшая популярной во время Гражданской войны в США.

78

…*«Тело Джона Брауна»*… – Джон Браун (1800—1859) – американский борец за освобождение негров, в 1859 г. во главе отряда добровольцев захватил правительственный арсенал в городе Харперс-Ферри (современная Западная Виргиния); через два его отряд был разбит, а сам Дж. Браун схвачен, подвергнут суду и повешен. Эти события считаются одной из предпосылок Гражданской войны в США. Песня «Тело Джона Брауна» – на музыку Вильяма Стеффи (1830—1890) и слова неизвестного автора – стала походной песней северян.

79

…*«Поход через Джорджию»*… – Популярная во время Гражданской войны в США песня американского композитора Генри Клея Уорка (1832—1884), посвященная военной операции северян под руководством генерала Вильяма Текумсе Шермана (1820—1891), разбившего армию южан.

80

…«Боевой гимн республики» Джулии Уорд Хоу… – Джулия Уорд Хоу (1819—1910) – американская поэтесса, борец за освобождение негров, активистка женского движения; написанная ею в 1861 г. песня «Боевой гимн республики» во время Гражданской войны стала неофициальным гимном северян, исполнялась на мотив песни «Тело Джона Брауна».

81

…его перу принадлежит жизнеописание великого солдата-императора… – Речь идет о книге «Жизнь Наполеона Бонапарта» (1827).

…*тори*… – См. т. 8 наст. изд., комментарий на с. 355.

83

…*Мюрата*… – См. т. 6 наст. изд., комментарий на с. 430.

…*гренадера*… – См. т. 6 наст. изд., комментарий на с. 428.

85

…*ритмейстер Дальгетти*… – Ритмейстер (нем. Rittmeister от Ritt – отряд кавалеристов – и Meister – начальник) – ротмистр, ротный командир в кавалерии. Ритмейстер Дугалд Дальгетти – герой исторического романа В. Скотта «Легенда о Монтрозе» (1819).

86

…в «Квентине Дорварде». – «Квентин Дорвард» (1823) – исторический роман В. Скотта.

87

…*Железного Герцога*… – См. т. 8 наст. изд., комментарий на с. 350.

88

…*о Тридцатилетней войне.* – Тридцатилетняя война 1618—1648 гг. – между габсбургским блоком (испанские и австрийские Габсбурги, католические князья Германии, поддержанные папством и Речью Посполитой) и антигабсбургской коалицией (германские протестантские князья, Франция, Швеция, Дания, поддержанные Англией, Голландией и Россией). В результате войны потерпели крах планы Габсбургов на создание «мировой империи», а политическая гегемония перешла к Франции.

89

…рисовали трактиры или святого Себастьяна… – Святой Себастьян (? – 288) – римский легионер, начальник императорской стражи, тайно исповедовавший христианство и, когда об этом узнали римляне, по приказу императора казненный – расстрелянный стрелами; почитается и в католицизме, и в православии как мученик и святой. Начиная с V в. образ святого Себастьяна широко использовался в живописи.

90

…*«Пуритане», «Антиквар», «Роб Рой»*… – Исторические романы В. Скотта; первые два вышли в 1816 г., третий в 1818 г.

91

…романов «плаща и шпаги»… – Роман «плаща и шпаги» – жанр исторического приключенческого романа с напряженной интригой, бурно развивающимся действием, множеством схваток и поединков. Название восходит к сюжетам классической драмы Лопе де Вега (1562—1635) и Педро Кальдерона де ла Барка (1600—1681).

92

…*Карла Смелого*… – Карл Смелый (1433—1477) – герцог Бургундии, вел войну против Людовика XI, погиб в битве.

93

…Людовика XI… – Людовик XI (1423—1483) – французский король (1461—1483), проводил централизаторскую политику, подавлял феодальные мятежи, присоединял к Франции соседние земли.

94

…*Филиппом де Комином*… – Филипп де Комин (1447—1511) – советник Карла Смелого, а также Людовика XI; автор «Мемуаров».

…*в Инсбруке*… – Инсбрук – город в Австрии.

…в Национальной портретной галерее… – Национальная галерея – лондонский музей, содержащий богатейшее собрание западноевропейской живописи XIII – начала XX в.; основан в 1824 г.; картины в музее экспонируются в хронологическом порядке.

97

…Ботвелла, мужа королевы Марии Стюарт. – Джеймс Хэпберн (ок. 1535 – 1578), четвертый граф Ботвелл (1556—1567) – шотландский дворянин, третий муж шотландской королевы Марии Стюарт (1542—1587), брак с которым привел к ее свержению в 1567 г.

…*Хэпбернов?* – Хэпберны – шотландский дворянский род.

99

…Анна Комнин… – Анна Комнин (1083—1153) – византийская принцесса, одна из первых женщин-историков, автор «Алексиады» – исторического повествования об эпохе правления ее отца – императора Алексия I Комнина; в «Алексиаде» описаны события Первого крестового похода, дана характеристика основных лидеров крестоносцев и т. п.

100

…*Первый крестовый поход.* – См. т. 7 наст. изд., комментарий на с. 474.

101

…*Петра Пустынника*… – Петр Амьенский (Петр Пустынник; ок. 1050 – 1115) – военный, потом монах-отшельник; организатор и участник Первого крестового похода.

102

…*Готфрид Бульонский*… – Готфрид Бульонский (ок. 1060 – 1100) – один из предводителей Первого крестового похода, после захвата Иерусалима был провозглашен правителем Иерусалимского королевства (1099).

103

…*Боэмунд Тарентский*… – Боэмунд Тарентский (1057—1111) – крестоносец, активнейший участник Первого крестового похода, в 1098 г. взял штурмом Антиохию и основал Антиохское княжество.

104

…*Танкред*… – Танкред Тарентский (1072—1112) – один из лидеров крестоносцев в Первом крестовом походе; наместник Антиохии и князь Галилеи; племянник Боэмунда Тарентского.

105

Роберт III Куртгез… – Роберт III (по прозвищу Куртгёз (Короткие Штаны); ок. 1054 – 1134) – герцог Нормандии (1087—1106), граф Мэна (1063—1069), старший сын Вильгельма Завоевателя; неоднократный претендент на английский престол, один из руководителей Первого крестового похода.

106

…*на Гебридских островах*… – См. т. 2 наст. изд., комментарий на с. 411.

107

…*елизаветинских времен*… – См. т. 1 наст. изд., комментарий на с. 378.

108

Локарт, разумеется, был не только его зятем, но и преданным другом. Идеальный биограф… – Джон Локарт (1794—1854) – английский писатель и журналист; был женат на старшей дочери В. Скотта Софии; автор «Жизнеописания Вальтера Скотта» (1837—1838).

109

…*Чаттертон*… – Томас Чаттертон (1752—1770) – английский поэт.

110

…*Бернс*… – Роберт Бёрнс (1759—1796) – шотландский поэт.

111

…*Шелли*… – См. т. 10 наст. изд., комментарий на с. 432.

112

…*Китс*… – Джон Китс (1795—1821) – английский поэт-романтик.

113

…*Роджерс*… – Сэмюэл Роджерс (1763—1855) – английский поэт.

114

…*Вордсворт*… – Вильям Вордсворт (1770—1850) – английский поэт-романтик.

115

…*Теннисон*… – См. т. 10 наст. изд., комментарий на с. 432.

116

…*Браунинг*… – См. т. 3 наст. изд., комментарий к «табак держит в персидской туфле» на с. 438.

117

В среднем они живут столько же, сколько рабочие, имеющие дело со свинцовыми белилами, и представители других опасных для здоровья профессий. – Свинцовые белила – употребляемая в малярном деле белая краска на основе свинца, соединения которого токсичны и, следовательно, опасны для здоровья. В настоящее время свинцовые белила практически не используются.

118

…*«Дэвид Харум»*… – Вышедший посмертно (в 1898 г.) единственный роман американского писателя Эдварда Уэсткотта (1847—1898).

119

…*Фрэнк Норрис*… – Фрэнк Норрис (1870—1902) – американский писатель.

120

…*Стивен Крейн*… – Стивен Крейн (1871—1900) – американский писатель, с 1884 г. жил в Лондоне.

121

…Генри Сетона Мерримена… – Генри Сетон Мерримен (настоящее имя и фамилия – Хью Скотт Стоуэлл; 1863—1903) – английский писатель.

122

…*«Бард Эйвона»*… – Прозвище В. Шекспира, родившегося и выросшего в городе Стратфорде (графство Варвикшир в центральной Англии), расположенном на реке Эйвон; после двадцати пяти лет жизни в Лондоне писатель вернулся в Стратфорд и последние четыре года, до смерти, жил там.

123

…*двигательная атаксия*… – Нарушение координации движения вследствие поражения лобных долей головного мозга, мозжечка и др. От гр. ataxia – беспорядок.

124

…*Гейне*… – Генрих Гейне (1797—1856) – немецкий поэт и писатель, романтик.

125

…*Доде*… – Альфонс Доде (1840—1897) – французский писатель.

126

…*Фенеллы*… – Фенелла – герой романа В. Скотта «Певерик Пик» (1822).

127

…*Джон Булль*… – См. т. 9 наст. изд., комментарий на с. 431.

128

…американская революция… – Война за независимость от Великобритании тринадцати североамериканских колоний в 1775—1783 гг., в ходе которой было создано независимое государство США.

129

…Ганноверская династия… – Английская королевская династия, правившая в 1714—1901 гг.

…*золотухи.* – См. т. 9 наст. изд., комментарий на с. 441.

131

…*пляска святого Витта*… – См. т. 3 наст. изд., комментарий на с. 437.

132

…оба тома его словаря… – Имеется в виду «Словарь английского языка» (1755) С. Джонсона.

133

…Гаргантюа… – Добрый великан-обжора, герой романа французского писателя Франсуа Рабле (1494—1553) «Гаргантюа и Пантагрюэль» (кн. 1—4, 1533—1552; кн. 5 опубл. 1564).

134

…*Бэджота*… – Вальтер Бэджот (Бейджхот; 1826—1877) – британский экономист и политический философ, автор в т. ч. множества биографических эссе, опубликованных после его смерти.

135

…*Гильберт Уайт*… – Гильберт Уайт (1720—1793) – английский естествоиспытатель, священник, автор книги «Естественная история и древности Селборна» (1789), в которой он описал свои наблюдения, сделанные в сельской местности вблизи своего дома в Хэмпшире.

136

…*«Элегии на сельском кладбище» Томаса Грея*… – См. т. 10 наст. изд., комментарий к «лилия цветет уединенно ‹…›» на с. 431.

137

…*«Тристрам Шенди»*… – См. т. 8 наст. изд., комментарий к «великое проклятие Эрнульфа ‹…›» на с. 354.

…*Вольтер*… – См. т. 10 наст. изд., комментарий на с. 428.

139

…*Руссо*… – Жан Жак Руссо (1712—1778) – французский писатель и философ, представитель сентиментализма; с позиции деизма осуждал официальную церковь.

…*деисты*… – См. т. 10 наст. изд., комментарий на с. 362.

141

…*Юм*… – Дэвид Юм (1711—1776) – английский философ, историк, экономист.

142

…*Пристли*… – Джозеф Пристли (1733—1804) – английский химик и философ; в сочинении «Исследования о материи и духе» (1777) утверждал, что природа материальна и дух – свойство материи; в 1794 г., преследуемый реакционными кругами, эмигрировал в США.

143

…*Карл Второй*… – См. т. 3 наст. изд., комментарий на с. 438.

…*Адам Смит*… – См. т. 13 наст. изд., комментарий на с. 391.

145

…*маржа*… – Величина, выражающая разницу между двумя определенными показателями, например разницу между ценой покупателя и ценой продавца. От фр. marge – поле (страницы), край.

146

…*вигов*… – Виги (англ. Whigs от Whigamore, прозвища шотландских крестьян) – политическая партия в Англии XVII—XIX вв., предшественница либеральной партии.

147

…*к нонконформистам*… – См. т. 5 наст. изд., комментарий на с. 384.

148

…*Георг III*… – См. т. 5 наст. изд., комментарий к «просчеты одного премьер-министра ‹…›» на с. 394.

149

…*Личфилда*… – Личфилд – старинный город в центральной части Англии, в графстве Стаффордшир; северный пригород Бирмингема.

150

…в корпусе Пемброк-колледжа… – Пемброк-колледж – третий старейший колледж Кембриджа, основан в 1347 г. Мари де Сент-Пол, графиней Пемброк.

151

…во Франции за несколько лет до тех событий, которые можно назвать величайшим потрясением, когда-либо испытанных миром. – Речь идет о Великой французской революции – см. т. 6 наст. изд., комментарий на с. 429

…*Сантер*… – См. т. 6 наст. изд., комментарий на с. 429.

153

…заглушить голос Людовика на эшафоте. – См. т. 6 наст. изд., комментарий «к Бурбонам» на с. 436.

154

…в Кентерберийский собор… – Кентерберийский собор – готический собор в городе Кентербери (юго-восток Англии, графство Кент), главный англиканский храм Великобритании, основан в 603 г.

155

…к посту лорд-канцлера. – Лорд-канцлер – высшее судебное должностное лицо в Великобритании.

…*подагрой*… – См. т. 8 наст. изд., комментарий на с. 354.

157

…*галлонами*… – См. т. 8 наст. изд., комментарий на с. 360.

…*водянки*… – См. т. 8 наст. изд., комментарий на с. 360.

159

…новый шеститомник «Истории», изданный Бери. – Джон Багнелл Бери (Бьюри; 1861—1927) – ирландский историк, искусствовед и филолог, изучавший преимущественно политическую историю Византии; в 1896—1900 гг., будучи профессором новейшей истории в Тринити-колледже Дублинского университета, подготовил к печати «Упадок и разрушение Римской империи» Э. Гиббона со своей вступительной статьей и примечаниями – издание, по сей день не утратившее исторической актуальности.

160

…первые цезари… – Цезарь – в Древнем Риме титул императора. Согласно римскому историку и писателю Гаю Светонию Транквиллу (ок. 70 – ок. 140), автору труда «О жизни двенадцати цезарей» (ок. 120), эпоха цезарства начинается с Гая Юлия Цезаря (см. т. 8 наст. изд., комментарий на с. 357), хотя формально он императором и не был. За Гаем Юлием следуют цезари Октавиан Август (63 до н. э. – 14 н. э.), Тиберий (42 до н. э. – 37 н. э.), Калигула (12—41) и Клавдий (10 до н. э. – 54 н. э.).

161

Ураган этот, зародившийся где-то к северу от Китая… – Попытавшиеся в середине V в. завоевать Римскую империю гунны как народ образовался в II—IV вв. путем смешения туркоязычных хунну и угорских племен Приуралья и Приволжья; продвигаясь от границ Китая в Европу, создали огромное государство от Волги до Рейна с центром в Паннонии, где позже обосновались авары, а затем – венгры.

162

…*галл*… – Галлы – римское название кельтов, населявших территорию Галлии (области на западе Европы, расположенной между Средиземным морем на юге, Пиренеями на западе, Атлантическим океаном на севере и Рейном и Альпами на востоке).

163

…*франка*… – Франки – группа германских племен, живших в III в. по нижнему и среднему Рейну; в конце V в. завоевали Галлию, образовав Франкское государство.

164

…*лангобард*… – Лангобарды – германское племя, в 568 г. вторглись в Италию и основали королевство, которое в 773—774 гг. было завоевано Карлом Великим.

165

…*остгот*… – Остготы – германское племя, восточная ветвь готов; в 488 г. вторглись в Италию, где в 493 г. основали королевство, которое в середине VI в. было завоевано Византией.

166

…*Византию*… – Византия – государство IV—XV вв., образованное при распаде Римской империи в ее восточной части (Балканский полуостров, Малая Азия, юго-восточное Средиземноморье); столица – Константинополь; господствующий язык – греческий.

167

Вы наверняка помните, как заявили о себе русские, когда в двухстах ладьях они спустились по великим рекам к Византии, где столкнулись с имперскими галерами. – О походе русов против Византии в 860 г. известно из древнерусской летописи «Повесть временных лет», но А. Конан Дойл явно ссылается не на нее, а более близкий – и известный – ему источник – так называемую «Брюссельскую хронику»: обнаруженную и опубликованную в 1894 г. бельгийским ученым Францом Кюмоном хронику царствования византийских императоров, в которой упоминается набег русов и называется его точная дата – 18 июня 860 г. В этой хронике рассказывается, что никому до этого не известное племя на двухстах кораблях подошло к стенам Константинополя, но сам город атаковать почему-то не стало (что в хронике рассматривается как чудо), а ограбив его окрестности и перебив там большое количество народа, с огромной добычей ушло обратно.

168

Велизарий высадился в Африке и отвоевал провинцию. – Велизарий (Велисарий; ок. 504 – 565) – византийский полководец, в 533 г. возглавлял войско, посланное в Африку против вандалов, разбил их, занял Карфаген, взял в плен их короля и тем положил конец Вандальскому королевству.

169

…скраэлингами… – Скраэлинги (скрелинги) – старонорвежское название аборигенов северной Гренландии.

170

…*Нансен*… – Фритьоф Нансен (1861—1930) – норвежский исследователь Арктики, в 1888 г. первым пересек Гренландию на лыжах, в 1893—1896 гг. руководил экспедицией на Северный полюс; лауреат Нобелевской премии мира (1922).

171

…*Пири*… – Роберт Эдвин Пири (1856—1920) – американский полярный путешественник, адмирал (1911); в 1892 и 1895 гг. пересек Гренландию; в 1909 г. на собачьих упряжках достиг района Северного полюса.

…*летаргии*… – Летаргия (гр. lēthargia от lē´thē – забвение – и argi̓a – бездействие) – похожее на сон состояние неподвижности, длящееся от нескольких часов до нескольких недель с почти неощутимым – в тяжелых случаях – дыханием и пульсом.

173

…*глазная фистула*… – Фистула (от лат. fistula – дудка, труба) – то же, что свищ – патологический канал, соединяющий очаг заболевания (гнойник, опухоль) с поверхностью или какой-либо полостью тела, а также полые органы между собой; может быть врожденным, в результате воспалительного процесса и др.

…*Хэмпширском*… – См. т. 10 наст. изд., комментарий на с. 430.

175

…*сквайрами*… – См. т. 1 наст. изд., комментарий на с. 377.

…римских фаланг и легионов… – Фаланга (от гр. phálanx – сустав) – тесно сомкнутое линейное построение тяжелой пехоты в Древней Греции, Македонии и Древнем Риме; имела от восьми до двадцати пяти шеренг; обладала большой ударной силой. Легион (лат. legio [legionis] от ligare – связывать, соединять) – основная организационная и тактическая единица в армии Древнего Рима, насчитывала от 4,5 до 10 тыс. человек.

177

…*Энтони Троллоп*… – Энтони Троллоп (1815—1882) – английский писатель, один из наиболее успешных романистов викторианской эпохи; вышедшая после его смерти «Автобиография» содержит откровенные признания писателя.

178

…*Бенвенуто Челлини.* – Бенвенуто Челлини (1500—1571) – итальянский скульптор, ювелир, писатель, автор книги «Жизнь Бенвенуто, сына маэстро Джованни Челлини, флорентийца, написанная им самим во Флоренции» (опубл. 1728).

179

…*«Дневник» Сэмюэла Пипса*… – Сэмюэл Пипс (Пепис; 1633—1703) – чиновник морского ведомства, член Британского парламента, президент Королевского научного общества (1684—1686); в «Дневнике» (впервые изданном в 1825 г.), который он вел в 1660—1669 гг., описаны как всеобщие катастрофы (Великая лондонская чума, Великий лондонский пожар 1666 г.), так и политические и придворные дрязги и интриги, а также подробности быта, стола, любовных связей и т. д. самого С. Пипса.

180

…*Великой лондонской чумы.* – В 1665—1666 гг. во время эпидемии чумы умерло приблизительно 100 тыс. человек – 20 % населения Лондона.

181

…*до Реформации*… – См. т. 8 наст. изд., комментарий на с. 353.

182

…*Джорджем Борроу*… – Джордж Борроу (1803—1881) – английский писатель.

183

…*иберов.* – См. т. 1 наст. изд., комментарий на с. 378.

…*финикийцев*… – См. т. 4 наст. изд., комментарий на с. 393.

185

…кочевников Тира… – Тир – один из древнейших крупных торговых центров; находился на территории современного Ливана; основан в IV тыс. до н. э., наибольший подъем – в начале I тыс. до н. э.

186

…*Генри Ирвинга?* – Генри Ирвинг (настоящее имя и фамилия – Джон Генри Бродрибб; 1838—1905) – английский актер и режиссер.

187

…*сестер Бронте*… – Английские писательницы Шарлотта (1816—1855; псевдоним – Каррер Белл), Эмили (1818—1848; псевдоним – Эллис Белл) и Анна (1820—1849; псевдоним – Эктон Белл) Бронте.

188

…*мисс Остин?* – Джейн Остин (1775—1817) – английская писательница.

189

…*бриттам*… – Бритты – кельтские племена, основное население Британии в VIII в. до н. э. – V в. н. э.

190

…*бардам*… – Барды – народные певцы древних кельтских племен, впоследствии стали профессиональными поэтами – бродячими или живущими при княжеских дворах.

191

…*Оуайну Глендуру*… – Оуайн Глендур (Оуэн Глендоуэр; 1359 – ок. 1416) – последний король Уэльса, организатор неудавшегося восстания против английского владычества; в конце XIX в. в общественном мнении его личность приобрела черты национального героя.

192

…гигантским черепам Хайта… – Хайт – портовый город на юге Англии, в графстве Кент. В церкви XI в. в этом городе хранятся останки живших на этой территории древних людей

193

…*берсеркерам*… – Берсерки (берсеркеры; старонорвеж. berserkr – медвежья шкура; по другой версии – без рубашки) – древнескандинавские воины, посвятившие себя богу Одину; перед битвой приводили себя в ярость, после чего в бою не чувствовали боли; отличались большой силой, бесстрашием, быстрой реакцией; не признавали щита и кольчуги и сражались в одних рубахах или обнаженными по пояс.

194

…*Харальда Сурового*… – Харальд III Сигурдссон (Харальд Суровый; 1015—1066) – король Норвегии (1046—1066), зять Ярослава Мудрого; погиб в бою при попытке завоевать английский трон.

195

…шесть футов три дюйма… – Больше одного метра девяноста сантиметров (1 фут – 0,3048 м; 1 дюйм – 2,54 см).

196

…*тевкр*… – Т. е. троянец; в древнегреческой мифологии Тевкр – первый царь Трои; поэтому троянцев иногда называли тевкрами.

197

…под Флодденом, где йомены Англии одержали победу над шотландским королем, его кланами и рыцарями. – Йомены – см. т. 1 наст. изд., комментарий на с. 377. Флодден – местность в графстве Нортумберленд, на севере Англии, недалеко от границы с Шотландией, – где 9 сентября 1513 г. произошло сражение между войсками Англии и Шотландии, закончившееся полным поражением последней, потерявшей на поле боя 10 тыс. солдат, короля, убитого английскими копейщиками, а также его сына и весь цвет шотландского рыцарства.

198

…роман «Родни Стоун»… – Роман А. Конан Дойла, вышел в 1896 г.

199

…*Роберта Барра*… – Роберт Барр (1850—1912) – канадский писатель шотландского происхождения, издатель литературного журнала «Айдлер»; друг А. Конан Дойла.

200

…*прошедших Альбуэру*… – Ла Альбуэра – деревня на западе Испании, возле которой 16 мая 1811 г. англо-испанские войска разгромили армию Наполеона I.

201

…*Ватерлоо*… – См. т. 6 наст. изд., комментарий на с. 430.

202

…К Вильяму Хэзлитту… – Вильям Хэзлитт (1778—1830) – английский критик и публицист.

203

…*Холборн-Хилл*… – См. т. 9 наст. изд., комментарий на с. 426.

…*балюстрады*… – См. т. 5 наст. изд., комментарий на с. 390.

205

…*бонвиванов.* – См. т. 3 наст. изд., комментарий на с. 431.

206

…реформистского парламента… – См. т. 8 наст. изд., комментарий на с. 355.

207

…*от Понтефракта.* – Понтефракт – город на севере Англии, в графстве Йоркшир.

208

…*стипль-чеза*… – Стипль-чез (англ. steeple-chase – скачки до колокольни) – вид конного спорта, самый рисковый и опасный – скачки с препятствиями, со взятием барьеров. Первоначально – скачка по пересеченной местности до заранее условленного пункта, например, видной издалека колокольни, – отсюда и название.

209

…*кирасирами*… – См. т. 6 наст. изд., комментарии на с. 427.

210

Чтобы вырезать камею… – Камея (фр. camée от ит. cammeo из араб. qama'd – бутон цветка) – резной камень (по большей части слоистый – оникс, агат) с выпуклым изображением.

211

…*Филдинг*… – См. т. 11 наст. изд., комментарий на с. 394.

…*Рид*… – См. т. 13 наст. изд., комментарий на с. 399.

213

…*По*… – См. т. 4 наст. изд., комментарий на с. 411.

214

…*Брет Гарт*… – Фрэнсис Брет Гарт (1836—1902) – американский писатель, автор в т. ч. неоромантических новелл о Калифорнии.

215

…спринтер редко бывает хорошим стайером. – Спринтер (англ. sprinter от sprint – рывок, бросок) – спортсмен-бегун на короткие дистанции, стайер (англ. stayer, буквально – выносливый человек) – на длинные.

216

…рассказов месье Дюпена… – См. вступительную статью в т. 1 наст. изд., с. 9—11.

217

…*криптограмм*… – Криптограмма (от гр. kryptós – тайный – и grámma – черта, буква, написание) – запись, сделанная зашифрованным способом.

218

…до высоты пирамиды Хеопса. – Пирамида Хеопса – крупнейшая из египетских пирамид; возведена приблизительно в 2560—2540 гг. до н. э.; более трех тысяч лет являлась самой высокой постройкой на Земле: 146,6 м (первоначально; на сегодня – 138,75 м).

219

…*«Корнхилл мэгэзин»*… – См. т. 10 наст. изд., комментарий на с. 435.

…*бэтсменом*… – См. т. 8 наст. изд., комментарий на с. 364.

221

Натаниела Готорна… – Натаниель Готорн (Хоторн; 1804—1864) – американский писатель-романтик.

222

…*его сына Джулиана*… – Джулиан Готорн (Хоторн; 1846—1934) – американский писатель, журналист и биограф.

223

…*Эдвард Джордж Бульвер-Литтон*… – См. т. 10 наст. изд., комментарий на с. 435.

…*«Блэквуда»*… – «Блэквуд Эдинбург мэгэзин» – шотландский журнал консервативного направления; основан в 1817 г. издателем Вильямом Блэквудом (1776—1834); печатал известных на то время шотландских и не только шотландских писателей: В. Скотта и др.

225

…*Гранта Аллена*… – Чарльз Грант Аллен (1848—1899) – англо-канадский писатель.

226

…*Уэллса*… – Герберт Джордж Уэллс (1866—1946) – английский писатель, классик научно-фантастической литературы.

227

…*Квиллера-Коуча.* – Артур Томас Квиллер-Коуч (1863—1944) – английский писатель, литературовед, критик, издатель.

228

…*в Балтиморе.* – Балтимор – крупнейший город штата Мэриленд на востоке США.

229

…*Мопассана.* – Ги де Мопассан (1850—1893) – французский писатель.

…*нормандец*… – См. т. 6 наст. изд., комментарий на с. 429.

…*кантоны.* – Кантон (фр. canton – округ) – территориальная единица Швейцарии.

232

…*Амброза Бирса?* – Амброз Гвинетт Бирс (1842—1914?) – американский писатель.

233

…*речениях Сивилл*… – См. т. 10 наст. изд., комментарий на с. 442.

234

…и священные, священные слова были услышаны встарь под тусклой листвой, трепетавшей вокруг Додоны… – Додона – древнегреческий город, самый знаменитый (после Дельф) религиозный центр Греции, – где находился оракул Зевса, изречения которого давались жрицами по шелесту листьев священного дуба.

235

…*Де Квинси*… – См. т. 5 наст. изд., комментарий на с. 390.

236

…*«Истории Генри Эсмонда»*… – «История Генри Эсмонда» (1852) – исторический роман В. М. Теккерея.

237

…*эпохи королевы Анны.* – См. т. 11 наст. изд., комментарий на с. 401.

…*омнибуса*… – См. т. 3 наст. изд., комментарий на с. 442.

239

…*на Оксфорд-стрит*… – См. т. 1 наст. изд., комментарий на с. 378.

240

…*колдун-друид*… – Друиды – жрецы у древних кельтов; ведали жертвоприношениями, были судьями, врачами, учителями, прорицателями.

241

…*скальдов*… – Скальды – норвежские и исландские поэты IX—XIII вв.

242

…*саг*… – Саги – древнескандинавские эпические повествования в прозе со стихотворными вставками о богах и героях.

243

…*Сэмюэл Ричардсон*… – См. т. 11 наст. изд., комментарий на с. 394.

…*Тобайас Джордж Смоллетт*… – Тобайас Джордж Смоллетт (1721—1771) – английский писатель.

245

…*из Сити*… – См. т. 1 наст. изд., комментарий на с. 389.

246

…*Тома Ньюкома.* – Том Ньюком – один из героев романа В. М. Теккерея «Ньюкомы, жизнеописание одной весьма почтенной семьи» (1854).

247

…*Вильяма Хогарта*… – Вильям Хогарт (1697—1764) – английский живописец, график, теоретик искусства; мастер сатирического бытового жанра.

…*Пиквика*… – См. т. 7 наст. изд., комментарий на с. 468.

249

…*Сэма Уэллера*… – Сэм Уэллер – камердинер мистера Пиквика из романа Ч. Диккенса «Посмертные записки Пиквикского клуба».

250

…во времена Реставрации… – Эпоха Реставрации (реставрация – от позднелат. restauratio – восстановление) в Англии – 1660—1688 гг. – период восстановления королевской власти династии Стюартов между Революцией и Гражданскими войнами 1642—1660 гг. и государственным переворотом («Славной революцией») 1688 г.

251

…*еры*… – Ёра – волокита и задира.

252

…авгиевы конюшни… – В греческой мифологии – конюшни царя Авгия, которые не чистились много лет и были очищены в один день Гераклом, направившим туда воды реки. В переносном смысле – нечто чрезвычайно загрязненное, запущенное.

253

…*Оливера Голдсмита*… – Оливер Голдсмит (1728—1774) – английский писатель-сентименталист.

…*Джордж Мередит*… – См. т. 5 наст. изд., комментарий на с. 387.

255

…*Томас Харди.* – Томас Харди (Гарди; 1840—1928) – английский писатель-реалист.

256

…*«Ярмарки тщеславия»*… – «Ярмарка тщеславия» (1848) – самый известный роман В. М. Теккерея.

257

…викторианской эпохи… – См. т. 4 наст. изд., комментарий на с. 406.

258

…*Шеридан*… – Ричард Бринсли Шеридан (1751—1816) – английский драматург.

259

…во времена «Веселого монарха»? – Из-за многочисленных любовных похождений король Карл II вошел в английскую историю под прозвищем «Веселый монарх».

…когда отцы-пилигримы только отправлялись в свой новый американский дом… – Отцы-пилигримы – англичане-пуритане, переселившиеся в 1620 г. в Северную Америку и создавшие колонию на территории нынешней Новой Англии.

261

…голова первого Карла еще крепко сидела на плечах… – См. т. 3 наст. изд., комментарий на с. 438.

262

…*Цицерон*… – Марк Тулий Цицерон (106—43 до н. э.) – римский политический деятель, оратор и писатель.

263

…*трутницу*… – См. т. 6 наст. изд., комментарий, на с. 440.

264

…когда Тилли брал Магдебург… – Иоганн Церклас Тилли (1559—1632) – германский полководец, фельдмаршал (1605); с 1610 г. главнокомандующий войсками Католической лиги, с 1630 г. – имперской армией. Во время Тридцатилетней войны одержал ряд побед; в мае 1631 г. взял штурмом Магдебург (город в центральной части современной Германии) и отдал его на разграбление солдатам; пожар, во время которого погибло 20 тыс. человек, уничтожил этот город.

265

…*Кромвель*… – См. т. 10 наст. изд., комментарий на с. 439.

…высоко дисциплинированные британские войска заявили свои ужасные права в Бадахосе и Сиудад-Родриго. – Бадахос – город на юго-западе Испании, административный центр одноименной провинции; в 1811 г., в ходе Наполеоновских войн, подвергся осаде французской армии и капитулировал; в 1812 г. выдержал три осады английских войск. Сиудад-Родриго – город на западе Испании, в провинции Саламанка; во время Наполеоновских войн пятидесятитысячное французское войско осадило Сиудад-Родриго, в котором находилось четыре тысячи защитников, и после героической защиты город был вынужден сдаться; в январе 1812 г. Сиудад-Родриго был осажден английской армией под командованием Веллингтона и, несмотря на храброе сопротивление гарнизона, был взят через несколько дней.

267

…воспоминания барона де Марбо… – См. т. 6 наст. изд., комментарий на с. 424—427.

268

…*фронтисписов*… – Фронтисп´ис (frontispice от лат. front [frontis] – лоб – и aspicere – смотреть) – рисунок в книге, портрет автора или лица, которому посвящена книга, помещаемый слева от титульного листа.

269

…даже Шекспира могут сбросить с трона какие-нибудь последователи Бэкона… – См. т. 2 наст. изд., комментарий на с. 398.

…*киверами*… – См. т. 6 наст. изд., комментарий на с. 428.

271

…тори при Питте… – См. т. 6 наст. изд., комментарий на с. 442.

…*Каслри*… – Роберт Стюарт Каслри (1769—1822) – британский политический деятель ирландского происхождения; военный министр в 1805—1807 и 1807—1809 гг., министр иностранных дел в 1812—1822 гг.

273

…*Мальборо*… – Джон Черчилль Мальборо (1650—1722) – английский полководец и государственный деятель; во время войны за Испанское наследство – главнокомандующий английской армией.

…*Фокс.* – Чарльз Джеймс Фокс (1749—1806) – британский политический деятель, лидер радикального крыла вигов; неоднократно входил в правительство; выступал против войн с революционной Францией.

275

…*Гуссе*… – Арсен Гуссе (1815—1896) – французский писатель-романтик.

…*Блюхера*… – См. т. 6 наст. изд., комментарий на с. 435.

277

…у Левера… – Чарльз Джеймс Левер (1806—1872) – английский писатель, по происхождению ирландец; автор исторических и приключенческих романов.

…*битвы при Эйлау*… – См. т. 6 наст. изд., комментарий на с. 428.

279

…*де Сегюр*… – Филипп-Поль де Сегюр (1780—1873) – французский военный, участник Наполеоновских войн, бригадный генерал, адъютант Наполеона I; автор «Истории Наполеона и Великой Армии в 1812 г.» (1824).

280

…*де Фезенсак*… – Раймон Эмерик Филипп Жозеф де Монтескье, герцог Фезенсак (1784—1867) – французский военный, участник Наполеоновских войн, дивизионный генерал, автор «Военных воспоминаний» (1863).

281

…той жуткой русской кампании. – См. т. 6 наст. изд., комментарий на с. 434.

…*в Кенте?* – См. т. 1 наст. изд, комментарий на с. 402.

283

…*в Булонь*… – См. т. 6 наст. изд., комментарий на с. 442.

…*Певенси*… – Город-порт на юго-востоке Англии, на побережье пролива Ла-Манш.

285

…чего Гумберт с небольшим отрядом добился в Ирландии… – Жан-Жозеф Гумберт (1767—1823) – французский генерал; руководил отрядом из 1200 человек, 22 августа 1798 г. – несмотря на британское господство на море – высадившихся в Ирландии в расчете поднять восстание ирландцев против англичан; однако почти сразу окруженный превосходящими английскими силами, отряд был вынужден капитулировать.

…*Портсмут*… – См. т. 1 наст. изд., комментарий на с. 388.

287

…*Плимут*… – См. т. 3 наст. изд., комментарий на с. 436.

288

…*Ширнесс*… – Город-порт на юго-востоке Англии, в графстве Кент.

289

…*Саут-Даунса*… – См. т. 2 наст. изд., примечание на с. 363.

290

…что уже делал в Египте… – См. т. 6 наст. изд., комментарий на с. 432.

291

…*Альбион.* – Древнейшее название Британских островов, известное еще древним грекам и встречавшееся затем в римской литературе; в настоящее время употребляется в Англии в возвышенном стиле, в других странах – обычно в несколько ироничном смысле.

292

…*бурский генерал Девет*… – Христиан Рудольф Девет (1854—1922) – бурский генерал и политический деятель, с 1900 г. главнокомандующий всех войск Оранжевой республики.

293

…оказаться во Франции в 1803 году, когда была возобновлена война. – См. т. 8 наст. изд., комментарий к «мы, с небольшим перерывом в два года, воевали чуть ли не четверть века» на с. 345.

294

…*в Вердене.* – Верден – город на северо-востоке Франции, с XVII в. – военная крепость, прикрывавшая путь к Парижу с востока.

295

…от пятидесяти до двухсот ярдов… – 1 ярд – 0,9144 м.

296

…*Ливию*… – Тит Ливий (59 до н. э. – 17 н. э.) – римский историк, автор «Римской истории от основания города» (142 книги, сохранилось 35).

297

Улан… – См. т. 6 наст. изд., комментарий на с. 427—428.

…*фузилеров*… – Фузилёры (фр. fusilier – стрелок) – название основной массы пехоты во французской армии конца XVII—XIX вв. и в армиях некоторых других стран.

299

…*Вильяма Генри Фитчетта.* – Вильям Генри Фитчетт (1841—1928) – английский писатель, священник, педагог.

…*дилижансов*… – См. т. 6 наст. изд., комментарий на с. 432.

301

…*собор Святого Павла*… – См. т. 13 наст. изд., комментарий на с. 393.

302

…*гелиографа*… – Гелиограф (от гр. hē´lios – Солнце – и grápho – пишу) – светосигнальный прибор для связи, работающий при помощи зеркал, отражающих солнечные лучи на большие расстояния.

303

Принцип семафора… – См. т. 9 наст. изд., комментарий на с.432.

304

…*четырехдюймовое*… – Десятисантиметровое (1 дюйм – 2,54 см).

305

…с маршалом Груши… – См. т. 6 наст. изд., комментарий на с. 442.

…*тридцать миль.* – Сорок восемь километров (1 миля – 1,609 км).

307

Когда 16 июня Блюхер был разбит у Линьи, Веллингтону было крайне важно знать ход его отступления, чтобы не дать французам вклиниться между ними… – Линьи – населенный пункт в Бельгии, около которого 16 июня 1815 г. Наполеон I одержал победу над прусской армией генерала Г. Блюхера, не дав ей соединиться с англо-нидерландской армией фельдмаршала А. Веллингтона и вынудив к отступлению.

308

…три тома доктора Бурьена… – Луи-Антуан Фовеле де Бурьен (1769—1834) – секретарь Наполеона (с 1797 г.), оставивший о нем небольшие рукописные записи, которые впоследствии легли в основу первых двух томов «Мемуаров Бурьена», дописанных Максимом де Вилламерестом и вышедших в десяти томах в 1829—1830 гг., когда сам Бурьен был уже психически болен.

309

…*Меневаль*… – См. т. 6 наст. изд., комментарий на с. 431.

310

…*Констана Вери*… – Луи Констан Вери (1778—1845) – камердинер Наполеона I.

311

…*Ипполита Тэна.* – Ипполит Тэн (1828—1893) – французский литературовед, философ, историк, родоначальник культурно-исторической школы. Упомянутый труд вышел шестью томами в 1876—1894 гг.

312

…*Дьепа*… – Дьеп – город на севере Франции, на побережье пролива Ла-Манш.

313

…Наполеон был не большим корсиканцем… – См. т. 6 наст. изд., комментарий на с. 442.

314

…*семейств Борджиа*… – См. т. 7 наст. изд., комментарий на с. 469.

315

…*Сфорца*… – Правящая династия в Италии в 1450—1553 гг., герцоги Миланские; род Сфорца соединился с семьей Борджиа через политический брак Лукреции Борджиа и Джованни Сфорца.

316

…*Медичи*… – Флорентийский род, игравший важную роль в средневековой Италии, правил Флоренцией – с перерывами – в 1434—1737 гг., к этому роду принадлежала французская королева Екатерина Медичи (1519—1589).

…*стигматы*… – Гр. stigmatos – знаки, меты, язвы, раны.

318

…с его ведома и по его хладнокровному попустительству был уничтожен его благородный соперник герцог Энгиенский. – См. т. 8 наст. изд., комментарий на с. 350.

319

…томительных лет, которые он провел на острове Святой Елены… – См. т. 6 наст. изд., комментарий на с. 436.

320

…во рву Венсенского замка был расстрелян французский принц крови… – Венсенский замок – в XIV—XVII вв. (до того, как был построен Версаль) загородная резиденция французских королей, изначально – в Венсенском лесу; теперь Венсен – предместье Парижа; с XVIII в. – тюрьма; в 1804 г. во окружающем замок рву казнили похищенного герцога Энгиенского.

321

…*Хадсон Лоу*… – См. т. 6 наст. изд., комментарий на с. 444.

…*Монтолона*… – См. т. 6 наст. изд., комментарий на с. 444.

323

Романы Фредерика Марриета… – Фредерик Марриет (1792—1848) – английский писатель, автор приключенческих романов.

324

…*Катберта Коллингвуда*… – Катберт Коллингвуд (1750—1810) – британский адмирал; в Трафальгарском сражении, командуя одной из колонн, первым прорвал неприятельскую линию; после смерти Г. Нельсона, назначенный главнокомандующим, завершил поражение противника.

325

…*лорда Кокрейна*… – Томас Кокрейн (Кохрейн; 1775—1860) – британский контр-адмирал и политический деятель; после увольнения из Королевского флота Великобритании служил во флотах Чили, Бразилии, Перу, Греции в периоды их войн за независимость; позже вернулся на британскую службу.

Эпоха правления Людовика XIV… – Французский король Людовик XIV (1638—1715) правил в 1643—1715 гг.

327

«Король-солнце»… – «король-солнце» – прозвище Людовика XIV, в отрочестве танцевавшего в придворных балетах партии Восходящего солнца и бога солнца Аполлона, и в 1662 г. во время праздника-маскарада представшего перед народом в роли римского императора с огромным щитом в форме солнца (это символизировало, что Солнце защищает короля и вместе с ним всю Францию).

…*Сен-Симона.* – Клод Анри де Рувруа Сен-Симон (1760—1825) – французский мыслитель, социалист-утопист.

329

…*Сент-Эвремон*… – Шарль де Сент-Эвремон (1613—1703) – французский историк и критик, вольнодумец; после высылки по политическим мотивам в 1661 г. жил в Голландии и Англии.

330

…*письма мадам де Севинье*… – Мадам де Севинье (Мари де Рабютен-Шанталь, баронесса де Севинье; 1626—1696) – французская писательница, автор знаменитых «Писем» (опубл. в 1726 г.), обращенных к дочери и друзьям.

331

…полные распутства и непристойности сочинения дюка де Роклора… – Гастон Жан Батист Роклор (маркиз, впоследствии герцог; 1617—1676) – генерал-губернатор Гиени (исторической области на юго-западе Франции); ему приписывается, хотя и без твердого основания, собрание анекдотов и острот, изданных в 1727 г. под заглавием «Занимательные приключения герцога Роклора».

…*соверенов*… – См. т. 1 наст. изд., комментарий на с. 393.

333

…преданная Франсуаза де Ментенон… – Франсуаза д'Обинье, маркиза де Ментенон (1635—1719) – вторая, морганатическая (т. е. не равная по положению и не имеющая такого же официально высокого положения, как супруг) жена Людовика XIV.

334

…мадам де Монтеспан… – Франсуаза Атенаис де Рошешуар-Мортемар (маркиза де Монтеспан; 1641—1707) – официальная фаворитка Людовика XIV.

335

…епископ Боссюэ… – Жак Бенинь Боссюэ (1627—1704) – французский проповедник и богослов, писатель, епископ Мо (города к северо-востоку от Парижа).

336

…*Фенелон*… – Франсуа Фенелон (1651—1715) – французский писатель, архиепископ.

337

…*Мольер*… – Мольер (настоящие имя и фамилия – Жан Батист Поклен; 1622—1673) – французский драматург-комедиограф, актер, театральный деятель, реформатор сценического искусства.

338

…*Расин*… – Жан Расин (1639—1699) – французский драматург и поэт, классицист.

339

…*Паскаль*… – Блез Паскаль (1623—1662) – французский математик, физик, религиозный философ и писатель.

340

…*Конде*… – Сложно сказать, какого представителя рода Конде – младшей ветви королевской семьи Бурбонов – эпохи Людовика XIV имеет в виду А. Конан Дойл: полководца Людовика II де Бурбона-Конде (1621—1686), его сына – Генриха III де Бурбона-Конде (1643—1709) – или внука, Людовика III де Бурбона-Конде (1668—1710), – скорее всего, всех вместе, род как таковой.

341

…*Тюррен*… – Анри де Ла Тур д'Овернь, виконт де Тюррен (1611—1675) – полководец, главный маршал Франции (1660).

342

…если взгляды Вейсмана верны… – См. т. 2 наст. изд., комментарий на с. 394.

343

…*Джеймс Фруд*… – Джеймс Энтони Фруд (1818—1894) – английский историк, автор «Истории Англии от падения Уолси до поражения Испанской Армады» (12 т., 1856—1870).

…*Джастина Маккарти*… – Джастин Маккарти (1830—1912) – ирландский политический деятель и литератор.

345

…*«История Англии восемнадцатого столетия» Вильяма Лекки.* – Вильям Эдвард Хартпол Лекки (1838—1903) – ирландский историк и эссеист; упомянутый труд – в восьми томах – вышел в 1878—1890 гг.

…*Фрэнсиса Паркмена?* – Фрэнсис Паркмен (1823—1893) – американский историк.

347

…*в Новой Англии*… – См. т. 8 наст. изд., комментарий на с. 358.

348

…*«Фронтенак»*… – Луи де Бюад Фронтенак (1622—1698) – франко-канадский государственный деятель, бригадный генерал, в 1672—1682 и в 1689—1698 гг. губернатор Новой Франции (Канада).

349

Фанатизм может толкнуть человека в бездну исступления, как это было с ордами Махди у Хартума… – Хартум – столица Судана. В 1860—1870 гг. Великобритания начала активно проникать в политику и экономику Судана; в 1881 г. мусульманский проповедник Мухаммед Ахмед объявил себя посланником Аллаха – Махди – и призвал единоверцев выступить против Британии; в марте 1884 – январе 1885 г. в ходе восстания войска Махди подвергли Хартум осаде и захватили его; губернатор Ч. Дж. Гордон был обезглавлен. Восстание продолжалось до 1898 г., пока не было подавлено британскими военными силами.

350

…*Исаака Жога*… – Святой Исаак Жог (1607—1646) – католический священник, иезуит; миссионер и мученик.

351

…*сожгли его заживо.* – А. Конан Дойл путает: захваченных в плен послов Исаака Жога и еще одного иезуитского священника – Жана де Лелана – индейцы не сожгли, а забили дубинками; после чего голова И. Жога была ими выставлена на шесте, а тело брошено в реку.

352

…*Бюффон*… – Жорж-Луи Леклерк, граф де Бюффон (1707—1788) – французский натуралист, биолог, математик, естествоиспытатель и писатель.

353

…*Вильяма Эрнеста Хенли.* – Вильям Эрнест Хенли (1849—1903) – английский поэт, издатель и критик.

…«*Invictus*»… – «Непобедимый» (лат.).

355

…*Крабб*… – Генри Крабб Робинсон (1775—1867) – английский литератор, автор дневников и воспоминаний, изданных через два года после его смерти.

356

…*Жан Фруассар*… – Жан Фруассар (ок. 1337 – после 1404) – французский хронист и придворный поэт; в «Хрониках» отразил события 1327—1400 гг.

357

…*Ангерран де Монстреле*… – Ангерран де Монстреле (ок. 1390 – 1453) – французский хронист, написал продолжение хроник Ж. Фруассара с точки зрения Бургундии; его труд обнимает 1400—1444 гг.

…*каноник*… – 1) теоретик, знаток правил в любой систематической области знания; шире – особый авторитет в какой-либо области, способный сохранять или даже устанавливать правила; 2) член соборного капитула (общего собрания монашеского или духовно-рыцарского ордена), священник католической церкви при больших соборах, подчинявшийся определенному уставу, но не дававший монашеского обета. Ср.-лат. canonicus – подчиненный правилам.

359

…*Филиппы Геннегау*… – Филиппа де Авен (1314—1369) – дочь соединившего в своих руках графства Геннегау, Голландия и Зеландия графа Виллема I; с 1328 г. жена английского короля Эдварда III.

360

…*Геродота*… – Геродот (между 490 и 480 – ок. 425 до н. э.) – древнегреческий историк.

361

…*Джона Мандевиля*… – См. т. 2 наст. изд., примечание на с. 52.

362

…*Жану Лебелю*… – Жан Лебель (Жан Красивый; ок. 1290 – 1370) – франкоязычный хронист из графства Геннегау, автор «Правдивых хроник», в которых рассказывается о событиях правления английского короля Эдварда III с 1307 по 1361 г.; фрагменты из его исторического труда часто заимствовал Ж. Фруассар.

363

…*Галлоуэйские*… – См. т. 13 наст. изд., комментарий на с. 393.

364

Жан Лебель участвовал в приграничной войне с Шотландией… – С конца XIII и весь XIV в. Англия вела войны с Шотландией. Ж. Лебель отправился в Англию в 1327 г., когда англичане предприняли очередной – и неудачный – поход на Шотландию. В 1328 г. Англия была вынуждена подписать с Шотландией договор, по которому признавала ее суверенитет.

365

…которые воевали у Креси… – Креси – местечко в Северной Франции, около которого 26 августа 1346 г. произошло одно из важнейших сражений Столетней войны, в ходе которого Англия с Данией и рыцарями Священной Римской империи разбили войско Франции и ее союзников.

366

…*Пуатье*… – Город на западе Франции, около которого 19 сентября 1356 г. произошло одно из сражений Столетней войны, в котором английское войско с минимальными потерями разгромило французскую армию и пленило короля Иоанна II Доброго.

367

…когда французский и шотландский короли находились в заключении в Лондоне. – После взятия в плен англичанами в битве при Пуатье французский король Иоанн II Добрый (1319—1364), не найдя средств уплатить выкуп, находился в плену восемь лет, до самой смерти. Шотландский король Давид II (1324—1371) был ранен стрелой в лицо и попал в плен 17 октября 1346 г. во время битвы при Невиллс-Кроссе; и получил свободу ценой уплаты крупного выкупа и предоставления в качестве заложников двадцати шотландских баронов в 1357 г.

368

…*Чандосу*… – Джон Чандос (? – 1370) – английский полководец времен Столетней войны.

369

…*у Наваретты*… – Наваретта – городок в Испании, около которого 3 апреля 1367 г. произошло сражение между войсками двух претендентов на кастильский престол: Генриха Трастамаре, опиравшегося на французов, и Педро I Жестокого, за которым стояли англичане. Благодаря английским стрелкам победил Педро I Жестокий.

370

…*«Квентин Дорвард»*… – Исторический роман В. Скотта, вышел в 1823 г.

371

…*Плесси-ле-Тур*… – Замок в пригороде Тура – главного города исторической области Турень в центральной Франции; построен для Людовика XI в 1463 г., в настоящее время – музей.

…*Валевского*… – Антон Валевский (1805—1876) – польский историк.

…*Генрих VIII*… – См. т. 10 наст. изд., комментарий на с. 430.

…*покорения Гранады*… – Гранада – город и провинция на юге Испании; в 711 г. захвачена маврами, в 1238—1492 гг. столица Гранадского эмирата; в 1492 г. Гранада – последний оплот ислама на Пиренейском полуострове – была взята осадившим город испанским войском.

375

…*Вашингтона Ирвинга.* – Вашингтон Ирвинг (1783—1859) – американский писатель, один из создателей жанра романтического рассказа в США.

376

…померанца… – Померания – герцогство (с 1170 г.) на побережье Балтийского мора, в 1815—1945 гг. – прусская провинция; позже – в составе Польши.

377

…Вильгельма Мейнхольда… – Вильгельм Мейнхольд (1797—1851) – немецкий писатель.

378

…*Дмитрий Мережковский.* – См. т. 10 наст. изд., комментарий к «с таким движением ‹…›» на с. 434—435.

379

…*Эдварда Фредерика Найта.* – Эдвард Фредерик Найт (1852—1925) – английский журналист и писатель, путешественник.

380

…*у Гаклюйта.* – Ричард Гаклюйт (Хаклут; 1552 или 1553—1616) – английский писатель, один из самых плодовитых авторов своей эпохи; идеолог английской колонизации Северной Америки; в объемистом сборнике «Книга путешествий» (1589, расширенное издание – 1598—1600) подытожил вклад англичан в Великие географические открытия.

381

…*в Саутгемптоне*… – См. т. 4 наст. изд., комментарий на с. 396.

382

…*в Вест-Индию*… – См. т. 1 наст. изд., комментарий на с. 379—380.

383

…*галеоны*… – Галеон (исп. galeon; галион, фр. galion; от лат. galea – шлем) – большое многопалубное судно XVI—XVIII вв. с сильным артиллерийским вооружением, использовавшееся и как военное, и как торговое.

…*дублонов.* – См. т. 6 наст. изд., комментарий на с. 434.

385

…*Роберта Скотта.* – См. т. 4 наст. изд., комментарий на с. 391.

386

…*Адольфуса Грили*… – Адольфус Вашингтон Грили (1844—1935) – американский военный (генерал-майор), ученый и путешественник; в 1881—1883 гг. руководил экспедицией в Гренландию.

387

…на залитых лавой караульных постах в Помпеях… – См. т. 4 наст. изд., комментарий на с. 394.

…*в Беркенхеде.* – Беркенхед – город на западе Англии, в графстве Чешир; порт на реке Мерси.

389

…перед Капитолием в Вашингтоне. – Капитолий – здание Конгресса США на Капитолийском холме в Вашингтоне.

390

…«Плавание “Кашалота”» Фрэнка Буллена… – Фрэнк Томас Буллен (1857—1915) – английский писатель, в отрочестве и юности – матрос на китовом судне. Упомянутая книга вышла в 1897 г.

391

…*спермацетового*… – См. т. 4 наст. изд., комментарий на с. 395.

392

…*«Два года на палубе» Ричарда Даны.* – Ричард Генри Дана (1815—1882) – американский политический деятель, юрист, писатель; описание морского путешествия, совершенного им в качестве матроса на паруснике вдоль берегов Северной и Южной Америки, в книге «Два года на палубе» (1840) имело большой успех в Англии и Америке.

393

…*из Мелвилла*… – Герман Мелвилл (1819—1891) – американский писатель-романтик.

…*Таити*… – Вулканический остров в Тихом океане.

395

…*Джозефа Конрада.* – См. т. 10 наст. изд., комментарий на с. 428.

396

…*сипайского восстания*… – См. т. 3 наст. изд., комментарий на с. 432.

397

…*геодезическом*… – Геодезия (от гр. gē´ – Земля – и dáiō – разделяю) – система наук об определении формы и размеров Земли и об изменениях на земной поверхности для отображения ее на планах и картах.

…*Баия-Бланка*… – См. т. 8 наст. изд., комментарий на с. 357.

399

…*Алфреда Уоллеса.* – См. т. 2 наст. изд., комментарий на с. 396.

400

…*Папуа*… – Бывшая колония Великобритании, а с 1905 г. – Австралии, – занимающая юго-восточную часть острова Новая Гвинея; в 1975 г. вошла в состав государства Папуа – Новая Гвинея.

401

…*чешуекрылых*… – См. т. 1 наст. изд., комментарий на с. 379.

402

…древнего римского лагеря… – См. т. 8 наст. изд., комментарий к «Древнеримский ров и норманнская крепость» на с. 358.

403

…*Фламмариона*… – См. т. 4 наст. изд., комментарий на с. 406.

…*Сэмюэла Лэнга.* – Сэмюэл Лэнг (1780—1868) – шотландский литератор, путешественник, популяризатор науки.

405

…*Герберт Спенсер*… – Герберт Спенсер (1820—1903) – английский философ и социолог, один из родоначальников позитивизма.

…*Сомма*… – Река на севере Франции.

407

…о каменных храмах Юкатана… – Юкатан (см. т. 4 наст. изд., комментарий на с. 395) – в IV—X вв. центр цивилизации майя, от которой остались многочисленные каменные сооружения: пирамиды и пр.

408

…на древнеперуанскую цивилизацию… – В XII—XVI вв., до испанского завоевания, на территории современной Перу существовала империя инков.

409

…об озере Титикака… – Титикака – высокогорное соленое озеро в Южной Америке.

410

…о человеке четвертичного периода… – Четвертичный период (антропоген) – геологический период, современный этап развития Земли, начался 2,588 млн лет назад, продолжается по сей день; в течение этого периода рельеф, климат, растительный и животный мир приняли нынешний облик; с этим периодом связано и появление человека.

411

…*Фредерика Майерса.* – См. т. 10 наст. изд., комментарий на с. 426.

412

…*на Елисейских Полях*… – См. т. 13 наст. изд., комментарий к «античный Элизиум» на с. 412.

413

…*бостонского*… – Бостон – город на северо-востоке США, административный центр штата Массачусетс.

…*факир*… – Здесь: нищенствующий мусульманский монах. От араб. faqir – нищий.

415

…*Чарльза Лэма*… – Чарльз Лэм (1775—1834) – английский писатель.

…*«Virginibus Puerisque»*… – «Девам и юношам» (лат.; цитата из Горация – «Оды», III, I).

417

…*Бо Бруммель*… – Джордж Брайан Бруммель (Браммел; 1778—1840) – британский аристократ, знаменитый денди, законодатель моды времен Регентства и друг принца-регента.

418

…*Эдинбургского издания Стивенсона.* – Незадолго до смерти Р. Л. Стивенсона его друг Чарльз Бакстер подал ему мысль выпустить собрание сочинений, назвав его «Эдинбургским». Писатель разделил свои сочинения на четыре части, предполагая, что всего будет пятнадцать томов. Первые из них были подготовлены еще при жизни Р. Л. Стивенсона. После его смерти редактор издания Сидней Колвин выпустил к 1897 г. двадцать семь томов.

419

…последнего восстания якобитов. – Якобиты – приверженцы изгнанного «Славной революцией» 1688 г. английского короля Якова II и его потомков, сторонники восстановления на британском престоле династии Стюартов; два раза – в 1715 и 1745 гг. – поднимали восстание, базой которого оба раза служила горная Шотландия, но безуспешно.

420

…*Чосер*. – Джефри Чосер (1340? – 1400) – самый знаменитый поэт английского средневековья, один из создателей английской литературы и общеанглийского литературного языка.

421

…*Ушлки Коллинз*… – См. т. 10 наст. изд., комментарий на с. 429.

…*из Невады*… – Невада – штат на западе США.

423

…из «Компании Гудзонова залива»… – Гудзонов залив – залив в Северном Ледовитом океане, у берегов Канады. «Компания Гудзонова залива» – самая старая торговая корпорация в Северной Америке и одна из самых старых в мире; в течение нескольких столетий контролировала рынок шерсти в английской части Северной Америки; фактически являлась правительством во многих регионах континента до крупномасштабного его заселения; в конце XIX в. стала крупнейшим частным землевладельцем в Канаде; с упадком торговли шерстью перешла к торговле товарами, необходимыми поселенцам на западе Канады; сегодня известна в Канаде своей сетью универмагов.

…*в Аризоне?* – Аризона – штат на юго-западе США.

425

…*чартистом*… – Чартизм (от англ. charter – хартия) – политическое и социальное движение в Англии с конца 1830-х до конца 1840-х гг., получившее название от поданной в 1839 г. парламенту петиции законопроекта – «народной хартии». Чартисты требовали всеобщего избирательного права для мужчин старше двадцати одного года, отмены имущественного ценза для депутатов, равные избирательные округа, ограничения рабочего дня, повышения зарплаты и т. д.

…*дерринджером.* – Дерринджер – маленький карманный пистолет, производившийся фирмой Генри Дерринджера с 1800 г.

427

…*коронера*… – См. т. 1 наст. изд., комментарий на с. 379.

…*метис*… – См. т. 2 наст. изд., комментарий на с. 399.

429

…*судья Линч*… – См. т. 7 наст. изд., комментарий на с. 475.

430

…про британского льва и американского орла… – Олицетворяющий силу и могущество коронованный лев, держащий щит, – одна из основных фигур на королевском гербе Великобритании. Одним из национальных символов США является белоголовый орлан (или американский орел, крупная хищная птица семейства ястребиных), обитающий на территории Северной Америки; его стилизованное изображение находится на национальном гербе США.

431

…*паковые льды.* – Паковый (англ. pack – масса) – многолетний дрейфующий морской лед, образующий прочные ледяные поля (толщиной 3—5 м) в полярных бассейнах.

…*над фок-реем*… – См. т. 8 наст. изд., комментарии на сс. 348 и 349.

433

Со штирборта… – Штирбортом (англ. steerboard от голл. stuur, steer – руль – и bord – борт; в старину одновесельные лодки управлялись гребцом, сидевшим по правому борту) называется правый борт корабля; левый – бакбортом.

…*Шпицбергена*… – Шпицберген – архипелаг в Северном Ледовитом океане.

435

…*в Данди*… – См. т. 7 наст. изд., комментарий на с. 467.

…*баталер*… – Баталёр – унтер-офицер флота, заведовавший продовольственным и вещевым снабжением экипажей кораблей и береговых команд. Фр. batailleur от ит. battaglia – битва.

…*Шетланд.* – См. т. 7 наст. изд., комментарий на с. 468.

…*штуртроса*… – Штуртрос (гол. stuurtros – от stuur – и tros – трос) – цепь или трос, идущие от штурвала к румпелю (рычагу для поворачивания руля судна).

439

…*хлоралгидрат*… – См. т. 8 наст. изд., комментарий на с. 357.

…*бромид калия*… – См. т. 8 наст. изд., комментарий на с. 356.

441

…морских лимонов… – Морской лимон – беспанцирный морской брюхоногий моллюск.

…*на марсе*… – Марс (гол. mars от mers – корзина) – площадка в верхней части мачты для наблюдения, установки освещения и приборов; на парусных судах – для управления парусами.

443

…*по квартердеку.* – См. т. 8 наст. изд., комментарий на с. 364.

…*на фальшборт*… – См. т. 8 наст. изд., комментарий на с. 358.

445

…*линь*… – Корабельный трос из высококачественной пеньки и толщиной не менее 25 мм; предназначается для оснастки, такелажных работ и т. д. Гол. lijn – веревка, канат.

…*с секстаном*… – Секстан (секстант; от лат. sextans [sextantis] – шестая часть) – угломерный астронавигационный инструмент для измерений высот небесных светил при определении местонахождения корабля; представляет собой одну шестую часть круга (отсюда и название), разделенную на градусы и снабженную двумя зеркалами и небольшой зрительной трубой.

447

…*логарифмы.* – Логарифм (от гр. lógos – отношение – и arithmos – число) – показатель степени, в которую нужно возвести какое-либо определенное число, чтобы получить данное.

…англиканской церкви… – См. т. 4 наст. изд., комментарий на с. 406.

449

…*пресвитерианцы*… – См. т. 4 наст. изд., комментарий на с. 397—398.

450

…в «Скотсмене»… – «Scotsman» («Шотландец») – общешотландская газета, выходит в Эдинбурге, основана в 1817 г. как еженедельная; с 1850 г. – ежедневная.

451

…*олеографии*… – См. т. 9 наст. изд., комментарий на с. 442.

452

…*Аристотеля*… – Аристотель (384—322 до н. э.) – древнегреческий философ, ученик Платона.

453

…*Платона.* – См. т. 4 наст. изд., комментарий на с. 392.

…к идее метемпсихоза и доктринам Пифагора. – Пифагор Самосский (VI в. до н. э.) – древнегреческий философ, математик, религиозный и политический деятель; разработал учение о переселении душ (гр. metemsýchōsis – переселение душ)

455

…*спиритуализма*… – См. т. 4 наст. изд., комментарий на с. 398.

…из Питерхеда… – Питерхед – город на северо-востоке Шотландии, порт на Северном море.

…*в кисмет*… – См. т. 9 наст. изд., комментарий на с. 438.

458

…*тюленей-хохлачей*… – Тюлень-хохлач – один из крупнейших видов тюленей, длиной до трех метров и весом до трехсот пятидесяти килограммов; название получил по особому мешковидному образованию на верхней стороне морды самцов, которое, надуваясь, выглядит как большой, размером с голову этого животного, мешок.

459

В его безумстве есть какая-то методичность. – См. т. 11 наст. изд., комментарий на с. 407.

…Британской медицинской ассоциации… – См. т. 8 наст. изд., комментарий на с. 357.

461

…*в Девоншире*… – См. т. 1 наст. изд., комментарий на с. 377.

…*месмеризма*… – См. т. 9 наст. изд., комментарий на с. 439.

463

…*Рейнланда*… – Рейланд – историческая область на западе Германии; расположена по среднему течению Рейна.

…*диафрагмальные*… – См. т. 10 наст. изд., комментарий на с. 432.

465

…*гальваническим*… – См. т. 9 наст. изд., комментарий на с. 444.

…*из Йены*… – Йена – старинный университетский город на востоке Германии.

467

…*из Базеля.* – Базель – город на севере Швейцарии, где расположен старейший университет страны.

…*церебральных*… – См. т. 9 наст. изд., комментарий на с. 437.

469

…*сведенборгианец*… – См. т. 10 наст. изд., комментарии на с. 430 и к «Томаса Лейка Харриса» на с. 431.

…*розенкрейцеров.* – См. т. 4 наст. изд., комментарий на с. 402.

…*Тота*… – Тот – в древнегреческой мифологии бог луны, мудрости, письма и счета, покровитель наук, писцов, священных книг и колдовства.

…*ориенталистики*… – См. т. 10 наст. изд., комментарий на с. 442.

…*демотическим надписям*… – Демотическое (от гр. dēmotikós – народный) письмо – скорописная форма египетского письма, возникшая в VIII—VII вв. до н. э.

…*Эль-Каба*… – Эль-Каб – древнеегипетский город, религиозный центр Верхнего Египта; в VIII в. был почти полностью разрушен арабским вторжением.

475

…о шестой династии… – Шестая династия фараонов (всего их было тридцать) правила Египтом приблизительно в 2345—2181 гг. до н. э.

…*Лепсиуса*… – Карл Рихард Лепсиус (1810—1884) – немецкий (прусский) археолог, основоположник современной египтологии.

477

…*Шампольона.* – Жан-Франсуа Шампольон (1790—1832) – французский ученый-ориенталист и лингвист, основатель египтологии, сумевший расшифровать египетские иероглифы.

…*Лувра*… – См. т. 11 наст. изд., комментарий на с. 408.

479

…*Английский канал*… – См. т. 5 наст. изд. примечание на с. 370.

…*в Пале-Рояль*… – См. т. 6 наст. изд., комментарий на с. 436.

481

…собора Парижской Богоматери… – Собор Парижской Богоматери (Нотр-Дам) – главное архитектурное сооружение Парижа, исторический и географический центр города; построен в 1163—1345 гг.

…*Фив*… – См. т. 10 наст. изд., комментарий на с. 441.

483

…*Луксора*… – См. т. 4 наст. изд., комментарий на с. 394—395.

484

…*Гелиополиса*… – Гелиополис (Гелиополь, Илиополь) – один из древнейших городов Древнего Египта, крупнейший религиозный центр.

485

…*Осириса*… – См. т. 9 наст. изд., комментарий на с. 442.

…*Бубастийском*… – Бубаст (Бубастис, Бубастида) – древнеегипетский город в дельте Нила.

487

…*гиксосов*. – Гиксосы – кочевые азиатские племена, ок. 1700 г. до н. э. захватившие Египет; основали свою столицу – Аварис; в начале XVI в. до н. э. господство гиксосов было ликвидировано египтянами.

…*паланкин*… – См. т. 8 наст. изд., комментарий на с. 359.

489

…*Гора*… – См. т. 9 наст. изд., комментарий на с. 442.

490

…*переживем пирамиду Хефрена.* – Пирамида Хефрена (Хафры) – вторая по величине (после пирамиды Хеопса) древнеегипеская пирамида; расположена рядом с Великим Сфинксом и пирамидой Хеопса; построена в середине XXVI в. до н. э.; высота – 143,5 м (первоначально; сейчас – 136,4 м).

491

…*Исиде*… – См. т. 9 наст. изд., комментарий на с. 442.

…*Анубиса!* – Анубис – в древнеегипетской мифологии бог – покровитель мертвых, а также некрополей, погребальных отрядов и бальзамирования; изображался в облике волка, шакала или человека с головой шакала.

493

…когда пал Илион. – Илион – другое название Трои. Имеется в виду описанная в гомеровской «Илиаде» и в других источниках Троянская война – между Троей и греками с их союзниками, – проходившая приблизительно в 1193—1183 гг. до н. э. и закончившаяся поражением Трои.

…когда Геродот прибыл в Мемфис. – До того, как около 446 г. до н. э. поселиться в Афинах, родившийся в малоазийском городе Галикарнасс Геродот (см. комментарий на с. 382) долгое время путешествовал, объездив Вавилон, Ассирию, Египет, Малую Азию, Северное Причерноморье, Балканский полуостров и т. д.

495

…*Булакский музей в Каире.* – Булак – гавань Каира, в настоящее время один из районов этого города, – первое местонахождение (1858—1891) Египетского национального музей с богатейшим собранием памятников искусства и культуры Древнего Египта.

…в Пешаваре, Амбале, ‹…› Форт-Пирсоне умирают наши юноши. – Речь идет о британских колониальных войнах: второй англо-афганской (см. т. 1 наст. изд., комментарий на с. 387 – и там же значение «Пешавар»), восстании сипаев (см. т. 3 наст. изд., комментарий на с. 432; Амбала (Амбалла) – город на севере Индии, где находились главные военные силы англичан в начале восстания) и англо-зулусской войне 1879 г. в Южной Африке.

497

…*херефордширских*… – Херефордшир – графство на западе Англии.

…*барке*… – См. т. 5 наст. изд., комментарий на с. 387.

499

…*Коломбо*… – В описываемое время – административный центр британской колонии Цейлон; с 1948 г. – столица государства Цейлон, в 1972—1985 гг. – Республики Шри-Ланка; порт.

500

…*Лев Ватерлоо.* – Мемориальный памятник близ Ватерлоо – статуя льва, обращенная в сторону Франции; установлена королем Нидерландов в честь своего сына, принца Оранского, раненного в битве.

501

…*в Фалмуте*… – См. т. 3 наст. изд., комментарий на с. 437.

…*с Грейвсендом.* – См. т. 5 наст. изд., примечание на с. 370.

503

…*от Мадейры*… – См. т. 11 наст. изд., комментарий на с. 405.

…*шел на десяти узлах*… – 1 узел – 1 миля в час.

505

…*два островка Десертас*… – Десертас – группа островов в составе Мадейры.

506

…о яле… – Ял (англ. jawl от гол. jol – лодка) – двух-, восьмивесельная, относительно короткая и широкая гребно-парусная судовая шлюпка с плоской кормой.

507

…обстрела Симоносеки… – Обстрел англо-американо-французской эскадрой японского порта Симоносеки (в одноименном проливе, разделяющем острова Хонсю и Кюсю) произошел в 1864 г. в ответ на выступления японцев против иностранцев.

508

…*дела дайме.* – Даймё (яп., буквально – большое имя) – крупнейшие военные феодалы (самурайская элита) средневековой Японии. Речь идет о событиях в Японии 1866—1869 гг., получивших название Революция Мэйдзи, когда была восстановлена власть императора, а дайме лишены своих земель, получив взамен крупную денежную компенсацию.

509

…*Эдо*… – Название Токио до 1868 г.

510

…*грот ‹…› кливер.* – См. т. 8 наст. изд., комментарий на с. 349.

…*румпель*… – См. комментарий к «штуртроса» на с. 387.

…*гинея*… – См. т. 1 наст. изд., комментарий на с. 378.

513

…*грифоны*… – Грифон (гр. gryps из gryttos – крючконосый) – в античной и древневосточной мифологии крылатый лев с орлиной головой.

514

…*василиски*… – Василиск (гр. basiliskos – царек) – мифическое существо с головой петуха, туловищем жабы, хвостом змеи и короной на голове (отсюда и название), убивавшее одним своим взглядом.

515

…*эзотериком*… – См. т. 10 наст. изд., комментарий на с. 433.

…*эфира*… – См. т. 2 наст. изд., комментарий на с. 408—409.

517

…*кеб*… – См. т. 1 наст. изд., комментарий на с. 377—378.

518

…*Олбани*… – См. т. 2 наст. изд., комментарий на с. 398.

519

…*кру*… – Африканская народность, населяющая прибрежную часть Либерии и западные районы Кот-д’Ивуара.

520

…*Сан-Паулу-ди-Луанда.* – Название Луанды – столицы Анголы – до 1975 г.

521

…*«Юнион Джек»*… – См. т. 5 наст. изд., примечание на с. 285.

…*фактория*… – Торговая контора и поселение, организуемые купцами в колониальных странах или отдаленных районах. Ср.-век. лат. factoria от factorium (буквально – маслобойный пресс).

523

…*унионист*… – Сторонник объединения, в данном случае, как можно понять из контекста, – Ирландии с Британией. От позднелат. unio (unionis) – единство.

…*гомруль*. – Программа автономии Ирландии в рамках Британской империи, выдвигавшаяся в 70-е гг. XIX в. – начале XX в. лидерами ирландского национального движения. От англ. home rule – самоуправление.

525

…*хинный коктейль*… – Хинин – алкалоид, содержащийся в коре хинного дерева; применяется в медицине как противомалярийный препарат.

526

…масса… – В XVIII—XIX вв. распространенное в США обращение негров-рабов к белому господину. От искаженного англ. master – хозяин.

…*гран*… – См. т. 5 наст. изд., примечание на с. 186.

…*вуду*. – См. т. 9 наст. изд., комментарий на с. 427.

529

…*олдермена*… – Олдермен (альдерман; англ. alderman – старейшина) – член муниципального совета или собрания в Англии.

…*солиситору*. – См. т. 4 наст. изд., комментарий на с. 405.

531

…убийство Риччо шотландскими дворянами, которое произошло в марте 1566 года в присутствии Марии Стюарт. – Давид Риччо (ок. 1533 – 1566) – итальянец-католик, личный секретарь королевы Шотландии Марии Стюарт. Убийство Д. Риччо было одной из попыток подчинить королеву влиянию протестанских лордов.

532

…*Дарнли.* – Генрих Стюарт, лорд Дарнли (1545—1567) – муж королевы Марии Стюарт.

533

…*Рутвен*… – Патрик Рутвен (ок. 1520 – 1566) – шотландский лорд, лидер заговорщиков, убивших Д. Риччо; бежал в Англию.

534

…*Дворец Святого Креста. – Холируд!* – Одна из резиденций королей Шотландии и – потом – Великобритании; находится в Эдинбурге; построен в 1498—1501 гг. Холируд – от искаженного англо-шотландского Haly Ruid – Святой Крест.

535

…от Триумфальной арки. – Триумфальная арка – почти пятидесятиметровый монумент в Париже, возведенный в 1806—1836 гг. по распоряжению Наполеона I в честь военных побед, одержанных Францией во время Революции и Первой империи.

…*талмудических*… – Талмуд (др.-евр., буквально – изучение) – многотомное собрание правовых и религиозно-этических положений иудаизма, сложившееся в IV в. до н. э. – V в. н. э.

537

…каббалистических… – Каббала (др.-евр., буквально – предание) – мистическое течение в иудаизме; окончательно оформилась в XIII в. в Андалусии («Зогар», или «Книга сияния»); основана на вере в то, что при помощи специальных ритуалов и молитв человек может активно вмешиваться в божественно-космический процесс.

538

…*Британского музея*… – См. т. 9 наст. изд., комментарий на с. 436.

539

…*вавилонских*… – См. т. 10 наст. изд., комментарий на с. 442.

…*в Фонтенбло*… – См. т. 6 наст. изд., комментарий на с. 430.

541

…*кварты*… – Кварта (англ. quart от лат. quarta – четверть) – единица объема, применяемая в США, Великобритании и других странах для измерения объема жидкости и сыпучих веществ. 1 английская имперская кварта – 1,1365 л.

542

…*с Альберта Великого.* – См. т. 8 наст. изд., комментарий на с. 362.

543

…в Латинском квартале. – Латинский квартал – студенческий квартал вокруг университета Сорбонна в Париже. Назван так от латинского языка, на котором ранее велось обучение в университете.

…*шевронами*… – См. т. 6 наст. изд., комментарий на с. 442.

545

…*Николя де ла Рейни*… – Шеф парижской полиции во времена Людовика XIV.

…*ортодоксальной*… – См. т. 4 наст. изд., комментарий на с. 401.

547

…во времена Фронды. – Фронда (фр. fronde; буквально – праща) – общественное движение в 1648—1653 гг. во Франции против абсолютизма, против правительства Дж. Мазарини (см. т. 11 наст. изд., комментарий на с. 395).

548

…*на Гревскую площадь*… – Гревская площадь – название до 1803 г. площади перед мэрией Парижа, где на протяжении нескольких веков проходили публичные смертные казни и стояли виселица и позорный столб.

549

…над Мари Мадлен д'Обре, маркизой де Бренвилье… – См. т. 1 наст. изд., комментарий на с. 393.

550

…*в Южном Кенсингтоне.* – См. т. 2 наст. изд., комментарий на с. 397.

551

…*Дербишире*… – Дербишир – графство в центральной части Англии.

552

…*ацетиленовый фонарь*… – Вошедший в обиход в конце XIX в. фонарь, работающий на газе – ацетилене; дает яркое пламя; используется особенно при работах в пещерах и т. п.

553

…автоматического письма. – См. т. 10 наст. изд., комментарий на с. 424.

…*Суссексом.* – См. т. 2 наст. изд., комментарий на с. 401.

555

…*бриаровую трубку.* – См. т. 3 наст. изд., комментарий на с. 436.

…жироскопический… – Жироскоп (гироскоп; от гр. gýros – круг – и skopéō – смотрю) – твердое тело, ось вращения которого свободна в пространстве, но при быстром вращении тела сохраняет свое направление неизменным, что позволяет применять жироскоп на судах для придания им устойчивости, а также для автоматического управления движением самолетов и т. д.

557

…*от Девайзиса*… – Девайзис – город на юго-западе Англии, в графстве Уилтшир (Вилтшир).

…*в Солсбери*… – См. т. 10 наст. изд., комментарий на с. 440.

559

…*в Реймсе*… – Реймс – город на северо-востоке Франции.…*в Реймсе*… – Реймс – город на северо-востоке Франции.

560

…«Гнома» или «Грина»… – «Гном» и «Грин» – названия самолетных двигателей, имевших широкое распространение в 1909—1914 гг.

561

…*Гарро*… – Ролан Гарро (1888—1918) – французский летчик, пионер воздухоплавания, в 1913 г. первым на самолете пересек Средиземное море.

562

…*в Лестершире*… – Лестершир – графство в центральной части Англии.

563

…*Эмсбери*… – Город в графстве Уилтшир, недалеко от Солсбери.

…*моноплана*… – Моноплан (фр. monoplan от гр. mónos – один – и planum – плоскость) – самолет, имеющий одно крыло, расположенное по обе стороны фюзеляжа.

565

…роторный… – Ротор (от лат. rotare – вращать) – вращающаяся часть машин.

…роторный… – Ротор (от лат. rotare – вращать) – вращающаяся часть машин.

567

…*альтиметр*… – Высотомер. От лат. altum – высота – и гр. métron – мера.

…*Бристолем*… – См. т. 4 наст. изд., комментарий на с. 406.

569

…*барографа*… – Барограф (от гр. bápos – тяжесть, вес – и gráphō – пишу) – самопишущий прибор для непрерывной записи показателей атмосферного давления.

570

…когда в 1862 году Глейшер и Коксуэлл поднялись на тридцать тысяч футов… – Джеймс Глейшер – метеоролог и воздухоплаватель; Генри Трейси Коксуэлл – профессиональный воздухоплаватель. Речь идет об их совместном полете на воздушном шаре на рекордную высоту.

571

…*мангеймовский*… – Мангейм – город на западе Германии, крупный индустриальный центр.

…*от Лутона*… – Лутон – город в центральной Англии, в графстве Бедфордшир.

573

…*Кентиш-Таун*… – Во времена А. Конан Дойла пригород на севере Лондона, сейчас – район города.

…в Сент-Олбансе… – Сент-Олбанс – город в графстве Хартфордшир, в 35,5 км севернее Лондона.

…*грум*… – См. т. 9 наст. изд., комментарий на с. 443.

…*двуколку*… – См. т. 1 наст. изд., комментарий на с. 377.

577

…*Трафальгарской площади.* – См. т. 10 наст. изд., комментарий к «колонна Нельсона» на с. 438.

…*Эджвер-роуд*… – См. т. 4 наст. изд., комментарий на с. 400.

…*Хэндона*… – См. т. 2 наст. изд., комментарий на с. 402.

…*пилона.* – См. т. 7 наст. изд., комментарий на с. 474.

581

…*при первых Георгах.* – См. т. 9 наст. изд., комментарий на с. 435.

– *По «Правилам Куинзберри»…* – «Правила Куинзберри» – свод правил профессионального бокса; составлен в 1867 г. и назван по имени автора маркиза Куинзберри.

583

…*апперкот*… – См. т. 4 наст. изд., комментарий на с. 407.

…*китового уса*… – См. т. 8 наст. изд., комментарий на с. 346.

585

…*из Мемфиса?* – См. т. 10 наст. изд., комментарий на с. 442.